

Огни Кузбасса

75
ЛЕТ

№ 4 / 2024

«Огням Кузбасса» – 75 лет!

3.1985 **ОГНИ**
Июль-Сентябрь **КУЗБАССА**

«Огни Кузбасса» № 3, 1985 год

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

И. Ф. Федорова,
г. Кемерово, заместитель
председателя Совета по
вопросам попечительства
в социальной
сфере Кемеровской
области – Кузбасса

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. Н. Крупин,
г. Москва, первый лауреат
Патриаршей
литературной
премии

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 4 / 2024

ИЮЛЬ – АВГУСТ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

И. о. главного
редактора
Д. В. МУРЗИН

Редколлегия:

Сергей ДОНБАЙ
Надежда ДУБРОВСКАЯ
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Андрей КОРОЛЕВ
Наталья МУРЗИНА
Юлия СЫЧЕВА
Елена ТРУХАН
Дмитрий ФИЛИППЕНКО
Марина ЧЕРТОГОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции: 650000,
Кемеровская область – Кузбасс,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

16+

Содержание

ЮБИЛЕЙ

Поздравления	3
Сергей Донбай. Момент разговора, или «Огни Кузбасса» горят в моём сердце! Интервью.	
Беседу вёл Юрий Татаренко	5
История выпуска журнала «Огни Кузбасса». Имена и даты. Подготовила Галина Карпова	9

ПРОЗА

Максим Замшев. Вольнодумцы. Главы из романа	13
Ольга Ерёмкина. Не страшимся! Роман - хроника. Продолжение	48
Владимир Иванов. Стали искать вместе. Рассказ	87
Наталья Шицкая. Лютый. Рассказ	93
Павел Концевой. Два рассказа	100
Марина Сычёва. Камень/море. Рассказ	116
Антонида Смолина. Два рассказа	124

ПОЭЗИЯ

Дмитрий Клёстов. Берёза не приемлет пустырей... ..	46
Виктор Кирюшин. Дорога к небу	84
Александр Сигида. Хлеб и Кровь	90
Дмитрий Филиппенко. Черный лед	97
Ганна Шевченко. Стихи о малой родине.	113
Оксана Рокова. Слушая сердцебиение дома	122

ЮБИЛЕЙНАЯ ПОЧТА

Ольга Хапилова, Владимир Коньков, Екатерина Краснова, Лариса Деменкова, Евгений Щедрин, Лидия Музыка, Павел Стародубов. Стихи	128
--	-----

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Ирина Прищепова. Исток Ангары – ворота Байкала	132
---	-----

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Николай Коновской, Светлана Выюгина. Вселенная Валентина Распутина	151
---	-----

И БОЛЬШИМ, И ДЕТАМ

Татьяна Маркинова. Блины. Рассказ	160
--	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анатолий Сазыкин. На всю оставшуюся жизнь	163
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин	170
---	-----

Русскому писателю Василию Макаровичу Шукшину – 95 лет

(1929–1974)

Владимир Высоцкий

Памяти Василия Шукшина

Ещё – ни холодов, ни льдин,
Земля тепла, красна калина,
А в землю лёг ещё один
На Новодевичьем мужчине.
Должно быть, он примет не знал,
Народец праздный суесловит,
Смерть тех из нас всех прежде ловит,
Кто понарошку умирал.
Коль так, Макарыч, – не спеши,
Спусти колки, ослабь зажимы,
Пересними, перепиши,
Переиграй – останься живым.
Но, в слёзы мужиков вгоняя,
Он пулю в животе понёс,
Припал к земле, как верный пёс...
А рядом куст калины рос –
Калина красная такая.
Смерть самых лучших намечает –
И дёргает по одному.
Такой наш брат ушёл во тьму!
Не буйствует и не скучает.
А был бы «Разин» в этот год...
Натура где? Онега? Нарочь?

Всё – печки-лавочки, Макарыч, –
Такой твой парень не живёт!
Ты белые стволы берёз
Ласкал в киношной гулкой рани,
Но успокоился всерьёз,
Решительней чем на экране.
Вот после временной заминки
Рок процедил через губу:
«Снять со скуластого табу –
За то что он видал в гробу
Все панихиды и поминки.
Того, с большой душою в теле
И с тяжким грузом на горбу,
Чтоб не испытывал судьбу,
Взять утром тёпленьким в постели!»
И после неперенной бани,
Чист перед Богом и тверёз,
Взял да и умер он всерьёз –
Решительней, чем на экране.
Гроб в грунт разрытый опуская
Средь новодевичьих берёз,
Мы выли, друга отпуская
В загул без времени и края...
А рядом куст сирени рос –
Сирень осенняя, нагая...

1974 г.

Журнал «Огни Кузбасса» – сын всей России! Когда я стал главным редактором журнала «Наш современник», я одним из первых заметил поэта из Кемерова Николая Колмогорова. Я был свидетелем, как вокруг тамошнего журнала «Огни Кузбасса» стала собираться талантливая молодёжь. Помню, ахнул, прочитав в нём стихи Любы Никоновой, Серёжи Донбая, Бори Бурмистрова. Не только угольную историю на страницах «Огней Кузбасса» поднимала молодёжь советской России, поднимала на всю свою высоту промышленность, культуру, литературу.

Иногда я чувствовал себя скорее работником «Огней Кузбасса», потому что и сам в своё время поработал в Сибири. Передо мной лежат два удостоверения: лауреата премии Кузбасса и медаль за особый вклад в развитие Кузбасса, вручённые мне губернатором Аманом Тулеевым. Великая Победа произошла не только благодаря ископаемым этого края, но и прежде всего – людям. Это центр России и центр культуры, отражённые и записанные русским журналом «Огни Кузбасса». Кузбасс – дар судьбы, он связан с именем Достоевского. Новый Кузбасс опирается на литературу и Церковь. Мудрая политика, молодая культура. Если бы я в свои 90 с лишним лет пришёл на 75-летний юбилей журнала, я бы приоделся и на пиджак повесил бы в первую очередь две награды Кузбасса.

Станислав Куняев,
главный редактор журнала «Наш современник»

Юбилейная дата подразумевает не просто поздравления, а разные напыщенные слова.

Для меня «Огни Кузбасса» с напыщенными словами не вяжутся. В первую очередь потому, что журнал всегда был своим, дружеским и семейным: типа – кот домашний средней пушистости. Он, как любой домашний кот, и сейчас со мной – несколько десятков номеров в произвольном порядке на книжной полке, достаточно руку протянуть.

Мои отношения с журналом завязывались на излете 80-х. Тогда он был в подростковом звании альманаха и сам набирался опыта. С годами отношения у нас становились крепче. Начиналось все с подборок стихов, потом пошла проза.

Журнал всегда проявлял великодушие к неопыт-

ному литератору, он был добр и снисходителен, иногда, как мне кажется, чрезмерно. Кое-что из того, что появлялось на его страницах, я бы сейчас искромсал вдоль и поперек, а кое от чего отказался.

Но всякая новая публикация придавала уверенности: значит то, что я пишу, вызывает интерес – и читательский, и профессиональный. Да, не все было гладко и у него, и у меня, однако мы с журналом, каждый по-своему, набирались опыта.

Время пошло на пользу и ему, и мне.

Сегодня он вполне состоявшийся, занявший видное место среди других периодических изданий, и опубликоваться в нем лестно для любого. Приходят новые авторы, молодые и не очень. Удача опубликоваться выпадает не всем – в редакции дорожат литературным качеством «Огней Кузбасса». Но тех, кому повезет, журнал берет на заметку и будет внимателен к ним, как был внимателен когда-то ко мне.

Семьдесят пять – возраст солидный, но, думаю, лучшие годы у журнала еще впереди.

Сергей Подгорнов,
член Союза писателей России, автор журнала

Итак, юбилей уважаемого мною и многочисленными читателями журнала «Огни Кузбасса». Когда же я с ним познакомилась? О, это было очень давно, в начале шестидесятых годов прошлого века, в мои студенческие годы. Комитет комсомола физико-математического факультета Кемеровского пединститута очень старался нас, студентов, просвещать. Постоянно распространялись билеты в кемеровские театры, организовывались встречи с интересными людьми. Однажды к нам пришел литературный сотрудник журнала «Огни Кузбасса» Валентин Махалов, поэт. Молодой, энергичный, эрудированный, он прекрасно читал свои стихи:

Погода сегодня совсем распоясалась,
Косматые тучи, как брови, сведя,
Она начинает по лужам отплясывать
На тонких тростинках косого дождя.

Читал и стихи других молодых кузбасских поэтов – Сергея Донбая, Евгения Буравлева и еще многих, многих.

Он так легко, органично рассказывал, что поэзия – нечто особенное в жизни человека, что без нее просто никуда. Этим он внес некоторую сумятицу в нашу физико-математическую братию.

И вдруг встает студент, организатор встречи, и говорит:

– Извините, но мы – физики, это мы – соль земли. А это всё лирика.

Время тогда было такое: молодёжь делилась на «физиков» и «лириков», которые постоянно конкурировали между собой за то, «кто более матери-

истории ценен». И парень привел пару-тройку аргументов, которые было нелегко опровергнуть:

– Кто запустил первый искусственный спутник Земли? Мы, физики. А первый полет человека в космос? Тогда весь мир просто вздрогнул! На орбите – молодой человек с рабочей родословной, аристократической фамилией (помните князей Гагариных?) и оптимистической улыбкой! Так пишет зарубежная пресса. Разве это не говорит в пользу физиков? А что лирика? «По улице Горького – что за походка! – красotka плывет, как под парусом лодка...» Что это?

Приглашенный поэт извинился и попросил разрешения высказать свое мнение, личное.

– Да, Сергей Королев, безусловно, гений космонавтики. Но любому человеку, даже самому увлеченному точными науками, для счастья нужно еще очень многое. И та самая «лирика», как вы говорите, тоже. Это Пушкин, Толстой, Чехов, это театр, музыка, живопись. Почему творчество Федора Достоевского так волнует? Почему его изучают везде, во всем мире? Как он постиг душу человека, русского человека? Значит, для души нужны не только формулы и законы Ньютона, а нечто большее. И среди «лириков», как вы их называете, тоже есть свои гении: тот же Достоевский, Чайковский, Репин, королева танца Галина Уланова.

Вспомнили и Ленина с его «Аппассионатой». Завязался оживленный спор, конец которому положила одна мудрая студентка, которая сказала:

– Перефразируя детский стишок, скажем так: «Люди разные нужны, люди всякие важны».

И получилось, что у нас не только состоялась встреча с интересным человеком, поэтом Валентином Махаловым, но и, благодаря ему, появился повод серьезно задуматься о жизни и о своем месте в ней.

Прошли годы, и споры «физиков» и «лириков» ушли в прошлое.

Но если судить сегодняшним днем, то я бы поспорила со своим коллегой, студентом-физиком из шестидесятых годов о том, как он неуважительно отозвался о Юлии Друниной и ее стихотворении. А ведь весь смысл стихотворения содержится в последнем двустишии:

Мы сами пижонками слыли когда-то,

А время пришло – уходили в солдаты!

Согласитесь, хотя автора давно нет с нами, ее строки звучат как никогда актуально. Сколько девушек сейчас вместе с мужчинами воюют на фронтах СВО!

Вот вам и ответ. Точка в споре молодых искателей смысла жизни. Точка, поставленная самой жизнью.

Прошло много лет, и вот 75-летний юбилей журнала «Огни Кузбасса». За это время многое изменилось. Если раньше Кузбасс называли краем угольным, шахтерским, то теперь он с полным правом может именоваться краем литературным. Кузбасс имеет приличный печатный орган, отвечающий на запросы времени. Я имею в виду сегодняшний день и, конечно, СВО. Столько материалов по этой важной теме. Это замечательные стихи Елены Заславской, Владислава Русанова, Андрея Расторгуева, отличная проза Дмитрия Филиппова и пьеса «Солнце над моим Донбассом» Валерия Боталова. И даже есть песня «Тыловая», которая прозвучала на всю Россию. Песня написана на стихи кемеровской поэтессы Натальи Мурзиной. И возникает вопрос: почему этот печатный орган не является ежемесячным? Помоему, время пришло, коллектив авторов значительный и серьезный, имеющий неплохой потенциал.

Хочется от души поздравить литературных сотрудников, авторов и, конечно, читателей журнала с юбилеем! 75 – это здорово! Но не надо останавливаться на достигнутом. Вперед – к 100-летию юбилею!

Нина Воронина

Сергей ДОНБАЙ

МОМЕНТ РАЗГОВОРА, ИЛИ «ОГНИ КУЗБАССА» ГОРЯТ В МОЁМ СЕРДЦЕ!

– В 1968 году в третьем номере литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Огни Кузбасса» в рубрике «Говорит молодость» было опубликовано стихотворение Сергея Донбая «Утренние стихи». Вам было тогда 25 лет. Редактором альманаха тогда был Владимир Мазаев, ответственным секретарем – Олег Павловский. Членами редколлегии были поэты Евгений Буравлев, Валентин Махалов. Кто рекомендовал к публикации Ваше стихотворение? Изменилась ли Ваша дальнейшая жизнь после первой публикации в альманахе, когда Вы оказались в компании таких поэтов, как Виктор Баянов, Анатолий Саулов, Геннадий Юров, Валерий Зубарев?

– Как давно это было, ведь этой незабываемой для меня давности – 56 лет. Для меня не устарело: «Когда из земли вырастает солнце / И вялые кошки идут по асфальту...»

Я тогда работал архитектором в проектно-институте. Золотое времечко! Увлечён был и неспроста, не случайно (отец – архитектор) – читал архитектурные журналы, восторгался великим французским зодчим Ле Корбюзье, его знаменитым Модулом, дружил с молодыми архитекторами Кемерова, Новокузнецка.

Но вместе с тем завязывалась, крепла моя дружба с молодыми поэтами Кузбасса. Мне и сейчас слышны их голоса:

«Шатаюсь я по Шарташу / Под шумными деревьями...» – Гена Кравцов,

«Мне автомат кивает мушкой, / Приковывая строгий взгляд...» – Коля Клишин,

«Я пока лишь ручей, / Убегающий к морю...» – Толя Саулов,

«Будто выбежали на улицу / Древнерусские терема...» – Женя Харламов о Мариинске,

«Легко ли в глубине души таить / Свои печали и свои повадки...» – Валя Пьянкова.

Так нас познакомила эта первая публикация в альманахе «Огни Кузбасса».

Поэт Валентин Махалов руководил тогда литературной студией в Кемерове. Там я узнал навсегда Сашу Ибрагимову, Колю Колмогорова. В. Махалов и помогал делать первые публикации. Остальных тогда я знал только издавека. И, конечно, узнавание через литстудию, альманах и «День поэзии», вышедший в Кемерове в 1970 году, нас всех перезнакомило и со старшим поколением.

В этом же году вышли пять первых книг под одной обложкой с общим названием «Утренняя дорога» (кассета) авторов Л. Гержидовича, С. Донбая, В. Зубарева, Г. Кравцова, Н. Пискаева. Эти книги, конечно, выделили нас и особенно сдружили меня с Валерой Зубаревым.

Когда я стал работать в альманахе, поначалу мне во многом помогал Олег Порфирьевич Павловский. Мы с ним сидели в одном кабинете, и его советы я мог получать постоянно. С идущим временем и со строгим главным редактором Владимиром Михайловичем Мазаевым нас связала судьба на всю жизнь.

– В 1981 году Сергей Донбай сам стал членом редколлегии альманаха «Огни Кузбасса». Редактором альманаха был Владимир Мазаев, ответственным секретарем – Владимир Матвеев. Членами редколлегии были поэты Виктор Баянов, Игорь Киселев, Валентин Махалов, Геннадий Юров, прозаики Владимир Куропатов, Зинаида Чигарева. Какую работу доверили в альманахе 39-летнему поэту, профессиональному архитектору?

– К этому времени я уже работал с 1976 года в альманахе «Огни Кузбасса» библиотекарем и литконсультантом. Каждую неделю ходил на обзор в библиотечку и отбирал книги для библиотеки Кемеровского областного Союза писателей СССР. Чи-

ДОНБАЙ Сергей Лаврентьевич родился 22 сентября 1942 года в городе Кемерово. Автор 14 книг стихотворений, вышедших в Кемерове, Москве, Красноярске. Публиковался в литературных журналах: «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Москва», «Всероссийский собор», «Сибирь», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Начало века», «Врата Сибири», «Алтай», «Барнаул», «Родная Ладога», «Бийский вестник», «Сибирячок», «Литературный меридиан», «Подъём», «Форум», «Роман-журнал XXI век», «Север», «Родная Кубань», «Юность», «Петровский мост», «Русское эхо». Лауреат литературных премий им. В.Д. Фёдорова, святого благоверного великого князя Александра Невского, «Белуха», Николая Клюева и др. Заслуженный работник культуры России, имеет Почётную грамоту Президента России. Секретарь и член приёмной Коллегии Союза писателей России, главный редактор журнала «Огни Кузбасса» с 2004 по 2024 гг. Живёт в Кемерове.

тал почту альманаха, писал отзывы и отправлял авторам, писал рецензии на произведения для отбора в альманах. Такая работа связывала меня с членами редколлегии: мы обсуждали поступившие стихи, рассказы и повести, публицистику. К этому времени я участвовал как руководитель в литературных семинарах. Главный редактор поддерживал меня, когда я критически оценивал материалы членов СП, хотя их было мало (не то, что сейчас), но они известные, они небожители. Поэтому, думаю, меня и утвердили членом редколлегии. Я, конечно, воспринял это с радостью и благодарностью. Понимал, что это поможет мне для поддержки моих друзей – молодых поэтов, прозаиков. Их становилось всё больше в области.

– В 1991 году редактор Владимир Мазаев доверил Вам работу ответственного секретаря альманаха «Литературный Кузбасс». В 49 лет Вы стали ответсекретарем альманаха. Чем он занимается, что от него зависит? Кстати, кому пришла идея переименовать издание Кемеровской организации Союза писателей РСФСР?

– В стране происходили глобальные перемены, и на их волне решили переименовать альманах. Уж точно переименование происходило при поддержке главного редактора. Помню, на обсуждении решался вопрос, как лучше назвать: «Кузбасс литературный» или «Литературный Кузбасс»? Дальнейшие события в СП Кузбасса показали, что новое название продержалось недолго. Как и название «Сталинский Кузбасс».

На вопрос «Чем занимается ответсекретарь?» ответ – всем, что касается журнала. От дружбы с санкт-петербургским журналом «Всерусский собор» (я там оказался по личным обстоятельствам), которая подсказала мне творческие связи с журналами других регионов России, до добывания бумаги для выпуска альманаха, погрузки, доставки и закатывания рулонов в Дом литераторов.

Все материалы в готовившийся номер нужно оценить, согласовать с редколлгией и подписать у главного редактора. Нужно оформить обложку, выбрать картины для вклейки. В общем, работа хлопотная, тяжёлая, неблагодарная, если не любишь. А я любил.

– В 2004 году в 61 год Вы стали главным редактором «Огней Кузбасса». При Вашем редакторстве альманах был переименован в журнал, с 2007 года из четырёхномерного превратился в шестиномерной подписной журнал Союза писателей России. Что удалось сделать за 20 лет редакторской деятельности?

– А разве этого мало?

Отстоять новый (теперешний) формат журнала. Сделать обложку журнала, запоминающийся образ, который бессменно держится два десятилетия.

Расширить географию авторов, не ущемляя при этом талантливых писателей Кузбасса.

Наши предшественники могли только мечтать о постоянном выходе альманаха четыре раза в год. А теперь это журнал, и выходит он шесть раз в год. Теперь «Огни Кузбасса» – один из известных толстых журналов в России.

В журнале, кроме страниц прозы и поэзии, стали постоянными рубрики: «Книга памяти», «Лики земляков», «Заповедная Сибирь», «Православные чтения», «Библиотечество», «Литературная студия», «Светлица», «Критика. Литературоведение», «Литературная жизнь».

Редакция при выходе каждый номер представляет в КЦИ (Кузбасском центре искусств) и на выставлениях писателей.

Журнал регулярно отмечает своих лауреатов года.

Журнал рассылается во все библиотеки, а также, что очень важно, в школьные библиотеки Кузбасса.

– Какие направления Вы планировали развить в журнале, но не успели? Что порекомендовали бы и посоветовали новому редактору журнала? Кого Вы считаете достойным должности главного редактора журнала «Огни Кузбасса»?

– В этом году журналу исполняется 75 лет. Я старался сделать журнал «Огни Кузбасса» регулярно гонорарным для авторов и членов редколлегии. Может, юбилейный год поспособствует этому.

Новому редактору желаю сохранить и не растерять достижения журнала. Всё это может сделать, на мой взгляд, Дмитрий Владимирович Мурзин.

– Когда и как Вы перешли с поэзией «на ты»?

– Когда мне удастся написать стихотворение как открытие для себя. Все остальное время – только «на Вы».

Ещё – как строчка из чьих-то стихов: «На Вы, на ты, На ты, на Вы – из той прогулки...» Передаёт волнение и влюблённость...

И ещё – когда получилась хорошая публикация нового автора в журнале «Огни Кузбасса».

Но скорее не «на ты», а лучше и не сказать: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!»

И когда взрослеющий человек начинает понимать значение выражения «с большой буквы».

Ведь «на Вы» – это, на мой взгляд, выше, чем «на ты».

– Ваши первые стихи были опубликованы 12 апреля 1961 года. О чем они были? Вряд ли они были о космосе... Удастся ли Вам что-то предугадывать в стихах?

– Действительно так и было. Я купил за копейку на вахте институтскую газету «Кадры стройкам» с моими стихами, прочитал, счастливый вышел из главного корпуса Сибстрин и увидел ликующую толпу студентов. У многих из них была в руках свер-

нутая в трубочку газета. Неужели мои стихи надела-ли такой ажиотаж?! Но через минуту узнал, что только что объявили о полете Юрия Гагарина. Я бы, скорее всего, не запомнил эту дату моей первой публикации (а стихи были такие: «Я скучаю отчаянно/ По маминому говору, по папиному молчанию...») Но позже понял, что теперь можно в любой энциклопедии мира ее уточнить по Дню космонавтики. Тогда космос уже поселился в нас, звездными ночами мы искали движущуюся звезду – это летел наш спутник. У меня стихи о космосе появились позже. И даже были напечатаны в московском альманахе «Поэзия».

ЗЕМЛЯНЕ

*Мы впервые увидели Землю издалека
Глазами Юрия Гагарина
И улыбнулись – голубая!*

*Мы впервые потрогали Луну руками
Нейла Армстронга и Эдвина Олдрина
И испугались почему-то...*

*И впервые поняли мы,
Как ничтожны наши обиды
По сравнению с Космосом,
Но еще не обнялись.*

У меня есть строчки: «...Наболит, накопится в груди, / Чтобы нам предсказывать стихами, / Что же там таится впереди?» Но мне дороже не предсказания, а те стихотворения, что были написаны когда-то раньше, подзабытые, которые становятся в другом времени востребованными, оживляют связь времен. Может быть, это самое точное попадание в поэзии, ее сила, ее живучесть.

– **Вы закончили НИСИ. Соотносите ли свои стихи с творчеством Андрея Вознесенского, еще одного дипломированного архитектора?**

– Новосибирский инженерно-строительный институт, или Сибстрин, как его называют в Новосибирске, я не закончил, учился не на архитектурном факультете, где, к слову, у меня было много друзей, а на строительном. Не после пожара (у Вознесенского есть стихи о пожаре в архитектурном институте), а сам ушел и никогда об этом не жалел. Пошел работать по стопам отца-архитектора в проектный институт. Оттуда ушел в альманах «Огни Кузбасса».

Был увлечен стихами Андрея Вознесенского, постепенно это прошло, помню его некоторые стихи и строчки. Свои стихи с его творчеством не связываю. Вознесенский – схитротворец.

– **Что Вы можете сказать на тему «Прочитанные книги как подарки судьбы»?**

– По отношению к нашему веку – это уже точно опасные подарки судьбы. Надо ли читать книги, ис-

кажающие историю твоего народа? Военная операция на Украине отвечает на этот вопрос. Надо ли читать книги, написанные графоманами? Понижение читательского вкуса отражается на всей культуре общества, такие читатели не смогут понимать наших классиков, а это тоже наша история. Могут ли стать подарками судьбы книги, воспевающие, объясняющие и воспитывающие однополую любовь, которые перебрались в школьные учебники младших и старших классов? Коммунисты на ранней стадии своей власти заикались о свободной любви, но отказались выпускать книги на эту тему. Ну а «подарочки» гей-парадов и других «свобод» сравнимы с сожжением на кострах книг, которыми зачитывались наши предки. Пусть этот «борщевик» демократично засоряет умы и улицы западного мира. А мы будем читать одобренные временем и народом книги классиков и современных писателей, произведения которых прошли испытание публикацией в наших литературных журналах, стали книгами и, может быть, станут действительными подарками судьбы.

*Беду не просмотрит Немига,
Пока нам нужна
На русском престоле Князь-Книга
И Книжка-Княжна.*

– **Есть ли отличительные черты у сибирской поэзии (на примере стихов С. Самойленко, Д. Мурзина, Е. Безруковой и др.)?**

– Чтобы прямо сказать, мол, сразу видно, сибирский поэт – не могу. Размыты поэтические границы у современных поэтов. Словесные просторы, достигнутые русской поэзией в XX и XXI веках, а также легкое преодоление и узнавание географических просторов у современных поэтов делает их не различимыми по этим признакам. И все-таки одного поэта я назову – Виктор Коврижных. Он жил в старинном сибирском селе Бачаты Кемеровской области. Его стихи современны, по сибирскому свободны и народны. По сути, эти черты и есть для меня патриотизм.

– **Как, по Вашему мнению, проявляется в отечественной литературе противостояние традиции и авангарда?**

– Традиция побеждает авангард, но и обогащается им. Разнообразнее стала рифма, и традиции предстоит выбрать допуски в ней. Некоторые поэты пишут без знаков препинания. Может быть, и это иногда станет допустимо, пригодится. А как отстаивают некоторые «новаторы» матерщину – но уберечь ее, и ничего не остается от такого стихотворца. Соленое словцо, мне кажется, более уместно в прозе. Но как-то без него обходились в своей прозе наши классики? Хотя в жизни грешили этим (не были классиками в жизни...)

– Кого Вы считаете своим учителем – в поэзии и в жизни?

– В поэзии моими учителями в молодости и далее всегда были мои друзья поэты. Их поиски были и моими поисками, их признание придавало мне уверенность в своих стихах. Ну и, конечно, русские, советские поэты, в которых я влюблялся – иногда ненадолго, иногда навсегда. Это был мой Царско-сельский лицей.

Учителями в жизни были два литературных журнала: «Новый мир» и «Наш современник» – и их главные редакторы: Александр Трифонович Твардовский и Станислав Юрьевич Куняев.

*Не тот, кто до кучи причислил
И в ученики записал,
А тот, кого словом Учитель
Безжалостно сам я назвал.*

С Твардовским я не был знаком, с ним был знаком мой отец, архитектор Лаврентий Иванович Донбай. Он познакомился с известным поэтом в Доме творчества архитекторов под Москвой, играл с ним в шахматы, слушал в первом чтении из уст поэта поэму «За далью – даль». Об этом знакомстве Твардовский написал в своих дневниках, опубликованных в «Знамени».

С Куняевым я познакомился после первых публикаций моих стихов в «Нашем современнике». Станислав Юрьевич написал предисловие к моей книге «Посредине России». А в прошлом году у меня вышла книга «Четверть века», в которую вошли все мои стихи, опубликованные в «НС» за 25 лет.

– Что лежит в основе писательской дружбы?

– Независимость. Непрошение предательства. Есть у меня такое выражение: «Уважайте момент разговора». Это значит, просто хорошее стихотворение друга можно в момент разговора назвать гениальным, но друг понимает – это только момент разговора...

– Как Вам кажется с точки зрения архитектора, какого памятника недостает городу Кемерово?

– В Кемерове есть замечательные памятники. Первооткрывателю кузбасского угля Михайле Волкову (скульптор Г. Баранов, Кемерово) –

*В больших руках мужик бывалый
Сжал каменный огонь земной!*

Поэту Александру Пушкину (скульптор М. Манизер, Москва) –

*Казалось бы, откуда Пушкин?
А он повсюду наш земляк!*

Памятник шахтёру с угольком, горящим в груди (скульптор Э. Неизвестный, Америка).

И другие. А хорошо бы поставить памятник известному гражданину города от благодарных кемеровчан. К примеру, знаменитому хирургу –

*Здесь Подгорбунский легендарный
Лечил, не должностью велик, –
Больные были б благодарны
И благодарен ученик.*

– Понятно, что как редактор и наставник Вы были и остаетесь открыты миру. А вот поэт Сергей Донбай – интроверт или экстраверт?

– Со временем работа в журнале и мои стихи стали дополнять друг друга. Я пишу немного, и в то время, когда не пишется, журнал выручает, не дает комплексовать в этот момент. И то и другое занятия поглощают меня полностью. Конечно, журнал меня кормит, но были времена, когда я не получал зарплату – и все равно не уходил из него, чтобы сохранить «Огни Кузбасса». Так что с этими иностранными словами у меня, говоря по-русски, серединка на половинку.

*Ну, что же, оставим тщету.
И жизни – какая уж есть! –
Подставим другую щеку,
Чтоб полный порядок навЕсть.*

*Руки не жалея дерись!
Пусть сыплются искры во тьме!
На то ты любимая, жизнь, –
Срывай неудачи на мне!*

*Любую другую назначь,
Пусть быют они даже ключом –
Я был и остался рифмач,
Что взять-то: рифмач рифмачом...*

Беседовал Юрий Татаренко

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА». ИМЕНА И ДАТЫ

Выпуски журнала

В 1949 году в Кемерове вышел первый номер литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Сталинский Кузбасс», переименованного в 1955 году в «Огни Кузбасса».

«Сталинский Кузбасс»: № 1 (1949); № 2 (1949); № 3 (1951); № 4 (1952); № 5 (1952); № 6 (1953); № 7 (1954).

«Огни Кузбасса»: № 8 (1955); № 9 (1956); № 10 (1958); № 11 (1958); № 12 (1959), № 13 (1960), № 14 (1961), № 15 (1963), № 16 (1965), № 17 (1966), № 1/18 (1967), № 2/19 (1967).

В 1950, 1957, 1962, 1964, 1994 годах альманах не выходил.

В 1967 году вышло 2 номера (номер порядковый 18 и 19).

В 1968 г. вышло 3 номера. В первом номере есть указание, что 20-й, далее сквозная нумерация отсутствует (22 номера с 1949 по 1968 гг.).

С 1969 года по 1988-й выходит по 4 номера в год. С 1949-го по 1988 год вышло 98 номеров альманаха.

В 1989 году альманах «Огни Кузбасса» был переименован в **«Литературный Кузбасс»** и выходил под этим названием до 1993 года.

В 1995 году прежнее название «Огни Кузбасса» альманаху вернули.

В связи с существованием двух Кемеровских отделений в Союзе писателей России, которые возглавляли Б. В. Бурмистров и В. Ф. Зубарев, с 1995-го по 2004 год одновременно выходило два издания: альманах «Огни Кузбасса» и альманах (с 1993 года журнал) художественной литературы «Литературный Кузбасс».

«Литературный Кузбасс» с 1989 года.

Первый номер идёт № 1 (103) и 41-й год издания. С 1989-го по 1992-й по 4 номера, то есть ещё плюс 16. Всего 115, в журнале 1992 № 3–4 (117–118). 1993 № 1 (120). 1995 № 1 (120), 1996 № 1–2 (121–122). 1997–1998 № 1–2 (123–124). 1999 № 1–2 (125–126). 2000–2001 № 1–4 (127–130). 2002–03 и 2003–04 (133).

С 1995 года альманах «Огни Кузбасса» выпускается без сквозной нумерации.

1995 № 1–2 1996 № 1–2; 1997 № 1–2; 1998 № 1–2; 1999 № 1–2;

2000 № 1, № 2; 2001 № 1, № 2; 2002 № 1, № 2; 2003. № 1–2, № 3–4.

2004 № 1, 2, № 3–4. Альманах переименован в журнал **«Огни Кузбасса»**.

2005 и 2006 годы – вышло по 4 номера журнала.

С 2007 года выходит по 6 номеров журнала «Огни Кузбасса».

Альманах «Огни Кузбасса» с 2004 года приобрёл статус журнала, с 2007 года стал подписным, с выходом шести номеров в год, и главным литературным журналом, издаваемым в Кемеровской области, с 2010 года приобрёл статус журнала писателей России.

В годы своего 60- и 65-летия журнал **«Огни Кузбасса» был отмечен литературными премиями:**

– Всероссийская литературная премия «Белуха» им. Георгия Дмитриевича Гребенщикова в номинации «Лучший журнал, издающийся на русском языке и посвящённый российской истории, литературе, культуре, искусству, современной жизни, делам и людям» (Бийск, 25 июля 2009 года);

– Кузбасская литературная премия имени святителя Павла Тобольского (Кузбасская митрополия, Кемерово, 9 декабря 2014 года).

Редакторы альманаха / журнала «Огни Кузбасса» / «Литературный Кузбасс»

1. Бабаянц Арсен Арсенович, редактор областной газеты «Кузбасс», первый редактор альманаха «Сталинский Кузбасс» (1949–1952).

2. Мазюков Андрей Семёнович, выпускник Кемеровского пединститута, член Союза журналистов СССР, зав. отделом редакции газеты «Кузбасс», директор Кемеровского книжного издательства и редактор альманаха «Сталинский Кузбасс» (1952–1954).

3. Молостнов Геннадий Модестович, фронтовик, поэт, прозаик, член Союза писателей СССР с 1956 года, автор одной книги стихов и восьми книг прозы, изданных в Кемерове, Москве, Красноярске, редактор альманаха «Огни Кузбасса» (1955–1956).

4. Кыков Анатолий Иванович, фронтовик, редактор альманаха «Огни Кузбасса» (1958), в 1960-е годы работал директором Кемеровского книжного издательства.

5. Волошин Александр Никитич, фронтовик, прозаик, член Союза писателей СССР с 1950 года, лауреат Сталинской премии за роман «Земля Кузнецкая» (1950), автор двадцати двух книг прозы, изданных в Москве, Новоси-

бирске, Кемерове, а также за рубежом, автор двух пьес, редактор альманаха «Огни Кузбасса» (1959–1961).

6. Буравлёв Евгений Сергеевич, фронтовик, поэт, прозаик, выпускник Литературного института им. А. М. Горького, член Союза писателей СССР с 1961 года, создатель и первый руководитель Кемеровской областной писательской организации Союза писателей РСФСР. Автор девяти поэтических книг и пяти книг прозы, изданных в Кемерове, Москве, Новосибирске, автор двух пьес, редактор альманаха «Огни Кузбасса» (1962–1967).

7. Мазаев Владимир Михайлович, журналист областных газет «Комсомолец Кузбасса» и «Кузбасс», член Союза писателей СССР с 1966 года, ответственный секретарь альманаха «Огни Кузбасса» за 1963 год, редактор альманаха «Огни Кузбасса» (1968–1985), главный редактор альманаха/журнала художественной литературы и публицистики «Литературный Кузбасс» (1989–1993). Автор более двадцати книг прозы, изданных в Кемерове и Москве, лауреат литературной премии им. А. Н. Волошина, лауреат премии Кузбасса.

8. Юров Геннадий Евлампиевич, поэт, журналист, публицист, член Союза писателей СССР с 1976 года, автор двенадцати поэтических книг и шести книг прозы, основатель и руководитель литературной студии «Притомье», автор текста гимна Кузбасса, редактор альманаха «Огни Кузбасса» (1995–1997), редактор четырнадцати выпусков литературно-краеведческого альманаха «Красная горка» (2001–2013).

9. Чигарёва Зинаида Александровна, прозаик, драматург, журналист, член Союза писателей СССР с 1966 года, автор восьми книг повестей и рассказов, автор пьесы «Шахтёрская поэма», главный редактор Кемеровского книжного издательства (1968–1980), редактор-составитель альманаха «Литературный Кузбасс» (1995–1996).

10. Куропатов Владимир Фёдорович, прозаик, журналист, член Союза писателей СССР с 1979 года, автор тринадцати книг прозы, изданных в Кемерове и Москве, ответственный секретарь альманаха «Огни Кузбасса» (1979–1980), главный редактор журнала «Литературный Кузбасс» (1997–2004).

11. Махалов Валентин Васильевич, журналист, поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей СССР с 1975 года, автор трёх десятков книг поэзии и прозы. Руководитель литературной группы КТОМ (Кемеровское творческое объединение молодёжи) и литературной студии «Притомье». Лауреат литературной пре-

мии им. В. Д. Фёдорова, ответственный секретарь альманаха «Огни Кузбасса» /«Литературный Кузбасс» (1977–1978, 1988–1990), редактор альманаха «Огни Кузбасса» (1998).

12. Баянов Виктор Михайлович, поэт, выпускник Высших литературных курсов при Литературном институте им. А. М. Горького, член Союза писателей СССР с 1965 года, автор десяти поэтических сборников, изданных в Кемерове и Москве, редактор альманаха «Огни Кузбасса» (1986–1988, 1999–2003).

13. Донбай Сергей Лаврентьевич, поэт, член Союза писателей России с 1992 года. Член редколлегии альманаха «Огни Кузбасса» (1981–1988). Член редколлегии альманаха «Литературный Кузбасс» (1989–1993). Ответственный секретарь альманаха «Огни Кузбасса» (1995–1997; 1999–2003). Главный редактор журнала «Огни Кузбасса» с 2004 года по 2024 год.

Ответственные секретари альманаха / журнала «Огни Кузбасса»

Бекшанский Павел Иосифович, член Союза журналистов СССР, сотрудник областной газеты «Кузбасс», фельетонист, ответственный секретарь альманаха «Огни Кузбасса» (1959–1960), в 1963 году – заместитель редактора альманаха.

Павловский Олег Порфирьевич, фронтовик, прозаик, киносценарист, член Союза писателей СССР с 1970 года, автор девятнадцати книг прозы, изданных в Кемерове, Москве и Калининграде, ответственный секретарь альманаха «Огни Кузбасса» (1965–1977).

Матвеев Владимир Фёдорович, поэт-сатирик, детский писатель, член Союза писателей СССР с 1981 года, автор двадцати трёх поэтических книг, ответственный секретарь альманаха «Огни Кузбасса» (1980 № 4 – 1981 № 1, 2, 3).

Махалов Валентин Васильевич, журналист, поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей СССР с 1975 года, ответственный секретарь альманаха «Огни Кузбасса» /«Литературный Кузбасс» (1977 № 3, 4 – 1978; 1988 № 2, 3, 4 – 1991 № 1).

Зубарев Валерий Фёдорович, поэт, член Союза писателей СССР с 1977 года, автор шести поэтических сборников, сопредседатель Союза писателей Кузбасса (1987–2003), ответственный секретарь альманаха «Огни Кузбасса» (1981 № 4 – 1988 № 1).

Донбай Сергей Лаврентьевич, поэт, член Союза писателей России с 1992 года. Член редколлегии альманаха «Огни Кузбасса» (1981–1988). Член редколлегии альманаха «Литера-

турный Кузбасс» (1989–1993). Ответственный секретарь альманаха «Литературный Кузбасс» (1991 № 2, 3, 4 – 1992). Ответственный секретарь альманаха «Огни Кузбасса» (1995–1997; 1999–2003).

Катков Александр Иванович, ответственный секретарь альманаха «Огни Кузбасса» (1998 № 1–2).

Козлов Валерий Петрович, поэт, член Союза писателей России с 1998 года, автор пяти поэтических сборников, ответственный секретарь журнала «Огни Кузбасса» (2004–2008 № 1).

Мурзин Дмитрий Владимирович, поэт, член Союза писателей России с 2006 года, выпускник матфака КемГУ и Литературного института имени А. М. Горького (творческая мастерская Игоря Волгина), автор восьми поэтических книг, изданных в Кемерово и Москве; лауреат национальной литературной премии «Поэт года» (2015), руководитель литературной студии «Притомье» с 2006 года, член редколлегии журнала «Огни Кузбасса» с 2006 года и ответственный секретарь с 2008 года № 2 по настоящее время.

Год приема в члены Союза писателей СССР

1950 Александр Волошин, 1956 Геннадий Молоствов;

1961 Евгений Буравлев, 1962 Михаил Небогатов, 1963 Виталий Рехлов, 1963 Владимир Измайлов, 1964 Владимир Ворошилов, Анатолий Соболев, 1965 Виктор Баянов, 1965 Анатолий Срывцев, 1966 Владимир Мазаев, 1966 Зинаида Чигарева, 1967 Гарий Немченко, 1968 Геннадий Емельянов, 1969 Виктор Чугунов;

1970 Игорь Киселев, 1970 Олег Павловский, 1975 Валентин Махалов, 1975 Михаил Борисов, 1976 Геннадий Юров, 1977 Владимир Власов, 1977 Валерий Зубарев, 1979 Владимир Куропатов;

1981 Павел Майский, 1981 Владимир Матвеев, 1982 Виль Рудин, 1983 Владимир Коньков, 1983 Владимир Иванов, 1984 Петр Ворошилов, 1984 Николай Колмогоров, 1984 Иван Полунин, 1985 Любовь Никонова, 1985 Екатерина Дубро, 1985 Анатолий Ябров, 1987 Олег Максимов, 1987 Геннадий Естамонов, 1988 Любовь Скорик, 1989 Леонид Гержидович;

1991 Иосиф Куралов.

Год приема в члены Союза писателей России

1992 Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Александр Катков;

1993 Виталий Креков, Эдуард Гольцман, Анатолий Козлов, Анатолий Кругляков;

1994 Владимир Ширияев, Семен Печеник;

1995 Александр Раевский, Юлия Лавряшина, Валерий Ковшов, Владимир Переводчиков;

1996 Александр Голунчиков, Сергей Ковякин, Владимир Мамаев, Любовь Чульжанова, Николай Николаевский;

1997 Любовь Арбачакова, Николай Ничик, Геннадий Косточаков, Мэри Кушникова, Светлана Куралова, Сергей Самойленко, Евгений Левшов;

1998 Александр Ибрагимов, Владимир Шумилов, Виктор Бокин, Валерий Козлов, Вячеслав Лопушной, Владимир Угрюмов;

1999 Тайана Тудегешева, Виктор Коврижных, Галина Золотаина, Валерий Баранов;

2000 Тамара Рубцова, Зоя Естамонова, Андрей Правда, Владимир Соколов, Александр Курицын;

2001 Сергей Побокин, Надежда Усольцева, Анатолий Иленко, Тамара Страхова

2002 Виктор Арнаут, Владимир Каганов, Алексей Бельмасов, Вячеслав Тогулев;

2003 Сергей Подгорнов, Сергей Павлов, Людмила Чидилян, Василий Попок, Анна Дронова, Константин Акатнов;

2004 Анна Назаренко, Александр Брюховецкий, Василий Феданов;

2005 Геннадий Шемелин, Михаил Гоголев;

2006 Дмитрий Мурзин, Людмила Яковлева, Сергей Дьяков, Игорь Петров, Ирина Фролова;

2007 Дмитрий Клестов, Татьяна Николаева, Ирина Малкова, Наталья Поляченкова;

2008 Наталья Мурзина, Ольга Белоусова, Марина Брюзгина, Татьяна Ильдимирова, Татьяна Колач, Дмитрий Хоботнев;

2009 Вера Лаврина, Александр Ярошук, Станислав Долгов, Сергей Стрельников, Тамара Черемнова;

2010 Михаил Анохин, Владимир Неуныва-хин, Татьяна Яковлева, Александр Хохлов, Владимир Еременко, Валентина Минькова;

2011 Михаил Анохин, Наталья Сенн, Галина Бондаренко;

2012 Нина Глушкова, Анастасия Русских (Куприк);

2013 Ирина Тюнина, Юлия Сливина;

2014 Андрей Пятак, Валерий Берсенов, Алексей Петров, Валерий Плющев;

2015 Виктор Коняев, Юрий Михайлов, Нина Сурова, Михаил Кривошеин, Юрий Тотыш, Светлана Уланова;

2016 Дмитрий Филиппенко, Агата Рыжова, Виктор Бровиков;

2017 Николай Башев;

2018 Ольга Хапилова, Сергей Адодин;

2019 Елена Трухан, Юрий Дубатов, Екате-

рина Тюшина, Юлия Сычева, Ольга Комарова, Юрий Матвеев;

2020 Татьяна Юдина, Валерий Дмитриев;

2021 Виктор Киселев, Ирина Надирова, Константин Стафиевский;

2022 Сергей Чернопяттов, Надежда Дубровская, Евгений Чириков, Ольга Солодовникова;

2023 Алексей Поселенов, Екатерина Краснова, Татьяна Катрич, Яна Орехова, Оксана Роква, Александра Коржова, Василий Гуляев;

2024 Виталий Дорофеев, Александр Коваленко, Алексей Бурко, Александр Савченко.

Выпускники Литературного института им. А. М. Горького

В. Фёдоров (окончил в 1950 г.), Е. Буравлёв (окончил в 1961 г.), Виктор Чугунов (окончил в 1970 г.), П. Майский (окончил в 1974 г.), В. Коньков (окончил в 1975 г.), О. Максимов (окончил в 1990 г.), Д. Мурзин (окончил в 2003 г.). Окончили в 1969 году, но не стали членами Союза писателей: Виктор Чурилов (член Союза журналистов СССР с 1972 года, прозаик, публицист, поэт), Петр Шмаков (журналист, прозаик).

Выпускники Высших литературных курсов при Литинституте (двухгодичные)

А. Соболев (1965–1967), В. Баянов (1967–1969), Н. Колмогоров (1985–1987), С. Куралова (1999–2001), Т. Тудегешева (2002–2004).

Год первой публикации в журнале «Огни Кузбасса»

1949 год – Александр Волошин, Геннадий Молостнов, Михаил Небогатов;

1955 год – Софрон Тотыш;

1958 год – Виталий Рехлов;

1959 год – Евгений Буравлев, Валентин Махалов, Геннадий Юров;

1960 год – Виктор Баянов, Геннадий Емельянов, Гарий Немченко, Виль Рудин;

1961 год – Игорь Киселев, Владимир Мазеев, Зинаида Чигарева, Владимир Матвеев;

1963 год – Олег Павловский;

1965 год – Александр Ибрагимов;

1966 год – Анатолий Ябров;

1967 год – Леонид Гержидович, Виктор Чугунов, Александр Береснев, Анатолий Саулов;

1968 год – Сергей Донбай, Валерий Зубарев;

1969 год – Николай Колмогоров, Эдуард Гольцман;

1971 год – Екатерина Дубро, Виталий Креков, Олег Максимов;

1972 год – Любовь Никонова, Владимир Потапов;

1974 год – Владимир Иванов, Галина Золотаина, Тамара Рубцова, Владимир Куропатов;

1975 год – Людмила Яковлева;

1976 год – Александр Раевский;

1977 год – Иосиф Куралов, Владимир Коньков;

1978 год – Александр Катков, Любовь Скорик;

1979 год – Геннадий Естамонов;

1982 год – Владимир Соколов;

1984 год – Владимир Ширяев;

1985 год – Виктор Коврижных;

1986 год – Борис Бурмистров;

1989 год – Юлия Лавряшина;

1995 год – Дмитрий Мурзин;

1997 год – Вера Лаврина;

2000 год – Сергей Подгорнов, Сергей Павлов, Виктор Арнаут, Людмила Чидилян;

2004 год – Татьяна Ильдиминова;

2005 год – Андрей Правда, Наталья Мурзина, Ирина Фролова, Дмитрий Хоботнев;

2006 год – Ирина Тюнина, Сергей Адодин.

Первая книга издана, когда автору было:

23 года Любовь Никонова «Скрипичный ключ» (Кемерово, 1974)

24 года Анатолий Саулов «Белые ливни» (Новосибирск, 1966)

25 лет Владимир Чивилихин «Живая сила» (Москва, 1957)

25 лет Николай Колмогоров «На земле светло» (Кемерово, 1977)

25 лет Дмитрий Мурзин «Белое тело стиха» (Кемерово, 1996)

26 лет Екатерина Дубро «Вернусь звездопадом» (Кемерово, 1973)

26 лет Татьяна Ильдиминова «Солнце» (Кемерово, 2007)

27 лет Валентин Махалов «Сердце ищет песню» (Кемерово, 1960)

27 лет Геннадий Юров «Синий факел» (Кемерово, 1964)

27 лет Валерий Зубарев «Говорил со мною ветер» (Кем., 1970)

28 лет Владимир Чугунов «Горячий камень» (Новосиб., 1939)

28 лет Сергей Донбай «Утренняя дорога» (Кемерово, 1970)

29 лет Василий Федоров «Лирическая трилогия» (Новосиб., 1947)

В. Баянов, А. Ибрагимов, Г. Золотаина, Ю. Лавряшина,

Д. Хоботнев, Д. Филиппенко.

Подготовила Галина Карпова
г. Кемерово

**Максим
ЗАМШЕВ**

ВОЛЬНОДУМЦЫ

Главы из романа*

ФЕВРАЛЬ 2019 ГОДА

День был полон вязкого снега и внезапного горя. И вот теперь, в этом неприятно покачивающемся купе, он совсем растерялся. Молил Господа, чтобы всё кончилось хорошо.

Слепая, бессмысленная мольба.

Подобно многим русским мальчикам, он рано начал негодовать от бездействия Бога. Если Он есть и Он всемогущ, почему чудесные люди страдают, а мерзавцам выпадают длинные, сытые и весёлые судьбы? Как Он это допускает?

Но сейчас просить о пощаде некого.

Такое не часто случается, но купе с ним никто не делил. Нераспакованные комплекты белья в целлофановом смирении лежали на двух верхних полках и на соседней нижней.

Он выключил весь свет. Надеялся, темнота подействует успокаивающе. На грязноватом окне – трогательные, почти декоративные шторы. Вдали, сквозь толстое стекло, поблёскивали огни фонарей. Что они освещали? Многокилометровые автобаны с белой разметкой, где автомобили подчёркивают всеобщее отчуждение; крошечные посёлки с сиротскими избами, в которых ставни годами заколочены, а на стенах тут и там

13

приклеены много раз уже вымокшие объявления о продаже; бензозаправки с невкусным кофе и чёрствой выпечкой, стаи собак, рыскающих в поисках пищи, или что-нибудь ещё, диковинное и невиданное, чего себе не представишь?

Мимо стремительно проносились невесёлые полустанки с пустыми перронами. Ему не прочесть их названия на такой скорости, но где-то на картах, в расписаниях, в паспортах местных жителей они значились.

В дверь с дежурной настойчивостью постучали. Он нехотя встал с жёсткой неудобной полки, отодвинул дверную панель. Проводница принялась выпрашивать, не желает ли он чаю или купить сувениры. Голос звучал так, словно внутри у неё ожил портативный магнитофон. Он попросил принести один стакан чая с лимоном. От сувениров отказался.

Горькие мысли о болезни сестры, о её тяжкой участи сменялись беспокойством за любимую девушку, которая, слава Господу, здорова, но то, что он недавно узнал о ней, крепко расстраивало. Надо же ей заниматься такой чудовищно опасной чепухой! Да и он ещё, старый дурак, потакает ей.

Двойная тревога. Двойная боль.

Всё страшно, всё серьёзно, всё, скорее всего, кончится плохо. И он не в состоянии противо-

* Журнальный вариант

ЗАМШЕВ Максим Адольфович родился в Москве в 1972 году. Российский поэт и прозаик, публицист, переводчик с румынского и сербского языков. Председатель Правления Московской городской организации Союза писателей России, член Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Чеченской Республики. Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Главный редактор «Литературной газеты». Живёт в Москве.

стоять этому. Он утратил что-то. Он совсем к этому не готов, сейчас это ясно. Боже! Верни! Ты так часто забирал!

Когда-то у него были и брат, и сестра.

Но Веня попал под электричку. Давным-давно он живёт без старшего брата. Только сестра. После смерти родителей единственный родной человек. И она – в беде.

Он плохо помнил своё детство, слишком ровным и счастливым оно выдалось. От него сперва, разумеется, как от маленького ребёнка, гибель брата утаивали. Потом отец ему открыл правду, убедив, видимо, себя, что благостный обман больше ни к чему. После этого день за днём, год за годом боль избивали тем, что не будили её. Он привык, что смерть Вениамина просто факт, ни с чем не связанный и ни на что не влияющий. О ней никогда никто не напоминал.

С каждым часом, проведённым им в этом купе, духота нарастала. Воздух, теряя кислород, набирался тягостной силы, наваливался на него всей своей плотностью, душил, сковывал грудь. Он дышал как можно глубже.

В детстве он иногда задыхался ни с того ни с сего. Почему это происходило – он не помнил, но повторения той паники боялся по сей день. Сейчас потребовалось немало усилий, чтобы дыхание хоть как-то восстановилось. Тень того старого ужаса едва не воскресла.

Колёса между тем застучали яростнее, будто у них кончались силы и надо было дотянуть до ближайшей станции во что бы то ни стало. Внутри поезда что-то заскрежетало, купе резко качнулось, и комплект белья, шурша целлофаном, свалился с полки на пол.

Сегодня, несколькими часами ранее, сестра, как он её ни отговаривал, поехала с ним на вокзал и оставалась на скользком, заваленном окурками перроне до самого отправления поезда. Потом, когда он зашёл в вагон, отыскивала окно его купе и смотрела через стекло со спокойной ясной любовью. Как всегда. Во взгляде – ничего необычного. Будто всё как надо. Энергично и почти дежурно помахала ему на прощание. Так машут, когда расстаются на короткое время.

Ему не нравилась Самара. Он жалел, что Вера вышла замуж за самарца и поселилась в этом волжском разлапистом, вытянутом, но в то же время тщетно стремящемся к вертикальности

городе. Он с трудом принимал, что его сестра, очевидно, счастлива в Самаре, сжилась с городом, прикипела к нему. «Почти ничего московского в ней не осталось», – иногда расстраивался он. Сама Вера, кстати, этого не поддерживала. Настаивала, что оба города для неё важны. Но жила тем не менее в одном. Хорошо, что не в Нью-Йорк подалась. До Самары меньше двух часов лёта. Хотя вряд ли на планете Земля существовало расстояние, способное ослабить их кровную молчаливую связь.

Иногда завидовал ей: он до самой смерти родителей жил с ними, и это во многом сдерживало его, разжигало, мешало нащупать своё, то, что нужно только ему. А когда они исчезли из мира этого, перейдя в мир иной, оказалось, что ему поздно начинать то, чего он ещё не начал. Семья, дети, устройство быта, социальный рост – ему, на тот момент уже давно разменявшему пятый десяток, всего этого толком не успеть. Прежде его отношения с женщинами не приводили к чему-то серьёзному из-за распространяемой на него оберегающей и в то же время подавляющей воли отца и всегда согласной с ним матери. Это не позволяло ни одной претендентке вылепить из него главного мужчину своей жизни.

Конечно, полюби он сам навзрыд, безвозвратно, то ничего бы не помешало этому чувству. Но он, человек начитанный и тонкий, такую любовь боязливо полагал реальной лишь в книгах.

После того как вышла замуж, сестра сразу, без обсуждений, уехала из родного дома и родного города, но отношения с братом и родителями сохранила теплейшими. Часто навещала их, звонила обязательно каждый день, какими бы хлопотами ни была поглощена. И это не мешало ей строить семью, растить детей, отлаживать быт, всё помнить, всё предусматривать, никогда не показывать, что чем-то удручена, никогда не срывать свою досаду на других.

И вот он едет в поезде в Москву, а сестра осталась в Самаре, больная, несчастная, удручённая, ищущая силы для борьбы.

По купе бродил сон, подстерегал его, высматривал как добычу, подбрасывал воображению свои заставки. Привиделась волжская набережная в Самаре, одно из немногих там мест, не лишённых изящества. Парапет вдруг разомкнулся и медленно, как в рапидной съёмке, обрушился

в Волгу, разбрасывая шумные и сильные брызги, обладающие фантастической силой и сметающие все строения на берегу – от прибрежных палаток до высоких домов. А зелёная полоска острова вдалеке с нереальной скоростью разрослась почти до неба, целиком закрыв его собой. Его засасывало болото вязкой дрёмы, кошмар пугал, походил на модный апокалиптический кинопроект, веки его тяжелели, он, засыпая, всё же силился вернуться в реальность, но беспомощно проигрывал в этой битве. Если бы не голос проводницы, он бы проснулся, возможно, только утром.

– Чай, пожалуйста. – Женщина, не обратив внимания, что пассажир спит, зашла в купе, включила свет и поставила на стол стакан в алюминиевом подстаканнике.

Он открыл глаза. Ужас разрушения не отпустил. Купе, проводница, весь антураж – совершенно незнакомы. Где он? Секунды текли, он застрял между сном и явью. Наконец всё встало на свои места.

Проводница оглядывала его, как ему показалось, с насмешливым осуждением. «Вот, мол, заказал чай, а сам дрыхнет».

– Восемьдесят рублей.

Он сунул руку в боковой карман брюк, нащупал тонкую пачку, вытащил её, отделил сильно смявшуюся сторублёвку и дал проводнице. Она сообщила, что сдачу потом принесёт, он отрицательно замотал головой: не нужно.

– Скажите, а вагон-ресторан работает?

– Работает, а чего же ему не работать? – Доблестная служащая РЖД улыбнулась, на секунду обнажив золотую коронку.

– До каких?

– Надраться все успевают. – Она явно претендовала на панибратство.

Вышла, оставив дверь в купе чуть приоткрытой.

Он сделал глоток, обжёгся, решил подождать, пока остынет. Вкус лимона куда-то потерялся.

Вагонная тряска не ослабевала. Ложка в стакане немного позвякивала, а сам стакан чуть-чуть двигался к краю стола. Он смотрел на это как замороженный.

Он ни в чём не мог отказать Майе. И виной тому не её настойчивость, а его убеждённости, что, не исполни он что-то, между ними всё кон-

чится. Надо сказать, до последнего времени её желания не отличались излишней прихотливостью.

И когда она попросила, чтобы в его директорском кабинете в библиотеке собрались её друзья, поскольку им негде обсудить одно важное дело, он тут же согласился, не успев осмыслить странность подобной просьбы. Он удивился, когда Майя пригласила его присутствовать. Какое он имеет отношение к ним, к их делам? И представила она его диковато: городской служащий, сочувствующий нам.

В тот вечер, два дня назад, после сбора вольнодумцев Майе захотелось проветриться – душно очень было в его кабинете. Она, или не чувствуя раздражения любимого, или делая вид, что не чувствует, как ни в чём не бывало спрашивала, как ему показались её друзья. Он отвечал уклончиво, ребята, мол, интересные, но разговоры ведут странные.

– Ты сегодня невыносим. Думала, ты сочувствуешь протестам.

– С чего это?

– Иначе я бы тебя не полюбила.

Она впервые тогда сказала о любви к нему; так, впроброс, небрежно, как будто это и не особо знаменательно.

Раньше, в юности, он частенько не мог заснуть. Мысли и впечатления переполняли, вытесняли сон. Потом он наловчился справляться с этим: почитать книгу, послушать барочную музыку (особенно нравился Куперен с его самой изысканной из современников мелодикой), а если уж не получалось выспаться, он не разрешал себе спать днём, чтобы к вечеру падать с ног.

Но в ту ночь, после ошеломляющего явления Майи в образе смутьянки, бессонница, как строгая учительница без косметики, вся в сером, металлическим голосом диктовала свой диктант и ни одним намёком не выдавала, скоро ли последнее предложение.

Он размышлял о том, что ему выпало наблюдать...

Конечно, не только о протестах они говорили. Там слышалось что-то ещё, иное, сильное, безжалостное, уверенное в своей правоте. Восстанавливая в памяти сегодняшние разговоры, он немного жалел, что не принял в них участие. Вероятно, если бы он не был так поражён, мог бы порассуждать кое о чём с ними на равных. Майя не так уж и не права. Он и сам всё чаще задаётся вопросом: куда всё катится? Но что бы

они о нём подумали? Кто он? Наверняка сейчас расспрашивают у Майи в каких-нибудь чатах, кто он ей. От этих мыслей ему стало противно, будто поймали за чем-то постыдным. Нет. Всё же они опасные глупцы.

После смерти сначала папы, а вскоре мамы он в квартире пользовался только своей комнатой. В остальных ему как-то нечем было заняться, заходил изредка, старался ничего не трогать, и комнаты постепенно приобретали всё более нежилой вид. Майя же, навестив его жилище впервые, освоилась в гостиной на удивление быстро: сразу взялась что-то перебирать на старом массивном комод, переставлять в книжном шкафу, не реагируя на его вялые протесты и объяснения. Добралась и до родительской спальни, правда, там хозяйничать постеснялась, словно те, кто здесь когда-то спал, вот-вот вернутся и укорят её за то, что прикасалась к их вещам.

Её поведение расстроило, показалось бес-
пардонным, но уже после ухода Майи он открыл для себя, что его снова ничего не пугает дома, будто здесь никогда не гостила смерть. Вещи, умершие для него вместе с родителями, внезапно ожили. Выходит, девушка оказалась права. Смерть уходит от нас вместе с теми, кто умер. Задерживать её ради памяти – глупо. Память об ушедшем внутри нас, и ей не требуется ничего внешнего, никаких зацепок, артефактов, уловок...

Поняв в ту ночь, что скоро не уснёт, он устроился в гостиной с новым романом Водолазкина, которого всегда читал в охотку, но смысл предложений ускользал. Пришлось отложить том в белой обложке с загадочным названием «Брисбен».

Голод, верный спутник стресса, напомнил о себе ближе к двум часам ночи. В холодильнике, как назло, ничего не нашлось. Он открыл пачку гречки, насыпал в кастрюлю, залил водой и поставил на средний огонь. Придётся подождать, пока сварится.

Он положил три подушки одна на другую и удобно устроился перед телевизором. По каналу «Звезда» демонстрировали советский прибалтийский детектив «Двойной капкан». Снято было качественно, и он засмотрелся. Прибалтийские детективы – особая статья советского кинематографа. В них большинство прибалтов любит русских и советскую власть как избавителей от всего самого плохого, а проклятые европейцы по-

стоянно пробуют эту любовь подорвать. Здесь милиционеры назначают встречи в барах, делают это неохотно, но им по долгу службы надо знать, как ведут себя прожигатели жизни, как тратят незаконно нажитые средства... Только острый дух из кухни заставил его чертыхнуться и побежать выключать огонь. Гречка, слава богу, пригорела не сильно.

Еду принёс в комнату. Разместил тарелку на прикроватной тумбочке. Вспомнил, как мать всегда ругалась с ним из-за этого, призывая трапезничать или в столовой, или, на самый крайний случай, на кухне. «Это неправильно – есть там, где спишь. Потом крошки, пятна. Антисанитария», – сокрушалась она. Хозяйственные дела были чуть ли не единственной областью, где она не заставляла себя делать всё, как отец, думать обо всём, как отец, приходить к таким же, как он, выводам.

Фильм между тем захватывал всё больше, и, когда злоумышленников разоблачили, он даже расстроился. Смотрел бы ещё и смотрел.

Притягательна советская жизнь на экране, где добро всегда одолеет зло, где все чётко осведомлены, кто друг, а кто враг, и кого надо жалеть, а кого нет.

Наконец он уснул. Снилось, кто-то куда-то его зовёт, называя Шепелевым. Во сне он удивлялся: почему Шепелев, ведь он же Шалимов... Артём Шалимов.

Вера позвонила в девять утра. Минута в минуту. Голос её звучал с обычной спокойной твёрдостью. Однако сама просьба появиться в Самаре как можно быстрее и нежелание что-либо сообщать по телефону не оставляли сомнений: случилось нечто из ряда вон.

Ближайший рейс на Самару из Домодедова в 19.10.

Он написал Майе, которая, по его предположениям, в тот момент томилась на первой лекции в своём РГГУ, что ему надо срочно навестить сестру и его несколько дней не будет в Москве. Его любимая сразу же перезвонила. Голос взволнованный. Судя по всему, занятия она прогуливала. Вряд ли во время лекции разрешают разговаривать по телефону.

– Как несколько дней? – Голос звучал возмущённо. – Не забыл, что послезавтра мы снова собираемся у тебя? Нас же туда не пустят! Вернись, пожалуйста, чтобы успеть нас принять. Умоляю тебя!

Артём заверил девушку, что к утру послезавтрашнего дня вернётся. (Конечно, он мог попросить Сашу Синицына открыть им кабинет, учёному секретарю библиотеки он доверяет, но Майя восприняла бы это как оскорбление. Такое важное дело поручить незнакомому ей человеку!)

После его слов она успокоилась, затараторила, что нежно целует его и ждёт. А потом ещё прислала кучу сообщений с поцелуйчиками.

Он зашёл на сайт РЖД и купил себе билет на завтрашний вечерний поезд из Самары в Москву. Это был единственный вариант вернуться в Москву так, чтобы не сорвать мероприятие друзей Майи. На подходящий авиарейс билеты уже распродали.

В тот день он ненадолго заехал на работу, захватив с собой дорожную сумку с вещами, чтобы уже не возвращаться домой. Выполнил все необходимые для предстоящей короткой отлучки формальности и вызвал такси в аэропорт.

В Домодедове изнуряюще долго, вместе с неприятными кургузыми людьми, простоял в очереди на регистрацию, проклиная себя, что поленился зарегистрироваться онлайн. Незадолго до вылета позвонил мужу Веры, попросив не встречать его – он спокойно доберётся на такси. Тот запротестовал: нет, это невозможно, пусть даже и не помышляет.

Он вспоминал теперь, что всё время до прилёта в Самару жил надеждой, что с Верой ничего не случилось непоправимого (о страшном сказала бы сразу, наверное, не удержалась бы). Логика подсказывала, что всё, скорее всего, ровно наоборот, но он противился логике.

После приземления самолёт невыносимо долго катился по полосе. Огромный, модернизированный к чемпионату мира по футболу аэропорт блистал пустотой коридоров, залов и вестибюлей. Пассажиры терялись в нескончаемых пространствах.

Прибывший заблаговременно Александр деловито прохаживался по залу прилётов. «Верка заставила, – подумал Артём, разглядывая его невысокую коренастую фигуру, – а он не может её послушаться».

Мужчины дежурно обнялись при встрече, обменялись ничего не значащими фразами о том, как рады друг друга видеть. Никаких «Ты уже знаешь?» или «Что теперь делать?». Вера всё скажет сама. Ясно, что на все разговоры об этом

сейчас – табу. Или супруг не в курсе? Ну это вряд ли.

Артём некоторое время поджидал Александра, подгонявшего машину к выходу из терминала. По небу взбирался самолёт, равномерно и приветливо мигая. Набитая машинами парковка плавно переходила в суету столбов и фонарей.

Ехали в полном молчании. Под негромкую музыку местной музыкальной волны Артём то и дело проваливался в дрему.

В детстве он стремился во всей чёткости запоминать то, что мерещится перед сном, когда уплываешь по мягкой серебристой реке на другой берег сознания. Все детали, повороты, преобразования. Но после пробуждения забывались не только впечатления, но не вспоминалось и само намерение.

Самара начиналась задолго до центра, город растягивал себя, как мог, рукавами автотрасс, прирастающими новостройками, заводами, но всё в нём так или иначе стремилось к Волге, вниз к воде, быстрой и нетерпеливой, но в то же время величественной, помнящей Стеньку, который, хоть и наречён злодеем, но остался в народных песнях на века. Будет ли народ слагать песни о злодее?

17

Постепенно город обретал свои подлинные черты: низкие купеческие дома с лепниной, красивые перекрёстки, заснеженные деревья в парках, уютные вывески.

Видно было, что Вера сильно и нетерпеливо ждала его. Засветилась взглядами, улыбками, чуть заметными морщинками у глаз. Долго прижимала к себе.

Потом слегка всплакнула. Не расстроилась – растрогалась.

Он уж было успокоился: может, просто соскучилась?

Прошли в комнату. Артём, не выдержав двусмысленности её молчания, спросил:

– Что? Почему такая срочность? Что-то с детьми?

Она стыдливо потёрла глаза.

– Нет, с ними всё в порядке, – вымолвила, улыбаясь.

«Значит, что-то всё-таки с ней самой». Внутри Артёма всё словно переключили на другую скорость, когда тормоза не срабатывают, и мчишься напрямик в большую бетонную стену.

Уставший Александр быстро ушёл спать, оставив их вдвоём. После этого Вера призналась, что у неё диагностировали рак лёгких.

После того они ещё долго сидели, пытались что-то преодолеть, с чем-то смириться, пили чай, то говорили о болезни Веры, то хаотично переходили на что-то другое, иногда выходя на холодный, с кусками сырого снега на перилах балкон, где Вера курила, клятвенно обещая бросить завтра же, хоть Артём и не требовал от неё никаких обещаний.

Произошедшее с Верой поражаало своей обыденностью: побаливало горло, кашляла, пенья на хронический бронхит, полагала, что само пройдёт, а оно не прошло. Муж и сын уговорили всё же пойти к врачу.

Доктор долго слушал её, хмурился, прикладывая неприятно прохладный фонендоскоп то к одному месту на груди, то к другому, потом отправил на рентген, КТ и другие анализы. Она навсегда запомнит, как он глянул на неё во второй визит, когда располагал уже всеми данными о её состоянии. Во взгляде мешались жалость и безразличие. Будто она уже мертва.

Вылечить такую разновидность рака можно только во Франции, так врач говорит. Есть агентство, которое туда отправляет пациентов. Доктор обещал посодействовать. У него налажены контакты с этой конторой. Но надо для начала внести сто тысяч евро. А потом платить уже за циклы лечения. Всего четыре цикла. Почему только в Париже? Доктор объяснил, что в Центре Кюри именно такой рак, как у неё, лечат эффективнее всего. Он — крайне редкий. Сашка хочет взять кредит, но она так боится, что потом не осилит, не отдаст. А сейчас коллекторы эти — хуже бандитов. Убить готовы тех, кто вовремя займы не отдаёт. У Женьки свободных денег нет сейчас. Но он тоже что-то найдёт со временем. Да и у неё самой хоть и не грандиозные, но кое-какие накопления остались после того, как Женьке квартиру приобрели. Одним словом, не всё так плохо. Что-то наскребём. Она не сдастся.

Обо всём этом Вера рассуждала с таким видом, с каким домохозяйки судачат о коммунальных проблемах соседей. Слезы, что она себе позволила в самом начале, были единственными в тот вечер.

Артём, конечно же, утешал её: обнимал, гладил по волосам, лгал, что уверен в её непременно выздоровлении. Она кивала в ответ.

В ней много силы. Но на сколько её хватит?

На следующий день сестра закатаила царский обед, какой и не всякая здоровая хозяйка

осилит. Евгений, племянник Артёма и сын Веры с Сашей, грозился заскочить (он работал в двух шагах от Вериного дома), но в последний момент позвонил раздосадованный: срочно вызвали к начальству.

Перед самым отъездом Артёма составили план: кто, когда и сколько сможет найти денег. Вернее, план составлял Александр. Артём только соглашался. В конце пообещал, что будет переводить с каждой зарплаты некоторую сумму. Вера почти не участвовала в обсуждении. Не обольщалась: главное, дадут ли мужу кредит и как скоро. Она никак не вняла просьбам мужчин остаться дома и не провожать Артёма на вокзал. Не спорила, просто оделась и пошла с Артёмом к такси.

Александр выпил за обедом, поэтому не повёз их.

Вера Колесникова, урождённая Шалимова, несмотря на норовистый мороз, вышла на балкон в одном халате. Холод не страшил. Внутри всё горячее, как на сковородке. «Бог даст, не простужусь», — подумала она. Да и что такое простуда в сравнении с тем, что у неё нашли!

Сегодня Александр заснул необычайно рано. Когда она вернулась с вокзала, он даже не заметил её прихода, так крепко сон прижал его к простыням и подушке. Её несчастье вымотало его.

Он всегда спал, сколько она его помнит, тишайше, не сопел, не кряхтел, почти не ворочался. Она же, наоборот, с детства, после гибели старшего брата, часто просыпалась среди ночи и долго не засыпала. Тогда они жили с Артёмом в одной комнате. Бывало, подолгу болтали, беззвучно смеялись, вместе отгоняли сон, казавшийся скучным и ненужным. Но это случалось довольно редко. После некоторых событий Артёмке давали на ночь валерьянку с пустырником, какие-то ещё лекарства, и он чаще всего спал как сурок, маленький симпатичный сурок. А она боялась что он проснётся, и опять начнётся ужасное...

После замужества это мучение не ушло, только немного уменьшилось. Она знала причину, но открыть её пока никому не могла. В эти минуты она тихо-тихо, стараясь не шевелиться, чтобы не разбудить мужа, вглядывалась в него, постепенно различая в почти полном мраке удивительную остроту его черт. Она была счастлива

с ним. Без всяких «но». Все невзгоды, которых у них, как у всех соотечественников, заставших конец века прошлого и начало нынешнего, хватало, находились под куполом общего семейного благоденствия и под ним же избывались или преодолевались. В таких семьях, как у них, каждый уверен, что лучше, чем его родные, никого нет. Даже Лизка, по природе бузотёрка, никогда не нарушала этой идиллии. Да, теперь она звонит матери или отцу только с требованием денег и с неизменными упреками в том, что они неправильно живут, но это другое. Пройдёт со временем. Бунт – свойство юности очень хороших людей, оправдывала мама дочку.

Сашка по первости заводился, переживал, что дочь отдаляется, спорил с ней, защищался, потом просто горевал, стоически выслушивая её нападки, и в ответ на просьбы сразу же переводил ей деньги, словно от этой скорости зависело виртуальное преображение Лизы в хорошую девочку, папину дочку, какой та, признаться, в полной мере никогда не была.

Вера сохраняла спокойствие. Не видела смысла изводиться. Лишь иногда её подмывало поинтересоваться, зачем же дочь регулярно просит деньги у таких никчёмных людей? Но она себя останавливала. Хорошо, что Лиза уехала из дома далеко. Таким, как она, необходимо пройти испытание самостоятельной жизнью. Женька, он другой, ему лучше под крылом.

Их квартира находилась на двенадцатом этаже. Вид на Волгу открывался незабываемый. Они перебрались сюда не сразу, несколько лет мыкались по съёмным, потом жили в небольшой двушке на окраине, доставшейся мужу от рано умершего брата, и только в начале нулевых, во время недолгого периода бизнес-успехов Колесникова, они купили эту довольно-таки габаритную трёхкомнатную, где с балкона можно взором охватить столько простора, что бескрайность и бесконечность мира не вызовет ни малейших сомнений. За Волгой, после уютного острова с песчаными берегами, за вторым рукавом, суша, прежде чем перейти в небо, прятала в зелени небольшие деревни, сваливала в кучу пригорки и маленькие холмы, клубилась лёгким туманом.

«Смотрите вдаль долго и пристально, покуда хватит глаз», – наущала она детей, когда они росли рядом с этой красотой.

Издалека и сверху мир совсем иной, чем он есть на самом деле. Взгляд с высоты – самая большая иллюзия. То, что не видно с земли, вы-

тягивается в сторону далёкого и манящего горизонта и скрывает, глушит, заштриховывает в себе все неказистые детали. Только бескрайность и завораживающая даль!

Сейчас она поклялась, что это будет последняя её сигарета. Завтра она начинает бороться за себя. И не только за себя; без неё – она в этом не сомневалась – жизнь её близких станет невыносимой, и потому она не имеет права сдаваться. Но и предусмотреть любое развитие событий – её долг.

Дым от сигареты уплывал в тёмные бархатные небеса, внизу устало копошились огни машин, а скованная льдом Волга всем своим изогнутым змеиным руслом чего-то ждала – то ли весны, то ли нового Стеньку.

Было ещё что-то очень важное. Она обязана решиться. Решиться на то, чего ещё пару дней назад не могла предположить. Как она этого добьётся? Мысли постепенно складывались в нечто цельное.

Артём всё же переместился в вагон-ресторан. Когда ему принесли ароматную солянку, появились два лощёных пожилых господина в почти одинаковых на вид костюмах тёмно-серого цвета. Они вальяжно расположились за столом через проход от Артёма.

Один из них оторвался от чтения меню и встретился глазами с Артёмом. Сначала Шалимов прочитал в них удивление, потом робкую радость, затем обладатель пышной седой шевелюры взволнованно спросил:

– Вы случайно не Сергея Ефимовича Шалимова сын?

– Да. – Шалимов удивился и насторожился.

– Я прекрасно знал вашего отца. Боже! Как же вы на него похожи. Давайте-ка перебирайтесь к нам.

Шалимов-старший до развала СССР работал в Главмосстрое, потом несколько лет нёс государеву службу в Департаменте строительства правительства Москвы, пока не занялся бизнесом. Артём интересовался работой отца не больше, чем требовала обычная сыновняя вежливость.

Выяснилось, что спросивший, обладатель роскошной шевелюры, Генрих Болеславович Медвецкий, был связан с отцом Артёма с давних времён. Он характеризовал его исключительно в восторженных тонах, с упоением рассказывая,

как Сергей Ефимович в 1980 году пришёл к ним в Главмосстрой и сразу произвёл на всех потрясающее впечатление. Грамотный, умный, цепкий, при этом в общении прост, но не до панибратства.

Медвецкий и Рыбалко, вернее их фирма, выиграли тендер на строительство нового торгового центра в Самаре, и вот теперь они возвращаются в Москву, вдохновлённые и горящие желанием жить.

Иногда российское застолье, гордое и самодостаточное в своих свободных, безрассудно накатывающих на житейские берега волнах, достигает такого этапа, когда все испытают нечто вроде катарсиса, только без трагедии, и над столом воспаряет иллюзия, будто все давно стремились к этому светлому моменту: все рубят правду-матку и проясняют всё до конца как в своей судьбе, так и в устройстве мироздания. И тогда вылетают из людей слова легко, как шустрые птицы, и безответственно парят над столом, нарезая причудливые круги. Водка гарантирует будущую безнаказанность. С пьяного какой спрос? Ну, говорил лишнего. С кем не бывает...

Медвецкий с высоты своего возраста, а на вид ему было явно за шестьдесят, взял на себя в горячем разговоре роль вопрошающего. Похвалами отцу он выпросил у Артёма доверие и теперь вроде как почти по-свойски имел права на неудобные вопросы.

— Вот скажи мне, Артём Сергеевич... Ты нам рассказал, что работаешь в библиотеке. Прости, директорствуешь. А как отец твой к этому относился?

— Всячески поощрял. — Артём не соврал.

Заслуженный строитель Сергей Ефимович Шалимов всегда заявлял в семейном кругу, что заставлять детей идти по стопам отца — невиданная глупость. Пусть сами выбирают профессию. И когда младший сын поступил на филфак МГУ, горячо это одобрил. Конечно, его связи в московских чиновничьих кругахгодились Артёму, когда он после нескольких лет преподавания литературы в музыкальном училище взвыл, что никак не может заставить будущих музыкантов хоть что-нибудь прочитать, и задумал сменить работу. Артёма взяли в одну из библиотек Северного округа, сразу на должность заместителя директора. В библиотечную систему главное попасть. В итоге к нынешнему моменту он продвинулся по служебной библиотечной лестнице максимально высоко. Возглавляемая им библиотека, по за-

думке московских чиновников, должна была стать самой передовой, с кофейней, кучей кружков и прочих премудростей развитого городского капитализма. Её даже переименовали в читальню. Артёму слово нравилось. Да и располагалась библиотека в тихом особняке недалеко от Чистых прудов. Городским ландшафтам Артём придавал особое значение. Старался тщательно избегать тех точек в городе, где его что-то напрягло или страшило. Природу категорически не любил. Не понимал тех, кто живёт за городом, вдали от цивилизации, кормит комаров летом, а зимой беспрерывно спасается от завалов снега. После смерти мамы они с Верой продали семейную дачу и выручили за неё неплохие деньги. Правда, от них довольно быстро ничего не осталось. Вера вложила в приобретение квартиры для сына (знала бы она тогда, что через некоторое время ей понадобятся деньги на лечение!), а Артём просто прожил их, позволив себе пару раз дорогие одинокие европейские поездки, остальные разошлись сами собой.

Если бы предвидел, что Вера заболеет, не разбазарил бы ни рубля!

Артём не выносил, когда кто-то обзывал профессию библиотекаря бабьей, намекая, что мужикам на такой богадельной работе не место и библиотечный удел подходит лишь неудачникам. Сейчас в вопросе Медвецкого он заподозрил этот оттенок и напрягся.

— А с чего бы отцу не одобрять мою работу? — Артём придал голосу холодности.

— Конечно, не с чего, — примирительно отозвался Медвецкий. — Вспомнил сейчас вдруг, что, когда мы вместе тянули лямку Главмосстроя, он не раз делился со мной мыслями, что сильнее всего желал бы передать детям свои знания и умения.

— Я от него ничего подобного не слышал. Моя сестра Вера тоже. — Артём разозлился и не собирался этого скрывать.

Обстановка явно накалялась.

— Отец твой, Артём, легендарный человек, — принялся спасать ситуацию Рыбалко. — Хотя и лично чести не имел быть с ним знакомым, но легенды и до меня доносились. Я в начале восьмидесятых в одном тресте строительном подвизался. Так в нашем кругу батя твой реальным авторитетом слыл. Если Ефимыч за что-то брался, значит сделает всё по высшему разряду.

Артёма раздражил захлёбывающийся тон Рыбалко.

– «Авторитет» – плохое слово. Для отца не подходит. Словно он бандит какой-то...

– Хороший ты парень, Артём. Самостоятельный. – Медвецкий налил Шалимову. – Не обижайся на нас, стариков, если что не так. Лучше расскажи что-нибудь интересное. Что сейчас в книгах-то пишут? А то нам с этими подрядами-заказами читать некогда.

Артём выпил залпом.

– Современная литература сейчас на подъёме. Много книг издаётся. На любой вкус. Только читай... Есть Пелевин, но есть и Михаил Тарковский, есть Иличевский, но есть и Прилепин. У каждого своя правда. В моей библиотеке многие писатели выступают. Встречаются с читателями. Приходите как-нибудь... Это интересно.

– Приглашаешь? Зайдём, зайдём. Да? – Медвецкий обратился к Рыбалко чуть покровительственно.

– Вот послезавтра, кстати, у нас будет классный батл. Поэтический. Один рэпер против классического поэта. Круто ведь?

– Батл? Это что?

– Состязание. Сейчас это очень модно.

– Чего бы так и не говорить – «состязание»? Вот времена. – Медвецкий сокрушённо покачал головой.

Тем временем Рыбалко налил себе, Медвецкому и Артёму рюмки до краёв. Артём, когда подносил ко рту, немного пролил.

– Вы противник иностранной лексики? – Артём бросил украдкой взгляд на мокрое пятнышко на своих брюках.

– Да проходу нет от неё. Что ни вывеска – то по-латыни.

– А в торговом центре в Самаре, который вы строить будете, все вывески на русском планируются?

– Так мы ж только строим. Кому уж там помещения в аренду сдадут – не наше дело, – обиженно удивился Медвецкий.

– А-а-а, – протянул Артём, невольно смущаясь своей неосведомлённости. – Полагаю, там тоже нет-нет да вывески на иностранном языке встретятся. Язык нельзя умертвить. Он всегда живёт заимствованиями.

– Ты человек учёный в этом деле. – Медвецкий явно не собирался усугублять спор. – А мы люди простые, строительные. Но всё же сейчас много язык уродуется. Лайки, шмайки, френды. Не очень благозвучно. Неужели тебе это по душе?

– С этим соглашусь. Но тут нельзя вмешиваться. Всё идет, как идёт. И в том, как люди живут, и в том, как говорят. Язык одновременно упрощается и усложняется.

Пора было расходиться. Шалимов написал им на салфетке свой мобильный – вдруг ещё увидимся? – а Рыбалко и Медвецкий отправились в свою сторону поезда, предварительно сунув Артёму одинаковые по форме и дизайну визитки. Сам же Артём, пьяно пошатываясь, поплёлся в свой вагон.

Артём ругал себя: зачем выпил столько? Ведь он не любит, пьёт редко и мало, вся эта русская водочная дребедень с опрокидыванием стопок, огурчиками и грибочками ему противна. И вот сейчас во рту кисло, внутри всё будто слиплось, в голове начинает вырабатываться болезненный яд. Медвецкий разбередил его память об отце. Давно пора признаться себе, что у этого образа, кроме памятной бровастой и большоголовой внешности, отсутствуют какие-либо узнаваемые черты. Отец всегда присутствовал, но не занимал в его жизни значимого места, не разделял с ним его интересы, никогда ничем не увлекал, ничего не обсуждал, не спорил, не заводился, не ругал, лишь изредка ворчал по пустякам. Он неизменно исполнял то, чего желал Артём в детстве, но всё между ними было устроено так, что сын никогда не просил у отца того, чего жаждал по-настоящему, словно боясь, что в этом ему по каким-то причинам откажут. К концу жизни родителей они безмерно утомили его. Конечно, ему никогда не пришло бы в голову хотя бы намекнуть им об этом – заботливее сына, чем он, трудно найти, – но усталость от них вызрела в нём так крепко, что до сих пор он в её власти, она влияет на его поступки, решения, лишает его сил, когда они ему нужны больше всего.

Когда он открыл неожиданно оказавшуюся почти невесомой дверь в тамбур своего вагона, поезд так качнуло, что равновесие удалось сохранить с величайшим трудом и ценой ушибленного о дверь поездного туалета плеча.

В купе он не очень ловко разделся, бросив все вещи на соседнюю полку, вытянулся на спине и забылся тяжёлым сном. Видения набрасывались на него, беспокойно, толчками кружили его сознание, сквозь их неразбериху он слышал, как подъехали к Рязани и как металлический голос объявлял номера поездов и платформ.

После очередного визита к врачу, ради которого пришлось подняться ни свет ни заря, Вера Колесникова отправилась в центр города. Сразу возвращаться домой тяжело. Болезнь быстро приучила к себе, и, чтобы избыть её, требовалось нечто большее, чем просто воля. Ещё требовалось движение, иные энергии, сочетаясь с которыми она дополнила бы свою силу до той, что хватит и для борьбы с недугом, и для осуществления её плана.

День выдался нечёткий, мокрый, хлюпающий.

В Самаре центральная часть не декоративная, в отличие от многих городов Поволжья. До сих пор на перекрёстках, в перспективе улиц, в лепнине, в стрельчатых окнах костёла, в напряжённой повадке православных храмов, в частоте и разнообразии витрин сквозило купеческое чайно-самоварное величие.

Вера, высоко подняв воротник зимнего пальто, неспешно шла по Самаре. Вот всё и прояснилось. Судьба решила не томить её неизвестностью. Жизненный план теперь определён. Завтра начнутся процедуры в местной больнице, а через две недели ей предстоит улететь в Париж и продолжить лечение в Институте Кюри, если Александру удастся всё же оформить кредит. Его одноклассник, ныне банкир, взялся помочь, но ничего не обещал. Сумма слишком велика. Доктор после согласия на лечение во Франции резко потеплел к ней, общается не как с пациенткой, а как с родной.

Как она себя чувствует сейчас? Готова ли к тому, что её ждёт? Ни муж, ни сын, ни, как ни странно, даже лечащий врач об этом не спрашивали. Это немного обижало её, хотя она и сомневалась, нужны ли эти вопросы. Говорят, после химиотерапии состояние ужасное: слабость, тошнота, аппетита нет, депрессия. Скоро она это испытует на себе сполна.

Она робко спросила у доктора, почему именно Франция. Она слышала о Германии и Израиле как о лидерах в области онкологии. Тот отозвался почти зло: «Тот вид рака, что у вас, как я уже вам объяснял, очень редкий, и самая эффективная методика пока у французов. Но если вы хотите в Германию или Израиль, я не могу противиться. Но тогда вам придётся сменить доктора. Да и процент тех, кто поправился, во Франции выше, чем в той же Германии или Израиле».

Вера пристыженно пролепетала, что согласна на всё, что доктор считает нужным.

Вера не была таким любителем чтения, как младший брат, но ей было приятно, что Самара связана с Алексеем Толстым. Читая первую часть «Хождения по мукам», она наслаждалась почти ощутимым тёплым паром, поднимающимся от каждой строки. Никогда больше она с таким не сталкивалась. Самара в романе описана во времена Гражданской войны, и ужас перехода городов от красных к белым и назад так явственен, что хочется молиться, чтобы такое не повторилось.

Улица Алексея Толстого притягивала, но Вера не поддавалась – она задумала спуститься к Волге. Самара за те годы, что она прожила здесь, не затмила, конечно, Москву, но вошла в неё глубоко, обрела голос и характер, и теперь Вера советовалась с городом, как с человеком, искала сочувствия и поддержки. А без Волги тут не обойтись. Волга в этом городе главнее всего.

От воды дул сильный, обжигающий, но при этом не злой ветер. Где начало этого ветра? Где-то далеко-далеко в приволжских полях он закрутился и полетел, или он разгонялся в бескрайних русских лесах, набирая силу в борьбе с могучими стволами, прорываясь сквозь упругие преграды ветвей? Здесь в нём пела в полный голос надежда на свободу, на то, что мир – это простор, который исцелит от всего, который больше и сильнее всех горестей и болезней.

«Вот я и пришла», – почему-то подумалось. Дальше между парашютом и водой начинался небольшой пляж. Сейчас он был обильно засыпан снегом. Его пересекала дорожка чьих-то неведомых следов. «Такие маленькие! Неужели здесь ребёнок бегал один? Кто же его отпустил сюда?» – удивилась Вера.

Когда была помоложе, она любила летом, в жару, прийти сюда, быстро раздеться, сложить вещи, войти в воду и поплыть, забывая обо всём, отдаваясь мерному ритму гребков.

После замужества её жизнь многие годы тождественна заботе о близких. Работать Саша ей никогда не разрешал, пребывая в уверенности, что женщину работа преждевременно старит. Даже когда жили совсем скудно и она рвалась устроиться хоть куда-нибудь, он упирался. И побеждал. Для него это принципиально. Он глава семьи, он кормилец. Вот и сейчас, если бы не муж, никакой надежды не было бы. Доктору она пока не сообщила, что денег на лечение, да-

же на первый взнос, ей пока не наскрести. Она привыкла верить, что Александр со всем справится. Он не всегда справлялся, но её веру это не подрывало.

Иногда Вера жалела, что образование – она окончила биофак МГУ – ей не пригодилось. Порой читала в Интернете о новых биологических исследованиях, и сердце её замирало. Она могла бы проявить себя в науке! Совершенно точно могла бы... Её биофак – это не филфак Артёма. Филологи не очень-то нужны в таком количестве, если посмотреть правде в глаза. Хорошо, что он благодаря папе на таком хорошем месте очутился. Папа всю жизнь о нём пёлся как ни о ком другом. И понятно почему. Но Артём словно не замечал этого. Воспринимал как должное. Теперь у него и зарплата приличная, и работа не самая тяжёлая в мире. А иные его однокурсники, поди, и забыли давно про своё образование. Занимаются всем подряд, лишь бы семьи прокормить. Жаль, что Артём с отцом так и не преодолели то давнее, ни разу не поговорили начистоту, отчего всё так. Отец не решился, а Артём не нащупал. Отец боялся, а Артёма некому было подтолкнуть, сделать так, чтобы он вылез из своего спасительного кокона, рискнул порвать его. Вместе с отцом они бы горы свернули. Но они были порознь. Вина... Вина – это самое долгое и самое страшное, особенно если по большому счёту никто не виноват. Теперь, когда она в таком положении и никто не знает, как всё сложится и сколько ей ещё отмерено, только младший брат способен распутать этот застарелый узел, который никто уже не берёт в расчёт, но который так много сдерживает. С его характером выдюжит ли он? Не слишком она жестока к нему? И не превратится ли это в спусковой крючок? Не вернётся ли то страшное? Шансов на самом деле немного. Но она попробует. Тот вариант, что она избрала, – самый сложный, но единственный. Один старый писатель, друг Александра, как-то во время застолья признался, что раньше начинал каждый роман с ощущением, что вся жизнь впереди и он всё успеет. А когда старость пристроилась рядом – в любом тексте, за который он принимался, жил страх. Страх этот питался предчувствием скорого конца. Примерно то же самое теперь испытывает она.

Вера ещё долго стояла, облокотившись на холодные перила, глядела на замёрзшую Волгу, но не видела её. Чему-то улыбалась.

Лизе они пока ничего не сообщат. Так они с мужем сегодня договорились. Она такая импульсивная, что её реакция может быть непредсказуемой. А этого им сейчас не надо. Всё должно идти по плану.

Артём проспал до часа дня. Сразу, как попал после поезда домой, – залёг. Поездка изнурила его. Проснулся от телефонного звонка.

– Боже мой, я звоню, звоню, а ты не отвечаешь! – Майя едва не захлёбывалась словами.

– Я спал. – Артём ещё не в полной мере пришёл в себя.

– Уф, слава богу. А то я чего себе только не напридумывала.

– Ну прости.

Артём быстро привёл себя в порядок, вызвал такси на Студенческую. Определённость, пусть и на короткое время, всегда придавала ему сил.

Шалимов любил начало зимы, когда холодные запахи свежи, все ощущения новы и щёки после прогулок горят. А вот февраль ему никогда не нравился. Вроде бы всё в нём почти так же, как в декабре. Но при этом всё не так. Москва напоминает уставшую женщину, ничего в жизни так и не познавшую, кроме забот, холод не бодрит, а утомляет, и мир почти ничем не пахнет.

Майя вышла из подъезда, вид у неё был смятенный, её высокая фигура в густом мареве зимнего дня словно не могла сопротивляться давлению пространства.

Зашли в кафе.

Девушка попросила большой латте. Артём купил ей напиток и, пока нёс, едва не пролил. Видимо, особым шиком для местных продавцов считалось налить «с горкой». «Какая бессмыслица!» – расстроился Артём.

Они сели напротив друг друга, хотя обычно в кафе и ресторанах садились рядом.

– Я вижу, что есть необходимость кое-что прояснить между нами. – Это Майя умела хорошо: взять инициативу в свои руки и, никого и ничего не жалея, высказаться. – Ты не в состоянии скрыть отношение к тому, что в последнее время тебе открылось. Я имею в виду наше общество, наши планы, чаяния.

– Не то чтобы...

– Не перебивай. Понимаю, что мы раньше никогда этого не обсуждали. Когда мы только познакомились, я полагала, что рано. И вот, когда

мы теперь близки окончательно, целиком, как мне казалось, доверяем друг другу, я решила, что ты примешь меня такой как есть, будешь уважать то, что для меня важно. Похоже, я ошиблась. Ты капризничаешь... Это горько...

Пауза повисла. Никому б никогда не пришло в голову назвать её мхатовской.

– Я беспокоюсь за тебя. – Артём не собирался уступать. – Я уже говорил, что, если вас поймут, не пожалеют.ломают жизнь. Это стоит того?

– Это низко.

– Что? Беспокоиться?

– Скрывать за заботой свою... своё малодушие.

– Хотела сказать, трусость?

– Да. Но не сказала. Эти люди, которые через час соберутся у тебя в библиотеке, – они для меня сейчас всё, ты слышишь? Без этого моя жизнь ничего не стоит. Если ты спросишь, кого я выберу – тебя или их?... – Глаза Майи застыли.

– Я не спрошу. – Артём отвел взгляд.

Майя замолчала. Она разглядывала Артёма так, будто не видела его никогда. Сначала осмотрела лоб, большой и почти без морщин, если морщины и были, то малозаметные, тёмные волосы, чуть завивающиеся на концах, губы, довольно пухлые, никогда не сухие.

– Это значит, мы расстанемся? – Майя взяла кружку, поднесла ко рту, но пить не стала, поставила назад.

– Это значит, мы идём в библиотеку.

Он улыбнулся широко, как она любила.

Майя испытала прилив нежности к Артёму, взяла его за щёки и длинно поцеловала. Потом заглянула ему в глаза и, похоже, не нашла там, что искала.

– Скажи, а твои товарищи что-нибудь спрашивали обо мне? Кто я тебе, к примеру? – Артём отвёл взгляд.

– Нет. У нас это не принято. Структура нашей организации такова, что каждый приводит кандидата сначала просто на вечеринку, там к нему присматриваемся, а потом уже, если он подходит, приглашаем на собрание, посвящаем в наш круг.

– Прямо гербалайф какой-то.

– Что? – Майя решила, что ослышалась. Слово незнакомое.

– Боже, ты такая юная ещё. Был в девяно-

стых такой проект. Сетевой маркетинг. Продавали разную косметику или бады, я не помню. Там тоже каждому вменялось привести людей, увлечь их. Так они расширялись. Американская шняга. Потом куда-то сгнули они...

– Мы вообще-то ничем не торгуем. – Майю не заинтересовала эта тема.

– Я так. По аналогии.

Ветер бесцеремонно вмешивался в разговоры людей.

– Но я ведь не участвовал в вечеринках ваших? И даже слыхом про них не слыхивал. Как же меня допустили на собрание? – Артём показно негодовал.

– Ты внёс свой вклад. Предоставил место. И не ёрничай. Я так решила.

– Ясно. А что всё-таки это за вечеринки?

– Мы собираемся иногда у кого-нибудь. Мы же молодёжь. – Она задорно глянула на него. – Но не слишком часто. А ты ревнуешь?

Она неожиданно игриво схватила Артёма за нос и сразу отпустила.

Болезнь Веры в итоге не прилипла к ней, хотя она сопереживала всему искренне. По большому счёту, болезнь сестры её возлюбленного никак не влияла на её жизнь. Эмоции? Да. Но эмоции рано или поздно стихают. Когда тебе мало лет, болезнь и смерть – это только то, что с другими.

Майя попросилась в «чайный дом» погреться. Этот московский особняк почти на пересечении Сретенского бульвара и Мясницкой выделялся праздничным фасадом даже среди пышной московской эклектики.

Пока они пили чай, продавщица растратила все силы, чтобы уговорить их купить каких-нибудь конфет. В конце концов отчаялась и разошлась...

Новый сбор Майиных соратников совсем не походил на предыдущий. Тогда в читальню ворвалась сама плоть хаоса, суэта звуков и движений, неразбериха слов. Артём ещё поразился, сколько шума создаётся не такой уж внушительной группой людей. Сегодня же лица ребят были строги и жесты скупы. Они проходили в его кабинет тихо, здоровались с ним предельно вежливо. Он расположился чуть в стороне, собираясь слушать их внимательно, непредвзято, вникать. Ради Майи. И для того, чтобы определиться, кто есть он, кто есть они, как это всё сочетается и как ему со всем этим быть.

Они облепили его большой стол. Ему показались, что людей больше, чем в прошлый раз. Никто не решался начать. Все словно чего-то ждали...

Артём испытал облегчение, когда вольнодумцы наконец выкатились из его кабинета. Теперь он снова здесь полноправный хозяин. Он уже не сожалел, что Майя вовлекла его во всё это. Худшим виделся сюжет, в котором он оставался в неведении о её революционности. Как только он почувствует, что над Майей сгущаются тучи, вмешается. Как? Просто запретит ей продолжать заниматься чепухой. А если её арестуют? Попросит помочь своё начальство в департаменте. Его ценят. Может, у кого-то найдутся выходы на московскую полицию. Он всё объяснит. Он оправдывает любимую, прикроет её. Даже если придётся взять кое-что на себя. Готов ли он к самопожертвованию? Да, да, да.

Решимость и нерешительность в нём бились друг о друга, как волны бьются о волнорезы.

Он приблизился к девушке. Она не пошелухнулась. Он набросился на её губы яростно, не намереваясь останавливаться. Майя отвечала сперва вяловато, потом разохотилась...

– Сейчас куда-нибудь сходим. Только сестре позвоню. – Артём с огромным усилием сдержал себя. Иначе они бы занялись любовью прямо здесь...

– Да, конечно. Скажи, что я тоже переживаю, – откликнулась Майя. Она взяла сумочку, достала зеркальце, посмотрелась в него, затем потянулась за помадой, отвинтила колпачок, чуть подвела губы.

Вера ответила почти без промедления:

– Да, Артём.

– Ты как?

– Расстроилась, что ты не позвонил, когда доехал. – Голос её и вправду звучал обиженно.

– Прости! Дела навалились. Как ты?

– Без особых изменений. Но по кредиту есть продвижения. Так что, возможно, скоро в Париж...

– Ну, держись. У меня всё нормально. Волнуюсь за тебя...

– Не волнуйся. Я так просто не сдамся...

Майя оделась.

– Как она?

– Она молодец.

Артём улыбнулся. Он гордился своей сестрой...

Лёд на Чистых прудах уже готовился к таянию. Кое-где виднелись полыньи, похожие на уродливые глаза.

Они выбрали ресторан «Шатёр», большей своей частью располагавшийся на воде. Уж больно уютно поблёскивали его огни.

Прошли вдоль пруда. Беспамятные спящие деревья ещё не представляли себе, что через пару месяцев проснутся и зазеленеют.

После того как они сделали заказ, Майя вперилась в телефон. Видно было, что она с кем-то переписывается. На лице – выражение крайней серьёзности.

– Я тебе не мешаю?

– Это мама. – Майя подняла на него глаза, – Не будь таким нетерпеливым. – Она положила телефон на стол экраном вниз. – Ты, похоже, ещё не отошел от своих самарских новостей. Успокойся уже. Сестра твоя жива. О ней есть кому позаботиться. Да и все мы смертны, в конце концов. Чему быть, того не миновать. Не люблю, когда мужики сопли распускают. Мне представлялось, ты не из таких. Ошибалась.

– Что? – Артём поднялся – Ты так о моей сестре?

– Да. О твоей сестре. – Майя холодно и не моргая глядела ему прямо в глаза.

Бывают в жизни мужчин такие ситуации, когда нет иного выбора, как встать и уйти. Обида придушила его. Заполнила целиком, не оставив внутри места, где бы не звучали паскудные и жестокие слова Майи Кривицкой. Он вытащил из кармана пятитысячную купюру. Положил на стол.

– Рассчитаешься.

И быстро пошёл к выходу.

Любимая не окликнула его.

На Покровском бульваре Бульварное кольцо сужается, словно готовится к тому, чтобы прерваться. Дома попали сюда из разных эпох: тут и причудливый, в чём-то совсем несостоявшийся, но везде заметный сталинский ампи́р, и доходные дома, оставшиеся в городе с царских времён, и брежневская кирпичная одноподъездная башня – верх элитарного строительства эпохи застоя.

Москва уже устала от зимы, утомлённый снег рад бы был уже растаять, но природа ему этого ещё не позволяла.

Он шёл, почти не разбирая дороги. Ему требовалось время, чтобы избыть обиду. Никогда

он ещё так сильно не обижался на Майю. Или она так сильно его не обижала?

С самой юности он мечтал познакомиться с девушкой как-нибудь необычно. Ну, вроде того, как булгаковский Мастер познакомился с Маргаритой. Но жизнь ему не дарила такого случая. С Майей тоже всё началось весьма обыденно, и ухаживать за ней он начал потому, что просто не мог ничего с собой поделать. Тяга к ней явно перевешивала благоразумие; то, что она его намного младше, не смущало. Они увидели друг друга впервые на выступлении поэта со странным псевдонимом Марс-Кавказ. Организовать этот вечер Артёма очень просил его куратор из Департамента культуры Москвы. Марс-Кавказ приходился племянником одному крайне влиятельному человеку. Майя пришла на этот вечер со своей знакомой, которая относилась к поклонникам поэта и практически заставила подругу составить ей компанию. Артём, слушая Марса, недоумевал: как у таких поэтов образуются поклонницы? Чем они их берут? Стихи-то ведь пустые и вторичные. Крик да истерика.

Марс-Кавказ, а на самом деле Григорий Плотников, заранее обговорил с Артёмом, что после чтений они соберутся в его кабинете, чтобы «выпить по стопарю». Артём поручил своим сотрудницам собрать что-нибудь на стол.

Майя тоже затесалась в числе тех, кому предстояло «выпить по стопарю» за здоровье новоявленной звезды отечественной поэзии.

Она как-то сразу заметила Артёма, они разговорились, обменялись телефонами. Он обещал звать её в читальню на литературные вечера. Она снисходительно согласилась.

На следующий день он позвонил ей. Пригласил поужинать. Ни о каком продолжении не думал. Просто по вечерам не всегда хотелось сидеть дома одному. Если бы она вежливо отказалась, забыл бы о ней навсегда. Но Майя обрадовалась его звонку. Вечер тогда выдался в Москве снежный. С неба слетал снег редкой чистоты и спокойствия. Он долго раздумывал, купить ей цветы или нет. Склонился всё-таки к тому, чтобы подарить ей белые розы.

Ужинали они в небольшом грузинском ресторане-баре на Остоженке, где два пожилых полноватых грузина пели печальные и красивые песни. Сперва он сидел напротив неё, потом переместился к ней ближе. Он ещё не коснулся её, а она уже сказала: «Поехали к тебе».

Его поразило даже не то, как складно у них

всё вышло, каким сильным она позволила ему себя ощутить, а то, как увлечённо они потом разговаривали, как во многом обнаружили сходство. Он не спрашивал себя: что она во мне нашла? Для этого он был слишком самолюбив. Но её иногда в шутку колол таким вопросом. Она отвечала: всё.

Тоже, наверное, в шутку...

Дойдя почти до поворота на Солянку, он вызвал такси. Долго идти «куда глаза глядят» не получилось. Обида не отступала.

Лучше не оценивать всё это сейчас. Но ни в коем случае не звонить Майе, нахамившей ему в лицо, показавшей, что ей наплевать на его чувства и переживания.

Конечно, она погорячилась. Но ей следует извиниться. И никак иначе. Он этого не спустит ей. Без этого рана не затянется. Без хоть какой-то сатисфакции.

Холод мелко принялся пощипывать его изнутри.

«Надо выпить кофе», – подумал Шалимов. После сна в неудобной позе голова вспомнила утреннюю боль.

В «Венском кафе» он забрался на второй этаж. Почти все столики были свободны, и он сел у самого окна. Кофе приятно согрел его.

Усталость так глубоко проникла, что заняла всё его существо, и он погрузился в состояние бездействия душевного, как бы со стороны оценивая, утонет он в нём или вынырнет.

Город внизу копошился человечками, каждый из которых имел какую-то цель, перемещаясь между Солянкой, Солянским проездом и улицей Забелина. Кто-то ждал, пока ему приготовят шаурму, кто-то высматривал в сером мареве свой автобус, кто-то спешил к метро, кто-то жадно курил около дверей баров.

Он работает в московской библиотечной системе почти двадцать лет. Видел всякое. И скромную зарплату (хорошо, что ему не приходилось на неё жить: отец хорошо зарабатывал до самой смерти), и полное пренебрежение городских властей, и пришедшее им на смену надменное желание прикрыть библиотеки, поскольку в них никто не ходит, и нынешние попытки вдохнуть новую жизнь в старые стены.

Все эти годы к работе своей он относился прилежно, но без энтузиазма. Слишком много в ней формалистики, слишком мало манёвра. А творчества – просто ноль, как ни развлекай се-

бя и ни уговаривай, что ты столп просвещения, что твоя задача – увлечь людей, вернуть их к чтению. Единственное, что его завораживало, – это книги. Чтение с годами превратилось почти в страсть. Если какая-то книга его захватывала, внутри себя он горевал, что другие её тоже прочтут. Каждым текстом он желал владеть безраздельно, ни с кем не делясь.

Это пошло с детства, когда он торчал около их домашнего книжного шкафа так долго, что родители отгоняли его, боясь, что мальчик надышится книжной пылью. Настало время, и том «Трёх мушкетёров», чей корешок манил больше всего, сняли с верхней полки и выдали ему. Он влюбился в той потрёпанной книге с нарисованным д'Артаньяном на обложке в каждую букву, в каждое начало строки, в каждое шрифтовое начертание, в каждого героя и героиню, даже в злодейку Миледи.

В библиотеке волшебство книги частично утрачивалось. Романы, повести, рассказы и стихи превращались просто в карточки в каталоге, а потом в строчки в электронном перечне. А теперь они ещё и часть НЭБА, громоздкого и непонятного проекта, который почти все библиотекари тихо ненавидели, хотя на отраслевых конференциях при начальстве взахлёб нахваливали за великое удобство. Ведь так здорово, когда читатель приходит в библиотеку и всё, что ему нужно, читает с экрана. (У него в читальне это новшество тоже внедрялось, разумеется. Он проверял: ни один из пришедших не открывал большого художественного текста.)

Чтобы его служба не притупляла его любовь к литературе, он устраивал встречи с авторами при любой возможности, о его читальне даже пошла по Москве слава как о приюте поэтов и любимом месте презентаций модных издательств.

Среди его коллег-библиотекарей встречались забавные экземпляры: тут и «бабушки» старой школы, расхаживающие по залам в тапочках и надеющиеся, что к ним сегодня никто из посетителей не забредёт, и гламурная молодёжь с безумными электронными идеями, и откровенные дельцы, и карьеристы, ждущие, когда их переведут на работу куда-нибудь повыше, в московский Департамент культуры или даже в федеральный минкульт. Все эти годы он не чувствовал себя своим среди них, хоть и старался ко всем, с кем сталкивался, отнестись с пониманием.

Он попросил счёт.

Телефон в кармане пискнул.

СМС пришло с неопределяемого номера. Видимо, отправили с компьютера, со специального сервиса. Он сам так раньше делал, когда надо было срочно кому-то написать, а денег на телефоне не было. Это было лет десять назад, когда мгновенные оплаты с карт ещё не были в ходу. Но сейчас-то кому понадобилось?

«Твой брат умер не своей смертью. А его убийцы до сих пор на свободе».

Во сне Артём рыдал – горько, безутешно, так, что самого себя жалко до невозможности. Снилось, что его родители умерли, а он совсем маленький. Проснувшись, удивился, что щёки его сухи. Слезы, ещё какие-то секунды назад стекавшие во сне, были так горячи... Он с минуту ещё находился под воздействием сновидения, но потом реальность проступила во всём своём паскудстве.

Рано. За окном только наметился рассвет, чуть коснулся неба, почти не изменил его, только чуть добавив серого в чёрное. Со своей тахты ему хорошо был виден небосвод. Прежде это настраивало его на романтический лад: его взгляд устремлялся в небеса, минуя землю. Сейчас сна ни в одном глазу. И никакой романтики. Так рано он давно не просыпался. Встающие ни свет ни заря обычно чувствуют свою избранность. Артём ничего подобного сейчас не испытывал. Хуже всего утром лежать и маяться, что уже не уснёшь, а внутри – беспокойство, и всё тело словно не твоё, неудобное, неповоротливое.

Вчера он, несмотря ни на что, порывался позвонить Майе и рассказать о дурацкой эсэмэске. Но обида перевесила. Если она позволяет себе такое в адрес его сестры, вряд ли она войдёт в его положение, посочувствует ему. Да и чем она ему, строго говоря, способна в этой ситуации помочь?

Его брат погиб почти сорок лет назад. И теперь кто-то сообщил ему, что Веню убили и убийцы всё ещё живы.

И что? Он примется их искать? Бред. Дешёвка. Пойти в полицию? Вряд ли там кто-то заинтересуется этим. Срок давности. Но... В случае убийства тоже есть срок давности? Это давно не имеет никакого значения. Брата не вернёшь. Но

кому понадобилось ему это писать? Кто-то глумится? Стоит ли это выяснять? У него нет врагов, чтобы так жестоко над ним шутить. А если он не замечает этих врагов? Кто-то же это настрочил... Куда важнее отношения с Майей и всё, что происходит сейчас, а не сорок лет назад. Но...

Впервые в жизни он сталкивался с тем, что совсем не может ничего поделать с обстоятельствами, сжимавшими его, как неумолимые тиски. Он убеждал себя в одном, но тут же сам с собой не соглашался. Полная беспомощность. И Веру во всё это погружать сейчас он не имеет права — это свинство.

Что же делать? Сидеть просто так и ждать, когда его всё это поглотит и уничтожит? Когда тот, кто состряпал СМС, найдёт его лично? Когда в его библиотеку нагрянет ФСБ и предъявит за сборища вольнодумцев? Когда Вера умрёт, а Майя пошлёт его, нерешительного, никчёмного, куда подальше? Он же только вчера порывался спасти любимую девушку! Быть умным, вёртким, спокойным, обыгрывать противников, проявляя терпение и хитрость. А теперь он с трудом находит силы, чтобы жить.

Он поразмышлял некоторое время, стоит ли выходить на улицу и что это изменит, но грудь теснило всё больше.

Прошёл на кухню. Вид пустой пластиковой бутылки на столе только усилил жажду.

«В любом случае надо сходить за водой» — это была первая его определённая мысль за всё утро.

На улице разгуливал не мороз, морозец. Лёгкий ветерок делал его несговорчивым, но не придавал ему сил. Снег во дворе, радостно поблёскивая, поскрипывал под ногами. Детская площадка вся словно нахохлилась — выглядела неуютно и вычурно. Дворников почему-то не было видно.

Он вышел на Плющиху, машины толпились вдоль всей улицы, от тишины двора не осталось и следа. В круглосуточном магазине «Магнолия» заказал скверный кофе. Но продавщица улыбнулась ему искренне, и он тоже улыбнулся ей в ответ. Хотя, возможно, она улыбалась не ему, а каким-то своим мыслям.

Напиток обжигал пальцы через бумажный стакан, и он едва донёс его до столика. Это мини-кафе выглядело вполне сиротским, чтобы он пожалел себя. Он даже попробовал представить, как бы сейчас оценили всё это мама с па-

пой. Но он, и когда они были живы, не особо подпускал их к своей личной жизни, только изредка сообщал, чтоб не волновались, что-то типа — сегодня буду поздно, иду на свидание с такой-то, поэтому сейчас ему никак не вызвать их тени для поддержки. Попытки объяснить себе Майину жестокость ни к чему не приводили, забыть вчерашнее чудовищное СМС не выходило.

Почти автоматически, без всякой цели, он взял телефон и полистал контакты. Зачем ему это потребовалось — непонятно. Едва ли там найдётся тот, кто нужен. Но тоску и неопределённость этого утра стоило развеять хоть каким-то действием. Люди. Их контакты. Он всё же не совсем один. С кем-то знаком, кто-то знаком с ним.

Он любил иногда размышлять о себе в третьем лице. Ему не хватало людей, хоть как-то его оценивающих, поэтому он частенько перемещал себя на их место. Тем самым он как бы вырабатывал у выдуманного мира виртуальное отношение к себе. А реальный мир был к нему по большей части безразличен — кроме Веры, родителей, нескольких женщин на короткое время и... Майи, как он себя убедил, но вчера эта убеждённость пропала. «Почему так? — иногда задавался он вопросом. — Ведь я достаточно открытый и общительный человек. Неплохой. Но мало кому нужный, по большому счёту. Хотя есть те, кому хуже».

Список контактов между тем открыл букву «Л». Лизавета, Верина дочка... Сейчас она учится в Питере.

Он отложил телефон. Прищурился.

А что, если?..

Мысль сегодня же, без всякой цели, поехать в Петербург наполнила его существо радостью.

Этого никто от него не ждёт.

Этого он сам от себя не ждёт.

Но в этом столько завораживающе бессмысленного.

В читальне проблем не будет. Он позвонит Синицыну и попросит его взять на себя хлопоты по оформлению ему отпуска на все дни, что у него есть в этом году. Их, кажется, семь или восемь. Бухгалтерия справится с этим. Саша Синицын подпишется за него на заявлении.

Что это ему даст? Что решит? Скорее всего, ничего. Но... Ему не нравится та точка, куда привела его жизнь. Значит, надо начать с другого места.

Вернувшись домой, он открыл ноутбук, вышел на сайт Туту.ру и быстро купил билет до Петербурга.

Майя томила на лекции. Сосредоточиться на красивых фразах лектора не удавалось. С каждым днём учёбы очарование от специализации, которую она получала в этих стенах, таяло. Она уже давно признала, что РГГУ – это не то, о чём она мечтала. Она как проклятая готовилась к ЕГЭ, чтобы поступить с первого раза, ходила даже на подготовительные курсы, с восторгом открывая для себя в этих занятиях много заманчивого и неизвестного. После поступления некоторое время носила в себе счастье, а мать так просто ликовала. Училась Майя прилежно, каждый семестр подавала на повышенную стипендию и всегда получала её. И хоть учёба давалась ей легко (она даже иногда позволяла себе не слишком усердствовать), сам вуз тяготил её всё больше и больше. Много нудных преподавателей, непривлекательных, потухших, уставших талдычить всю жизнь одно и то же по одним и тем же конспектам, однокурсники – в основном тусовщики и снобы, толком ни в чём не разбирающиеся, несамостоятельные, инфантильные, прогуливающие родительские деньги.

Она притворялась, что записывала, а сама просто рисовала разные фигурки. Всё, что говорит этот нудила, есть в учебнике. Зачем мучить нас конспектами?..

Ещё ей мешали сосредоточиться разные моральные неудобства. Конечно, она осознавала, что поступила вчера по отношению к Артёму так себе, но не до такой степени, чтобы спешить извиняться. Он тоже мог бы войти в её положение и не устраивать спектакль с уходом и бросанием на стол денег. Ладно! Как-нибудь это разрешится. Если она напишет или позвонит ему первой, он зазнается. Такого нельзя допускать.

Пара закончилась.

Майя вышла в коридор, достала телефон. Почти все её однокурсники сделали то же самое. Свет из больших окон старого здания на Никольской касался стёкол на мобильниках, не переставая удивляться, почему люди прекратили разговаривать друг с другом, а смотрят лишь в синтезированное прямоугольное пространство так внимательно, словно оно вот-вот оживёт. На дисплее отобразился пропущенный вызов от Во-

лоди Яснова. Она как-то совсем забыла о нём вчера. А зря. Интересно, он до сих пор влюблён в неё? Есть ли у него теперь девушка? Такие размышления её чуть-чуть успокоили. Скорее всего, влюблён. Ведь пытался же он её поцеловать тогда, когда они встретились после долгого перерыва. Потом, правда, не лез. Выжидает... Возможно, его удастся увлечь их идеями. Каждый человек теперь на вес золота.

Писать или звонить Артёму она сегодня точно не будет. Она не удержалась от улыбки, представляя, как сейчас её любимый ищет повод преодолеть обиду и помириться с ней, как часто смотрит в телефон.

Майя никогда не размышляла о силе привязанности Шалимова к ней, но женское чутьё ей шептало, что её власть над ним бесспорна и он никогда не рискнёт порвать с ней по собственной воле. Даже если очень захочет – не выдержит. Что он без неё? Старейший мужчина. Зря она вчера, конечно, так безжалостно высказалась о его сестре. Видимо, действительно он из-за Веры переживает. У него кроме неё никого нет. Все умерли.

С ним было о чём поговорить, он делал её жизнь более насыщенной, при этом не ограничивал её свободу, не нависал над ней, не требовал ежеминутной преданности, не мешал ей жить. Он не раз говорил, что они встречаются только потому, что обоим это приятно и не мучительно. Вчера кое-что всё же изменилось. Ладно, как-нибудь наладится. Если он уже совсем долго станет дуться, она его приманит.

Смерть – непоправима. А жизнь можно исправить...

Позвать Володьку на их следующую встречу в читальне? А почему нет? Или рано?

Студенты возвращались в аудиторию. Майя нехотя поплелась с ними, думая, как глупо она тратит время. Всё равно она сдаст сессию лучше всех. В отличие от многих она поступила сама, не по блату и не за деньги, и запас прочности в знаниях у неё ого-го какой.

«Сапсан» подползал к Петербургу. Следовали один за другим неопрятные дома с мёртвыми окнами, заборы с замысловатыми граффити, потом начинались запасные пути, и люди в оранжевых фуфайках брели по ним с деловитым спокойствием.

Поезд наконец остановился.

Пассажиры принялись выгружаться на перрон, перетаскивая чемоданы и тюки. Некоторые сразу попадали в объятия встречающих, другие начинали спешно перемещаться, а иные оставались стоять, недоумевая, почему их не ожидают.

Артём ступал осторожно, будто платформа могла провалиться от каждого его шага.

Путешествие развлекло его, сняло напряжение. Теперь обо всём думалось как-то спокойнее: «Вот он красавец! Взял и уехал. Как быть с Майей? Со всем тем, что закрутилось вокруг неё? Да никак. Он же собирался её спасти? Ну не сейчас же. Если она не полная дура, то раскается в своём вчерашнем выпаде. И попросит прощения...»

Ожидание, что кто-то будет виниться перед тобой, весьма сладостно.

Человек, который должен был передать ему ключи от квартиры на Фонтанке, которую он забронировал на неделю, появится около парадной только через полтора часа. Шалимов наслаждался тем, что сумка его легка — он взял только самое необходимое: несколько рубашек, футболок и нижнее бельё (всё остальное он купит в Питере, если потребуется); в поезде он наконец вчитался в «Брисбен» и пребывал в хорошем настроении, как от классно выполненной работы. Такое всегда с ним происходило после удачного чтения. Ощущение короткое и бессмысленное. Но приятное и мало кому доступное. Те, кто его испытывает, неизменно вздрагивают от неофитских вопросов: зачем вообще читать книги?

В три часа дня в феврале в Петербурге до сумерек ещё далеко, но перевалившееся на другую сторону неба оранжеватое солнце уже лениво и слабо, ему неохота пробивать светом тучи, и потому в этот час цвета воздуха, асфальта, стен и заледеневших вод почти сливаются в нечто единое.

Центр Петербурга Артём знал неплохо. В годы его юности Ленинград-Петербург был одним из немногих романтических мест в стране, куда ездили с теми, в кого были влюблены. Отправиться вместе в Питер юноше и девушке — это почти как обвенчаться. После эклектичной внутренней Москвы, с романтикой неявной, скрытой во дворах, в изгибах переулков, в видах с возвышенностей, невские парадные перспективы выглядели более подходящими для окончательных признаний и смелых ласк.

Первый раз Артём попал в Ленинград, когда их класс выезжал на экскурсию. Поселили их в

затрапезном общежитии недалеко от метро «Площадь Мужества». Всю ночь в комнаты к его одноклассникам ломались какие-то шепотные парни, и это было едва ли не единственное, что запомнилось. Потом он выбирался сюда часто, два раза с одной своей любовницей, позже променявшей его на милиционера; а незадолго до смерти матери, когда она ещё совершенно не собиралась умирать, он по её просьбе возил её сюда; они жили в шикарной гостинице прямо около Московского вокзала, в начале Лиговского, ходили по ресторанам, гуляли по Летнему саду, посетили Театр Европы, где давали Брехта, катались на ночном речном трамвайчике.

Последние несколько лет так получалось, что он регулярно посещал Петербургский культурный форум, — в один из таких выездов у него случился с одной библиотечаршей из Твери краткосрочный неуклюжий роман, быстро растворившийся в её слишком поспешном желании «быть с ним всегда».

Невский отталкивал огромным количеством людей, стремящихся к нему, удаляющихся от него, переходящих его. Куда пойти? Где-то выпить кофе? Те кафе, что виделись вблизи, не привлекали. Около вокзала в заведениях всегда присутствует некая неприкаянность. Мечталось о чём-то уютном, с особой атмосферой, какую в кафе Петербурга встретишь чаще, чем где-либо ещё, с вкусными свежими и красивыми пирожными, с ажурной легчайшей пенкой капучино, что тает на губах и заставляет просить кофе ещё. Однажды, когда он путешествовал по Италии, заказал капучино после сытного итальянского обеда и услышал в ответ от официанта улыбочное: «капучино криминале». Потом официант объяснил на смешном и корявом английском, что итальянцы никогда после еды капучино не балуются, оно противопоказано, только всё портит внутри, перемешиваясь с блюдами. Если мыслишь себя эстетом или просто приличным человеком, следует заканчивать трапезу только ристретто, где кофе всего-то пару глотков на дне чашки, но крепость вполне подходящая, чтобы организм взбодрился и не поддавался разным тягестям.

Хоть Петербург сейчас предлагал ему не больше четверти от той свободы, что он испытывал, бывая изредка в Европе, без этой четвертушки ему сейчас не сдюжить. В Москве и её днём с огнём не сыщешь. Там ни о ком, кроме

себя, недумающие машины, огромные распахнутые улицы, которые никак не перейдёшь, полные людей подземные переходы, всегда не в том месте, где надо. В общем, он, кажется, прав, что приехал сюда. Как пить дать, Майя скоро начнёт ему писать. Мелькнула мысль: может, вызвать её сюда? Ещё чего! Пусть помучается. Она виновата не только в хамстве, но и в том, что втянула его во всю эту революционную дребедень. Как спокойно и хорошо было без этого. Он спросил себя, сошёлся бы он с ней, знай раньше про её закидоны?

Пройдя немного по Лиговке, где дома по ночам хватаются за крыши, как за головы, он повернул в первый переулок направо и вышел по нему к аккуратной площади, где посреди сквера стоял небольшой памятник Пушкину в надменной позе со скрещёнными на груди руками и откинутой чуть назад головой. Александр Сергеич был изображён в привычном для своих копий возрасте, в районе тридцати, но выглядел по-мальчишески стройным и возвышенным.

Почти у самого поворота на Кузнечный Артём обнаружил кофейню, показавшуюся ему подходящей, чтоб скоротать часок. Поначалу он чуть было не прошёл мимо – витрина больше походила на магазин, – но потом взгляд его проник внутрь и радостно зафиксировал, что там всё, пожалуй, так, как ему сейчас надо. Всего несколько столиков, четыре на первом этаже и три на втором. Атмосфера чуть кукольная, будто здесь постоянно проводятся детские праздники. Пахнет приятно и не казённо, по-домашнему; казалось, здесь готовят кофе и выпечку для горячо любимых людей, а не для случайных прохожих.

Он заказал у стойки латте, помедлил немного, попросил ещё пирожное с гордым названием «Анна Павлова» и поднялся наверх. «Интересно, почему “Анна Павлова”, а не “Галина Уланова” или “Матильда Кшесинская”? “Кшесинская” хорошо бы продавалась после скандала с фильмом Учителя».

В окне старинная улица являла маленький кусочек своей высокопородной красоты.

Внутри намечалось некоторое равновесие. Так бывало с ним: вроде бы ничего не менялось, поводы для волнений никуда не девались, а мысли вдруг начали плыть безотчётно красиво и успокаивающе плавно, как в иллюстрациях к детским сказкам плывут лебеди и корабли. К этому он подсознательно стремился, заходя сюда, – найти точку, откуда он начнёт разбираться,

что с ним происходит, как он по-настоящему относится к случившемуся с ним в последние дни.

Он положил мобильник на столик на некотором расстоянии от себя. Скоро ли Майя проявится?

Снизу долетел звонкий голос девушки за стойкой: «Латте и “Анна Павлова” готовы!»

Шалимов неизменно смеялся, когда слышал, что кто-то собирается начать всё заново. Как правило, это заканчивалось лишь намерениями, но само желание так возбуждало некоторых, что им представлялось, будто в их жизнях что-то изменилось. Но сейчас он сам был готов убедить себя в необходимости сбросить весь груз последних дней, притвориться, что его не существовало, утопить его в сером мареве этого непостижимого города, в его нескончаемой воде, спрятать во множющихся, будто подрагивающих дворах, забросить далеко за город, в промзоны и на пустыри, – нет территории более подходящей для забывания чего-то тягостного, чем Петербург.

Когда он спускался за своим заказом, ноги ещё томились тяжестью, но обратно он почти взбежал. Что-то зрело неоправданно бодрое и решительное, такое, чему он пока не давал объяснений, но кто-то уже выводил невидимыми буквами на невидимом холсте: могу!

Слабость, дойдя до своего предела, легко превращается в силу, в сгустки желаний.

Мысли закипали в нём. В какой-то момент его раздумья развернулись с таким озорством, что он крепко сжал свой телефон и собирался с силой бросить его об пол, чтобы он разлетелся, превратившись в невосстановимую путаницу деталей.

Почему его так тяготило, что Майя и её друзья-революционеры обосновались у него в читальне? Чего он боялся? Всё это легко прекратить! Майя разлюбит его? На ней свет клином не сошёлся. Он ответственен за неё? Что за чушь? Эсэмэска о брате? Пусть пишут. Ему-то что? На каждого психа, что ли, реагировать?

В безразличии иногда больше свободы, чем кажется...

Тело больше не терпело бездействия, рвалось куда-то.

Надев куртку, Артём устремился на воздух. Краем уха слышал разговор двух работников о том, что вчера ночью мороз ударил лютый, а сегодня непривычно тепло для февраля. «Всё это неспроста, всё это для меня, – пробормотал он. – Оттепель».

Теперь ему не представлялся Невский диким, разнузданным, отталкивающим, суматошным, наоборот, его туда тянуло. Ему хотелось увидеть шпиль Адмиралтейства, выровнять себя по этой перспективе.

Невский шумел, суетился, около пешеходных переходов угрюмо собирались те, кто стремился на другую сторону, а когда светофоры переключались, машины недовольно замирали перед спешащими людьми. Красивые благородные фасады истомились от многолетних взглядов, и теперь Артём словно ловил их обращённый к нему шёпот: «Мы устали, но ты не устай».

Он повесил сумку на плечо. Почему-то пришло в голову, что так он выглядит спортивнее и непринуждённее.

Наконец он дошёл до дома, где снял квартиру. Длинноволосый парень в дублёнке уже поджидал его, чтобы вручить ключи. Он коротко проинструктировал его, где что включается, какие ключи от чего и какой пароль от вай-фая, но подниматься не стал, сославшись на то, что спешит обратно в Апраксин Двор, где у него точка.

Высокая лестница выглядела совсем старой, перила много где обтесались, пахло безнадежным несвежим холодом и табаком.

В самой квартире сумерки сгустились много раньше, чем на улице. Артём долго искал выключатель, чтобы включить в прихожей свет, потом снял куртку, повесил её на крючок и присел на табурет. Тягучая, совсем не городская тишина заползала в уши. Он как замороженный смотрел на мокрые пятна от своих ботинок. Ноги устали. Спина тоже.

Весь его задор вдруг исчез. Как будто воздух выпустили из воздушного шарика. Только что он был надутым, праздничным, летучим, а теперь маленький, ни на что не годный. Он – совсем один. В чужой квартире. Что ему здесь делать? Как он будет здесь жить и зачем? Чего дожидаться?

Надо срочно возвращать себе боевитость и провести этот вечер так, как он никогда ещё не проводил вечера...

Артём Шалимов с наслаждением, свойственным обычно никому не нужной свободе, бродил в тот вечер по городу в ранний февральский вечер, когда темнота сбивает с толку и не даёт определить, сколько на самом деле времени.

Бродил без цели, надеясь, что жизнь подарит ему приключения. Сидел в разных заведениях, где заказывал только сок, изучал людей, поражался, как они бессмысленны в поисках веселья, но в то же время страстно желал присоединиться к ним.

Потом ему надоели бары, и он просто погрузился в город, выбирая перспективы, углы, повороты, переулки, которые выглядели заманчивее. Ветер, до этого несколько вальяжный, сердито усиливался, дул в лицо, обжигал, но Артёма это не вынуждало прекратить прогулку. Напротив, это заставляло всё внутри ликовать, особенно когда он видел, как прохожие наклоняют головы, поднимают воротники, кутаются в шарфы, а он идёт прямо, наперекор чему-то хоть и выдуманному им, но всё же требующему воли в противостоянии. Безотчётно он снова вышел на Невский, хотя полагал, что всё время отдаляется от центра. Самая безразличная к людям улица в Северной столице, самая эгоистичная! Ему стало остро жалко себя. Удовольствие от прогулки, бодрость от холода, душевный подъём отвалились от него, как штукатурка отваливается от старой стены.

Он совсем один и всегда был один. Между ним и миром неизменно стояла его боязнь сделать что-то не так. А почему не так? В чём это «не так»? Надо было постоянно соблюдать некие правила, чтобы причислить себя к достойным членам общества. А само общество достойно? Не так уж неправы друзья Майи, что бунтуют.

Все прочитанные им книги сейчас предлагали ему своих героев для сравнения, но никто не подходил.

Красивый, сказочный, прихотливый даже для здешней архитектуры дом Зингера, ныне Санкт-Петербургский дом книги, почему-то заставил его остановиться. Он ещё не закрылся, в больших окнах виднелись книжные стеллажи, задумчивые неторопливые посетители. «Молчите, проклятые книги». Вспомнился Блок.

Некоторое время он колебался. Потом всё же открыл тяжёлую дверь.

Особое книжное тепло вперемежку с запахом одежды.

Народ передвигался между стеллажами, перелистывал тома, ставил их обратно и вынимал другие. Эта картина чуть успокоила его. Всегда успокаивало, когда рядом занимаются делом. Жалость к себе притупилась.

32

Он побродил по залам, всматриваясь в корешки, поражаясь тому, как много всего на полках, и особенно тому, что тома, за которыми в его детство и юность гонялись и готовы были отдавать любые деньги, теперь выглядели никому не нужными и печальными. Сам покупать ничего не стал. «Сперва дочитаю “Брисбен”», – успокоил он себя, направляясь к выходу.

О Майе он всеми силами старался не вспоминать.

Люди преодолевали парадное безразличие города. Одни – нарядные, весёлые – искали в нём приключения, другие шли грустные, подавленные, уставшие от постоянных неудач, третьи затаились в его домах, подворотнях, дворах, ждали добычу, только не ведали какую.

Его окликнули две девицы. Вернее, окликнула, конечно, одна. Но было их две. Периферийным зрением он это отметил. Он не ожидал такого и никак не отреагировал. Даже головы к ним не повернул.

Они мгновенно потеряли к нему интерес.

Одна из них прикурила и дала зажигалку другой.

Он прошёл несколько метров, потом что-то с ним произошло, и он вернулся. Девицы оглядели его как абсолютно незнакомого: чего, дескать, надо?

– Может, пива со мной попьёте? – сам себя не узнавая, бодро произнёс Артём.

Смутное желание совершить нечто запретное, пойти против себя, против здравого смысла, опроститься, встать в один ряд с жизнью, которая страшит. Вот что двигало им! Вовсе не похоть...

Девицы, как по команде, глупо и натянуто ему улыбнулись. И согласились. Кто бы мог подумать?

Одна из них представилась Аней, вторая – Светой. Они заявили, что лучшее пиво подают на Рубинштейна, и им следует непременно двигаться туда. Артём не имел ничего против.

По дороге Аня и Света умело вызнали у него, откуда он приехал и где остановился. Они были так милы, будто всю жизнь ждали встречи с ним. Шалимов вёл себя простодушно, отвечал на все вопросы. Не мог по-другому. Он, разумеется, слышал и о клофелинщиках, и о разводчицах, но сейчас его не волновало, кто его случайные попутчицы. Его влекло что-то, чему он не сопротивлялся...

По первому этажу дома, из которого он только что вышел, тянулись наглухо закрытые окна под вывесками «Продукты» и «Кофе-бар». На другой стороне улицы красная тюремная стена безнадежно разграничивала мир на две половины – свободы и несвободы. И пусть «Кресты» теперь в другом месте, память о том, что здесь так долго держали заключённых, ещё долго будет превращать это место в особое, мрачное, inferнальное: холодная река, холодная стена, смерть уже не считается ни с чем, забирает всех, кого захочет, и ни врачи, ни везение ей тут уже не противостоят.

Эти красные здания одновременно притягивают и отталкивают.

Вокруг них воздух иной плотности. Страдания людей живут дольше их самих и в странных, почти не видимых обличьях бродят, как неприкаянные, и мешают даже всесильным ветрам носиться по улицам туда-сюда.

До площади Ленина он дошагал быстро. Что-то гнало его туда, и он сам не отдавал себе отчёта, что именно. Ночь. Зима. Петербург. Он абсолютно свободен. Он устал, но от этого в нём не тяжесть, а лёгкость. У него есть некоторое количество денег, дающих право оплатить жильё, сытную еду в ресторанах и чего-нибудь ещё. Эта ночь ничего ему не принесла, кроме глупостей, но настанет завтрашний день, вечер, следующая ночь. Возможно, его ждёт нечто прекрасное? То, что поможет выбраться...

На углу, около вокзальной площади, «Кофе Хауз» манил заблудших в ночи, а также сошедших с ранних поездов транзитных путешественников отведать горячие напитки и быстро приготовляемую еду.

Артём зашёл внутрь, заказал латте с собой, дождался, пока ему дали горячий бумажный стаканчик, и двинулся дальше. Пройдя мимо больших, казённо светящихся окон Финляндского вокзала, он зачем-то остановился и долго глядел на памятник Ленину, нелепо бравурный, многие годы убеждавший ленинградцев, что страна, где они живут, – единственный претендент на настоящему светлое будущее. Ему захотелось отсалютовать бывшему вождю, и он поднял бумажный стаканчик высоко над головой. За Лениным ещё удерживала на себе лёд река, далее взгляд упирался в дома на набережной, разно-высотные, с большим количеством жильцов, ко-

торые через несколько часов начнут просыпаться, зажигать свет на кухнях, ставить чайники.

От вокзальной площади он по переулку, пролегающему между мрачными серыми корпусами Артиллерийской академии, попал на улицу Лебедева. В слепые окна зданий заглядывали поражённые зимой деревья, угрюмые и искривлённые от долгой борьбы со стужей.

Петербург покоился в жёлтом свете фонарей и подсветок на фасадах. Шпиль Петропавловки торчал намёком на то, что не всё устремлённое вверх есть свобода.

Когда переходил Неву, думал о Майе, о Вере, думал неконкретно, просто примеривался к ним, исходя из того, что они не ведают, где сейчас он и чем занимается.

Справа река расширялась, удерживая над собой дальний аккуратный купол Исаакия, Дальше она делилась на рукава, словно одной ей войти в залив представлялось страшным и неприличным.

Артём остался равнодушным к этому виду, не заметил в нём ничего, что бы ему пригодилось. Внутри разрасталось что-то мерное и большое, непонятное, непредсказуемое и торжественное. Ему вдруг захотелось посвятить себя какому-то большому делу, чтоб оно перевесило всё остальное в нём. Вспомнилось название романа Юрия Германа «Дело, которому ты служишь», стоявшего в их домашнем книжном шкафу, когда он был маленьким. Он так и не прочитал этой книги. А потом она куда-то делась. Кто-то взял почитать и не отдал? Или перекочевала в задний ряд? Корешок, как он помнил, был довольно толстый, некрасивый, тяжёлый и мрачный. О чём она? Надо срочно прочитать. Наверняка есть в его библиотеке этот роман Германа. Его библиотека. Библиотека, где он служит. Читальня! Течение мысли словно столкнулось с непреодолимым препятствием и мучительно остановилось. Неприятно!

Мост кончился, начался Литейный проспект. Он как будто немного защитил его, сузил пространство, укрыл домами от реки, несущей свободу огромного озера к свободе огромного моря и этим донимающей людей, нуждающихся в своём угле, ночлеге и сне больше, чем в мифической вольнице и в сказочной воле волн и ветра.

Длинное тело Майи вдруг ему представилось так явно, что он почти физически ощутил его тепло, его гладкость, его обаятельную нескладность, его податливость и постоянную го-

товность к ласкам. Это было самое лучшее в их близости, когда она лежала рядом, и он, чуть касаясь её, наслаждался молодостью, гибкостью, длинной истомой ног и рук. Первые совместные дни они невротически боялись прискучить друг другу, специально встречались не так часто, как хотелось, фанатично утверждали, что наслаждаются настоящим, а будущее «пошло к чёрту», не требовали отчёта за всю прошлую жизнь, даже намекали, что в «случае чего» всё простят.

Выкинув в урну пустой бумажный стаканчик, он подумал, что хорошо бы где-то позавтракать. Или хотя бы выпить ещё кофе. Неужели ночью в центре Петербурга негде поесть?

До самого Невского он так и не встретил ни одного открытого заведения. Странно!

Вспомнил, что видел из окна квартиры, куда сегодня заехал, вывеску «Продукты 24» на другой стороне Фонтанки. Туда он и зайдёт.

В итоге он набрал столько еды, будто собирался кормить многочисленное семейство. Голод пробудился и диктовал безрассудный выбор. Сыр, колбаса, яйца, ряженка, сметана, простокваша, хлеб, помидоры, малина, банка кофе, сливки, масло, три пачки творога. Когда выгрузил всё это на кухонный стол, а потом начал аккуратно раскладывать по полкам в холодильнике, сам удивился, зачем ему столько всего. Подмывало взять поскорее телефон и глянуть, что там. Столько времени он не смотрел на экран!

Ожидал прочитать что-то от Майи. Но от неё ничего не пришло. Высветились несколько звонков с незнакомого номера и одна эсэмэска.

Прочитав её, он содрогнулся. Подступила тошнота. Кто-то терзал его, напоминая, что брат погиб не своей смертью, а он ничего не предпринимает, чтобы отомстить расхаживающим на свободе убийцам. Он судорожно стал вспоминать, у кого из знакомых могут быть связи с полицейскими. В голову ничего не приходило. Ясно, что никто не бросится расследовать дело сорокалетней давности только потому, что кто-то отправил ему сообщение, но, возможно, хотя бы кто-нибудь сподобится выяснить, кто шлёт ему весь этот бред. Это же, кажется, незаконно. За это, как он слышал, наказывают, даже дают реальные сроки.

Сон подкрался к нему исподтишка, легко пнул, отбежал и запрыгал, как мячик, по старой петербургской квартире, поглядывая на него, спящего, и загадочно улыбаясь.

Артём всегда считал сны лучшей частью своей жизни. Даже кошмары. В них случалось всё самое важное, в них он отличался храбростью и решительностью и не обязан был ни за что отвечать. Но сегодня ему ничего не снилось. И проснулся он быстро, сразу вспомнив, где он и что с ним приключилось.

Перед ним полный расклад угнетающих его обстоятельств. Вера, Майя, эсэмэска. Поправи-мо или непоправимо?

На кухне он вчера оставил открытым окно, и теперь там всё промерзло, выстудилось, затвердело от ночного мороза. Потребовалось усилие, чтобы задвинуть шпингалет на раме. Старое окно разбухло и никак не закрывалось до конца.

Из кухни открывался вид на двор. Настоящий петербургский, мрачный и тесный, но с двумя арками по бокам. Почти прижавшись друг к другу, стояли разные автомобили, около мусорных контейнеров сутились коты, худощавые и гладкошёрстные.

Пока ходил из комнаты на кухню – подал сигнал телефон. Новое сообщение. Это его сразу всполошило. Кто же всё-таки вспомнил о нём? Скорее всего, Вера. Он бережно взял сотовый.

«Артём, мы тебе вчера звонили, но безуспешно. Ты же нас в свою библиотеку приглашал на поэтический батл! Вот мы и решили прийти. В кои-то веки. А ты на связь не выходил. А без тебя мы не пошли».

Номер не определился. Что за чертовщина? Кто это может быть?

Он напряг память. Кстати, а состоялся ли этот батл? Надо посмотреть на сайте читальни. Если всё прошло по плану, то его подчинённые, несомненно, во всех красках описали событие и разместили фотографии.

Он нашёл нужную ему страницу, удостоверился, что без него в библиотеке всё идёт своим чередом: батл состоялся и собрал, судя по снимкам, немало публики. Прежде его бы это обрадовало, но теперь оставило равнодушным.

«Когда Майя планировала вновь собрать у меня в кабинете своих единомышленников?» – злорадно спросил он у пустоты. Пустота промолчала. Да он и не нуждался в ответе. Он знал его сам.

Интересно, как скоро она примется его искать? Извинится ли? Чем дольше они не общались, тем гадостнее становилось на душе. Пло-

хо было и то, что она его так обидела, и то, что не писала и не звонила. Кого он наказал своим отъездом, ссорой? А чего ждал? Что она приползёт на коленях?

Он сообразил, что на батл, скорее всего, рвались те два дяденьки, знакомых его отца, с которыми он напился в поезде из Самары. Сейчас он припомнил, что спорил с ними о книгах – господи, какой олух! – нашёл с кем спорить! – и в пылу полемики предложил приобщиться к современному литературному процессу, посетив поэтический поединок. Какой бред! Как же их звали?

Память, принеся в своих уставших волнах обрывки той беседы, спрятала имена попутчиков в плотном мареве.

Вчера у него иногда получалось отогнать мысли о любимой. Сегодня уже нет.

Хотя бы это он в состоянии контролировать? Девчонка нагубила, надо проучить её, а он готов на всё, вплоть до того, чтобы найти ей оправдание.

Надо звонить сестре. Да. Всё будет предсказуемо. Он выяснит, как она себя чувствует, и услышит в ответ, что неплохо, что лечение идёт по плану и всё в этом роде. Он скажет, что волнуется, она попытается успокоить его. Но если не говорить с ней или всё превратить в формальность, вина потом задушит.

Как дела у Александра с кредитом? Он слышал, что быстро оформить кредит совсем не просто.

Он сделал себе кофе.

Февраль в Петербурге, хоть и смирил в этом году свой свирепый нрав, всё же не мог изжить привычку остужать человеческое жильё, проходя сквозь стены с лёгкостью иллюзиониста, примораживая стёкла, выглаживая своими холодными руками все поверхности.

«Может, не звонить, а написать Вере, вдруг она сейчас на каких-нибудь процедурах или у врача?» Он ещё не свыкся, что болезнь сестры неумолимо возводит между ними стену. Это слишком нелепо, чтобы быстро осознать. После смерти родителей она стала для него той небесной защитой, существование которой делает жизнь любого человека не вполне самостоятельной, сладко зависимой от возможности всегда попросить помощи у старшего родственника и знать, что этот человек тебе не откажет. Его желание не говорить с ней, а общаться сообщениями – первый шаг к отчуждению.

Вспомнились отцовские наставления из раннего совсем возраста, когда он был склонен подолгу грустить: «Если тебе плохо, точно выясни почему, а не психуй из-за всего подряд. Когда выяснишь – устрани эту причину, если можешь. А не можешь – смирись и живи дальше. Жди шанса».

Ну, что же, наверное, стоит последовать отцовскому совету.

Итак, с чего начать? Майя! Всё из-за неё? Ну, пожалуй. Хотя не факт. Примирение с ней – всё же дело времени. Вряд ли ссора разрастётся до окончательного разрыва. С её бунтовщиками тоже как-нибудь утрясётся. К ним ещё предстоит присмотреться. Вдруг они не такие уж пустые люди? Страх перед болезнью Веры, ужас от возможной потери? Нет. Это ранит, но не страшит. Тут всё ясно.

Эсэмэска от неизвестных людей о том, что сорок лет назад его брата Веню убили? Но кому помешал подросток, что за чушь? И почему написавший столько лет молчал?

Шалимов вздохнул так глубоко, словно собирался проверить, до какого предела лёгкие выдержат. Раздулся, как шар. Иногда такие глубокие вздохи помогали ему сосредоточиться. Сейчас нет.

Да. Это она, эта эсэмэска, гонит его от себя самого, травмирует, ломает, она заставила его уехать из Москвы, она подчинила его себе, она его изничтожает своей необъяснимостью, неуловимостью, парадоксальностью, жестокостью, презрением.

Её писал его враг!

А он-то, наивный, полагал всё это время, что врагов у него нет.

Значит, надо все силы бросить на устранение причины, как советовал когда-то папа. Причина теперь предельно ясна.

Кто поможет выяснить, с какого номера шлют эти гадкие эсэмэски о брате? Он предполагал, что это не так сложно, даже если адрес скрыт. Опытный компьютерщик обязательно определит хотя бы местоположение компьютера. Надо было ему этим озаботиться вчера. Почему он так не поступил? Очевидной глупостью было полагать, что повторения не последует.

Какую цель преследует пишущий? Первое: он явно пока не собирается вступать с ним в контакт, иначе к чему скрываться? Второе: у него есть номер мобильного. Значит, это кто-то из знакомых? Хотя узнать сейчас номер не так уж

трудно, если захотеть, например, вывести у кого-нибудь из сотрудников его библиотеки. Сюжет, конечно, напоминает дешёвенький детектив, но ничего другого пока в голову не приходило. Третье: способ связи архаичный. Значит, человек немолодой. Сейчас куча возможностей оставить анонимное сообщение, но он выбрал именно этот, весьма дикий вариант. Или дело не в возрасте?

Кому надо всё это ворошить?

Может, купить другую симку и сообщить новый номер всем контактам, а старую уничтожить? Неплохая мысль. Тогда он будет неуязвим для того, кто изводит его.

Артём представил себе, как выйдет из дома, найдёт салон связи, и проблема разрешится.

«Здорово! Почему до меня раньше не дошло? Глядишь, и в Петербург не пришлось бы бежать! Какой я молодец!»

От восторга он поднялся, почему-то сделал несколько приседаний, потом начал напяливать на себя брюки, футболку, свитер. Сейчас он залезет в Интернет, узнает, где ближайший салон связи, и всё. Слава технике!

Однако ликование длилось недолго. Так бывает в фильмах: герой, казалось бы, уже скрылся от погони, избавился от преследователей и бежит свободно и легко, как из подворотни выскакивают затаившиеся наймиты и скручивают того, кто только что вдыхал запах победы. Так и сейчас: что-то за доли секунды изменилось в нём, и Артём Шалимов передумал осуществлять свой выглядевший безупречным план. Что его смутило?

Он самым что ни на есть острейшим образом осознал, что не простит себе, если не попробует выяснить причину гибели брата. Но самое главное заключалось не в этом.

Он не испытывал ни малейшего желания возвращаться к своей обычной жизни.

Артём Шалимов остановился на мосту. Вчера он не проходил тут, и сейчас вид его заворожил. По правую руку Фонтанка уходила вдаль ровно, наслаждаясь разными цветами фасадов, стремясь к чуть расплывчатому в дальней дымке синим куполам разлапистого Троицкого собора, а по левую изгибалась, как длинное тело красивой змеи, таила за этим изгибом что-то мощное, имперское. Вспомнил историю, что в Аничков дворец во времена фаворита Елизаветы Алек-

сея Разумовского не заходили, а заплывали. Отсюда «с корабля на бал». У него – ни бала, ни корабля.

Улица Ломоносова ещё не открыла все свои бары, но в воздухе уже витало напряжение ближайшего вечера, когда люди будут искать отдохновения, собеседника, партнёра, краткого фальшивого счастья, дурного всепоглощающего экстаза.

У Пяти углов один бар уже работал. Молодые официанты весело передвигались по залу, лихо обслуживая редких пока ещё посетителей. Артём отметил в памяти это место, но сейчас стоило ещё немного пройтись.

Улица Рубинштейна светилась, как румяная барышня, только что получившая предложение руки и сердца. В бары зазывали, нарядный народ курсировал туда-сюда, в подворотнях кучно курили. Артём примеривал себя к этому раннему вечеру и пока не особо совпадал с ним.

Около памятника Довлатову собрался народ. Артём прислушался, потом приблизился. Чернявый малый в очках выкрикивал стихи пьяным голосом. Что-то знакомое в его чертах... Бог ты мой!

Это же Марс-Кавказ.

Поэт с крика перешёл на ор.

Пара девиц из толпы зашла в транс.

А Артём остро захотел написать Майе. Ведь именно Марс-Кавказ своеобразным образом свёл их. И вот теперь вспомнился тот день, потом другие дни с ней. Воспоминания превозмогали обиды. Он же мужчина! Пусть первый шаг будет за ним.

Он быстро набрал сообщение в Ватсапе:

«Привет!»

Ждал ли он скорого ответа? Возможно. Ждал ли ответа грубого? Вряд ли.

На то, что она сразу прочтёт и никак не отреагирует, явно не рассчитывал.

Но...

Он не сходил с места. Всмотривался в экран телефона.

Марс-Кавказ неистово забивал в зимний воздух гвозди слов.

Майя не отвечала.

Ну что ж! Тогда в бар!

Благо ушёл недалеко.

Зачем он поспешил? Теперь Майя заподозрит в нём слабость.

Ну и пусть...

Он слабый. Ему трудно в ссоре с ней.

Рубинштейна, Загородный, Разъезжая – они, будто вены гигантского человека, подрагивали машинами, пешеходами; светофоры на время давали этой городской крови другое направление, но вскоре опять возвращали прежние потоки, бурные, неостановимые.

Он стремился вспомнить как можно больше из своей жизни. Артём никогда не задумывался над тем, что в их квартире нигде не было фотографий Вениамина. Да, тогда фотографировались нечасто, но всё же фотографировались. Не может быть, чтоб от брата совсем не осталось снимков! Значит, родители сознательно вытравляли память о нём. Почему? Не хотели травмировать? А если бы он задал им вопрос? Но он не задавал. Видимо, в детстве смерть брата причинила ему такую травму, что воспоминания о ней заблокированы до сих пор. Ведь он помнит Веню, помнит, как тот выглядел, как играл с ним, но всё это словно погрузилось в глубокую тьму. А ведь от него ничего не утаили. Он же спрашивал, где его брат, и ему – он сейчас слышал голос отца из тех времён с невыносимой отчётливостью – открыли, что Вени больше нет, он погиб. А потом ни слова? Это выглядело очень странно, очень. Нелогично. Вдруг мелькнуло перед ним видение: он, маленький, в кабинете врача, горько рыдает, его трясёт, а мужчина в белом халате внушает ему что-то спокойное, белое. Откуда это воспоминание? Он читал в книгах, особенно в остросюжетных, о разных формах гипноза, о лакунах в прошлом, об амнезии. Но он-то здесь при чём? Он абсолютно нормальный человек.

Ему, судя по всему, психолог сейчас нужнее полицейского.

Вопросы падали на него, как ядра.

У отца, матери и Веры точно имелась веская причина никогда не упоминать при нём о его старшем брате Вениамине.

Вера! Вера! Как он невнимателен к ней!

Он взял сотовый, написал ей в Ватсап:

«Привет! Извини, была страшная запарка на работе. Как ты?»

«Начала лечение. Чувствую себя неплохо. Через две недели, наверное, поеду в госпиталь Кюри, в Париж. Сашка пока не решил с деньгами, но время ещё есть. Я верю в него».

«Я обязательно приеду скоро».

«Хорошо».

Всё спокойно, связь между братом и сестрой крепка и не мешает их личным жизням. По крайней мере, пока. Но почему она никогда не обсуждала с ним смерть Вени? Не рассказывала о нём?

Ему наконец надо что-то решить: или он остаётся с Майей и терпит её друзей-революционеров, либо рвёт с ней, либо придумывает что-то третье.

На улице на него беспардонно напала зима, чуть ли не раздевая колючим ветром.

Он пошёл быстро, сунув руки в карманы, один раз чуть не полетел на петербургском снегу, судя по всему, нечасто встречающемся с лопатой дворника.

В итоге оказался напротив памятника Достоевскому. Как только он увидел фигуру писателя, жившего в этом районе в нескольких разных домах, показалось, что воздух на несколько градусов потеплел. Хотя, скорее всего, это просто на время петербургский ветер дал себе передышку и, забившись в подворотни, прижался к стенам, чтобы накопить новых сил.

Почему-то стало смешно от известного всем сочувствия классика к падшим женщинам. Теперь иные торгующие своим телом могут сами являться предметом зависти. Хотя чего им завидовать? Чему? Деньгам? Да, деньгам. Такова правда современной жизни. Не все открыто признают главенство денег, многие стесняются, но если ты нищ, никто тебя не зауважает за твой прекрасный характер, талант или ещё что-нибудь немонетизируемое.

Ширина и строгость Владимирского проспекта впечатляли! Он как будто поглощал входящие в него улицы, забирал у них силу, цвет, мощь, высоту. Минувя жёлтое здание Театра Ленсовета, Артём увидел на афише лицо Михаила Боярского. Его усы, узкое лицо, смеющиеся глаза всегда настраивали на что-то лёгкое, необязательное, праздничное. В детстве он пытался карандашом рисовать портреты артистов кино. Вернее, не рисовать, а срисовывать. Боярский получился похожим больше, чем другие.

Не спеша дошёл до Невского. Никуда в этом городе от Невского не деться.

Артём никак не мог проснуться. Что-то удерживало от окончательного пробуждения.

Наконец всё же заставил себя вернуться из мира видений в мир реальный.

Включил телевизор, скорее, чтоб узнать время, чем что-либо смотреть. 9.35.

«Надо пойти позавтракать где-нибудь. Съесть чего-нибудь горячего»

В поисках работающего кафе пришлось бродить довольно долго. Наконец на другом берегу реки он наткнулся на заведение, крайне неприхотливое, скорее стилизованное под столовку, чем похожее на неё, с большим выбором блюд. «Тарелка».

Обратно шёл быстро. Надо услышать Веру...

Постепенно он привыкал к этой квартире и мысленно уже называл её «домом».

Вера взяла трубку сразу.

– Привет! Извини, я вчера уже спал, когда пришла от тебя эсэмэска. Что случилось?

– Привет! Скажи, у тебя всё в порядке? – Голос её звучал не как обычно. Чуть больше беспокойства.

– Да. Более-менее. – Неужели она как-то узнала, что он в Питере?

– Точно?

– Точно.

– Или ты просто не смеешь волновать несчастную больную сестру?

– Конечно, я не хочу тебя волновать. Но и поводов особых нет. Всё идёт своим чередом.

Нет! Он никогда не взвалит на неё свою ответственность. Сейчас это невыносимо. Ей и так невыносимо. Ещё вчера он подумывал об этом, но сейчас, слыша её голос, который стал прозрачнее, легче, бессильнее, всякое поползновение втянуть её во всё это, в эти эсэмэски об их давно погибшем брате, виделось ему убийственно бессердечным и чёрствым, чуть ли не преступным.

– Хорошо. Спрошу так: тебе не приходили последнее время странные сообщения?

Внутри у Артёма всё сперва сжалось, потом ухнуло куда-то. Он на несколько секунд скрючился. Слюна не глоталась. Тошнило.

А Вера только повторяла в своей Самаре:

– Алло! Алло!

Он наконец смог выдать из себя:

– Да. Получал.

Она прочитала ему текст.

– Такие?

– Да. И ты тоже получила?

– Получила.

– У тебя есть предположения, кто их нам шлёт?

– Нет. Просто хотела тебе сказать, чтоб ты не волновался. Это какой-то ненормальный.

– Но этот ненормальный где-то достал номера наших личных телефонов.

– Это несложно при желании. Просто не волнуйся. Прошу тебя.

– Почему он в курсе нашей семейной трагедии?

– Уверена, скоро всё выяснится. – Голос Веры с каждым словом обретал спокойствие.

– Да как оно выяснится? Не понимаю тебя. Скажи, а почему в семье почти никогда не вспоминали Веню, не ходили на кладбище?

– Мы с отцом и матерью ходили. Тебе было нельзя.

– Почему?

– Это не телефонный разговор. Расскажу при встрече.

– Ну а сейчас ты можешь сказать мне, где он похоронен?

– Нет. Прости. Не сейчас.

Вера отсоединилась, оставив только равномерные, неприятные, бессердечные гудки.

Вот это поворот!

Тут же высветилось сообщение от Майи.

«У меня всё нормально. Тронута, что волнуешься».

Вчера он так ждал её отклика. Но сейчас ему было совсем не до этого.

Ситуация усугублялась. Маньяк добрался и до Веры. Веры, над болезнью которой Майя позволила себе подтрунивать. И теперь она демонстрирует, что настроена помириться? Нет уж. Простить её так быстро – это предать Веру.

Боже мой! Необходимо как-то успокоиться.

Он включил чайник. Насыпал в кружку растворимого кофе. Задумался.

Он не сообщил Вере, что он в Петербурге.

Ему не справиться со всем этим одному.

В этом городе кто-то может ему помочь?

«Лиза, привет! Это твой дядя Артём. Я сейчас в Питере. Если есть желание, можем где-нибудь пообедать».

Племянница перезвонила почти сразу.

– Дядя Артём! Какая неожиданность! Какими судьбами? Командировка?

– Не совсем. Ну что, пообедаем?

– Да. Где и во сколько?

– Давай в полвторого. Я тут не особо знаю места.

– А ты где остановился?

– Снял квартиру на Фонтанке, рядом с Невским.

– Ближе к Неве? – Голос Лизы немного потерял благостность.

– Нет. В противоположную сторону.

– Я бы где-нибудь суши поела... Так-с... Хорошо. Есть «Две палочки» на углу Невского и Владимирского. Может, там?

– Давай.

– Дядя Артём, а можно я буду со своим парнем?

– Без проблем.

Лёгкий разговор. Теперь ясно, что болезнь Веры пока ей не явлена. Правильно ли отказывать дочери в праве посочувствовать матери, помолиться за неё?

Нахлынули воспоминания о том, какой Лиза была в детстве, но ничего с собой не принесли. Расплывчатые пятна: какой-то пикник на берегу Волги, хныкающая девочка. Потом почему-то маленькая Лиза в его видениях выросла и превратилась в Майю, которая трясла перед ним огромным мобильником с экраном, горящим ярко-красным огнём...

Майя почти всю ночь не спала. Задремала только под утро, и то некрепко и ненадолго. Она проклинала себя, что позволила Артёму так себя вести. Проиграла по всем статьям. Но ещё, как говорится, не вечер. Всё можно исправить.

Ведь через два дня в его библиотеке они собирались объявить о начале боевых тренировок. Где теперь всё это организовать? Чёртов Артём!

До последнего она собиралась отправиться на учёбу, но в итоге передумала. Не до этого.

Она написала Артёму в Ватсап: «Доброе утро, милый!» Пусть ломает голову, что к чему.

Сорок минут потерпит, так она рассчитала. Если он не откликнется, снова подаст весточку. Необходимо, чтобы он изменился к ней, чтобы вернулось прежнее. Он не смеет так подвести её соратников. Нового места, столь надёжного, быстро не найдёшь. Не говоря уж о том, что идея Виктора хранить оружие в читальне теперь под огромной угрозой. Чёрт, чёрт!

Вчерашний страх от скорого их революционного выступления несколько рассеялся. В конце концов, это если и случится, то не завтра. Чего бояться? Она – девушка, а в полиции – в основном мужчины. Едва ли ей причинят ощутимый вред!

Она так гордилась, что нашла вариант встречаться в библиотеке. Раньше они собирались на

квартире Сони и ещё у одной девочки. Но как-то раз Соня заявила, будто у неё есть сведения о прослушке жилья оппозиционных журналистов в Москве и Санкт-Петербурге. Это всех если не напугало, то насторожило. Они пробовали встречаться в кафе Дома книги на Арбате, но там всегда народ: кто читает, кто кофе пьёт, а значит, любой в состоянии погреть уши. И тут Майю осенило. Библиотеку вряд ли прослушивают. Зачем? Идея всех вдохновила.

Артём как-то делился с ней, что в его жизни до сих пор не случилось ничего великого, что он не всегда понимает, зачем живёт. Тогда она пошутила, что, наверное, цель его жизни – встреча с ней.

Всё это звучало мило, не всерьёз.

На деревьях за окном кое-где висели сморщившиеся прошлогодние листья. Она вдруг подумала: «А куда они денутся весной? Всю зиму держатся за своё прошлое, хотя на них страшно смотреть. Не листья, а какие-то лохмотья».

Пора ещё раз потревожить Артёма.

Шалимов долго лежал в горячей до предела, до невозможности терпеть ванне, потом яростно тёр каждый участок тела мочалкой, два раза вымыл голову, побрился, после этого надел всё чистое, обильно побрызгался одеколоном.

Спал он мало, нервно, совсем не отдохнул. У мыслей не находилось сил, чтобы собраться во что-то складное и отвести его подальше от тёмных провалов, куда он норовил вот-вот нырнуть. Даже отреагировать на звонки и сообщения Майи, полные желания помириться, он не мог.

Вид из окна: допотопная вывеска «Продукты» на другой стороне Фонтанки, на стене когда-то парадного, а ныне мизантропически мрачного фасада, – подчёркивал его, москвича Артёма Шалимова, чуждость всему здешнему. Петербург весь превращался в понедельник, в будни, в то, с чем невозможно бороться, что и есть обычная жизнь в северном городе зимой, где желания остры оттого, что исполнение их невозможно.

Ему давно пора смириться с тем, кем он является на самом деле, и не рыпаться. Если он поднимает голову, сразу по ней получает.

Вся эта старая мебель, потолок, жалкая лепнина, свет лампочек, сиротская кухня со столом без скатерти, окна с грязными стёклами объявили ему войну.

Место всегда побеждает человека. Человек зависит от места, а место от него нет, как бы он ни пытался его изменить, приспособить к себе.

«Пора вернуться в Москву?» Мысль не выглядела спасительной. Он подошёл к вешалке, оглядел свою куртку так, будто первый раз её видел, потом снял с крючка. Почему-то показалось, что куртка ему маловата.

Небо над Петербургом нависало так низко, словно пыталось рассмотреть в городе каждую деталь, каждого человека. Температура прыгала вокруг ноля, то вверх, то вниз, ветер таил свою грозную силу, иногда развлекаясь короткими порывами. В воздухе витал дух просыпающегося после зимы моря, дух мощных рек, прорывающих лёд, готовых вернуться в своё течение. Север дремал, сам уже устав от зимы, но свой норов, скрипучий и беспощадный, до конца одолеть не мог. До весны он ещё не раз его проявит.

Артёма тянуло к Неве. Улицы теснили его. Он быстро дошёл до Невского, потом по Фонтанке до Летнего сада, дальше вдоль Лебяжьей канавки – до набережной. Здесь почувствовал себя лучше, но не настолько, чтобы нащупать какой-то выход.

От Майи пришло уже столько сообщений, что, если он не ответит, можно будет забыть о ней навсегда.

Он взошёл на Троицкий мост. Ветру тут ничего не мешало. Город выглядел разъятым: слева Ростральные колонны, за ними купола, справа уродливые высотки Выборгской стороны, впереди два тоскливых минарета мечети.

Ровно посередине моста он вынул сотовый.

Она ответила сразу. Голос до предела нервный:

– Что?

Артём растерялся. Не ожидал, что после стольких попыток связаться с ним она изобразит, что совсем не рада его слышать.

Он остановился, мимо проносились машины, трамваи, автобусы, маршрутки. Шум мешал разговаривать, но всё же его слова слеплялись с Майиными, сначала слегка, потом крепче.

Майя вырвала у него обещание вернуться как можно скорее. Не сказала, что любит, но все её слова к этому подводили. Он осознанно сдался. Наверное, в глубине души он этого желал: спрятаться всё равно не удалось, пора решать проблемы, а не бежать от них. Он болезненно возвращался к мысли, что обязан защитить её. Хотя бы и от неё самой.

Ветер подул сильнее, но не холоднее, и он всем телом впитывал подталкивающие его куда-то порывы.

Не самый лучший выбор – остановиться и задуматься посредине Троицкого моста в февралю!

Он смотрел на Выборгскую сторону, на Охту, и взгляд его набирался такой силы, что начинал видеть, чего и не было. Ему представлялось, как под этим невозможным небом с серыми разводами, с романтической мрачностью, пройдя через промзоны, пакгаузы, унылые новостройки, где-то вдалеке заканчивается город, а за ним начинается северный необильный лес, прорезанный трассами, и далее земля всё мёрзнет и мёрзнет, и в конце концов мерзлота превращается в вечную, и в этих местах уже никто почти не живёт, только пустота хранит свои морозные тайны и каждую ночь вспоминает редкие полярные экспедиции. Он стоял рядом с фонарём, и в его уставшей, теряющей по кусочкам рассудок голове рождалось видение: это не уличный фонарь, а его старший брат Вениамин, что после смерти обернулся великаном и теперь в три раза выше других людей. Он разглядывал невскую воду, которая даже подо льдом топорщилась и манила его.

Небо везде было серое и только в дальней перспективе немного светлело.

Долго, почти бесконечно, брёл по мрачному Петербургу.

Воспоминания, увидев его беззащитность, яростно накинулись и творили с ним всё, что хотели.

Сперва в сознание ворвалась давняя сцена из последнего класса школы. Ему нравилась одна девочка из параллельного класса. Ничего плотского в этом увлечении не было. Девочка по имени Аня походила на ожившую куклу с белыми волосами, синими глазами с почти всегда распахнутыми ресницами, высокой шеей. Её образ совпадал с тем образом, что юноши обыкновенно создают в себе сами и называют идеальным. Артём испытывал жгучую робость и опасался даже заговорить с ней на переменах. Однажды он решил, что пойдёт за ней после школы и уж по пути, когда не будет лишних глаз, попробует с ней о чём-нибудь поболтать. Так он на почтительном расстоянии и следовал за ней, впереди маячила ровная спина, белые волосы плясали по плечам в такт уверенным шагам.

Когда она вошла в арку дома, где жила, он перегнал её и как ни в чём не бывало спросил, как настроение.

Она остановилась, какое-то время с любопытством смотрела ему в глаза, потом отчеканила:

– Ты меня преследовать вздумал? Дурак! Мне это неприятно. Понял?

Поражённый Артём так и остался стоять, а в ушах отбивался болью каждый её шаг, пока не осталось никаких звуков, только ужас и стыд. Пару дней он переживал чудовищно, всерьёз считал себя самым худшим из людей, но потом всё рассосалось. Зачем это вспомнилось сейчас?

Он всё время собирался повернуть на какую-нибудь отходящую от Каменноостровского улицы, но никак не мог выбрать и в итоге упорно шёл прямо.

Пересекая площадь Льва Толстого, он вспомнил, как прогуливался здесь несколько лет назад с Леной, той самой библиотечаршей из Твери, с которой завершил отношения из-за её слишком явных намёков на то, что им будет хорошо вместе всю жизнь.

Теперь память, словно издеваясь над ним, выволокла её образ и вопрошала: и за что ты так озлился тогда? Она ведь была честна с тобой. Может быть, как никто.

Детали их краткого романа сейчас слетались к нему из небытия, куда он их давно и, как сам полагал, безвозвратно отправил. Они вопили, как чайки, кружились, что-то пытались донести до него, утомлённого, безразличного, бессильного.

Впервые они увидели друг друга на заседании библиотечной секции культурного форума. Она выглядела всё время чуть недовольной, словно все присутствующие её немисливо раздражали. Это привлекло Артёма. Во время кофе-брейка они разговорились. Оказалось, у неё есть два билета на спектакль в Александринке. Македонский театр играет «Фауста». Она, ни секунды не сомневаясь, предложила ему составить ей компанию, благо театр находился на той же площади, что и библиотека, где проходило заседание.

Всю вторую часть библиотечных радений они переписывались о всякой чепухе, проклиная скучных докладчиков, а потом и вовсе сбежали.

До спектакля оставалось ещё некоторое время. Они зашли в «Крик» на Невском. Разговор катился легко, но она несколько раз вскользь упомянула о муже, видимо, защищаясь этим на всякий случай.

В театре он поставил свою ногу вплотную к её ноге, она не отодвинулась. Ему бешено хотелось обнять её, но он сдержался.

Со сцены говорили, кричали, пели на македонском языке. Декорации, как и весь модернистский спектакль, возбуждали мысли самые смелые.

В антракте он повёл её в буфет, они пили шампанское, очень сухое и холодное, и Лена становилась всё беззаботнее.

Когда они шли к гардеробу, она будто невзначай взяла его за руку.

Ноябрь в тот год в Петербурге выдался тёплым, мягким, лиственным. Они гуляли по центру, она рассказывала что-то очень важное для неё, но не важное для Артёма, однако он всё равно внимательно слушал.

Тогда они перешли Троицкий мост и пошли по Каменноостровскому. Было уже очень поздно, на площади Льва Толстого Лена предложила вызвать такси, но Артём, сам не ведая почему, сказал, что лучше поехать на метро.

На эскалаторе он легко коснулся губами её губ. Она не ответила, но и не возмутилась. Он не продолжил.

И тут что-то нарушилось между ними. Разговор занесло в какой-то невообразимый кювет.

Около хостела «Друзья», где небогатая тверская библиотека сняла для Лены жильё, она спросила его зачем-то, как он собирается встречать Новый год. Он хмуро сообщил, что праздник этот не любит и ничего особенного не планирует. Посидит с родителями и спать ляжет. (Мама и папа тогда ещё были живы.) Лена мечтательно прищурилась: она обожает Новый год, все его атрибуты, мандарины, гостей, оливье.

Наконец они дошли до подъезда, ведущего в хостел.

Всё обещало прощание формальное, вежливое, она уже почти отпустила в ночной воздух слова: «Спасибо за приятный вечер», — как он весьма бесцеремонно опередил её: «Я очень замёрз, погреюсь у тебя и побреду к себе». Когда они поднимались по лестнице, она тихо-тихо заметила: «Это же просто уловка». Он в ответ сильно замотал головой, ликуя, что она его уже не прогонит.

В крошечном номере умещалась только кровать и маленький столик. Она долго не отдавалась ему, хотя он чувствовал, что желание в ней неудержимо нарастает.

Когда всё кончилось, она стыдливо натянула платье и отправилась в душ, что находился в общем коридоре.

К себе в гостиницу на улицу Ломоносова он возвращался под утро опустошённым, но довольным. По дороге он получал от неё эсэмэски: «Сволочь, гад, тварь». Никак не реагировал, только улыбался.

Утром она разбудила его звонком, сообщив, что завтракает в кофейне около его отеля.

Когда он уже вернулся в Москву, она написала, что готова развестись с мужем и всю жизнь посвятить ему. Он жёстко ответил ей, что у него совсем другие планы. Он никак не представлял её рядом с собой в долгой перспективе. Сам факт уже свершившегося обладания делал его интерес к ней почти исчерпанным.

Сейчас он, дожидаясь, пока переключится светофор на площади, почему-то решил, что, если бы он тогда не поступил с ней так по-скотски, ничего бы с ним не случилось плохого.

Опять звонит Майя. Зачастила.

— Милый! У меня к тебе просьба. Нам надо на встрече раздать ребятам кое-какие книжки. Они в коробках. Я хотела бы их занести в твой кабинет, чтобы потом не таскать.

Он связался с охраной, велел сотруднику пропустить Майю и Виктора и открыть им его кабинет.

Потом подумал не без удовлетворения, что его больше не пугает предстоящая встреча вольнодумцев. Главнее всего быть с Майей рядом, чтобы её спасти, если возникнет нужда.

После краткого разговора Артёму стало немного спокойнее. Он повернул с площади Льва Толстого на Большой проспект. В этом районе города он ориентировался хуже, чем в других. По логике градостроительства проспект в итоге должен был вывести его ближе к Неве.

Вспомнилось, как один его приятель делился с ним наблюдениями за своим страхом высоты. Однажды в мужской компании ему пришлось на старой и скрипучей канатной дороге подниматься на Чегет. Путь состоял из четырёх отрезков. Два вверх и два вниз — каждый минут по пятнадцать. Свой дикий страх приятель Артёма пе-

ред своими спутниками показать стыдился. Ехал и сживался с ощущением непрестанного ужаса. И вот на четвёртом отрезке вдруг ощутил, что ужас отступил. Страх перестрашился – так тогда охарактеризовал приятель своё исцеление. Похоже, что-то сходное случилось и с Артёмом. Страх перестрашился.

Завтра утром Артём покинет Санкт-Петербург, город, не давший ему в этот раз ничего конкретного, ни одной подсказки, ни одного выхода, но что-то бесповоротно в нём изменивший.

Большой проспект всё никак не кончался. Чем дальше он шёл, тем разительнее дома отличались друг от друга. Город временами словно терял свою цельность, признавался, что пережил многое, и следы пережитого всё труднее скрывать.

Когда он упёрся в набережную, уже почти совсем стемнело. Он перебрался через мост и двинулся вдоль парапета, поражаясь, сколь помпезны, загадочны и величественны здания в этой части Васильевского. Они напоминали молчаливых правителей, которым не нужно слов, чтоб их слушались. Неожиданно он представил себе, что гуляет тут с Майей. Её наверняка впечатлит эта странная, холодная, продувная красота.

Он набрал её номер. Разговор вышел таким, будто между ними и не происходило ничего странного. Он едва отговорил её встречать его завтра на вокзале. И сразу пожалел об этом. Если она ещё раз попросит, он согласится.

Теперь ему предстояло чем-то занять себя в этот последний вечер.

На Дворцовой толпился народ. Несмотря на холод, недалеко от арки Главного штаба саксофонист томно выводил тёплую джазовую тему.

На этом огромном пространстве ему вдруг привиделось что-то совсем нереальное: площадь полна народу, все что-то скандируют, кричат, и вдруг несколько полицейских выхватывают из толпы Лизу и тащат её за волосы прямо к Монферрановой колонне. Его так захватило это видение, что он никак не мог его с себя сбросить, а потом вместо Лизы появился его брат Вениамин. Когда случайно, по воле затейливых ассоциаций и воспоминаний, представляешь себе нечто трагическое, поверить в возможную реальность легче лёгкого. Веня нагнулся над своей племянницей, которую на самом деле никогда в жизни не видел, и тщился поднять её на ноги, вырывать из рук карателей.

Очнулся Артём на брусчатке. Он лежал на боку. Кто-то тянул его за руку и причитал:

– Поднимайтесь, поднимайтесь!

«Боже, что это со мной?» Шалимов не сообщал, отчего он упал.

Человек, тянувший за руку, выглядел смутно знакомым, но кто он?

Артём поднялся, отряхнулся, ощупал себя. Рядом всё ещё топтался парень, его поднявший. Боже мой! Это же Вольф, друг Лизы!

Через десять минут Вольф отпаивал Артёма чаем в кафе на Невском.

– Вы же завтра с Лизой едете в Самару?

– Всё правильно. Лиза у себя, собирается.

А я сходил на работу, взял отпуск на неделю и вот решил пройтись немного. Я люблю бродить, воображать, какие люди тут жили раньше. Вышел из арки на Дворцовую и заметил вас. Я обрадовался, принялся вам махать и вдруг вижу, вы, ну как в кино прямо, оседаете. Чего только у меня не пробежало в голове! Кинулся к вам. Слава богу, вы быстро очнулись.

Щёки Вольфа пылали румянцем. Таким румянцем художники-передвижники награждали крестьянских детей.

– Я сам поражён. Со мной никогда такого не бывало. Возраст. Нервы. Ничего не поделаешь...

– Точно не хотите к врачу?

– Сейчас всё в порядке. Видимо, спазм какой-то.

– Я слышал, когда человек так неожиданно падает, это значит – надо сердце проверять.

– Завтра в Москву. Там и проверю.

– Мы – в Самару, вы – в Москву.

Кафе, хоть и находилось в центре города, на Невском, не больше, чем в ста метрах от Дворцовой, выглядело будто советская столовая. Владельцы лозунг «Назад в СССР» решительно воплотили в жизнь, надеясь, что ностальгирующие по тому времени посетители прельстятся антуражем и щадящими ценами.

Вольф уговорил Шалимова взять пельмени. Артём проголодался. Ел жадно, даже обжёг немного губы.

Вольф справлялся со своей порцией осторожно, словно боялся, что дядя его девушки составит о нём неверное впечатление, если он будет торопиться.

– Есть какие-то новости? Кто-то спал ещё эсэмэски? – Вольф бросил два куска сахара в чашку с чаем и начал размешивать ложечкой. Ложка периодически задевала края.

– Пока никто не писал. Но скоро напишут, куда денутся.

– Надо же, как интересно! Вы дадите нам знать, когда что-то выяснится?

– Я думал, Лизу этот сюжет больше не занимает.

– Нет. Я убеждён, что нет. – Он был совершенно не уверен в том, что произнёс. – Сегодня в «Буквоеде» на Невском встреча интересная. Не хотите сходить?

– С кем?

– С Яковом Гординым.

Вольф говорил это с таким видом, с каким дети рассказывают об игрушках, перед тем как намекнуть, что хорошо бы их приобрести.

Артём поразился тому, как Вольф прекрасно душен и трогателен. Как он сохранил это в наше время и при его работе? Жизнь не так уж к нему милосердна, а он, похоже, восхищается ею, ждёт её.

– Ну что же! Я с удовольствием. Когда начало?

– Надо поспешить.

«Буквоед» был обустроен широко: большие залы, три этажа, эскалаторы. Внизу, около касс, Вольф и Артём стали свидетелями забавной сцены, как один человек, низенький, в очках, ругался с кассиршей, что его произведения стоят на самых дальних стеллажах, а на видных местах только макулатура Яхиной и Водолазкина.

Артём расстроился, что «Брисбен» до сих пор не дочитан. Книга хорошая, но обстоятельства его жизни что-то совсем не располагают к чтению.

Гордин выступал убедительно, страстно, на вопросы отвечал умно, тонко, подробно. Артём вдохновился и решил, что, как только найдётся время, прочтёт всё, что написал Яков Аркадьевич. Глаза Вольфа горели. Артём сделал для себя окончательный вывод: парень грезит литературной славой. Интересно почитать, что он пишет? Но он, похоже, из тех, кто жутко стесняется своего увлечения.

Артём взял билет на ранний «Сапсан». Он ушёл в шесть утра.

Приземлился ненадолго в «Венском кафе», где выпил две чашки кофе и съел две сосиски с гречневой кашей. Окрепло предчувствие, что все его тревоги обязательно рассеются. Абсолютно безосновательное предчувствие. Но

именно безосновательное сильнее всего действует на человека.

Войдя в «Сапсан», он прошёл к своему месту у окна. Поезд недолго постоял, потом медленно поплыл от платформы, постепенно разогнался, минуя ближние к вокзалу районы, прокатился по окраинам и понёсся в Москву.

Сорвавшись в Питер, Артём стремился убежать от всего, что тяготило. Теперь он возвращается. Ни от чего скрыться не удалось. Однако он не испытывал горечи поражения. В эти дни он открыл в себе что-то, прежде непознанное. И это его несколько не страшило, напротив – увлекало.

Он достал из сумки «Брисбен» и сразу погрузился в тёплый мир киевской юности героя. Повествование затянуло. Жалко было мальчика и его непутёвого отца, встречи которых автор описывал с щемящей необходимостью несчастливых поворотов любой судьбы. Отвлёкся, только когда по вагону повезли тележку с кофе и закусками.

Пискнул телефон. «Неужели опять этот маньяк? Не пора ли ему сменить тактику?» Чем больше становилось эсэмэсок от анонима, после которых ничего не происходило, тем меньше они воздействовали на Артёма. Похоже, кроме эсэмэсок он ни на что не способен. Или она?

За окном пейзажи выплывали из темноты, небо светлело неохотно, виды не поражали разнообразием, но в их неброской смене, в их стоицизме, в их снежной верности взгляд находил успокоение. Артёма завораживал рассвет за окном, его мужественная неторопливость. Он тренировал волю: нет никакого смысла доставать телефон. В такое время ничего хорошего не пишут. Потом вдруг его осенило: а если это Вера? Как назло, телефон не сразу нащупался в кармане.

Сообщение пришло от Майи!

«Я так рада, что ты возвращаешься, мой любимый. Из-за этого всю ночь не спала даже». Артём растрогался. Она никогда прежде не называла его «мой любимый». Эмоция так взбудоражила его, что он сделал то, чего раньше и в мыслях не имел. Он нашёл в телефоне их с Майей фотографию и поместил её как заставку на экран. Вспомнилось время, когда эта фотография появилась. Всего одна. Больше желания фотографироваться вместе у них не возникало. Они ездили в выходные в Нижний Новгород. Почему-то Майе приспичило там побывать. По-

селились в отеле недалеко от вокзала. Как только приехали, сразу же взяли такси и рванули на высокий берег, в кремль. Там, на краю обрыва, с морозно-солнечным видом на стрелку, они и попросили кого-то из прохожих их запечатлеть. Получилось хорошо, словно профессионал снимал. Майя обнимала его за талию и улыбалась совершенно счастливо. Он увидел это только несколько дней спустя, когда по её просьбе пересылал ей это фото.

Поезд мерно покачивался, пассажиры вокруг почти все спали, и только один мрачный субъект пил пиво из бутылки, неприятно причмокивая.

Артём и сам уже куда-то проваливался, но неудобное кресло мешало крепкому сну.

В непрочном видении с большой примесью реальности ему явился отец. Он за что-то просил прощения. От натуральности происходящего Артём проснулся, и сердце его горько жалось: за что он извинялся? Ведь это сам Артём скорее виноват перед ним, что не любил так, как сыну следует любить отца. А ведь без отца его жизнь ещё неизвестно как бы сложилась...

Майя снова появилась буквами на экране: «Как ты отнесёшься к тому, что я тебя встречу? Всё равно не усну уже».

Артём напечатал ответ: «Мечтаю об этом».

Майя опоздала встретить Артёма, но упростила его подождать в здании вокзала. Артём уже собирался звонить ей и сообщить, что уезжает – раздражение чуть подкопилось, – но тут увидел её высокую фигуру, несущуюся к нему.

Поцелуй был долгим, безотрывным, отнюдь не дежурным.

Потом она потянула его к выходу, как будто он испытывал какие-то сомнения: идти или не идти.

Он гадал, когда же она начнёт расспрашивать о причинах его отъезда, но этого не произошло ни в такси, ни в его квартире, ни когда они пили вино, которое купили в магазине «Магнолия» рядом с его домом, ни уж тем более когда они занялись любовью. Потом они не то чтобы заснули, скорее замерли, обнявшись, утратили на время сознание, полностью отдав себя на волю тел и их желаний. А тела их желали глубокого

транса, покоя, ухода от действительности, от понимания, кто они, где они и зачем родились на свет.

И надо было что-то сделать, чтобы продлить этот миг, превратить его в безвозвратный, поставить себя в зависимость от него, внедрить его так глубоко, чтобы он стал частью тебя. Но...

Майя преодолела сладкую оторопь раньше Артёма.

– Я проголодалась. – Она легонько толкнула его в бок, а сама порадовалась, что вернулся человек, с которым ей можно быть пленительно капризной.

– Закажем или сходим куда-нибудь?

– Давай закажем! Неохота никуда тащиться.

– Мне в три с небольшим надо уйти.

– Мы всё успеем.

Она не спросила его, куда он торопится, и Артём, до этого прикидывавший, как посвятить её в то, с чем он столкнулся: эсэмэски, попытки разобраться в смерти брата, страх и апатия, – окончательно убедился, что в его откровенности нет ни малейшего смысла. Их отношения загадочным образом отделились от всего, что было ими при других обстоятельствах, их жизни потеряли все пересечения, кроме близости и жажды обладания друг другом, и в этом не просматривалось ничего пошлого, это виделось единственно правильным, единственным выходом из энтропии, из причин и следствий, где ничего не сходится.

– Продиктуй мне номер твоей карты. Я выбрала, что нам заказать. Ты ведь не откажешься от куриного бульона и стейка?

– Не откажусь.

Он улыбнулся, встал и пошёл за своей картой, что лежала в кармане брюк, так и оставшихся валяться на полу в гостиную.

Пока ждали заказ, Майя принимала душ, а Артём включил телевизор и с удовольствием смотрел по каналу «Культура» фильм про актёра Ивана Бортника.

Когда ему пришла пора уходить, он предложил Майе остаться и подождать его, но она отказалась.

– Надо к семинару готовиться. – Ей показалось, что Артёму понравится такая причина. Хотя, конечно, дело было не в семинарах.

Дмитрий КЛЁСТОВ

БЕРЁЗА НЕ ПРИЕМЛЕТ ПУСТЫРЕЙ...

*Отстегала колючими розгами
Вьюга-стужа любимые сосны
И усыпала снежными гроздьями,
Укротив свою дурость несносную.*

*Мы идём по волшебному кругу,
По тропинкам старинного бора,
Озаряем улыбкой друг друга,
Комплиментом, усмешкой, задором.*

*Незнакомки и наши знакомцы
Нам кивают небрежно и лестно:
Все мы пестованные питомцы
Непорочного русского леса.*

*Здесь царит несказанное братство,
Бор тому круговая порука.
Слава богу, ещё улыбаться
Мы умеем, встречая друг друга.*

В ГРОЗУ

*Грозу ничто не предвещало:
Холодный, мелкий, нудный дождь
Накрыл тяжёлым покрывалом
И птичий гомон, и галдёж.*

*Мне хмурый день казался пыткой,
Но место я облюбовал,
И под разлапистой пихтой
Свою одежду выжимал.*

*Гром грянул глухо, беспричинно
За буераком, вдалеке,
Как будто выстрелила шина
На перегруженном ЗИЛке.*

*Потом с ума как будто спятил
Поднаторевший дровосек,
И необъятную в объёме
Он сухостойну рассек.*

*Запахло жареным и дымом,
Я неожиданно вспотел,
Мой чуб взъерошивался дыбом,
Затылок одеревенел.*

*А был неробкого десятка,
Познавший всякого сполна.
Душа вдруг оказалась в пятках,
Как будто заячья она.*

*И гром и молния прицельно
Тайгу пронзали и меня,
И я метался в эпицентре
Стихии водной и огня.*

Я падал ниц, сражённый лютой
Гремучей молнии стрелой...
И времена великой смуты
Сгущались вроде надо мной.

На поляне – кустики,
Ковыли, репейники,
Имуранки – суслики –
Пузанки затейники.

То стоят, как пестики,
То свистят, как школьники,
Знать, играют в крестики,
В крестики и нолики.

МАШИНИСТ ПАРОВОЗА

Бабе Фае – старушке
Годиков эдак... эн.
Мощи её «кукушки»
Переварил мартен.

Пар многотонной бочки
Вытеснил тепловоз.
Сын престарелой дочки
Воинов перерос,

Тех, кто в смертельной схватке
Горло ломал врагу,
Юную девку Файку,
Взявшую кочергу.

Жерло печи, лопата,
Тендер и уголёк.
Файка родилась хватом,
Девушка – огонёк.

В копоты, в смраде, в гуле,
В пепле, в смоле, в золе:
Тяготы не согнули
Женщину на земле.

Свет излучает робкий
Бабушка много лет,
От паровозной топки –
Тот несказанный свет.

Лето вкалывает и празднует,
С жиру бесится и мытарится.
Собираю клубнику красную,
И надеюсь, что всем достанется.

Вот присяду на рыжем холмике,
Отдохну от жары и усталости,
Побесился я, вот и полночь,
Вновь по свету пойду мытариться.

А поля и луга и пастбища
Снова станут тайгой дремучею.
Мне пора отдыхать на кладбище,
И чего я себя так мучаю.

Берёза не приемлет пустырей,
Забывших пастбищ, брошенных покосов;
Их засеивает порослью своей
И сорняком несметных дикоросов.

Как будто мстит за весь лесоповал,
За девственность, за лешего и зверя.
Тайгу зазря мой пращур корчевал,
В счастливое грядущее поверив.

На хлебной ниве зреет борщевик,
Заполонил всю пашню без изъяна...
На родине воскреснет ли мужик –
Великий Зодчий,

Праведник,
Хозяин?!

Ольга
ЕРЁМИНА

НЕ СТРАШИМСЯ!*

Роман-хроника

21 ноября 1608 года

Подступал день, когда собирались вороги взорвать башню. А подкоп ещё не обрушен, и порох лежит в нём наизготовку.

Как бы ни была привлекательна мысль через встречный подкоп закатить эти бочки с порохом в монастырь, придётся обойтись. Надо взрывать, пока они не под башней.

Устье подкопа охраняет атаман Чика со своими братками. Выход один: напасть, отвлечь боем и надеяться, что два человека смогут пробраться в подкоп.

Вызвался Никон Шилов, кузнец: оказалось, на его молодую жену ляхи перед осадой наехали, когда она бельё на реке порола, надругавшись, саблями зарубили.

– Я друга не оставлю, – твёрдо проговорил Слота. Оспины отчётливо белели на покрасневшем лице. – Вместе пойдём.

Исповедались два друга и причастились, надели рубахи чистые. Приготовили горшки с горячими углями, да смолы, да навоза сухого. Вышли из Пивного двора, чтобы подойти к устью под-

копа оврагом, незаметно. Изготовился князь Иван Григорьевич со своими ратниками, за ним стал старшина Ходырев.

На рассвете отворились Святые ворота, поскакали отряды, напали на Чику с казаками. Отчаянно рубился Ходырев, но смотрел зорко – вот от прудов, от плотины, метнулись двое, прячась за остатками Подольного монастыря. Ходырев приказал отходить – не спеша, рубясь, отвлекая на себя внимание. Князь Иван Григорьевич поскакал в сторону мельницы, будто бы намереваясь напасть на стан Лисовского.

Никон и Слота тяжело дышали – они сумели пробраться в подкоп, но Чика был настороже: почуяв, что его отвлекают, он бросился к устью подкопа, за ним несколько казаков. Слота встал в проходе, обороняясь. Из пищали в него не выстрелят – побоятся попасть в порох. Значит, надо отбиваться от пик и сабель.

Никон нащупал бочонки с порохом, высыпал на припасённые пучки соломы угли из горшка, солома затлела. Подсунул лепёшку навоза – она задымилась, тягучая смола полилась из горшка на бочонок.

* Продолжение. Начало см. в № 3

ЕРЁМИНА Ольга Александровна родилась 17 марта 1970 в Ивановской области. Жила с родителями в Тольятти, затем в Калуге. Окончила факультет русского языка и литературы Калужского государственного педагогического института (КГПУ) имени К. Э. Циолковского. Российская писательница, поэт, филолог-литературовед, педагог-методист. Автор множества работ по литературоведению и методике преподавания русского языка и литературы в школе. Автор книги «Котёл Господень», соавтор книги «Александр Тихонов. Легенда мирового биатлона» (совместно с А. Тихоновым), соавтор (совместно с Н. Н. Смирновым) исторического романа «Сказание об Иргень» и биографии фантаста и ученого И. А. Ефремова. Автор-составитель и редактор книги «Переписка Ивана Антоновича Ефремова». Лауреат АБС-премии (2017). Живёт в Москве.

Слота бился из последних сил. Он уже понимал, что убежать не удастся, что сдерживать натиск уже невозможно.

Заметив в глубине подкопа вспыхнувший огонь, Чика отпрянул. Лицо его исказилось. Этих мгновений хватило Слоте, чтобы выбить деревянные подпорки, поддерживавшие кровлю. Устье подкопа тяжко осело. И тотчас же раздался взрыв, потрясший весь склон горы, сноп огня вырвался из-под земли, содрогнулись стены и башни, над Духовской церковью застонал сплошной колокол. Взлетели к Господу души двух жертвенных защитников Троицы – Никона Шилова и Слоты.

Снаружи подкопа всех, кто там был, размета-ло и покалечило.

Крестились, стоя на стене, стрельцы и миряне. У всех слёзы стояли в глазах. Митрий прижался к стене и плакал навзрыд – видел явственно, как в первый приступ оказался он на стене рядом с Никоном и Слотой, как бились они с врагами, такие живые и красивые. А теперь даже тел их не осталось, только души взлетели, очищенные огнём от всех грехов, прямо к Отцу своему.

Не было в лицах ни радости, ни ликования в честь избавления от подкопа. Суровы, строги были лица крестьян, когда под охраной стрельцов вышли они за ворота – рубить на дрова захваченные туры. Целый день возили дрова в монастырь, к ночи же восстал ветер и завыл, неся колючую снежную крупу.

В трапезной лежали на топчанах раненые. Стонали в жару те, кого залихорадило. Братия терпеливо ухаживала за больными. Чернецы омывали раны, кормили, водили в отхожее место. В церкви при трапезной круглые сутки читали псалтырь, и умирающие молились, глядя на светлые лики икон.

25 ноября 1608 года

Три дня бушевала непогода. На четвёртый, изготовив сани, повелением Иоасафа выехали слуги монастырские из Конюшенных ворот на воловню по корм скотине. Вереницу саней сопровождала сотня Офонасия Редрикова. Осаждённые думали, что заставы за Конюшенным двором безлюдны, но их успели занять вернувшиеся с Лисовским ляхи и жолнёры.

Сеновалы за Воловным двором оказались порядком разграбленными. Народ наваливался на вилы, нагружал сани, а переяславцы готовились сдерживать поднявшиеся заставы.

Сани одни за другими въезжали в ворота монастыря, там с них скидывали сено, помогали развернуться – и вновь лошади скакали к воловне, чтобы успеть забрать как можно больше.

Ротмистр у жолнёров оказался умён – повёл нападение не на воловню, а на дорогу, по которой спешили в ворота сани. Сам он на коне наехал на Офонасия Редрикова, и бились они почти под самыми стенами, и не смели со стен палить из пищалей, боясь попасть в сотника. Призывали было лучников, но тетивы на морозе лопались. Тогда изготовился Юрий Редриков со своей сотней, но не успел защитить брата – ротмистр ранил того в руку. Однако нападавших отбили, корма – сколько смогли – перевезли в обитель.

29 ноября 1608 года

На белом снегу нарядных панов далеко видеть. Скачут они на выбравшихся из обители людей – по дрова выбравшихся.

Монастырские, завидев конных панов, не шибко бегут назад, в окопы и ров. Когда же паны оказываются на расстоянии выстрела, люди ускоряют бег, и в сторону охотников стреляет со стены каменным дробом тюфяк или плюёт огнём пищаль.

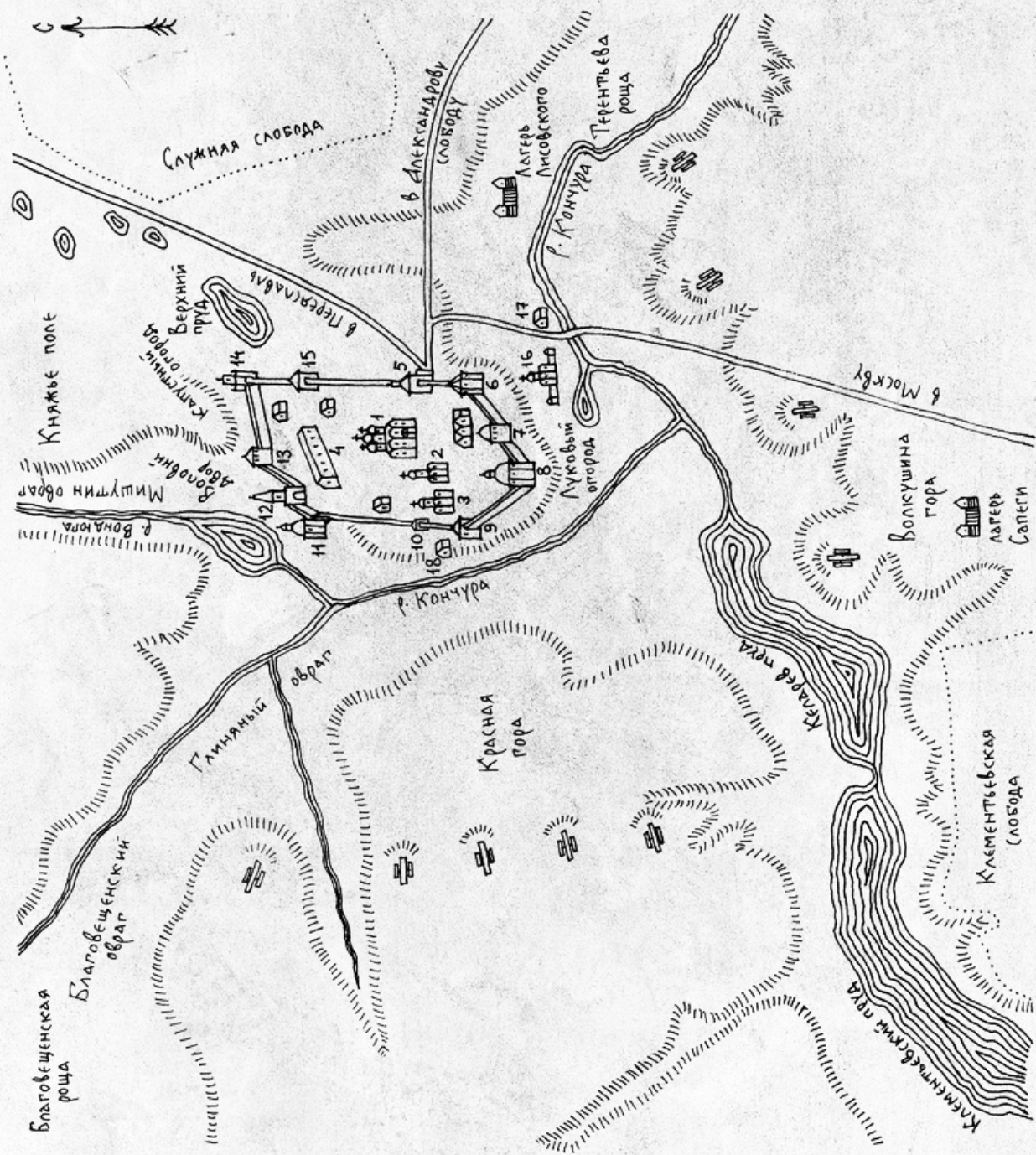
День, два, три продолжается такое. Вот уже панам не так хочется забавляться. Пустое дело. Не лучше ли договориться?

И, не дождавшись Сапеги, но получив письмо от царя Димитрия Ивановича (кто бы ни был он), посылает Лисовский переговорщиков. Но монастырские переговорщиков не впускают. Никакого шатания и быть не может.

Скорым ходом сумел вернуться из Москвы переяславец Ждан Скоробогатов. Не захотел остаться в стольном городе. Вести привёз тревожные – призадумайтесь. Царь Василий Иванович Шуйский в Москве сидит – как троицкие сидельцы, почти в такой же осаде. На Ходынке царское войско почти разгромлено.

В таборе под Тушиным – дворец выстроили, там теперь своя боярская дума и свой двор. В воровской думе верховодят Михаил Салтыков да князь Дмитрий Трубецкой – немалые люди. Казаки и литва безобразят на всех дорогах и во всех уездах, грабят людей, без пропитания в зиму пускают. А всем ляхи заправляют, нехристи. Царёк без слова гетмана Ружинского шагу ступить не может. Сказывают, Ружинский с Сапегой русскую землю промеж себя поделили: Ружин-

1. Успенский собор
2. Духовская церковь
3. Троицкий собор
4. Чертоги
5. Святые ворота
6. Крутая башня
7. Луковая башня
8. Водяная башня
9. Пивная башня
10. Кедровая башня
11. Плотничья башня
12. Калачья башня
13. Звонковая башня
14. Житничная башня
15. Сушильная башня
16. Подольный монастырь
17. Мельница
18. Пивной двор

ский взял себе Москву да то, что на юг от неё, а Сапега Троицкий монастырь да весь север.

И девка Маринка с ними.

Шуйскому ни людей ратных взять неоткуда, ни казны. Тех, что есть, удержать не может – был бы честен со своими, глядишь, никто и не бегал бы в Тушино за милостями. Молодой князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский как отправился в Новгород на встречу со шведами, так там и пропал. Ни весточки от него. Вероятно, тушинцы перехватывают.

Велел же ему царь договориться со шведами о присылке военной помощи против поляков и Тушинского вора. Жалованье наёмникам обещают богатое – видать, раки из-под святых мощей да оклады иконные переливать будут. Да слух прошёл, что царь посулил отдать шведской короне в вечное владение исконные русские земли: Псков, Орешек да Корелу. Люди псковские, орешковские да корельские так разгневались, что присягнули Тушинскому царьку. Что теперь станется – никто не ведаёт. Всё в воле Божией.

Келарь Авраамий болен телом, но твёрд духом. Посылает он обители своё благословение и велит-де крепко в помощь Господню верить, Сергия-чудотворца молить, да не оставит он землю Русскую в великих горестях.

Собирались все старшины и воеводы, думу думали. Морозы ударили, снега легли. Как люди выдержат?

Ляхи и литва разбрелись по городам и деревням. Кто в поисках тепла и еды, кто по службе – посланы были царьком на усмирение взбунтовавшихся. Те, что присягнули, но после присяги были ограблены приспешниками вора, стали отрекаться от него. Сапега и его паны вынуждены были возглавлять набеги против ослушников. С монастыря осаду не снимали, пути по-прежнему перекрыты, но всё же пробраться можно.

Положили: отправляться на вылазки за кормами, пропитанием и дровами. Людей и силы беречь, вестей от князя Скопина-Шуйского дожидаться.

Декабрь 1608 года

– Эк свечает-то как! – сказал Митрий, войдя в келью Симеона, хромца, монастырского книжника. – Ну и стужа нынче! Полнеба полыхает!

Чернец перекрестил свою седеющую бороду, вздохнул:

– Последние времена... Слава Богу, Спиридон Тримифунтский миновал, теперь светлее будет. Солнце на лето поворачивает, зима на мороз.

– Симеон, воевода велел нынешнюю вылазку записать.

– Запишем.

– Сколько же их набралось, как подкоп взорвали? Я и счёт потерял.

– Всё сочтено, – рассудительно произнёс Симеон, огладив широкую бороду.

Развернул свиток, маленькими сощуренными глазками упёрся в буквы:

– Четвёртого декабря – вылазка к турам.

– Это когда атамана Петрушку взяли, – закивал Митя, прижимая ладони к тёплой печке. – Ох и злой, чёрт. Теперь на ручных жерновах зерно мелет.

– Жрать захочешь, так и жёрнов покрутишь. Это раз. Вторая – через день к турам вышли, хотели пушку уволочь, и ногу Семейке Кобылину переломило. Третья – на Чесменову деревню.

– Спасибо Петрушке, это он сказал, что там крестьянская скотина живёт – не всю под нож пустили.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок. И то хорошо – и животину, и мясо взяли, и Степан Напольский языка привёл. Потом...

Митрий прижал согревшиеся руки к щекам, зажмурился блаженно от тепла.

– Потом пурга пала, – печально сказал монах, задержавши взгляд на огоньке в плошке с жиром. Вспомнил он, как шёл в церковь – видел: до ветру выбежали два деревенских мальчонка – оба босые – по колкому, скрежещущему снегу.

Неделю тогда сидели, забившись, дурели от тоски и неизвестности. Когда наконец утихло, то чуть не все сидельцы захотели пойти на вылазку на воловню – раздобыть корма, разломать стены опустевших строений на дрова. Тогда злы были, могли несколько жолнёров в плен взять – не взяли, положили на месте, да десятского ранили, лошадь под ним убив.

– Пятая – по дрова в Мишутин овраг. Вроде и не бились, но без сторожи нельзя – в любой миг напасть могут.

– Говорят, ныне ляхи на Углич пошли, – печально сказал Митрий. Вспомнилась сестричка Ульяна – она Маше Брёховой ровесница. Жива ли? Страшные вести приносят перебежчики. Что литва, что ляхи, что паны, что пахолки – все баб и девок сильничают. Господи, спаси, сохрани и помилуй!

– Ну вот, – считал Симеон, – шестая – когда Михаил Павлов языка взял. Седьмая – когда коширянина Силу ранили. Осьмая, нынешняя, – вновь через Конюшенные ворота на воловню.

– Стало быть, завтра девятая будет. Михаила Павлова язык довёл, что идёт от Ростова ярославский обоз со съестным, с овсом и сеном. Воеводы порешили перенять, а то лошади скоро падать почнут.

– Господь в помощь, – перекрестил Митрия Симеон. – Ты с ними ли?

– Дворяне и дети боярские поскачут, у коих кони ещё держатся. Ну, пойду я. Ужо девятую вылазку запишешь.

Назавтра сидельцы пробрались оврагами и лесом к большой дороге, нечаянным нападением схватили два десятка саней с овсом и сеном. Но ушедшие вперёд жолнёры услышали шум, оборотили коней. Стрельцы уходили по снежной целине, у иных кони завязли, провалились в ямы. Сапезинцы взяли семерых. Монастырские вернулись измученные – ни с чем.

Иринарх, юный пономарь, схватив Митрия за локоть, горячо шептал:

– Сведи меня к Симеону! Вызвать у него хочу – мочи нет!

– А ты сам что же? – хотел было отмахнуться Митрий. Он стоял на площади, глядя на окно царского терема, где ему почудилась головка Маши Брёховой. Не хотелось вдумываться, пошто вдруг Иринарху понадобился Симеон.

Маша более не появлялась, и Митрий, вздохнув, будто сейчас заметил товарища.

– Да, ты говорил – Симеон...

– Не по чину мне самому к нему являться.

– Пошто тебе старец?

– Спытать хочу.

Иринарх стоял, опустил глаза долу, но Митрий ощутил звонкую ярость боя, исходящую от скромного пономаря. Он знал: под рясой билось сердце неукротимого воина.

– После обедни жди меня в храме, зайду за тобой.

В сумерках повалил снег, Митрий с Иринархом протапывали дорожку к высокому крыльцу возле Житничной башни, сметали голиком снег с набухших деревянных ступеней, поднимаясь на второй ярус братских келий.

Симеон усадил гостей на лавку, оглядел их: оба юны, усы едва пробиваются; один быстроглаз, светловолос и крепкок телом, другой – пост-

ник с длинными русыми волосами, но щёки по-младенчески румяны, и дух в очах горит неукротимый.

Чернец прочёл краткую молитву пред образом Сергия и повернулся к товарищам: что?

Иринарх, встав и трепеща от волнения, начал:

– Отче, к милости твоей припадаю: просвети мои сомнения, знание подай. В смятении душа моя. Ляхи – народ веры латинской, они Христа исказили. Но вот литва – и бают по-нашему, и молятся так же, и в Христа нашего верят. Откуда взялись они? Пошто землю нашу воюют?

Удивился Митрий, глядя на узкую спину Иринарха: сам он об этом же размышлял, но робел спрашивать.

Долго молчал Симеон, вглядываясь в затейливый переплёт окна. Колено своё, перебитое в Молоденской сече, не замечая того, погладил.

Слюдяные блюдца в свинцовой раме иссиня-чернели, по стенам, отражаясь от изломов слюды, скакали блики.

Чернец махнул рукой Иринарху – не маячь, сядь. Вздохнул. Светло взглянул на юнцов.

– Эх, братцы, коротко об этом не расскажешь. Да и не знаю я многого. Что ведаю, с Божьей помощью изложу. Слушайте.

Пять столетий назад, а то и поболее, когда о Москве и слуху не было, жил Владимир-креститель – князь Киевский. Бабка его Ольга, псковитянка, прислала на Волгу родича своего – Углич поставить, через Углич путь вниз по Волге да малыми реками на полночь – в леса дремучие – держать. Знала она, что залесская земля водными путями крепится. Владимир же пришёл на Волгу, двинулся к мерянскому граду Ростову и на верх речной, перевалил и поставил близ Суздаля град Владимир. Внук же его Ярослав на Волге Ярославль град выстроил. Его же внук Юрий, рекомый Долгоруким, в Суздальской земле укрепился. Родичи Юрия по всем градам до самых ляхов сидели. И вся земля Русью звалась. И бысть то три сотни лет, доколе не явились на русскую землю злые татарове, Рязань пожгли, Владимир разорили и всю землю истоптали, прахом пустили. До Киева добрались – сокровища Печерские разметали, сокровища земные уволокли. Чернигов огню предали. Горе стеноло над русской землёй. Оплакала Русь погибших, оглядела себя – стоит она в рубище на пепелище, и даже плата нет – главу покрыть.

Тогда поднялся из приморских земель, из племени, зовомого жмудью, князь Гедимин. Жмудь с соседней литвою целы остались, татары до них не достали. В Исуса они не верили, был у них свой бог нечестивый, Кривом величаемый. Из наших уцелевших бояр многие к Гедимину бежали, и с ратниками. Внук его Ольгерд таково ополчился, что на татар сам в поле отважился. Далеко прошёл, почти до моря синего, и река там Синюхой прозывается. Вот на той-то Синюхе и сразились с татарами. И одолели. Тот ликования было! А наши князья гнезда Александра тогда и головы поднять не смели, а ежели поднимали, то тут же её теряли. Слышали, сколь много тверских-то князей в Орде полегло.

Сильным князем стал Ольгерд. Жену взял полочанку, с ней всё княжество Полоцкое в приданое получил. Вторая жена – тверитянка. Обе ему сыновей нарожали, каждому сыну по городу богатому досталось, но все в отцовой руке ходили. Дочь отдал он за нашего Владимира Андреевича Серпуховского, Владимиру от шуринов – князей Брянских, Трубчевских, Стародубских и Новгород-Северских – подмога сильная была.

Не уснули ещё? – обратился Симеон к юношам. Лицо его, освежённое мыслью и речью, оживилось, глаза заблестели, и Митрий подивился – чернец показался ему значительнее, чем всегда, моложе и важнее, чем сам Иоасаф и воевода Роца.

– Внемлем! – отозвался Иринарх. Он впитывал каждое произнесённое слово. – Но ведь Владимир Андреевич – это ж двести лет назад было!

– Глубоки корни у дубочка! Ты дубок пересаживать не пробовал?

– Нет, – мотнул головой Иринарх.

– Бывало, дубок на ладонь от земли взошёл. Подроешь заступом – а корень вглубь идёт. Оборвёшь корень – деревце не приживётся. Копаешь-копаешь, на сажень в землю уйдёшь – и тогда едва корень добудешь. Вот и здесь так же. Ты быстрого ответа ждёшь? Так нет его. И быть не может.

Заскрипели ступени крыльца, стукнула дверь – служка бросил на пол охапку хворосту, дверь притворил тщательно. Печную заслонку открыл – там угли рдеют. Кинул застывший комель сосновой ветки – не враз затрещало, полыхнуло.

Симеон хлебнул из глиняной кружки воды, перекрестил рот, сморгнул, продолжил:

– Сын Ольгерда Ягайло качнулся было на нашу сторону – как на Куликовом поле Мамая разбили, так сразу к Дмитрию Ивановичу Москву свататься побежал. Дескать, на дочке твоей женюсь и всю Литву в православную веру окрещу. Но тут Тохтамыш явился, Москву сжёг и вновь выход ордынский утвердил. Ягайло тут же от обручения отказался...

– Вот подлец! – воскликнул Митрий.

– Ну почему же? Он же нехристь, у нехристей совести нету. Как ему выгодно, так он и повернул. Тут же послал сватов в Польшу. А там как раз и король, и королева разом померли. Одна дочка осталась – отроковица. Давайте, говорит, сироту в жёны возьму. Заодно и всю свою Литву в латинство переведу. Ляхи и рады: знают о сильных литовских воинах. Согласили. И стало посему. И звались их короли по Ягайлу – Ягеллонами. И у литвы с тех пор с ляхами союз. Наши исконные княжества под латинянами оказались. Так скудельница православная треснула.

После-то Ягайла был ещё у Литовского княжества сильный князь – Витовт, у него сыновей не было, одна дочь. Но он-то как раз на Москву смотрел, единую дочь свою за Московского князя выдал. С тех пор во всех наших великих князьях кровь литовская течёт. Текла... – Симеон прикусил губу. Долго смотрел в почерневшее окно.

– Владения Витовта почти до Москвы доходили. Шутка ли – полторы сотни вёрст проедешь – и уже Литва. За Угрой – Литва, за Окой – Литва, и Тулу перенять были готовы. Киев, Чернигов, Брянск – всё их. Даже Смоленск захватили, природного князя выгнали. С Ордой да с крымчаками вечно союзничали – и всё против Москвы. Да и на Москве неправды много творилось. И наши князья молодшие, обиженные на великого князя, под руку королей Польских да князей Литовских бежали. Те обиженных – как-никак родня! – по знатности и родству на землю сажали, города округ Новгорода-Северского в кормление давали – те, где вера православная держалась. Как Речь Посполитая слабеть начала – великий князь Василий Иванович те земли себе забрал, под присягу подвёл, службу учредил.

Про Комаринскую волость слыхали? Дворцово угодье, самый лакомый кусок царь Борис себе забрал. А города там богатые, вольные, многолюдные. Земля сильная. У нас рожь сам-друг урожай даёт, а там сам-треть, сам-четверть. Пшеница в человеческий рост, вишни сладкие,

дули соком истекают. Комаринцы да севрюки, что вокруг Новгорода-Северского живут, – народец гордый. Калачи ежедён едят. Не по душе им оказались законы да пошлины московские. И теперь взбунтовались. Кому, говорят, хотим пристанище дать – тому и даём. Они-то за расстригой и пошли первыми. Да всё про своих князей твердили, что в старину к ним от московской смерти бежали.

Новый царь наш Борис того не забыл. Против расстриги послал Василия Шуйского воеводой. Три года назад это было. Близ Путивля каменного, под Добрыничами разбили. И началось избиение. Царь Ирод, поди, милосерднее был.

Голос Симеона задрожал, голова опустилась, и слеза заблестела в краешке глаза.

– Неужто, отче, и ты там был?

Чернец не отвечал. Потом поднял голову, обратил глаза к лику Христову, мерцавшему на иконе, перекрестился истово:

– Так скудельница наша православная и расселася, на черепки распалася. После того похода и постригся. Не мог муки душевной терпеть. И теперь не отмолил ещё грехи свои. Боюсь, не отмолю до смерти.

– Господь милостив, – прошептал Иринарх. Глаза его наполнились слезами: – Люди, знать, осерчали.

– Кто поначалу укрылся по лесам, кто жив остался – тот позжев сердце вошёл, пепелища узревши. По всей земле весть неслась. И когда второй-то вор на Москву двинулся, ему и скликать людей не потребовалось – сами со всех сторон шли Москве за разор мстить. Ну, поляки-то – те грабить пристроились. Вот ноне, бают, Лисовский в большой силе к Галичу двинулся. Что бы ему за Волгой-то понадобилось? Не знаешь? Тот-то. Меха туда по осени стекаются со всех Вятских лесов... Да. Сплелось многое – в какой поведи о том правдиво скажется?

Обратившись к Спасу, книжник начал честь молитву. Смолкло потрескивание, не колыхался огонь в плошке.

Молящийся произнёс «аминь».

Иринарх, вздев горящие глаза, спросил с вызовом:

– А верно ли, что князь наш Роцца расстриге служил?

– Не понюхавши пороку – легко храбрым быть, – печально сказал старец. – Захватили тогда мятежники царских воевод врасплох. Никто ведь мятежа и не чуял, в самборской печи

его выпекали, далече от Москвы. Требовали присягнуть воровскому царевичу Димитрию. Воронцов-Вельяминов самозванца изругал, его на глазах у всех страшной смерти предали. Роцца тогда сдумал: присягну – под угрозой присяга подлинной не считается, жизнь свою сохрани, кому я мёртвый-то нужен? Присягнул. Тут как раз царь Борис умер. Приказано было Роцце город Рыльск на Сейме оборонять – и он так оборонял, что никто его взять не мог. Хотя желающих было хоть отбавляй....

Симеон прикрыл глаза, прислонился спиной к стене.

Беседа была закончена – но отроки не уходили. Что-то ещё волновало их, и Симеон вопросительно поднял голову:

– Ну, что ещё? На службу пора собираться.

– Прости, отче, мочи нет – знать надо: ради кого ты всё пишешь? Кто будет описать нашим вылазкам читать? Мы-то сами всё знаем. Али царю доставят? – с волнением спросил Иринарх.

– Царю. Только не земному – небесному. Конец света уж близок – каждому по делам его воздастся. А дела-то наши в книги записаны! Каждого упомяну, кто за Христа строил, кровь проливал.

– Когда же ждать-то?

– Ежели по новому счёту – то в год антихриста, одна тысяча шестьсот шестьдесят шестой. Недолго осталось.

Звякнул колокол – к вечерне.

– Подите прочь, окаянные. Больно много знать возжелали! Будет вам...

Митрий с Иринархом поспешно встали, поклонились чернецу. Митрий в полумраке кельи вглядывался зорко в черты знакомого лица и видел теперь не богомольного старца, а опытного воина. Симеон перекрестил их:

– Пришёл наш черёд страдать, и терпеть, и за грехи свои и человеческие ответ держать. Молитесь усердно – вы чистые, вас Господь услышит.

Отворилась и затворилась дверь.

На заснеженной лестнице Иринарх закачался, сел на ступеньку:

– Больно как...

Закрыв глаза, откинулся, дыша прерывисто.

– Больно... Господи, спаси, сохрани и помилуй мя грешного... Больно...

Митрий растерялся, сел рядом, тормозил друга:

– Вставай, вставай, на службу пора.

– Пора! – эхом откликнулся Иринарх, поднимаясь, усмехнулся через силу: – Иоасаф сказывал, что Иринарх значит – правитель мира. Что же я за правитель мира, коли с собой совладать не могу?

Спустился вниз и побежал, высоко поднимая вязнувшие в снегу ноги, к собору.

3 января 1609 года

Темно, темно и холодно. Даже в келье, где живёт воевода Григорий Борисович, к утру такая стужа, что из-под тулупа высовываться страшно. Третьего дня мужики с благословения Иоасафа амбар на дрова разобрали. Хватило лишь на одну ночь.

Холодно тулуп покинуть, но надо. Роща уже встал – править вылазку по дрова. Старец Симеон велел Митрию с казаками снаряжаться, набрать как можно больше тонких берёзовых и еловых веток – в келью к нему приволочь, берёзовые почки от цинги жевать и хвою настаивать.

Как ни старались собираться в тишине, в полупустом стане Лисовского всё же учуяли москву – кони лисовчиков заржали, монастырские кобылы, впряжённые в сани, им откликнулись.

Всё же до рощи добрались, и топоры застучали.

Митрий успел саблей нарубить берёзовых веток, связать их прихваченной верёвкой, как налетел на него лисовчик – юноша успел поднять перед собой берёзовый пук. Сабля разрубила ветки, застряла в вязанке. Митрий крутанул вязанку, выдернувшись, выпала сабля из рук жолнёра. Сзади на жолнёра набежал монастырский слуга Леонтий Смирнов, сбил с ног, сам свалился. Злой казак с пикой выскочил из-за поваленной берёзы, ранил Леонтия со спины в плечо. На него налетел, как чёрный вихрь, Фёдор Карцов, пригвоздил к стволу.

Митрий подхватил Леонтия под мышки, втащил на сани, головой на вязанку, взял вожжи. Но!

Кривоносый старшина Фёдор Карцов, что был ранен полтора месяца назад, оправился быстрее других – и теперь рвался в схватку. Митрий заметил, что Фёдор успел срубить и бросить на сани несколько разлапистых еловых ветвей – не иначе как ради отвара. Рыжий Гаранька, подмастерье каменотёса Шушеля Шпаникова, глядя на Митрия, тоже рубил ветки – чтобы не мелочиться, навалил на сани три вершинки молодых берёз.

В город въехали с опаской – но лисовчики не преследовали, видать, и вправду мало их было.

Не соврали, что сам Лисовский далеко ушёл, к Галичу.

После заутрени Митрий принёс пук берёзовых веток Симеону. Тот кивнул, дескать, на лавку положи, поманил вестового к себе.

– Ты везде вхож, служба у тебя такая. Знаешь ли боярских детей переяславцев? Пётр Ошушков да Степан Лешуков.

– Это те, что на ругань забористые? Как же, знаю.

– Это прежде они были забористые, а нынче чтой-то попритихли. Приглядел бы ты за ними? Не по нраву мне эта тишина.

– Как приглядеть-то? – удивился Митрий. – Не малые же ребята. Носы им, что ли, утирать?

– Тебе нос впору утереть, дитя неразумное. Чую – измену они замышляют.

Митрий изумлённо замолчал. Бежать – передавать срочное – он давно привык. В дело ходил. А вот соглядатаем...

– Ты присмотришься... Иринарху то же накажи... – веско сказал Симеон. – А почки-те берёзовые – скуси да жуй с толком, долго, да по дёснам языком вози. Слышь?

Митрий вышел на крыльцо. И увидел сверху: за водой с ведром спешила Маша Брёхова в старой царевниной шубейке, зная, пожалованной за расторопность. Маше ли берёзы принести? Да ведь засмеют: экий жених с венником сватается!

Ну и пусть скажут, внезапно рассердился Митрий. Вон что Симеон про цингу говорил: и зубы шатаются, и ноги слабеют, и помирает человек, словно и не было. А Машу жалко! Сирота. Кто о ней позаботится?

И пока Маша ждала очереди, успел обернуться – забежать к себе, перехватить пучок колючей крапивной верёвкой, догнал девушку уже с полным ведром воды.

Все на площади видели, как вестовой девке берёзу поднёс. Но никто не засмеялся.

– Ты жуй почки, Маша. Жуй. Мор идёт, сказывал Симеон. А берёзы мор боится.

Маша взяла ветки, прижала к лицу, улыбалась – по щекам текли блестящие слёзы.

Рождество приходилось на 4 января. В канун стояли всенощную. Не все смогли выдержать.

5 января 1609 года

Гетман Сапега регулярно старался делать записи. Не сам, конечно: «Историю кровавого Марса и мужественных дел Вельможного пана

его величества Яна Петра Сапеги...» писали секретари. Но под его диктовку.

Вот теперь секретарь, водя обгрызенным пером по дорогой, заранее запасённой бумаге, время от времени поглядывал на гетмана: высокий лоб, высоко поднятые брови и длинный крупный нос противоречили маленькому подбородку с едва заметной бородкой. Узкие косицы коротких русских волос, не прикрывавших куполообразного лба, не соответствовали холёным, в меру пышным усам. Пронзительными были глаза – светло-зелёные, прозрачные, светившиеся коварством. Этими-то глазами он умел взглянуть так, что пахолки подчинялись даже против своей воли. Невысокий, не обладавший особенной силой, он подавлял своей жёсткой властью.

Сапега, словно забывшись, задавал себе один и тот же вопрос: зачем он, Ян Пётр, здесь? По наказу родича своего Льва Сапеги, великого канцлера Речи Посполитой, который и толкнул его к царевичу Димитрию, вору. Как же он, уже популярный в польской армии командир, согласился на эту авантюру? Внезапно вспомнил, как жена – из немецкого рода Вейхеров – с искажённым от раздражения лицом настойчиво твердила: пятерых детей сделал – обеспечить наследством.

Он-то ещё ничего, ему братец двоюродный Лев Сапега на наём войска серебра подбросил. А вот его союзничек, молодой, да ранний, – гетман Роман Ружинский, что подмял под себя все дела царька, – тот все свои родовые земли заложил, взяв под них у краковского воеводы 60 тысяч злотых. Он надеялся на московскую казну – да прогадал: у воровского царя ни шиша, ни гроша. Роману и возвращаться теперь некуда: либо пан, либо пропал. Ради чего пришли они оба на Русь? Чего искали? По локоть засунув руки в кровавую кашу междуусобной брани, на что надеялись?

Вскрыть бы монастырь – кубышку, полную золота. Тогда можно и домой, и чёт с этим вторым Димитрием-царьком, по-русски – вором.

Но стоять под Троицей – это не под Кирхольмом. Там он славу свою добыл – с честью выдержал атаку самого шведского короля Карла IX. Здесь на него в атаку никто не идёт. Всё замерло в снегах. И хочется наконец открытого боя. Скоро эта неразумная москва будет замерзать и умирать на своих богатствах. Но пока они держатся, хотя сил для боя у них уже почти не осталось. И выстрелы стали крайне редки – пороховой припас закончился. Но стены крепки, и камней в мостовой ещё достаточно. Смелычаки,

что залезают на самые высокие деревья в Терентьевой роще, доносят, что мужики и монахи камни колушают, на башни тащат.

...За стеной, за непрозрачным слюдяным окошком деревянного, наспех построенного в Клементьевском лагере дворца до самой Москвы, до Днепра, до Гродно и Вильно лежали снега. Задремав, Сапега видел, словно наяву, белые колонны Падуанского университета, чисто выметенные плиты двора, ровные дорожки Аптекарского огорода, бассейны с изящными струйками фонтанов. Зачем всё это было в его жизни? Зачем зубрил он латынь? Зачем прослыл храбрейшим командиром Польши? Чтобы сгинуть в этих снегах?

Ну уж нет.

В этот день в дневнике Яна Петра Сапеги секретарь записал:

«Вылазка из монастыря в намерении напасть на лагерь Лисовского, но москвитяне возвратились безуспешно. Убито 70 детей боярских и захвачено в плен 8 монастырских служек. С нашей стороны ранено два челядинца и захвачены трое донцов».

6 января 1609 года

Утром вылазка из монастыря была – в рощу и на туры, дров ради. Фёдор Карцов вновь отличился, лез на литву – и вновь ранен в плечо.

Маша Брёхова по совету Симеона щипала хвою в деревянную посудину, толкла толкушкой и заливала водой, настаивала день. Потом поила Фёдора, рану ему промывала, дабы не гноилась. Чашник Нифонт приходил к Фёдору Карцову в больничную палату, ворчал: дескать, защищаться надо учиться, не переть на врага дуром. Отвага без ума – что лето без дождя: спалит.

Всенощную на Рождество служили торжественно – и далеко за стенами было слышно согласное пение. Но свечи берегли – взять новых было неоткуда. По обители плыл запах ладана.

Выехав промяться к горе Волкуше, слышал пение Сапега, думал яростно: попляшете вы у меня.

8 января 1609 года

Затрещал мороз над Троицей, полопались брёвна в срубах, застыли в неподвижности леса, рыба в реках ушла в глубокие ямы – на перекатах промёрзли реки до дна. Ночью ярко горели на небе звёзды, и младенец Иисус лежал в яслях, как в колыбели, протягивал к звёздам махонькие ручки.

Пленные жолнёры с утра до ночи мололи ручными жерновами зерно.

Троицкие сидельцы сожгли в хлебне ещё одни сени и чулан. На стенах замерзали караульные. В кельях и клетях слышался кашель.

Как обычно, до свету собрались крестьяне в Мишутин овраг, заросший лесом, за дровами. Молодой князь Иван Григорьевич Долгоруков вывел из Конюшенных ворот конных казаков и десятка два стрельцов. Снег противно визжал под ногами, копытами и колёсами, словно жаловался на неразумных.

Розовые пояса украсили небо. Оно светлело, из синего превращалось в голубое.

Снегопадов последние дни не было, и наезженная дорога никого не встревожила. Но старшина Борис Зубов оглядывался настороженно.

– Неладно! – говорил он Митрию, шедшему рядом, – ох, неладно!

– Да что неладно-то? – беспечно спросил Митрий. – Вроде тихо всё.

– Вот тот-то и оно, что тихо.

Отряд спустился под откос, вошёл в рощу, мужики достали из-за кушаков топоры. И тут из-за деревьев в упор ударили выстрелы. Несколько человек разом вскрикнули и упали.

– Засада! – гаркнул Зубов. – Разворачивай сани!

– Ребята, за Троицу! – закричал, сорвавшись на визг, Иван Григорьевич. Рубанул литовца с ружьём, в кожухе, крест-накрест перепоясанном бабьим платком.

Возницы суетились, разворачивая сани. Мужики с топорами бросились на врагов. Но грянул ещё один залп – и многие упали в рыхлый взметнувшийся снег.

Митрий толкал сани, помогая лошади выбраться наверх. Зубов, проскакав назад по дороге, выстрелил в кого-то и, спешившись, бился саблём, выкрикивая ругательства:

– Иуда! Гад! Предался!

«Только не в лошадь, только не в лошадь!» – молил Митя, лёжа на санях, вцепившись в жердину.

Лошадь прорвалась через засаду.

Митрий свалился с саней в снег – крикнул вырвавшемуся Зубову:

– Рядом!

– Взяли! – крикнул Зубов, хватая за ноги убитого изменника. Митрий схватил за руки – они отбросили тело с дороги, чтобы проехали следующие сани. И мгновенно упали в снег, увидев на-

целенные на них из-за куста ружья. Из двух стволов вылетели снопы огня. Старшина тотчас вскочил, бросился догонять убегающих. Рыжий конь Зубова остался лежать на боку, Митрий схватил узду, поднял коня, побежал за забывшим страх Зубовым.

Ворота уже затворялись, когда оставшиеся стрельцы вбежали в город. Последним въехал молодой князь.

Едва стал на место засов, как разом взвыли бабы. Иван Григорьевич, не сдержавшись, хлестнул по толпе плёткой:

– Молчать! Вас ещё усмирять!

Маша, шатнувшаяся было к Митрию, остановилась, отирая глаза рукавичкой, попятилась.

Роща стоял против сына, устремив взгляд поверх ворот:

– Много ли потеряли?

Старшины построили своих. Стали считать. Выходило, что недосчитались более пяти десятков человек, да ещё из вернувшихся – десятков раненых.

Безжалостное зимнее солнце светило на застывшие на ресницах бабьи слёзы.

Перед обедней поехали за телами убитых. Привезли больше сорока, и всё одно не хватало ещё десяти. Догадались: их взяли живыми. Среди них Наум из Служней слободы, лучший даже на Москве оконный мастер.

– За грехи наши Господь покарал нас, – горевал Иоасаф.

Отпевали, служили молебен, и пленные долбили мёрзлую землю – копали общую могилу. Раненых Иоасаф постриг в монахи.

«Убито более двухсот московитян», – записал в дневнике секретарь Сапеги. А Сапега тут же отправил гонца с хвастливым донесением в Тушино, к царьку. Пан заранее представлял себе лицо Ружинского, который читает о его, Сапеги, успехах. В том, что грамота попадёт сперва в руки Ружинского, Ян Пётр не сомневался. Не без злорадства думал он, что царёк растрчивает оставшиеся деньги на пустяки, пытается удерживать московских перелётов, а войско давно не видело жалования. Правда, не только войско Ружинского, но и его собственное. Что не может не удручать.

9 января 1609 года

Роща распорядился – стоящим на стенах мяться чаще, дабы не замёрзнуть. Ближе к вечеру досталось идти на Житничную башню и Митрию.

Тяжёлый, почти до пола, овчинный тулуп одеревенел. Пар от дыхания превращался в мельчайшие иголочки, оседал инеем на ресницах. Губы сводило. Именно поэтому Митрий, вглядываясь в белизну, не прокричал, а едва прошептал:

– Обоз!

Вскоре стало заметно, что на Ростовской дороге словно копошится кто-то. Приближались сани, нагруженные сеном.

Митрий побежал к князь-воеводе. Сначала застывшие ноги не хотели двигаться, но потом разогрелись, кровь ожила. Ткнулся в тяжёлую дверь.

– Григорий Борисович, обоз!

У Рожи сидел Голохвастый с пятью своими старшинами.

– Будем брать.

Небо над Келарской башней казалось зелёным, лишь у самой земли краснело; со стороны Житничной и Сушильной стремительно темнело, загорались звёзды. Обозные спешили в Клементьевский лагерь – скорее в тепло. Охрана дремала в сёдлах.

Тут открылись ворота возле Круглой башни – и монастырские без выстрелов налетели на обоз, двигавшийся против Служней слободы, поворотили лошадей к воротам. Охрана не пыталась сражаться – полдюжины поскакало к мельнице, полдюжины назад, к Княжьему полю.

Сена взяли семь саней да сани со съестным припасом. Возницы, побросав вожжи, побежали вслед за охраной. Боярский сын переяславец Степан Лешуков успел словить одного мужика.

Мужик оказался его старым знакомцем – рыбаком из переяславской деревни Вёськово. Его расспросили без пристрастия – сам всё рассказал. Знал он немного: что Переяславль и все слободы в округе царю Димитрию присягнули, сено и рыбу ему обещались привезти. Что Ростов и Ярославль тоже присягнули.

Рожа недовольно ворчал: дескать, это мы и без тебя знаем.

Из новостей было лишь то, что в Нижнем Новгороде, говорят, посадские сильно недовольны поборами для царька, выступить хотят. А более ничего им, вёсковским, не ведомо.

Вспомнив наказ Симеона присмотреться к Степану Лешукову, Митрий не удивился, когда Степан вызвался отвести пленного мужика на ночлег – выговорил у Рожи, чтобы позволили мужику спать со стрельцами. Мужик крест цело-

вал, что не сбежит, что присягнул царьку подневольно. Поверили.

Митрий слышал издали слова мужика, сказанные Лешукову: родные, дескать, все живы, сыты, кланяться велели.

13 января 1609 года

Когда Митрий вошёл в келью к Симеону, то увидел на его месте чашника Нифонта с глиняной кружкой в руках. Симеон сидел спиной к печке, тоже с кружкой, и улыбался – Митрий успел подумать, что и не помнит книжника улыбающимся.

– Святки! Можно и пригубить! – пророкотал Нифонт, встречая вестового. – Что, сорока, что сей раз на хвосте принесла?

Митрий моргал, привыкая к полусвету кельи. Симеон, глядя на свой свиток, рёк:

– Третьего дня записал, что сено взяли. Намедни – что посылали для дров, и была драка, и Бориса Зубова ранило. Сегодня тож, да Ярослава Стогова ранило.

– Не Ярослава, а Ферапонта! – прогудел Нифонт.

– Я-то его Ярославом звал! – покачал головой Симеон. – Ярослав, во иночестве Ферапонт. Не жалеют себя братья, Господа ради сражаются.

– Глотни! – приказал Нифонт Митрию, протягивая кружку. – Мор идёт. Вино от него избавляет. Ноне Святки, так можно. Трех сей день схоронили, поминаем. От ран скончались.

Митрий глотнул.

– Что за весть принёс?

– Ошушков да Лешуков с мужиком переяславским шушукуются. О чём – не ведаю.

Нифонт тяжело качал головой. Глубокая морщина вертикально резала лоб.

– Ты приглядывай, приглядывай... – напутствовал Митрия книжник.

От его голоса на душе у вестового стало мутно, словно от неведомой опасности.

В ночь мороз пошёл на убыль, посыпался снег, и в Москву отправили гонца к келарю Авраамии – сообщить о бедственном положении осаждённых. Надежда на избавление, пусть и слабая, вновь затеплилась в сердцах.

18 января 1609 года

На Крещение, на 16 января, мороз попустил, стало полегче. Пять дней валил снег. До окон выросли сугробы.

Как снег прекратился, Голохвастый предложил метнуться за дровами не в Мишутин овраг, а прямо в гнездо к лисовчикам, в Терентьеву рощу. У них наготовлено – со стен видели, а самого пана Лисовского нет, наёмники разбрелись по деревням, греются. Дерзко, но... Если не взять дров, скоро даже хлеб не на чем будет испечь, не то что обогреться.

Сейчас самое время – взятое сено подкрепило лошадей, пока они в силах, можно попытаться.

Роща хотел было запретить – но Иоасаф неожиданно поддержал Голохвастого: да, можно потерять людей, но без дров, без еды погибнет больше.

Вылазка увенчалась успехом, в завязавшемся бою Митрофан Сытников взял языка. Свои все вернулись целы, на чём Господа благодарили.

Язык рассказывал про Тушинский стан, про царька, но ничего не знал о московских новостях.

19–20 января 1609 года

Целый день со стен наблюдали оживление на заставах и за Клементьевским полем. Все были настороже, но вблизи монастыря ничего не произошло. И на другой день – непривычно большое движение. Как назло, ни один задиралях не приближался к стенам монастыря, ни один жолнёр не подъезжал почесать язык. Не у кого было разузнать. Иоасаф благословил вылазку – чтобы непременно взять знающего ляха.

23 января 1609 года

С вечера на Волкуше горел большой огонь – видать, раскатали чьи-то сени, жгли, не жалея. Стало быть, там, на заставе, и ночевать будут.

Готовилась вылазка. Но пешими, без коней, – ослабели кони, не внесут в гору. Люди крепче.

Митрий и Иринарх просились у Рощи на вылазку – Григорий Борисович не велел.

Людей повёл сам воевода Голохвастый. Да не на рассвете, как уже привыкли, а ночью. Выждали, чтобы костёр погас, потерпели ещё немного, дабы сытые вороги заснули, – и вышли из ворот тихо, не звякнув ничем. Стрельцам и казакам, кто покрепче, велено было хватать с разбором – не челядь и жолнёров, а панов.

– Как впотьмах разберёшь? – бурчали стрельцы. Но до зарезу надо было вызнать, что там, во вражеском стане, творится. Ибо слуги

монастырские да мужики говорили уже разное: и что Шуйский царь помер, и что новый, третий Димитрий появился, и что пора ворота отворять, сдаваться – хватит голодать, вот живут же спокойно в Переяславле.

Под гору – к мельнице – и наверх, на гору. Добрались тихо, окружили.

В темноте схватились. Челядь разбежалась. На крыльцо избы, полуодетые, выскочили трое с саблями. Кинулись на стрельцов, выпалили из пистолей – Бог миловал, ни в кого не попали. Их подняли на пики – живыми сдаваться они не желали. Четвёртого взял Пётр Ошушков – грешно сказать, в отхожем месте. Лях пшекал, лаял своё «пся крев», и это обрадовало монастырских: не наш изменник. Пана повязали, погнали к воротам монастыря.

Ворота заперли прямо перед носом у преследовавших поляков, которые успели из Клементьевского табора доскакать до города.

Ляха поволокли на допрос.

Он показал, что сам является гусаром Сумской роты, что накануне они вернулись из-под Нижнего Новгорода. Там-де сражение произошло: бунтовщики нижегородские, что пожелали отложиться от Димитрия, напали на подмогу, посланную под Нижний от пана Сапеги, и кого перебили, кого в плен увели. Немногие вернулись. Под пытками назвал, где и сколько поляков стоит и сколько при них челяди.

Боли огненной не выдержал шляхтич. Плакал. Зачем он покинул свою матку? Зачем пошёл в эти окаянные снега?

О давешней суете сказал, что толком не ведает. Что, дескать, говорили, будто Шуйские на Москве собрали тысячи детей боярских и стрельцов, чтобы освободить монастырь, напасть на Сапегин стан. Что Сапега поднял всех по тревоге, отрядил казаков для разведывания – но казаки никого не встретили.

Потру стрельцы доложили раненому Зубову, что из его отряда исчезли переяславцы Петрушка Ошушков, тот, что взял ляха, и Степанко Лешуков. Зубов приказал срочно донести Роще. Мужика переяславского, что взяли на возу с сеном, бросили в темницу.

Тяжко было на душе у Рощи. Места себе не находил. Прошёл по всем стенам, по всем дворам, по всем башням – Митрий едва успевал за ним. Подмечал каждую мелочь, всех распекал,

навестил царевну в палатах, но не мог избыть сердца, погасить тревогу. Неизвестное приближалось, томило душу, захлёстывало веру, будто утлый чёлн в бурю.

Призвал Рощу к себе Иоасаф.

– Опнись. Всё в руце Божией. Изменники сами пред Господом за свою измену ответят. Пошто людей без вины стращаешь? Они и без того в нужде. Грех на тебе. Епитимью на тебя налагаю – сто земных поклонов перед иконой Сергия.

Роща неожиданно не стал возражать, смирился, будто ждал укора.

За полночь стоял Роща на молитве – прибежал, задыхаясь, Митрий:

– Нифонт велел сказать – за Пивным двором конные объявились.

Тут же явился посланный с Круглой башни – и под ней конные. Вскоре прибежали от Житничной и от Каличьих ворот – везде конные разъезды.

Роща приказал ударить в набатный колокол. Люди по наряду побежали на стены, строились у ворот. Ждали. Конные скакали вокруг – но никто не нападал.

К утру все исчезли. Воздух наполнился морозным туманом.

Сапега мерил шагами дворцовые свои покои. Войско! С какого пьяного глазу ему доложили о том, что из Москвы приближается войско! Он поднял всех людей, отправил на дорогу – и в деревне Оманатовне, в ложбине между речками Ворей и Пажей, его разъезды встретили несколько конных. Ему доложили, что враг рвётся к монастырю. Он велел окружить этот проклятый город, всю ночь продержал людей на морозе – и ничего.

Добже. В одном обманулся – в другом выиграю.

Что там твердили эти перебежчики? Какая выгода будет нам, коли скажем, как взять твердыню без крови? Днём он посмеялся над ними: и сам уже всё про ваш монастырь знаю! Теперь же, под утро, велел их привести.

Пётр Ошушков – тот бойко торговался, даром что спросонья. Сапега обещал одарить Ошушкова и Лешукова, двух детей боярских. Но Ошушков потребовал запись составить об оплате. Едва не кривясь от презрения, Сапега, яростно сощутив зелёные глаза, кивнул писарю: дескать, составь. Записали о тридцати сребренниках.

Отвечал Степанко Лешуков, худой, скуластый, со всклокоченной чёрной бородой:

– Раскопайте, паны, берег Верхнего пруда и отведите от труб воду. Люди уже изнемогают от жады и хлада. От жажды же изнемогут окончательно и поневоле покорятся вашей храбрости.

Не отпустил Сапега перебежчиков, приказал в тёмной запереть. Вскоре привели к нему перехваченного на дороге человека. Он не желал сказывать, кто и откуда. Но письмо, найденное при нём, обличало его с головой. Было это письмо от князя Долгорукова и воеводы Голохвастого к царю Василию Шуйскому. Окромя сообщения о вылазке прилагались к письму допросные речи пленного шляхтича о намерениях, расположении и числе поляков.

Пан Сапега замолчал, замер. Только пот выступил на высоком лбу да усы подрагивали. Слуги его знали – не к добру. Значит, кому-то сегодня придётся поплатиться за панский гнев.

Сапега схватил пистолю, приставил к груди гонца – и выстрелил в упор.

Кривя в усмешке рот, бросил отрывисто:

– Приведите мне давешнего, чернобородого.

Слуги догадались: Лешукова.

Привели.

И почал Сапега допрашивать: сколько в городе осталось монахов, да стрельцов, да казаков, да прочих людей. Сколько пленных в темнице. Сколько припасу огненного, сколько стрел и прочего.

Лешуков строптиво ответил, дескать, о таком у нас уговору не было.

Пан взъярился: ты в моих руках, а не я в твоих, предатель! И пытал Лешукова в амбаре хлебном пустом страшно, а Петру Ошушкову велел на то смотреть. Приказывал палачу пилить Лешукова пилою натурально, затем приказал посадить на него трёх крыс и накрыть их раскалённым тазом. Крысы прогрызли внутренности несчастного и вылезли с другой стороны брюха. От этого страдания сын боярский Лешуков скончался.

24 января 1609 года

С утра от Клементьевского табора в сторону Княжьего поля, мимо Служней слободы потянулись подводы с людьми, шагом прошли лошади со всадниками. Обычно на крики со стены ляхи отвечали – начинали ругаться или хвастаться. А в этот раз – молчали. Не к добру.

С Житничной башни Митрий смотрел, как

проехали подводы до Верхнего пруда и там остановились, стали чередой. Люди исчезли за перегибом плотины.

По зову Митрия взойшёл на башню Роца со старшинами – теми, кто цел, не ранен, не хвор. С трудом поднимая больные ноги, влез по высоким ступеням Иоасаф, за ним несколько чернецов.

– Лисицы лукавые! Иуды! – простонал архимандрит.

Роца молчал. Он уже догадался, что происходит, но не хотел верить сам себе.

Воевода Алексей Голохвастый предложил:

– Откроем Конюшенные ворота, выйдем на встречу! Ляхи не утерпят – в бой ввяжутся.

Нифонт прогудел:

– Дай-ко я выйду к ним. Владыко, благослови!

Иоасаф, прошептав молитву, перекрестил чашника.

С Нифонтом вызвались десяток крестьян. Они подъехали совсем близко к Верхнему пруду, забористо ругали ляхов, литву и изменников – на это Нифонт куда как горазд был. Но – к великому изумлению осаждённых – враги не отвечали.

Ночью, взяв двух товарищей, переяславец Ждан Скоробогатов тайно пробрался к кострам врагов. К плотине подползали осторожно, долго выжидали на снегу, благо мороз не свирепствовал, и схватили одного литвина. Тот вякнуть не успел – рот ему кляпом заткнули.

Литвин, челядинец, всё рассказал: целый день люди раскапывали плотину Верхнего пруда. Земля заледенела, и было то многотрудно, но жгли костры, почва оттаивала – и долбили её усердно заступами и всем железным, что только нашлось.

За день не сильно преуспели: плотину-то раскопали, и вода пошла в Служень овраг, но немного её вытекло, не до дна. На страже осталось десятка три человек, остальные в табор ночевать утянулись.

Тут уж долго никто не раздумывал: без воды помрём! Не считаясь в темноте, валом решили выйти из города – только без пальбы пищальной.

Собрались уже открывать Конюшенные ворота, как от Круглой башни, путаясь в рясе, прибежал пономарь Иринарх.

– Там! Измена!

– Да говори ты толком! – прорычал Роца, схватив Иринарха за плечи.

Иоасаф, сделав шаг вперёд, перекрестил Иринарха, молвил:

– Говори, дитя Божье!

– Человек спустился по верёвке со стены, где Нижний монастырь, к мельнице побежал. Вдруг закричал!

– Отец! Я мигом! – бросил уже на бегу молодой князь.

Но взять беглеца сам не успел: подскавав к воротам, он увидел их открытыми, и внутрь втягивались стрельцы, таща кого-то силой.

Старшина-переяславец Юрий Редриков признал в беглеце одного из своих людей – сына боярского, что был товарищем двум изменникам. Знать, предупреждать побежал!

Хотели допросить – не успели: беглец без покаяния помер прямо на руках у поймавших.

Вышедшие из Конюшенных ворот к Верхнему пруду напали на литовскую охрану и всех перебили.

Работники монастырские в воду ледяную влезли, нащупали устья труб, очистили их от ила и глины. Видно, освободили от спуда сами источники – верженцы, кои пруд питали. Потому как к утру лёд на опорожнённых было прудах в самом монастыре поднялся, вода встала с краями и вскоре потекла ручьём прямо мимо Троицкого собора к стене. Срочно пришлось расчищать старую трубу, ведущую наружу, чтобы стены да башню Водяную не подмыло.

Возвращаясь от Верхнего пруда, работники кричали громко – вели кого-то, толкали в спину.

Митрий, падавший с ног от усталости, посмотрелся – и рот раскрыл: то был изменник Петрушка Ошушков, полуголый и босой, с всклокоченными волосами. Он молил, захлёбываясь рыданиями:

– К Иоасафу меня сведите, братцы! К игумену!

Отвели к игумену. Тот не спал, на молитве бодрствовал. Вышел на крыльцо.

Пал Ошушков в ноги Иоасафу, молил не убивать его, каялся и плакал. Рассказал о страшной смерти, которой по воле Сяпегы умер Степан Лешуков. О своём побеге из Клементьевского ста-на во время ночного переполоха.

– Бес попутал, отче! Дозволь вину искупить!

Замерла толпа, ожидая слова Иоасафова.

Поднял он высоко голову.

– На сегодня довольно смертей. Кровью вину искупишь. Редриков! Ты со товарищи за него головой отвечаешь!

И удалился в Троицкий собор – истово перед ликом Сергия молился, просил путь осветить.

25 января 1609 года

После заутрени старшина Юрий Редриков, суровый и скорый, явился к князь-воеводе: верёвка-де, по коей вор со стены спускался, до земли не доставала, тот прыгнул и жилы на правой ноге у поясницы себе порвал, окаянный. Вопли его на башне и услышали.

– С каких это пор в переяславцах воровская сила угнездилась? – тихо спросил Роща.

Редриков опустил голову.

– Надо бы дознание учинить, – медленно говорил Роща, – да люди нынче дороги. Слабеют. А тут ещё измена завелась. Кто обитель Сергия и Никона оборонять будет?.. Один ли он был или с ним кто вместе бежал?

Перед обедней повелением воевод всех перед Троицей построили – и стрельцов, и казаков, и слуг монастырских, и даточных людей. Всех учили: кто мёртвым лежит, кто ранен, кто на башнях сторожит.

Иоасаф после обедни проповедовал горячо. Верил в помощь Господню – и все верили: враг плотину разрушил, а вода течёт пуще прежнего. Как не поверить? И беглеца-иуду покарал. Уныние – смертный грех! Не поддаваться унынию надо, а биться с ворогом! В этом наша правда и вера святая!

Одушевлённые, порешили старшины завтра на вылазку отважиться. Дрова вновь кончались, а стан Лисовского стоял почти пустой, так постройки можно бы по бревну на дрова раскатать.

26 января 1609 года

На рассвете открыли Святые ворота, и сильный отряд вышел к стану Лисовского. Мужики с топорами уже начали разбирать надолбы, когда из-за строений вражеского табора поднялись стрелки с ружьями, ахнули выстрелы, в полном вооружении невесть откуда выскочило с десятком всадников и выбежала пехота. Крестьяне отбивались у туров топорами, возницы разворачивали сани – стрельцы и казаки бились саблями – но кто-то крикнул: «Измена!» – и не устояли монастырские, побежали в гору, к воротам.

Селивёрст Олексеев, человек прежде незаметный, из монастырских даточных людей, себя оказал: стал с топором на дороге, не пуская пешую челядь вслед за своими конными преследовать отступающих. Рубил топором на длинной

рукоятю, словно на дворе дрова колот, размеренно и яро, и многие жизни православные спас.

А со стороны Житничной башни мимо Сушильной наперерез вышедшим скакали гусары. Крики раздались на стенах – избежали все, кто мог: и бабы, и раненые. Слава Богу, глубокий снег мешал конникам. Пороху уже не было палить, и потому кидали со стен заготовленные камни и кирпичи. Чашник Нифонт радостно крякнул, попав в лошадь, которая упала, придавив всадника. И иные лошади падали.

В воротах раздался торжествующий крик – лошадь одного гусара, обезумев от криков и грома, заскочила в ворота монастыря. Там гусара окружили, стащили на землю и чуть не забили насмерть, пока Юрий Редриков не хлестнул плетью самых обезумевших.

Этот-то гусар из Мирской роты и сказал на допросе, что ночью прибежал к Сапеге стрелец и донёс: будет вылазка к табору Лисовского. Дескать, Шуйский обнадёжил, что скоро помощь пришлёт. Их и отрядили.

Стали искать – не досчитались одного стрельца, и верёвку нашли длинную на стене между Пивной и Келарской башнями – Благовещенским оврагом пробрался, гнида учёная, кругом обошёл.

Двух убитых лошадей втащили в ворота – вечером, крестясь, ели варёную конину.

Иоасаф вновь вышел на проповедь – и рёк так, что своды сотрясались:

– А ежели кто воровские речи говорить будет али к измене склонять – казнь смертная! Гореть в аду изменнику на веки вечные!

27 января 1609 года

Старец Симеон писал к келарю Авраамиию на Москву, тщательно подбирая слова:

«Что было ржи и ячменю, и все то роздали месечником, и теснота, государь, у нас великая хлебная и дровяная, и з гладу, государь, и с нужи черные люди помирают, и по дрова, государь, ныне пяди воры выехать не дадут; людей у них при старом много. Выехали, государь, наши люди по дрова сего месеца в 17 день, и те воры и литовские люди мало в город не въехали, не много и людей всех от города не отрезали, и сами мало в город не въехали; и Божией милостию и Пречистые Богородицы и великих чудотворцов Сергия и Никона молением, воров камнем з города отбили; и они уж были у Каличьих ворот и ворота было отняли. А и стреляти, государь,

нечем зелья не стало, и дров нет: сожгли в хлебе многие кельи задние и сени и чуланы, а ныне жжём житницы; и ты ведаешь и сам, житниц надолго ли станет? На один монастырский обиход; а на город и на всю осаду отнюдь взять негде. На городе на сторожах все переязбли, а люди волостные все наги и босы, которые на стенах стоят».

Опасаясь измены, он сказал об этом письме только воеводам и Иоасафу, упросив свезти письмо Ждана Скоробогатова: единожды тот сумел проскочить через заставы, может, удастся и другой.

Письмо было перехвачено. Ждан сумел выкрутиться, сбить караульного, схватившего его, с коня и добрался до столицы, поведал келарю о бедствии монастырском.

И вновь, и вновь посылали из монастыря на Москву, и наконец дошли письма.

Авраамий говорил с царём. Шуйский обещал прислать помощь – но некого было присылать.

Мор всё сильнее начал оказывать себя. Иоасаф лично следил за тем, чтобы все крестьяне, их жёны и дети получали питание из монастырских кладовых, не раз ходил по сениям и кельям, куда набились окрестные жители, благословлял, смотрел, везде ли мир. Но народ всё больше недужел. До весны, до первой сныти и крапивы было ещё далеко. Надежда таяла.

Начало февраля 1609 года

Встали вьюги над русской землёй. Выли, заметали. Жизнь, казалось, ушла из недвижимой страны. Редкие дымы поднимались над крышами, ветер тут же рвал их, разносил клочьями над полями – вот уже и следа нет от запаха жилого.

Оглянись окрест. Где санные пути проторённые? Где увенчанный валами Дмитров, где глядящий вдаль Волоколамск, где страшная своим недавним прошлым Александрова слобода? Где солёный Ростов, зажиточный Суздаль, беловратный Владимир? Ярославль, Кинешма, Кострома, Молога, Романов, Галич, Углич, Устюг, Вологда – где?

Нет ответа.

Всё потонуло во вьюжной круговерти.

Не слышно и Клементьевского стану.

Заставы вороги стерегут, но движения не заметно.

Третьего февраля, едва приутихла метель, осаждённые малым числом совершили вылазку в Служень овраг, на дальнюю заставу. Ярослав

Стогов взял языка; Кристопу, перебежчику от ляхов, повезло больше – взял целого пана Ковалевского: тот-то наверняка знает, что во вражьем стане деется. И у нас не без потерь: дворянина стрельца Ивана Назимова ранили.

От языков узнали наконец, отчего тишина настала: пан Сапега со свитой в Тушино уехал. Войску пора жалованье платить, а нечем. Он и отправился к царю – деньги выбивать.

– Не выбьет! – сурово говорил Долгоруков. – Откуда у вора серебро? Он у наших же бояр в долг столько набрал, что до конца жизни не расплатится.

– Вот что плохо, – молвил Иоасаф, – покуда он будет с вором препираться, его людишки совсем борозду потеряют. И без того народишко грабили, а теперь без вожжей совсем распоясываются.

– Эх, сейчас бы сургутских моих охотников! – невольно вырвалось у Голохвастого. – Я бы с ними в поле вышел!

Как давно это было! Десять лет назад! Север, снега и воля! Стрельцы да промышленники, что друг с другом, казалось, на ножах. Но на деле сургутский воевода Алексей Иванович Голохвастый не сомневался: коли придёт беда – все друг за друга горой станут.

– Сам-то ослабел! – недобро бросил Роща. – На ходу качаешься.

– Все мы под Богом ходим! – усмиряюще сказал Иоасаф. – Нет нам помощи ниоткуда. Вновь надо к царю писать. Лишь на него надежда.

– Завтра надо счесть всех, кто на ногах держится, – Роща поднял голову, обвёл глазами келью Иоасафа с печью – изразцы муравленые. – Скоро не на чем будет хлеба испечь.

И выезжали для дров, и было дело. И вдругорядь отправились в тот же Мишутин овраг. Дорожку накануне проторили – ляхи то вызнали, с заставы на Ростовской дороге туда же сунулись. Тут Пётр Ошушков, что прежде бежал да раскалялся, себя оказал – бился аки лев, ранен был. Дров навезли-таки порядочно. Немного отогрелись сидельцы.

По примеру Митрия многие тащили теперь в город ветки и прутья, жевали почки и кору, хвою щипали и настаивали, но мало её было. Молочка не видели уже давно, яиц тоже не было – оставшиеся куры по морозу не неслись. Всего два-три сиплых петуха перекликались по утрам внутри города. Народ занедужил – ломило суставы, сыпь выступила, в сон и слабость клонило.

Митрий во сне видел мочёную бруснику, клюкву, капусту квашеную – но бруснику с капустой всю приели, а клюквы нынешний год не готовили: в осаду сели. Да и раньше не готовили чрезмерно: со всех монастырских вотчин всю зиму крестьяне везли припасы: и рыбу мороженую, и птицу, и ягоду, и грибов солёных бочки. Теперь – едино толокно.

Вновь ярилась пурга. И вновь тишина стояла над обителью. Чудилось в этой тишине, что движутся где-то народы, кровь русская бежит по жилам времени – но в Троице одно: заутреня – обедня – вечерня, словно время кончилось.

16 февраля поздно вечером вновь в Служень овраг на заставу наведальсь – языков ради. Трёх человек взяли, да Фёдора Окинфова раненым назад привели.

Пока языков допрашивали, у князьего крыльца народ столпился: что там деется? Вызнали, что вор Тушинский пану Сапеге денег не дал, а дал грамоты, дабы люди его разъехались по городам, кои Димитрию присягнули, и сами де с них серебро брали. И велел царёк Сапеге отправить Лисовского с ротами Мирского и Дзевалтовского к Суздалю, ибо много там собралось мятежников. Потому-то и опустел табор Лисовского.

Новая напасть подвела монастырь на грань беды: пруды – и Нагорный, и Верхний, наполовину спущенный ворогами, – промёрзли до дна. Не текла уже вода в обитель – ни потоком, ни струйкой. Набивали в бочки снег, закатывали в жильё, но из полной бочки снега воды выходило четверть. Нечистый, болезненный дух загустевал в кельях.

Роща гонял и сына своего, и Митрия. Каждый день у него для них заделье находилось. Голохвастый, преодолевая слабость, что ни день проверял караулы на стенах, людей своих строил, не давал в оцепенение впадать. Но мёрли детки и бабы, и клали их на сани, отворяли ворота – и везли за стены хоронить. И тогда ни один враг не приближался к саям, ибо боялись мору больше, чем чёрт ладана.

В эти-то томные дни и вернулся из Москвы в обитель Ждан Скоробогатов. Удача улыбалась ему: вновь сумел он обойти вражьи заставы.

Ввели его к Роще, вина налили в медную стопу. Крупные губы Ждана, побелевшие от холода, улыбались. Митрий застыл у дверей, боясь проронить хоть слово.

– Будет подмога. Отец Авраамий сговорил царя: посылает он к нам стрельцов с пороховым

и съестным припасом. Просит ко встрече готовиться.

– Когда ждаться? – нетерпеливо спросил Голохвастый.

– Пока обоз снарядят... Сухан велел готовиться на двадцать пятое, к полуночи.

– Иди на поварню, скажи – игумен велел досыта накормить, – приказал Ждану Иоасаф.

Григорий Борисович оглядел келью, заметил замершего Митрия.

– Ступай за дверь. Стань в сенях, караул кликни к дверям. И чтобы муха близко не пролетела. – Повернулся к воеводе и игумену: – Думать будем, как лучше встретить.

22 февраля 1609 года

День стоял солнечный. Запрягли тех лошадей, что были в силах, открыли Святые ворота – благо врага видно в округе не было – и отправились с Божьей помощью на Кончуру, к мельнице, по воду. Авось и постирать что успеется.

Пока пешнями продолбили прорубь, пока ведрами бочки начерпали – долгойшло.

Сани с наполненными бочками с трудом поднимались в гору, крестьяне подталкивали их, помогали лошадям. Солнце слепило, и переяславцы, сторожившие на той стороне плотины, не сразу заметили сапегинцев: всё же вылезли они из тёплых пристанищ в мороз с дерзкими сидельцами переведаться.

И вновь было дело, Игнатия Ковезина ранило. Да Пётр Ошушков вновь отличился: с недавней раной незажившей в бой рвался, в сапегинцев палил, затем пикой колот. И вновь ранен был – ежели бы не тулуп бараний, проткнули бы его копьём. А так больше тулуп порвало.

Вновь в больничной палате ходила за ним Маша Брёхова, рану промывала, полотном перевязывала. Петрушка, страдая от её девичьей красоты, шептал ей торопливо:

– И не задел бы меня лях поганый, ежели бы солнце глаза не слепило. Сверху на меня упал, ровно коршун клюнул. Но и я не прост!

– Знаю, знаю, – говорила Маша. – Молчи.

24 февраля 1609 года

Второй день дул ровный тёплый ветер. Снег немного осел, на санном пути виднее стали коричневые пятна лошадиного навоза.

Тушинская столица, которую на днях покинул Сапега, тонула в запахе лайна. Все стены и дворы были загажены испражнениями. Гноище. Грязь

нула оттепель – из всех нужников потекло. Матка боска! Где они – фонтаны Падуи, которые так сладостно журчали в летний зной? Когда странная линия его жизни вывернулась так, что он сидит теперь под этой чёртовой Троицей?

Как это мерзко – видеть беспомощного, опустившегося пьянчугу, в которого превратился царь! Неужто это я ему присягнул? Неужто я сам привёл своих рыцарей в это бог весть что?

В Тушине Сапега впервые оказался заодно с Ружинским: царёк умудрился растратить львиную долю взятого в долг! Пан Роман предложил создать комиссию из десяти особ, дабы строго контролировать все деньги, имеющиеся в наличии у царька. Избрали децемвиров – вторым после взбешённого Ружинского был назван Сапега. Более ни царёк, ни Маринка не могли потратить ни злotoго без позволения. Ныне он, Сапега, лично привёз серебро для выплаты войску. И это последние деньги. Пора, пора залезть в этот улей, добыть драгоценные соты!

...В монастыре зазвонили к вечерне. В таборе привычно услышали этот звон – и Сапега приказал подавать обед: во время вечерни козней от монастырских ждать не приходилось, все затворники усердно молились.

Но в этот раз ветер донёс звуки пальбы: казись, на Волкуше заваруха.

Пан с досадой взглянул на жареную куропатку с грибами: в кои-то веки собрался поесть спокойно, и то не дают. Поморщился, вспомнив нищий стол у Тушинского царька: всё в округе ограблено, нигде не найти ни курицы, ни гуся, ни поросёнка. Приподнял было дорогой кубок с мальвазией, хотел хлебнуть – нет, так поставил на стол, ажно мальвазия расплескалась.

Что за чертовщина! Ещё этот сегодняшний посланник от ротмистра Мирского! Говорит, мятежники с огромною силою приближаются к Суздаля. Откуда огромная сила взялась? Все же на верность Димитрию крест целовали. Говорил, говорил он посланным в города: не зарывайтесь, деньги берите, но народишко не грабьте: мы на чужой земле, озлятся – и духу от нас не останется. Поди доберись до этого Суздаля на подмогу – это же две сотни вёрст будет!

Провёл рукой по усам, охватывая подбородок. Резко встал, приказал подать колет и кирасу. Проскрипел зубами:

– Курвы! Что им неймётся? Пошто из своего нужника вылезли? – и крикнул уже в полный голос: – Коня!

Все заторопились: пахолки седлали коней, несли панам оружие, сами снаряжались спешно, бежали за своими господами.

Оказалось, казаки и стрельцы открыто вышли из монастыря и напали на заставу на горе Волкуше, истребили почти всех.

Одна рота успела снарядиться. Пан Сапега, в шлеме с алым пером, скакал впереди гусар. В боевом задоре он – в глубине души – помнил, что у притаившейся на стенах москвы почти не осталось пороха, значит, пальбы не будет. Гнал дерзких до самых ворот – те закрылись, едва Сапега с товарищами подскочил вплотную.

Гарцевать у стены Сапега гусарам запретил – камней и кирпичей на стенах в избытке. Терять лошадей сейчас нельзя.

Ни с чем вернулись в табор. На Волкушу послали новых людей, караулы в таборе усилили.

В полночь затрубили тревогу. В оконницах заметались тени – лагерь был подождён в трёх местах. Загорелись роты Соболевского, Токарского и Семнича. Тушить – воды не было. Забрасывали огонь снегом, растаскивали брёвна, чтобы пламя не перекинулось. На счастье, ветер стих, и удалось пламя сбить, хоть и погорело изрядно.

Сапега приказал усилить караул по всему валу – напасть могли отовсюду. Но почему-то атаки не последовало. Что за притча? И кто устроил поджог? Из Москвы ли кто пробрался или крысы монастырские нюх потеряли?

В обители все были наготове. Ждали подмоги из Москвы. Но вскоре после пожарной суеты стихло всё в Клементьевском таборе. Не трубил рог, не раздавались выстрелы.

Нет подмоги.

Едва пан Семнич лично собрался проверить караул на заставе на Московской дороге, как увидел странную картину: мотаясь из стороны в сторону, брёл крепкий мужик в драном кожухе, подпоясанном кушаком, сверкающим в свете факела то ли серебряными, то ли золотыми нитями.

– Стой! – выставила сулицы стража. – Ты чей?

– Клементьевский я! Домой иду!

– Что-то мы тебя раньше не видели! – засомневались пахолки.

– Неужто не видели? Так поглядите! – вкрасиво произнёс мужик, сунув стражникам по монете.

Те с изумлением посмотрели на серебро: на новеньких монетах был отчеканен профиль Тушинского вора.

— Пана вашего покличьте! — доверительно попросил мужик.

Стражник помоложе развернулся и побежал было в караульную избу, но Семнич сам вышел из-за тура:

— Вот он я. Что тебе?

Факел горел неровно, и Семнич заметил, как мужик мотнул головой в сторону пахолков. Ротный понял:

— Подите погрейтесь.

Стражники исчезли. Мужик громким шёпотом произнёс:

— Обоз из Москвы в крепость. Пропусти!

И вложил пану в руку увесистый мешочек.

Семнич раздумывал:

— И много вас?

— Саней несколько, да казаков восемьдесят. Ради Христа пропусти. А тот ведь биться придёт — сколько твоих поляжет, а? У меня ребята — звери.

— Мало, — быстро оглянувшись, ротный подкинул мешочек на ладони. — Это вы пожар спроворили?

Мужик промолчал.

«Не похож он на крестьянина, — подумал Семнич. — А серебро кстати. С осени ни гроша не видели, царёк, стерва, обещаниями кормит».

— Мои ведь только до утра стоят, — отрывисто произнёс пан.

— А мы утром и проскочим. До смены. Ты, главное, шуму не поднимай.

— Несколько саней, говоришь... Маловато будет, — повторил он ещё раз.

— Вот!

Мужик долго шарил за пазухой — достал и отсчитал на ладонь ротному ефимков.

— Ладно, прикажу шуму не поднимать. Ради человеколюбия! — усмехнулся поляк. — Только вы уж потрудитесь, стражу-то свяжите покрепче.

25 февраля 1609 года

Перед заутреней в стане Лисовского раздались гудение рога, послышалось несколько выстрелов. В монастыре откликнулся тревогой набатный колокол. Стража вглядывалась в рассветную даль, все монастырские срочно заступали в свои наряды.

Но тут по крепости разнеслось:

— Подмога идёт!

Все — и стар, и млад, и раненые, и недужные — все высыпали на стены, толпились на Круглой башне. Все вглядывались в знакомые до каждой складочки очертания Волкуши.

В гору взбирался отряд: впереди на лошадях — казаки, затем обоз — саней с дюжину: возле каждого возницы шли по два казака с заряженными пищальми, да возле саней в готовности с пиками народ двигался. Замыкали отряд вновь казаки верхами.

Сзади, выпалив из ружей, бежали казаки Лисовского.

Обоз уже подходил к монастырским воротам, и воины, идущие за последними санями, задержались, отстреливаясь.

Вперёд выехал казак в красной шапке:

— Я атаман Сухан Останков с казаками и слугами троичками. Из столицы на подмогу.

На стенах народ закричал, заволновался, узнавая своих, из Служней слободы, кои с прошлого лета на Москве задержались, на монастырском подворье, а ныне келарем Авраамием посланы в Троицу.

Роща переглянулся с Голохвастым, кивнул: отворять ворота.

Отряд втянулся в крепость. К слугам кинулись родные — обниматься, и строй разрушился.

Сухан окинул взглядом толпу и твёрдым шагом подошёл к игумену.

— Благослови, владыко.

Иоасаф, дрожа от радости, перекрестил атамана, приложившегося к руке, и весь отряд.

Григорий Борисович кивнул Сухану, Голохвастый крепко обнялся с товарищем, с которым в прежние счастливые годы ходил до Камня.

— Как же прошли вы через табор вражеский? — изумляясь, спросил Иоасаф.

— Этот пёс ротный всё серебро из меня вытряхнул, — скривился Сухан, — за то, что его люди тревогу не подняли. В Клементьевском после ночного переполоха все спали, так мы и прошли. Да у мельницы лисовчики на нас налетели и четверых казаков от отряда отбили, мы невредимы прошли. Добрые ребята в плен попали. Эх!

— Святой Сергей, чудотворец, и Никон святой вас заступили, молитвами своими укрыли! Слава Господу! Аминь!

— Аминь! — откликнулась площадь, крестьясь.

— Почему же не напали? — задумчиво спросил Голохвастый.

— Серебро как разрыв-трава — все замки отворяет, — хохотнул атаман. — Да, в обозе порох,

пули да припасы съестные. Авраамий травы да коренья лечебные прислал. Один воз от Шуйско-го-царя для царевны Ксении. Всё кстати будет.

– Мы вас по слову о полночь ждали.

– Мы с ребятами рассудили так: ночь – она ведь не только нам на руку, но и ляхам. Отбили бы часть обоза – как бы я потом Авраамию в глаза взглянул? Я ведь на кресте поклялся, что пробоюсь.

– Как на Москве? – сурово спросил Роща. Он стоял как крепостная башня – в волчьей шубе, крытой малиновым сукном, широко расставив ноги.

Сухой развернулся к воеводе всем телом, поправил на голове шапку, отороченную соболем, подтянул кушак. Окинул быстрым взглядом всех стоявших рядом.

– Худо на Москве, – ответил тихо. – Под Шуйским стол шатается. Перелёты бегают из Кремля в Тушино, потом назад – царь их принимает да слушает! Тех, у кого шапки повыше. А тех, кто поменьше, подручные его хватать – да ночью и в прорубь. Весной возле Нижнего немало, знать, утопленников выплывет. Я и рад был сюда уйти: у вас хоть понятно, кто враг.

– Цинга у нас. Мор, – сурово сказал Голохвастый.

– А на Москве рази не мор? Здесь от цинги мрут, на Москве от голода – домовин уже никто не ладит, сотнями в ямы кладут.

Иоасаф высоко поднял руку с крестом, перекрестил атамана:

– Господи Иисусе Христе, помилуй нас грешных!

Сухан приложился, за ним к кресту по очереди подошли все его казаки.

Алексей Голохвастый занялся размещением отряда в восемьдесят человек. Слуги монастырские, что из Москвы прибыли, по своим разбежались.

Роща поманил Митрия:

– За воеводой следуй. Ежели что потребует – ко мне беги, будем думать.

Но Митрий не успел побежать за Голохвастым.

За городом, вдали, раздался барабанный бой. Он не смолкал и, раскатываясь под опустившимся небом, пробирался в самое нутро.

Воеводы и атаман поднялись на стену.

Внизу, там, где когда-то была верхняя стена Подгорного монастыря, с саней спрыгнул мужик в красной рубахе. Оттуда же сволакивали обру-

бок дерева. Рядом, связанные, стояли четыре сухановских казака.

Над всеми на вороном коне возвышался пан Лисовский, белые перья покачивались над головой. Красив пан: лицо чистое, брови прямые, глаза твёрдые, карие, нос прямой, усы соразмерны, шея мощная, короткая борода очерчивает твёрдый подбородок. Красив пан – но недоброе светится в его очах.

Видят со стены: с первого казака сорвали одежду, кинули тело на плаху. Задудели дудки – и кат принялся казнить пленника, глумясь над его телом. Сбежавшиеся враги откликнулись воплем.

У Митрия ноги отнялись, дыхание перехватило. Когда в бою увечат – это одно. А тут...

Кинули на плаху второго – задудели, заржали – и вторая голова покатила в снег.

Сухой подскочил к Роще:

– Что делают, поганцы! Пальни в них!

– Пороху нет, – горько опустил голову Роща.

– Тогда я на вылазку! – вскричал атаман.

– Нет! – рявкнул воевода, – вас как курей ощилят. Их тысячи! Чудом проскочили – благодарите Бога.

Казаки Сухана взорвались проклятиями – кровь третьего товарища обагрила пригорок – и тут же палач нагнул голову четвёртого.

Монахи читали отходные молитвы.

А палач на виду у всех ругался над мёртвыми телами.

Дудки умолкли, и до Круглой башни донёсся крик Лисовского:

– Всех вас... вошь... передавим!

– А-а-а! – вопли поляков и литвы сливались в один звук.

– Братцы, простите, братцы! – крестился Сухан Останков. Губы его дрожали.

– Казнить пленных! – вдруг донеслось из толпы на стене. Митрию послышалось, что это был голос Фёдора Карцова. И уже через мгновение все монастырские в один голос кричали:

– Казнить пленных!

Роща и Голохвастый переглянулись, и Алексей Иванович, сжав тонкие губы, кивнул:

– Казнить.

Оба спустились к Иоасафу, стоящему подле ворот.

Григорий Борисович твёрдо сказал:

– Отче, Лисовский казнил четверых казаков, над телами страшно надругался. Благослови, отче, казнить пленников!

– Всех? – жёстко спросил Иоасаф.

– Всех! – ответил Роцца.

В молчании стоял Иоасаф, опустив голову. Потом поднял её и рек:

– Благословляю! Грех беру на себя.

И, покачнувшись на повороте, нетвёрдой походкой удалился в Троицкий собор.

Там, оставшись один, беззвучно шевелил губами, не сводя глаз с золотого оклада Троицы. Весёлым зелёным светом сияли изумруды в венце, ярким солнцем на закате светились рубины, ласкали глаз лалы. Для них, для тех, что за стеной, это вожделение – золота, богатства, власти. Для нас, здесь, в обители, – преклонение: Господу отдать самое дорогое. Господь может карать – но пока он не явился второй раз на землю, карать приходится людям. И кровь заливают святую землю. А грех решения – на нём.

Против Красной горы, за Плотничной башней, встали стрельцы и казаки. Из Конюшенных ворот к старой токарне вывели сорок два человека литовских пленников – и знатных, и простых. Палач, засучив рукава посконной рубахи, подвязав кожаный передник, поудобнее поворотил плаху, опробовал в руке топор.

С Красной горы, от туров, смотрели на месть с ожесточением.

Но не успели ещё гонцы донести о содеянном Сапеге, как задудели рожки на взгорке, что над Верхним прудом. Из табора Лисовского выскочило множество народу – но залп из пушек отогнал лисовчиков от взгорка и дороги к воротам. На пригорок под охраной казаков Сухана вывели девятнадцать человек казаков-лисовчиков да изменников, что пристали к пану, и вновь была палачу работа. Кровь за кровь.

Изменники взвыли, глядя, как падают, катятся головы их родичей и побратимов. А со стороны Княжьего поля бежали те, кто был свидетелями казни первых сорока двух человек. Но не на Сухана – в ярости кинулась толпа на самого Лисовского. Верные пану казаки сгрудились вокруг предводителя, но толпа пёрла прямо на пики, кричала иступлённо, желала растерзать виновника гибели товарищей. Уже чей-то засапожный нож из гущи людской пролетел в сторону пана Александра, попал в чужого коня – конь взвился на дыбы, понёс. И кончилась бы здесь жизнь Лисовского, если бы на дороге не затрубил рог самого Сапегы. Раздался грозный голос: – Назад!

Толпа отхлынула.

– Утром жалованье выдам! – крикнул Сапега, сверкая зелёными глазами, держа пистолю наготове. – Мятёжа не потерплю! Ротные! Построить свои роты! Развести людей по местам! Кто не разойдётся – враз к дьяволу отправлю.

Роты неохотно строились.

– Я тебе должен! – пытаюсь усмехнуться, проговорил Лисовский, скача рядом со спасителем назад, в Клементьевский лагерь. Однако глаза пана не смеялись.

– Ты даже не знаешь, как много! – зло ответил Сапега.

26 февраля 1609 года

Запись в дневнике Сапегы:

«Был общий совет. Сапега приказал раздать деньги по ротам и принял строгие меры против возмутителей».

ЧАСТЬ II. ДИКАЯ КАРТА

Февраль 1609 года

Туруханск

В середине февраля промышленники подтягивались в Туруханское зимовье: до конца промыслового срока было ещё далеко, но у всех закончились уже припасы, ждали обоза из Великого Устюга. На Мангазею, что подняла свои башни на притоке Оби – на реке Таз, Василий Шуйский, как и его предшественники, повелел отправить хлебных запасов служилым людям на жалованье – 2877 четвертей муки, 110 четвертей круп, 110 четвертей толокна, да соли, да железа, да пороху. Обещался выслать плотников добрых 15 человек – кроме в прошедшем году срубленного Туруханского зимовья, надо было рубить зимовья и крепости и дальше, уже по всему великому Енисею, осваивать дикий, богатый пушниной край.

Давыд Васильевич Жеребцов был даже рад, когда, едва став царём, Василий Иванович Шуйский приказал ему отправляться за Каменный пояс, в Мангазею, на воеводство. Жеребцову пошёл уже пятый десяток, и хотела душа развернуться в полное плечо. Жена его осталась с дочерьми – девками Марьей, Феодорой, Матрёной и Марфой в поместье под Ржевом.

Он много успел послужить царю Фёдору Иоанновичу, будучи выборным дворянином по Ржеву с окладом в 400 четей, затем головой дворянской сотни был отправлен в Новгород – долж-

ность немалая. При царе Борисе вернулся он в родной Ржев – вновь выборным дворянином, но с окладом уже в 500 четей. Когда же Борису понадобился честный и надёжный человек, не замешанный в дворцовых затеях, дабы приставить его к опальным боярам Романовым, Годунов вызвал из Ржева Жеребцова.

Романовы обвинялись в покушении на жизнь царя.

С осени 1602 года Давыд Васильевич жил в Клинах, у одного из шести братьев Романовых – Ивана Никитича Каши. Туда же Годунов отправил жену недавно постриженного инока Филарета Марфу Ивановну с шестилетним сыном Михаилом, скорбным ногами.

Село Клины стояло на Стромынке – великом древнем пути из Суздаля в когда-то окольную Московскую землю, недалеко от Юрьева-Польского. Люди там были живыми, пронырливыми, казалось, все новости они узнавали раньше, чем в столице. Богатая земля рождала и хлеб, и всякий овощ, и высокие травы, и ягоды.

Не то было с другими братьями Романовыми – их сослали: кого в Пелым, кого на Белое море, кого в Великую Пермь. Тако ж и приставам, к ним назначенным, тяжко пришлось – и холод претерпевали, и голод.

Жеребцову выпало – в сытые Клины. Может, тут сыграло свою роль местничество? Помнил и сам Давыд Васильевич, и бояре знали, что он в родстве с самим святителем митрополитом Алексием. Происходили Жеребцовы от Феофана Бяконта. А Феофан был родным братом Алексею, воспитателю Дмитрия Ивановича, великого князя Московского, да брата его Владимира Андреевича, князя Серпуховского, на гробнице которого высечено: Донской, Хоробрый. Два с половиной столетия назад то было, однако для счёту чем древнее – тем лучше.

В Клинах новоиспечённый пристав не притеснял ни Ивана Никитича, ни жену его постриженного в монахи брата, ни сына её, кроткого и добронравного отрока Михаила Фёдоровича.

Это доверие пришлось не по нраву Шуйскому. Едва он был провозглашён царём, как тут же отправил Жеребцова в Мангазею – едино ради мужества его и чести.

Давыд Васильевич казался простым лишь на первый взгляд. Прямой, тонкий, с высокой переносицей нос, широко расставленные карие глаза, густые русые волосы стрижены скобой, росту среднего, голос – не труба иерихонская. Главное

же – глаз быстрый, вострый – как взглянет, кажется, тут же всё о тебе вызнает, да и в руках воевода силу имел недюжинную.

Едва явился Жеребцов на берегах Таза, как закипело новое дело. Повелел он зимой пройти вверх по течению реки, лес самый спелый валить да по весне к Мангазее сплавать. Затем сам разметил землю, и за лето срубили на единственном удобном месте, на возвышенном берегу, кремль – с четырьмя глухими угловыми башнями, одной проездной, да внутри поставили церковь в честь Живоначальной Троицы. На этом посвящении настоял сам воевода: ещё с первого своего срока выборного дворянина во Ржеве получил он за службу поместье в Московском уезде, на границе с землями Троицкого монастыря, не раз и не два всенощную там отстоял и почитал себя духовным чадом игумена Иоасафа.

На Оби, в этом диком краю, среди болот, где летом свирепствует мошка, где нескончаемой зимней ночью гуляют по небу сполохи, где по великим рекам бегают малые, сшитые еловыми корнями кочи, а самая сладкая ягода – морошка, легко вздохнул Давыд Жеребцов. Сам ходил на посад, что стоял ради бережения от пожаров на расстоянии от города, на берегу Мангазейки, собирал атаманов, расспрашивал их о новых путях, о реках, ведущих на полдень и на полночь, о языках, обитающих по берегам, и думал, отправляя в Великий Устюг обоз с пушниной, сколь много серебра можно будет выручить за драгоценные чёрные собольи шкурки.

Правда, обоз тот был не похож на русский: мелкие самоедские олешки везли узкие сани на широких полозьях. Лошади здесь не водились: мох-от они не едят! Можно было, конечно, с архангелогородцами сговориться, морем пройти, но землёй-то вернее!

Следующей зимой Жеребцов сам пошёл от Оби, в которую впадает Таз, на восток до новой великой реки – до Енисея. Дивился, сколь обширна земля, и нет ей предела: и за Енисеем люди живут, туда можно ещё год и два идти – и земля всё не кончается. Не один отправился – с промышленниками, плотниками и иными охотими людьми.

И на реке Турухан, что впадает в великий Енисей, закипела работа – срубили зимовьё, в коем церковь – тоже Троицкая, восьмериком, под колоколы, шатром крытая, да воеводский двор, да амбар для хранения пушнины, да служ-

бы всякие. И зверя на мясо набили, и рыбы на- таскали – в жизни воевода столько рыбы не ви- дывал! А вкусна! Но не привык русский человек без хлеба да соли.

Зима проходила в довольстве. Но люди жда- ли – ждали муки – свежего хлебушка отведать, ждали зелья порохового, ждали железа в кри- цах – и топоры новые нужны, и ножи, а пуще все- го вестей ждали: скучно одним долгую ночь жить.

Март 1609 года

2 марта, в первый день Масленой недели, до Туруханска добрался обоз. Возле церкви собра- лись все обитатели зимовья – первым делом но- вости услышать. Ждали радостно, а слушали в тревоге – неладно на Руси, русские города вору покорились, крест целовали, ляхи да литва вата- гами по всем весям гуляют, грабят, убивают, баб да девок насилуют. Царь Василий Шуйский на Москве сычом сидит, Скопина послал за помо- щью к шведам, а те торгуются, города русские в оплату требуют. Лишь одна Троица Сергиева стоит непоколебимо. Обложили её поляки со всех сторон, не продохнуть. Твёрдо стоит Троица про- тив супостата, бьются на стенах не только стрельцы с казаками, но и монахи, и крестьяне, и бабы с ребятишками. На сколько сил хватит – неведомо. Зима длинна. Может, уже и захватили город Троицкий монастырь, и все сокровища обители по свету размыкали.

Загудел Туруханск, как растревоженный пче- линный рой. Заволновались, заспорили промыш- ленники:

– Мы тут будем соболя добывать – ради ко- го? Чтобы потом нашим сободем вора наря- жать? Чтобы серебро ляхи прикарманили?

Всяк спрашивал прибывших о своих родных городах. И отвечал за всех вестников архангело- городец Груздь:

– До Устюга поляки не добрались и до Архан- гельска города. Каргополь не тронули. А в Ко- строме хозяйничают, у всех мошны опустошили, и в Ярославле, и в Нижнем – по всей Волге гуля- ют. Берут сверх меры, на посев не оставляют. Окрест Троицы ни одного целого села. Да и бе- жать людям некуда – везде ляхи проклятые.

Молчал воевода. Молча и в церкву пошёл – молился о спасении земли русской. До полуночи у иконы Святого Сергия провёл. Теплом опажну- ло, когда припомнил впервые за два года, как игумен Троицкий Иоасаф, принимая у него испо- ведь, клал его руку к себе на шею да накрывал

епитрахилью. Как прощал ему грехи вольные и невольные – со слезами на глазах.

Неправду говорят, что разницы нет, перед ка- ким священником душу свою очистить. Разных попов да монахов видел Жеребцов – и сытые, довольные лица, и строгие, постнические лики. Но только подле Иоасафа чувствовал особый трепет, душа стремилась вверх, хотелось стать лучше, забыть о мирском, отдать душу за други своя. Потому-то и стоит Троица, что держит её в своей воле Иоасаф. Надо идти на помощь ду- ховнику.

Как-то жена, дочери? Они в усадьбе под Ржевом, но и Ржев не миновал беды.

Думы одолевали.

Днём как вышел воевода к народу, как шапку снял – так и увидели, что за ночь голову Давыдо- ву серебром обнесло.

– Правду вы молвили, люди христианские. Негоже нам в стороне от беды стоять. Надо до- мой спешить, землю русскую из плена вызво- лять.

Разом вскричали стрельцы да люди охочие:

– Верно говорит воевода! Верно!

На зимовье Туруханском оставили два де- сятка человек – негоже в диком краю крепость без присмотра бросать. Снарядили обратный обоз. Промышленники и стрельцы на лыжи вста- ли – и, не мешкая нимало, отправились до Ман- газеи. Напрямую туда – полтысячи вёрст. Да от Мангазеи до Великого Устюга ещё тысячи две вёрст будет. Тянуть нельзя. Господь каждого спросит: что сделал ты ради спасения русской земли и веры христианской?

Лежалый снег был твёрд, день удлинился, и за две недели жеребцовы люди прошли полты- щи вёрст и добрались до Мангазеи. Там взяли два дня роздыху, в бане выпарились, службу от- стояли.

Мангазея волновалась. Со всех делянок со- брались промышленники, взбудораженные ве- стями. Все ждали прибытия из Туруханского зи- мовья воеводы Давыда Васильевича. Уважали его за разум, за твёрдое слово и за почтение к охочему да промышленному люду: никого не притеснял, поступал со всеми по чести. Лишнего не брал, хоть и полагалось воеводе кормиться со своего места.

Перед обедней на второй день старшины скликали людей в город, к воеводскому крыльцу. Давыд Васильевич вышел – солнце заиграло на

зелёном сукне подбитой лисой шубы. Окинул взглядом столпившихся внизу людей.

– Други мои! Товарищи! – начал не спеша. – Беда на земле русской. По нужде великой оставляю я воеводство своё, иду на Русь – на выручку Москве и Святой Троице, постоять за правду, за отечество. Простите меня на том, товарищи! – снял Жеребцов шапку, народу поклонился.

Загудел народ – не ждали таковых слов от воеводы, растерялись спервоначалу.

– Стрельцы мои – люди государевы, и служить мы должны государю. Со мной пойдут, будем биться с ворогом. А из народа охочего... Кто желает промышлять – здесь оставайтесь, и зелье порохное вам будет, и хлеба вдоволь. И Мангазею, и зимовья наши тоже беречь надо, не ровён час – лихой народ с верховья Обского пожалует. Кто желает на Русь вернуться, города и сёла из беды вызволить – со мной пожалуйте.

Отозвалась толпа сотней голосов:

– С тобой пойдём, Давыд Васильевич!

К вечеру всех пересчитали, в полусотни со старшинами сбили. Оказалось три сотни промышленников – тазовских, обских и туруханских, да полсотни стрельцов государевых – часть всё же пришлось оставить в зимовьях.

Да две тысячи вёрст до Великого Устюга.

Выменяли на железо оленей – столько, сколько могли продать самоеды. Мчались вихрем. После Камня зимовья пошли часто, народ спешно собирался и пристраивался к отряду. К десятому апреля, выслав вперёд гонцов для упреждения, прибыли в Соль Вычегодскую – уже более шестисот человек. На ходу сысольские люди пристали.

С Вычегды послали гонцов в Архангельск – людей на помощь скликать.

Троице-Сергиева обитель

Маша Брёхова сидела в больничной палате возле узкой постели Иринарха. Юноша слёг от цинги. Качались зубы, ныли суставы и кости, мир кружился вокруг ложа, и странные видения носились пред очами пономаря.

Девушкам не дозволено было ухаживать за мужчинами, тем более монастырскими служителями. Но уже давно ухаживать было некому, и Иоасаф благословил милосердие инокинь и послушниц.

– Вижу я, Маша, – шептал Иринарх, – вижу я снега бескрайние, и над ними образ Сергия све-

тится, как солнце. Идут по тому снегу воины Христовы – кто на лыжах, кто на санях едет – и от ликов их исходит сияние. И молвит мне Сергей: дескать, вам на выручку идут – из царства света, вас спасут и уйдут – в свет.

Юноша почти не различал Машиного лица, глаз, ресниц, угадывал только округлую щёчку с ямочкой – ямочка появлялась, когда девица улыбалась.

Маша провела рукой по спутанным волосам Иринарха:

– Спи, тебе спать надо!

– Не могу я спать! Я свет видел! Скажи о том Митрию, что у воеводы вестником.

– Скажу, скажу!

Голос Маши убаюкивал, утягивал в сон.

– Что слышно?

– Всё то же. Вылазки, осада. Ты спи, спи...

Митрий потерял счёт дням. Если бы не Маслена неделя – совсем бы сбился.

Пришедшие из Москвы Сухановы казаки пробудили было замерзающее население монастыря. В округе чувствовалось какое-то брожение, и единственный способ узнать о происходящем был прост: захватить языка. Потому 1 марта казаки захватили двух языков, но они толком ничего не знали. Требовалось взять крупную птицу, и 6 марта, о Масленичной неделе, казаки пешими выбрались на Ростовскую дорогу, к турам, и сидели в засаде, пока не показался отряд конных. Впереди скакал-красовался сытый рядный пан. Тебя-то нам и треба!

Фёдор Конищев кошкой прыгнул к коню, увернулся от сабли, нырнул к конскому животу и подрезал подпруги. Пан грузно свалился вместе с седлом.

Конные пустились было в погоню за пешими – но снег, покрытый жёстким настом, не держивал коней, те проваливались и резали ноги о края наста. Пришлось вернуться на дорогу.

Пан Маркушовский оказался знатной добычей. Он рассказал, что наместник Сяпега получил от Тушинского царька грамоту о победе воеводы Просовецкого под Суздалем. Над кем победы? Да над теми людишками, что за Шуйского царя выступили. Да просит, дескать, Лисовского под Кострому отправить с несколькими ротами – собрались там воры, идут от Романова на Ярославль. Да Муром от Тушинского царька отложился, туда тоже роты две бы послать, а далеко, и дороги теперь опасны – везде народишко шалит.

Надеждой вспыхнули сердца осаждённых: воры для Тушинского царька – значит, те, что за Шуйского. Только нет у них ни оружия толкового, ни пороха. Что они смогут против злых, безжалостных лисовчиков?

Масленицу праздновать было нечем. Где ж ты масла для блинов возьмёшь? И блины – эх, мечта! Да и к Великому посту готовиться нынче казалось нелепым, если вся зима – сплошное говенье. Калачи, однако, для братии испекли.

Митрий уже давно не летал по обители, как в первые месяцы осады. По поручениям ходил, и каждый шаг давался с трудом. Воевода Алексей Голохвастый слёг – заскорбел ногами.

Маша, ставшая близкой из-за болезни Иринарха, говорила ласково:

– Ты ходи, Митя, ходи, ходячего хворь не берёт.

И это мягкое «Митя», и плавный голос её напоминали мать.

Мать, отец и сестра уже не снились, как прежде, – увиденные Митрием смерти заслонили, отодвинули образ семьи, – но гранёной иглой образ этот вошёл в сердце, и оно каждый раз отзывалось ноющей болью, когда за ворота выезжал весёлый прежде чашник Нифонт – увозил подальше от обители целый воз трупов. Смерть не разбирала – монах или мирянин: на возу все лежали вповалку, бабы рядом с чернецами, и в могилу, выдолбленную подле обугленных остатков Служней слободы, валили всех скопом.

Каждый раз, как удавалось нарубить веток, Митя жевал почки и даже сами ветки. И Машу просил: жуй, жуй. В тишине кельи грезил – почему-то о том, как мальцом собирал щавель на опушке, совал в рот и жевал до зелёной слюны, как рвал и грыз сочные стебли свербиги, по вкусу похожие на репу, как ставила стряпуха в печь пироги-пистишники. Всё остальное становилось незначимым, далёким. Только кислота щавеля... да, и ещё смородина! И чёрная, и красная – что росла в родном Угличе подле Каменного ручья. Журчание свежей воды, кисти спелой смородины, пронизанной солнцем, алые камни в венце Богородицы, вспыхнувшие в луче, ворвавшимся в узкое окно под куполом...

Так 9 марта начался Великий пост.

Казаки атамана Сухого Останкова вкуче с иными, кто был в силе, в погожие дни выезжали по дрова и по воду. Враги им препятствовали редко – в таборах было малолюдно, многих Сапега по велению Тушинского вора разослал ус-

мирать бунты. Раз уж назвал вора царём, присягу принёс – исполняй его волю. Выходит, сам себя выбора лишил. Но иначе в наше время не выйдет – чернь не поймёт, оружия за тебя не поднимет.

Житничный старец Симеон, исхудавший, с заострившимся лицом, – как только держался? – по целым дням писал, трудясь над каждой буквой, благо запасов бумаги в обители хватало. Писал он по поручению Иоасафа – письма во все города русской земли: как только сапежинцы и лисовчики поразбредлись от обители, как только стало возможным выходить из монастыря, так и понесли люди хожалые письма настоятелей во все стороны. От имени Иоасафа и всего собору Троицкого призывали грамоты повиноваться власти царя Василия Шуйского, не поддаваться на лесть Тушинского вора, твёрдо стоять в вере православной.

Подкрепляя себя ложкой мёда в день, дабы удержаться на ногах во время службы, грезил Иоасаф: виделась ему подкова высоких холмов, увенчанных церквами, заливные луга Протвы и прежняя его обитель – Пафнутьев монастырь подле древнего Боровска. На скате холма в обрамлении сосен – старый яблоневый сад. Яблони с плодами сочными, крепкими, сказывают, повелись с тех пор, как сам святой Пафнутий сады разводил. И снилось настоятелю – не игумен он ещё, а молодой чернец, и послан он яблоки собирать, и утомился, и замечтался, и в траву сухую лёг, в небо ясное смотрит – и облака белые по лазури плывут, и ёж меж яблоневых корней скоробленными листьями шуршит, и яблоком спелым, треснувшим пахнет так, будто благодать Господня от этого плода на весь мир изливается.

А внизу, за прудами, белокаменная церковь Рождественская стоит, как при Пафнутии стояла, князем Дмитрием Шемякой построенная, и венец мученический над нею сияет – и было сие от начала, и пребудет так вовеки.

17 марта 1609 года

Учинили вылазку на речку – и воды набрать, и языка, ежели удастся, взять. И подскочили тут лисовчики – с топорами, и было дело, и ранили Фёдора Карцова. Вот же казак, и так ни одного места живого нет – весь в ранах, а заживает как на собаке, и вновь рвётся в дело.

И в тот же день, желая языка, вышли ещё на заставу, на дорогу Ростовскую. И было второе дело, и тут Рахмана Шихозина убили – того, у коего усадьба Рахманцево на Московском пути

стояла. Да в тот же день, видя опустение в таборах вражеских, отпустили воеводы на Москву, в полки, киржацкого служку Иванка Лукьянова да Осинава приказу Пуляева стрельца Филипка Ондреева со товарищи пять человек.

Прошли через заставы от царя к воеводам белозерцы Климко за Завьялко Амфимовы, принесли вести о том, что сотворилось на Москве под конец Масленой недели.

А сотворилось неладное: князь Роман Гагарин, да дворянин Тимофей Грязной, да рязанец Григорий Сумбулов, да Молчанов Михаил со товарищи – в думу боярскую вломились, не пьяны – хмельные речи говорили. Дескать, царь Василий глуп, дела его нечестивы. Непотребством занимается, перелётов приголубливает, а вора погубить не может. Народ мрёт без счёту – что на Москве, что по городам да весям. На кой нужен такой царь, который царство своё уберечь не способен? Своим не верит, от шведов – врагов заклятых – подмоги ждёт!

Бояре молчали, с мятежниками не спорили. А когда толпа хлынула на площадь, тихонько разбежались по своим дворам. По пути людишки патриарха Ермогена подхватили, поволокли, грязью да навозом швыряли, поносными словами ругали. С Лобного места кричали, дескать, царь без закона сидит, земли на него согласия не давали!

Тут тушинские лазутчики явились. Стали вещать о царе Димитрии.

Но москвичи были наслышаны о Димитрии и бесчинствах его бравого войска. Такое упоминание не разожгло, как осенью, а охладило толпу. Шуйский заперся у себя в палатах. Посланные от него говорили, что царь своего государства не покинет. И когда крайние закричали, что с Ходынки скачут верные Шуйскому отряды, толпа незаметно рассеялась. А заговорщики из Москвы бежали.

Ещё сказывали Климко да Завьялко, что Скопин уже сговорил шведов, что собирается шведское войско на выручку русскому царю против воровских шаек.

В это хотелось верить. Но верилось слабо.

Сидельцы описали, что творится в городе Троицком монастыре и в округе, да и отпустили белозерцев назад, к государю.

18 марта 1609 года

Жолнёры и пахолки с топорами в лагере Лисовского тревожили воевод. Надо было распоз-

нать, отчего там с утра до ночи стучат топоры, почему по Ростовской дороге прошёл к врагам обоз с гвоздями и железом, отчего валят деревья в Терентьевой роще – явно больше, чем надобно для дров.

Собрались и решились: послали за Служную слободу, на речку, под туры дворян и детей боярских, и троицких слуг, и стрельцов, и казаков, и всяких служилых людей – кто в силах был – заставу воевать. И языка взяли, и сами отошли здорово.

Язык оказался добрым: пан Иван Маковский, Сапегина полку, Микулинской роты. Едва в стане Сапегина узнали о пленении Ивана Маковского, как к воротам обители подъехал с пахолками знатный пан – тако ж Маковский, только Леонтий, брат пленённого. Встречь ему выехали Захарья Дмитриев сын Бегичев да атаман казачий Сухан Останков.

И кланялся пан Леонтий посланцам и воеводам, и просил оберечь брата, не посылать ни на дыбу, ни на казнь, ни на иную погибель, и привёз ему шубу, да постелю, и рубашку, и портки, и вина разного. Разве что девки на утеху не прислал!

Обещали Бегичев да Останков оберечь пленника Ивана Маковского – но должен за то Леонтий рассказать, что ведаёт. И довёл пан Леонтий, что из Сапегинаго табора послано против государевых людей две роты, да из Лисовского табора послано татар две роты да казаков конных четыре сотни, а куда – ему, Леонтию, неведомо.

Сам Иван Маковский, обрадованный посылкою, своею волею сказал, дескать, видел он в полку Лисовского – «поделаны щиты на четверых санях рублены, брёвна вдвое и окошки поделаны, по окнам стрелять, а везти щиты к городу на лошадях». Пан Александр разослал было всем людям своим, что в разъезде, съезжаться к городу Троицкому монастырю ради приступа. Съезжаться не мешкая, пока погоды стоят ясные и слежалый снег держит. А идти на приступ не конными, а пешими, прячась за теми щитами рублеными, и сразу со всех сторон: защитников во граде мало осталось, смерть десятками жнёт, не смогут отбиться.

И не устоять бы Троице супротив нового штурма, не сдержать врага.

Но смилоствовал Господь: не смогли собраться лисовчики. Сам пан Александр под Солю Галицкой задержался, принуждая жителей Тушинскому царьку крест целовать. А тут и от-

тепелъ грянула, дожди снег разрыли, и обернулась затея Лисовского напрасным трудом.

Иоасаф вновь отправил грамоту к Шуйскому царю – описал бедствия великие, гибель и мор. Вновь ждали ответа.

27 марта 1609 года

Истаял юноша Иринарх, отдал Богу душу. Отпевал его сам игумен Иоасаф, и плакала над ним Маша Брёхова, и не мог проронить ни слезы Митрий. Он спешил к Иринарху, чтобы весть радостную ему принести: пришли от келаря Авраамия семеро крестьян с Троицкого подворья, что на Москве, и сказывали: в Новгороде большое войско собирается против царька, и шведы ратников дали, и люди ополчаются – и новгородские, и ладожские, и иных северных городов. Шведы их новому строю учат. А пан Керножицкий, что Новгород от царька воевал, в Русу отошёл.

Хотел Митрий рассказать, но не успел. И сердце бьётся где-то в горле, и ничего не поправить, и мерный голос Иоасафа не приносит облегчения.

Начало апреля 1609 года

Ответа от царя монастырские не дождались. Поняли это, когда пьяные черкесы – и откуда они взялись в стане Сапеги? – глумясь, скакали перед воротами и кричали, что поймали ходоков с письмами от Шуйского. Один, видя на стене девок, спешился и почал опорожняться на глазах у всех. И ни пулей его не снять – воевода настрого велел беречь порох, да и поди попади! – ни стрелой не достать – стрелы закончились.

Митрий только успел повернуться к Маше Брёховой, что стояла рядом, и прижать её голову к своему плечу: дескать, не смотри на это. Другие женщины тоже отворачивались: по поверью, можно ослепнуть, на такое бесчинство глядя.

Гаранька-каменотёс презрительно сощурился, крикнул звонко:

– Сси и ходи на свои шары!

На стене плевались: скотине можно опорожняться на людях, человек, такое творящий, скотине уподобляется.

На другой день черкесы вместе со своими сытыми конями прошли по Ростовской дороге мимо Служней слободы – и скрылись за холмом. Человек восемьсот насчитали, около пяти рот.

Монастырские слуги, которые знали всё, толковали: дескать, послали их во Владимир, дабы посадить на воеводство Матвея Ивановича Плещеева, того, что Колодкин сын. Роща скрежетал: того Плещеева царёк в боярство произвёл: «Этакий паскуда теперь со мною вровень?»

Атаман Сухан Останков об ином говорил: теперь, баял, от Владимира головёшки одни останутся. Всё пожгут иуды. Не им русского человека жалеть. Черкесы эти – народ буйный. Кто к ним только не приставал! И горская кровь, и турецкая, и крымчаки намешались, и бог весть кто. Да и наши казаки не милостивее.

Митрий, слыша эти слова, тосковал по Угличу, по дому родительскому. Безвестность томит, а пуще того – горечь, что не поможешь ничем, не оградишь, не прибежишь на выручку. Ни одна вылазка до Углича не доберётся. Везде заставы вражеские, везде иуды и латиняне. Теперь вот ещё и черкесы. Ох, горе!

Ещё через три дня в ту же сторону проехали несколько телег, протащили три пушки. Пути-дороги вот-вот урвутся – куда ж с пушками-то тащиться? Видать, худо дело под Владимиром, раз пушки понадобились. Следом прошли казаки – Сухановы ребята по одежде узнали донских. Ох, не двести ли? А то и поболее... Далее насчитали рот шесть литвы. Не узнали только, что во главе литвы сам Лисовский покинул свой табор.

Думали: откуда этот лис Сапега столько народу берёт? Кто ж их прокормит? Не иначе всех крестьян обдерут как липку.

9 апреля по утреннему морозу монастырские смогли выбраться на вылазку – за дровами. В таборе Лисовского было почти пусто – кто ушёл под Суздаль, кто к Ярославлю, кто шарил по деревням – отбирал у крестьян оставшееся на посев зерно. Помешать монастырским не могли. Если бы напали – не было бы сил отбиться. Совсем народ отощал, обезножел, а пуще всего зубы да дёсны болели – и хлеба не сгрызть, кровоточили. Митрий держался из последних сил, не уходила из души боль о смерти Иринарха. Боялся он и за Машу: девушка столовалась у царевны-инокини, да цинга – она ведь и сытого не жалеет. После того случая на башне, когда прижал её к себе, боль с особой силой резала сердце при мысли о Маше – не занедужила бы, не забрала бы её смерть. И она стала нежнее смотреть на юношу, и сама останавливалась, разговаривала с ним ласково, поправляя выбившуюся из-под скорбного плата прядь.

Соль-Вычегодск

В Соль-Вычегодске Жеребцов на три дня задержался у братьев Андрея Семёновича и Петра Семёновича Строгановых. Братья сами вышли из своего многооконного дворца встречать Жеребцова, оказали честь – спустились с крыльца.

Жеребцов отрешённо глядел на их крупные лица, окладистые бороды, соболя шапки, крытые бархатом шубы на соболях – отвык от роскоши. Старший брат держал в руке окованный посох, украшенный затейливой резьбой.

Его отряд расположился на посаде, баню справили, отъелись. Сам Давыд Васильевич стоял в крепости у братьев, говаривал с ними подолгу – невесть какими путями знали они о многом явном и тайном, что в государстве свершается. Хотя почему же невесть какими? Русь без соли да пороха не живёт. Купцы всюду проникают. Соль много где варят – и в Русе, и в Нерехте, и в Тотьме, и в иных местах. Но более всего – здесь, на берегу Вычегды. Да и зелье пороховое тут многие готовят. Самый чистый порох для пищалей – в Кирилловом монастыре на Белоозере. Но кто поставляет поболее пудов, чем белоозерские? Знамо дело, люди Строгановых. Меха, соль да порох – вот богатство рода Аники.

Строгановы знали, что стал царёк-самозванец на Волоколамской дороге, в Тушине, лагерь. Двор свой завёл, думу боярскую и патриарха ручного. Но царевич Димитрий со своей царицей Маринкой – лишь куклы в руках поляков. Всем заправляет Ружинский – этот имение своё заложил да на взятые деньги войско снарядил – Москву воевать. Ружинский царька в ежовых рукавицах держит. Второе – Сапега. Тот хитрее, у него и лис на гербе написан. Он Троицкий монастырь в осаду взял. У него на поводке Александр Лисовский – цепной пёс. Как спускают его с поводка – так и кидается он волком на добычу.

Сказывают, вышла у них, у ляхов, заматня с королём их Жигимонтом: не понравилось шляхте, что Жигимонт езуитов да чужаков приголубил, шляхту притесняет. Восстала шляхта на короля, и Лисовский в зачинщиках, бились они – и победил король. Лисовского из страны изгнали. Вот он и подался на Москву – счастья пытаться. По обличию лыцарь, по ремеслу – разбойник.

Знали Строгановы и то, что Скопин получил от шведов обещанную помощь и вот-вот двинет-

ся из Новгорода на Тверь. С ним бы соединиться, на Тушинского вора пойти – вместе вернее будет.

А что народишко шатается – так народ всегда шатается, когда руки твёрдой нет. Вот наши, говорил Андрей Семёнович Строганов, по струночке ходят. У нас не забалуешь. Но и мы мужики не забираем, по правде живём.

Давыд Васильевич знал – мужик у Строгановых зажиточный. Да ведь худому-то тут, на Вычегде, не прожить: зимы таковы, что без достатка враз околеешь.

Пушную казну мангазейскую и туруханскую порешил Жеребцов до поры у Строгановых в крепости оставить. Братья же, Андрей Семёнович да Пётр Семёнович, согласно выдали воеводе безвозмездно пищального зелья доброго десять пудов сразу да посулили под Кострому прислать поболее. Под залог мехов снабдили отряд продовольствием и приказали своим посадским людям домчать воеводу до Тотьмы по льду, пока река не вскрылась.

Перед отправлением пригласили братья Жеребцова в лучшие свои покои – царю впору. Все слуги были отосланы. Давыд Васильевич быстрым взглядом окинул обитые рытым бархатом стены, драгоценные оклады на иконах в красном углу. Усадили воеводу на резной стул с вставками из моржовой кости, на красную подушку.

Андрей Семёнович, обхватив ладонями резные львиные морды на подлокотниках, важко произнёс:

– Давыд Васильевич! Есть у нас к тебе вопрошание. Сорвался ты с места едва обжитого – с Турухана, куда даже наши, строгановские, вороны не залетали. На Москву спешишь, на подмогу. Скажи, почтенный: неужто ты так предан царю Василью Шуйскому, что оставил доходное место и сам по своей воле в пекло суёшься?

Сказано было негромко, но звенело в этих словах напряжение нешуточное. Да и Жеребцов уже понял – не на пир он спешит со своими людьми, а если и на пир, то кровавый. Потому произнёс то, что вызрело под льдистыми приполярными звёздами, что бродило в душе, но вслух не звучало прежде.

– Сказано во псалме Давыдовом: «Не познаша, ниже уразумеша, во тьме ходят». Так и государство наше во тьме ходит, люди во мгле бьются. Мы думали на царя – се есть бог на земли. Писано же: «Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси. Вы же яко человеци умираете, и яко един

от князей падаете». Все мы – сыновья Всевышнего, и названный царём падёт и умрёт так же, как холоп. Кому же служить? Только Господу единому. А Господь в душе нашей. Его голос каждый может услышать, коли бесы его не смущают. И слышал я в душе своей глас Божий, иже рёк: отечество твоё – не токмо то, что тебе отец твой и дед передали, но суть вся земля русская, мною для правды избранная. И ежели Господь восстал, чтобы судить землю, то место моё на земле отеческой.

– Вот оно как! – покрутил головой от удивления младший брат.

– Экий ты ритор, однако! – молвил старший.

Солнечный луч пронизал чистые стёкла окна в частом переплёте, вспыхнул красным огнём перстень на пальце Петра Семёновича.

– Пращур земли русскую по горсточкам собирали воедино. А вот государи наши иначе содеяли. Что учинил Иван Васильевич, великий князь? Одного своего брата до женитьбы не допустил, другого казнил с порослёю, третьего сгнобил. Един остался. Да у него самого детей родилось немало. И что же? Сын его Василий Иванович братьям не позволил жениться, а сам без наследника сидел, как на копне собака. А когда Глинская Елена сына родила, все братья к тому времени с тоски и померли.

– Окромь одного! – сказал старший Строганов.

– И что за доля ему досталась? – горько спросил Жеребцов. – Каково жить, когда знаешь – не знаешь, но догадываешься, что сына твоего и молодую жену ждёт смерть ранняя, неминуемая?

– Вот и вышло, что все ветви плодоносящие князь великий сам обрубил... – задумчиво протянул младший брат, – а Русь за то горькие слёзы льёт.

– О последнем Иване Васильевиче и не говорю даже. Господа ждал, казнил и каялся, а оказалось – крымчакам пир готовил. Коли б не Воротынский со товарищи, собирать бы нам по сю пору чёрный бор.

– Разобрать бы, где воля Господня, а где сила людская... – тихо сказал Андрей Васильевич. Перекрестился на иконы, шевеля губами, прочёл молитву. И, вспыхнув от давней мысли, продолжил: – Давеча присылал к нам царь Василий с поклоном. Писал, несть у него серебра рассчитывать со шведами. Взаимы, дескать, удружите. У самого в кармане – вошь на аркане. Сдумали мы думу: даём ему двадцать тысяч рублей. Ду-

ша знает, яко блудиша, да совесть-то, гордынная змеища, мучит, особливо ночами... – Строганов-старший опустил голову, кивал, вспоминая бывшее. Потом голову вскинул, кулак сжал: – Так порешили – дать серебро с возвратом, однако без прибытку. Думаем – с тобой послать. Коли груза не испугаешься.

Жеребцов не спешил отвечать. Помолчал, склонил голову набок, будто прислушиваясь к чему:

– До Костромы доведу, а там – как знать. Везде воры шастанут.

– А ты до Костромы дойди, а там снесись с князем Скопиным. Ему серебро-то и потребно – с наймитами расчесться. Там и рассудишь, куда везти – на Москву али сразу Михайле Василичу, – сказал младший брат, сузив левый глаз.

– Тебе – доверим. Иным – нет, – отрезал старший. – А что сочтёшь нужным делать – делай.

Давыд Васильевич перекрестился на икону Никиты-воина. Повернулся к братьям, улыбнулся лукаво:

– Что ж, сведу! Отчего не свезти-то! Ведь не гусей же на продажу гнать – не разбредутся рублики.

76

– А коли и разбредутся – так в нужные руки! – утвердил Андрей Семёнович, крепко стукнул посохом об пол – тут же дверь растворилась, явился человек с подносом – на нём чаша с вином. – Давай по дедову обычаю – за наше дело – чашу круговую испьём. Начинай!

Жеребцов встал, поклонился хозяевам в пояс, поднёс чашу, испил – передал старшему брату. Три густые багряные капли задержались в русской бороде.

Отслужили молебен в Благовещенском соборе, коим и стольный град гордился бы. Истово молились братья Строгановы в дедовом соборе о Московском царстве, а после молебна с благословения священника отпустили четыре десятка своих охочих мужиков с отрядом Жеребцова.

Провожая Давыда Васильевича, оба Строганова сняли шапки. Старший, Андрей Семёнович, веско проговорил:

– Давыд Васильевич, на всё воля Божья. Но пораскинули мы с братом мозгами: пушки, я чаю, тебе не лишними будут. Все со своих стен не снимем, бережёного бог бережёт, а четыре тебе даём. И лошадей к ним с санями, и пушкарей учёных.

Вспыхнул от радости Жеребцов, обнял Андрея Семёновича, затем Петра Семёновича: ныне дороже хлеба нам этот подарок!

– С Богом!

Обоз тронулся. Долго ещё двигался он по льду широкой заснеженной Вычегды, долго смотрели со стен строгановские мужики. Вытирали слёзы широкие, лицом схожие с чудью бабы.

12 апреля 1609 года

Клементьевский стан

На холме у Муранова, что в верховьях речки Талицы, наемни взяли люди Сапеги трёх стрельцов – Иуду Фёдорова со товарищи. Стало быть, гонцы умудрились проскочить мимо Красной горы, мимо Клементьева поля и, ежели б не случайная встреча, спокойно утекли в Москву?

Сапега был в бешенстве. Секретарь (локти протёрлись!) за столом из толстых досок считал письма, взятые на стрельцах: оказалось до пятисот!

Чтобы отвести вспышку гнева, секретарь протянул Сапеге грамоту:

– Пан гетман! Извольте прочесть – царевна своей ручкой писала!

– А ты почём знаешь? – метнул в секретаря яростный взгляд Сапега.

– Так ведь подпись... вот она! Так и сказано: инокиня Ольга. И бумага дорогая, видать, из Венеции али Флоренции, – нежно разгладив лист, секретарь разглядывал на просвет филигрань.

При последних словах Сапега вздрогнул. Опять привиделся Аптекарский огород, тонкая струйка фонтана и девушка. Кто она была? Ах да, дочка садовника. Какие глаза!

Сапега резко повернулся:

– Кому пишет царевна?

– Видать, тётке. Домна Богдановна Ноготкова.

– Так читай! – Сапега сел, кусая губы и щуря глаза. Достал из кармана тонкий батистовый платок, отёр влажный лоб. На секунду вспомнилась вдруг жена – чёрт бы её драл со всеми её требованиями! – потом дети. Он уже и забыл, как они выглядят. Увидит – не узнает.

– Стой! Дай сам.

Вырвал у секретаря бумагу, читал – этот дикий язык! – шевеля губами:

– А про меня похочешь ведати, и я у Живоначальные Троицы, в осаде, марта по 29 день, в своих бедах чуть жива, конечно болна, со всеми стариками; и впредь, государыня, никак не ча-

ем себе живота, с часу на час ожидаем смерти, потому что у нас в осаде шатость и измена великая. Да у нас же, за грех за наш, моровая пове-трея: всяких людей изняли скорби великия смер-тные, на всякой день хоронят мертвых человек по двадцати и по тридцати и болши; а которые люди посяместо ходят и те собою не владеют, все обезножели.

Бросил лист на стол:

– Бабы сопли. А что шатость у них – это нам на руку.

Внезапно вступило в голову – Сапега, прикрывая глаза в стремлении унять боль, выдавил из себя:

– Прочтёшь всё, мне доложишь самое важное.

Цепляясь за притолоку, вышел в сени, умылся водой из стоящей у дверей бочки, шагнул на крыльцо.

Солнце, яркое днём, садилось в марево тумана. Небо медленно затягивало тучами. Быть дождю – а значит, снег почнёт таять быстрее, и потечёт... Распутица. Хоть отдохнуть от бесконечных понуканий из Тушина. Вот опять царёк требует послать в Ростов на подмогу к Плещееву боярина Наумова с русскими людьми, да пана князя Адама Руженского, да пана Юзефа Будила, да пана Подгороцкого с гусарами и жолнёрами. И Ярославль ненадёжен. Никому верить нельзя, а пуще всего своя же челядь мутит.

Троице-Сергиева обитель

Слуги монастырские вновь первыми узнали, что стрельцы схвачены.

К Иоасафу после заутрени подошёл тихий старичок Шушель Шпаников, каменотёс троцкий.

– Меня отпусти на Москву, отче. Я дойду и весть донесу.

– Тебя же от ветра шатает!

– Я подмастерья свою возьму, Гараньку, он молодой, дотащит, ежели упаду. Я все стёжки-дорожки ведаю.

– Да уж больно болтлив твой Гаранька.

– Болтлив, правда твоя. Да верен!

Иоасаф – лицо заострилось, но неукротимый огонь горел в глазах – провецился:

– После вечерни приходи за письмом.

И перекрестил Шпаникова.

Шушель да Гаранька ушли в дождь, в ночь, крепко подпоясав худые армяки. Выходили на

север, дабы, описав круг, выйти на Дмитровские просёлки. Фёдор Карцов пожелал на прощание:

— Глядите остро, в ляхов не врюхайтесь! — и закрыл за ними Каличьи ворота.

26 апреля 1609 года в обители звонили колокола — праздновали Пасху. Монахи и миряне, едва держась на ногах, отстояли всенощную — и повалились спать. Весь день лил дождь.

Никогда ещё в жизни Митрия пасха не была такой горькой, как в этом проклятом Богом году.

Конец апреля 1609 года

Клементьевский стан

Да, пан Лисовский, будь он неладен, прав: черни палец в рот не клади.

Сапега не слезал с седла, сузившимися от ярости глазами глядя на семерых, что корчились, посаженные на кол, истекая калом и кровью.

Челядь! Вечно она норовит подгадить хозяевам. Вот были же посланы за припасами, да с серебром, — нет, подняли бунт, выбрали себе ротмистров и полковников. По всей земле шатались, разбоем занимались, господ своих кляли на чём свет стоит. Пришлось высылать против них роту во главе с паном Мархоцким. Старшин бунта похватали — да на кол.

Чернь, сбившись в кучу, стояла, опустив глаза, не смея смотреть на страдания своих выбранных. Сапега зорко следил — не поднялись бы против власти! Вокруг него стояли верные шляхтичи, держа заряженные ружья.

Челядь не шевелилась.

— На колени! — крикнул гетман. — Кайтесь пред своими господами, прощения просите! Лайдаки...

Пали на колени, в унавоженный снег. В наступившей тишине кто-то лающе зарыдал. Взыла за спинами челяди баба.

— Добже! — кивнул палачу: — Этих... помиловать!

Палач, ослабившись и закатав рукава, подступил к первому сидевшему на колу страдальцу и точным движением полоснул по шее. Кровь хлынула ручьём, голова упала, и бедняга испустил дух.

Троице-Сергиева обитель

Хлынула весна, потекла по русской земле талыми водами, смывая нечистое, застоялое. Раз-

мяк снег, размываемый частыми дождями, побежал в овраги и долины. Располонились реки, выбились из берегов, быстро пронесли на хребтинах своих ледовую стаю — и вольно растеклись по долинам, беспечно потопив кусты и властно захватив поймы.

Раскисли поля, потонули в грязи дороги — и до времени прервалось всякое сношение между городами и сёлами.

Одно добро: теплее стало, не так много дров уходило на обогрев. Ревела от голода уцелевшая в монастыре скотина, и чтоб зря не околела, забивали её: неведомо было коровам, что немного — и дотянем до первой травки, что продержаться бы ещё чуть-чуть — и отогреет солнце землю, вернётся надежда.

На службах, которые вели редкие остававшиеся на ногах монахи, Митрий стоял, прислонившись к стене, — сил не было. Забираясь после вечерни под тулуп, дрожа от озноба, подолгу не мог согреться. Вслушивался, как орал благим матом во дворе одинокий кот, которого до сих пор не поймали и не съели.

Симеон почти ничего не записывал — нечего было писать. Исхудавший, ожесточившийся, растапливал он у себя печурку, готовил еловый отвар, ходил по кельям с ведёрком и кружкой, поил ослабевших братьев, крестьян и баб с ребятами — кто жив оставался. Ему верили, пили. Бабы не выли, не плакали — сил не осталось.

Апрель 1609 года

Кострома

В Устюге люди Давыда Жеребцова не задержались — взяв ещё триста человек, на санях лошадыми по льду Сухоны добрались до Тотмы, едва перескочили на правый берег — вскрылась Сухона, затрещала льдинами, понесла добычу к Белому морю.

На санях взобрались на ветреные Чаловы горы. Оттуда — вниз, в сторону Соли Галицкой, легче пошло, но снег вокруг начал таять. Однако укатанный за зиму санный путь ещё держался. Спешили по нему пройти как можно дальше. Миновали Соль Галицкую, где жители рассказали: послали они биться с поляками большой отряд, и вернулась из него едва половина. Поскакали в Чухлому и сожжённый, разорённый Галич, который месяц назад «приголубил» пан Лисовский. Из Галича Лисовский — не поленился! — забрал все бывшие там в наличии пушки и порох, соль,

отправленную в Москву из северных городов, да меха, зимой добытые, увёз.

Жеребцов двигался, узнавая всё больше о бесчинствах чужаков, обрастая разгневанным народом, — и 1 мая, как снег на голову, свалился на Кострому.

Май 1609 года

От галичан Жеребцов знал, что в Костроме засел пан Лисовский, все церкви ограбил, из купцов всю деньгу повытряс. А кто ему противился — всех страшной смерти предал.

На подходе к Костроме к Давыдову войску пристали галичане, унженцы, кологривцы, парфеньевцы, судайцы да сами костромичи, что до того успели бежать. Часть народу посадили на лодьи да челны и, как встарь, — судовой ратью — по реке Костроме отправили.

Поляки, хозяйничавшие в городе, не ожидали появления сильного отряда. Спротивлялись, затворившись в крепости, отбивались из Боявленского монастыря, но не удержались и ударились в бегство. Многих на месте порубили, но иные во главе с воеводой Вельяминовым, что поставлен был Тушинским вором, добрались до челнов и, спеша, через реку Кострому переправились — заперлись в Ипатьевском монастыре. Даже город не успели подпалить — слава Богу за это! И всё награбленное бросили.

Костромичи встречали войско Жеребцова как чудо. На радостях купцы поднесли чарку серебряную, золотом наполненную. Золото то Давыд Васильевич сразу в дело пустил — верных людей за порохом послал. Без него никак. А монахи Боявленского монастыря отслужили благодарственный молебен в честь избавления.

Но рано торжествовать! Посадские, кто видел, сказывали — сам Лисовский бежал из окна терема без порток, да к Волге кинулся, успел переметнуться на другой берег. Там, в Шуге, Плесе и Суздале, стояли его роты. Жди оттуда подвоха.

Так и случилось: пан Александр с тремя ротами подошёл на правый берег Волги повыше Костромы. Однако мужики отвели все лодки — переправиться было не на чем. Лисовчики поскакали вдоль берега вверх по течению, захватили несколько лодей. Из крепости неотрывно следили за врагами. В ночи, когда те попытались переправиться, на левом берегу вспыхнули высокие костры, осветили чёрную воду, и пушки ударили

по реке. То ли пушкеры так хороши, то ли случай подсобил — но попали в одну лодью. В воде раздавались крики, но недолго — вооружённые, одетые для боя жолнёры тонули. Прочие лодьи спешно разворачивались.

Ни Жеребцову за унижение отомстить, ни своим из-за стен Ипатьевского монастыря вызволить — так и пришлось идти Лисовскому несолоно хлебавши.

Ипатьевский монастырь при впадении полноводной Костромы в Волгу Давыд Васильевич знал назубок: приходилось там бывать. Мощные стены с пятью башнями при Годунове достроили.

Жеребцов обложил крепость со всех сторон. Собрал в городе, на воеводском дворе, всех городских старшин и долго расспрашивал каждого о том, где и что приключилось. Отправил назад, в Тотьму, пришедшего с ним Груздя — архангельского человека, дабы поджидал своих и по пути довёл до них как и что. Тотьмы-то они точно не минуют, до неё по воде им добираться придётся — нелегко, как лёд сойдёт — так против течения и тронутся.

Допросил двоих пленных лисовчиков — у них выведал про заставы и послал людей на Москву в обход застав — узнать обстановку. Да по Волге вверх и вниз люди побежали — наобум действовать нельзя, надо наверняка бить. А пока все в разгоне — мышей в мышеловке передавать надо.

К середине месяца пришла радостная весть: прибыли водой ярославцы, торжествовали: паны Будила и Микулинский, осаждавшие город, отскочили от Ярославля — причиной тому выступление из Новгорода воеводы князя Скопина-Шуйского с шведской подмогой и новгородским ополчением. Не по нраву пришлась полякам такая новость.

Но не по нраву пришлась она и Жеребцову: пошто против новых врагов старых звать? Али они друг другу не товарищи? Неужто всё так плохо? Неуж измена столь глубоко угнездилась, что шведы друзьями стали?

Слушал Давыд Васильевич тех, кто утёк из городов, присягнувших вору, не желая крест несправедно целовать. Слушал о бесчинствах и насилиях, о разорении и пожарах.

Коли такой грабёж да разбой по всей земле русской, что же с его дочерьми?

Пока не время действовать. Полая вода — она не пустит, надо дать земле обсохнуть, обве-

триться, тогда и выступать. Да вывести, что там со Скопиным-Шуйским, кого ведёт да сколько? Да каким путём двигаться будет?

Среди пришедших к нему ополченцев отыскались три мужика из-под Борисоглеба, из деревни Лодыгино, что принадлежала Троицкому монастырскому хозяйству. Они похвастались, что запрятали посевной хлеб далеко в лесу, так, что поляки не отыскали. И скотину туда же, на остров в болоте, по зиме загнали. Только вот незадача: как её теперь оттуда вернуть – неведомо. Да может, и пусть пока там живёт: по всей земле ляхи шарят, приведёшь домой – угонят да сожрут. Как деткам без молочка?

Жеребцов остановил сетования мужиков, спросил, тверды ли они во Христе. Мужики истово перекрестились. Тогда Давыд Васильевич велел им пробираться в обитель и сообщить игумену Иоасафу, что будет ему помощь. Как спадёт вода, как соберутся русские силы – так и отправится он на выручку. А сейчас пока лодок надо побольше – через Волгу переправиться, да ружей, да пороку – кто по дворам зелье готовит, пусть на продажу везут! Порох теперь дороже золота.

И ещё послал воевода Волгою троих костромских стрельцов во главе с сыном боярским – дойти до Твери, там подняться Тверцою да встретить Скопина-Шуйского с войском, о ком молва идёт, да разузнать, что за люди иноземные у Скопина в наёме, каково у них оружие. Да что деять замыслили.

17 мая 1609 года

Троице-Сергиева обитель

Фёдор Карцов, проверяя ночной караул, прислушался: будто кричали у Каличьих ворот. Замер: нет, всё тихо. Потом опять крик – будто Гаранька, каменотёс, кричит. Вроде его голос. Ах, проныра! Неужто вернулся!?

Старшина побежал к воротам. Караульщики спали – оно и понятно, мор всех усыпит.

Сунул в бок одному, другому, рыкнул – проверьте, кто там!

Откликнулись – они: троицкие каменотёсы Шушель Шпаников да рыжий Гаранька. С месяц назад али больше – Фёдор потерял счёт времени – были посланы они к келарю Авраамиию с письмом – и вот возвратились.

Отворились ворота.

– Долгонько вы!

Маленький седой Шушель с тихим смешком отвечал:

– Тише едешь – дальше будешь. Туда все заставы обошли – нигде не попались. А уж обратно ждать пришлось, когда вода спадёт. Больно разлил нонче силён. На что Талица мала – а и та все мосты поносила.

– Ты, дядька Фёдор, не ругайся, не бранись! – скороговоркой затрещал молодой Гаранька. – Мы бы мигом обернулись. Да ведь эсколь в ямах лежать пришлось, пока день пережидали. Вся одежда пропала, да мы сами – что жиж болотная! Как лешаки пред очами келаря явились!

– А куда спешить? – бормотал Шушель. – К чёрту на обед, к Сапеге на ужин? Это вон у рыжего береста в заднице горит – скорей да скорей, чуть не попались.

– Мы под мостом схоронились, – трещал Гаранька, – по самую шейку в воде. Над самой нашей головой целая рота проехала – меня медвежья болетьхватила со страху.

Фёдор мощно хлопнул парня по спине:

– Ништо! В воде-то оно незаметно!

От неожиданного ободрения сурового Фёдора Карцова Гаранька даже притих.

Шаги по деревянной лестнице разбудили Митрия. Он вскочил, хлопнулся лбом о притолоку, сморщился от боли и замер – потом отворил дверь:

– Что стряслось?

– Ты, Митрий, Григория Борисовича буди – Шушель с Гаранькой из Москвы вернулись. Сам велел его поднять хоть днём, хоть ночью.

Вглядываясь в кромешную тьму, вестовой не видел ничего, только черноту, из которой вдруг донёлся знакомый голос Гараньки:

– Здорово, Митька!

– Гаранька! – обрадовался Митрий, хотя раньше относился к этому рыжему парню настороженно. – Что труднее: до Москвы дойти али в капусте рубиться?

– Тоже мне сравнил! – беззлобно засмеялся Гаранька. – В капусте – огонь, а здесь мокни, как кикимора болотная, корми рыб под мостами, пока...

– Тихо! – приструнил Фёдор.

Гаранька торопливым шепотом продолжал:

– Да ежели б не келарева баня на Москве, не ходить бы мне по свету. На кашель изошёл. Сам Авраамий меня веником охаживал! Да молитву говорил.

Роща читал грамоту от Авраамия. Писал келарь архимандриту, дескать, помнили бы и братья, и государевы воеводы, и воины, и все люди православные, в городе осаждённые, – помнили крёстное целование, стояли бы против неверных твёрдо и непоколебимо, жили бы без оплошностей и берегли себя накрепко от литовских людей.

Неужто это всё, что мог сказать Авраамий? Или он не писал ничего точного, боясь, что посланцев перехватят? Опять эти общие слова... А может, келарь и сам ничего не знает? Беречь накрепко... Скоро уж беречь некого будет. Царевна – да, та хоть и жалуется, но обедню выстаивает, стало быть, до лета доживёт. А иные... Вот детишки крестьянские – как мухи мрут.

Сам Иоасаф долго расспрашивал Шушеля, что на Москве дёется, что слышно. Каменотёс бы сметлив, обсказал он про неслыханные цены на муку и мясо, про шатание великое в народе, про недовольство Василием Шуйским и про подлого царька, над которым паны да Маринка верх забрали, а сам царёк пьёт беспробудно и с бабами путается на виду у всего народа. Стыдоба! Воистину, последние времена настали!

Нет, не последние, думал Иоасаф. Стены ещё стоят, башни грозны, твердыня крепка. Не может Господь оставить верных чад своих! Твёрдость нашу испытав, пришлёт помощь великую!

18 мая 1609 года

Отворились на рассвете Каличьи ворота, и четыре коровы – вся уцелевшая скотина, – едва передвигая ноги, вышли на молодую травку. Охраняли скотину казаки.

Под стенами ползали на коленях детишки и молодые девки, кто поживее, собирали в платки и подолы зелень – и яркие лапки сныти, и едва проклюнувшийся щавель, и пахучую крапиву, и хрусткие побеги свербиги, рвали траву – оставшихся кур подкормить.

На поварне варили пустые щи с крапивой, порубив её в корыте, размешивали в плошке яичко-другое, вливали в щи.

Чернецы и бабы копали огороды, детишки шли за ними, вытаскивая из отвалов жирных розовых и красных червяков, складывали в туески. Потом выбегали к курам, враз ожившим и порезавшим, высыпали червей – и куры подскакивали, клевали червяков, дрались и норовили клюнуть босые ноги детей.

За прудами бабы замачивали в корытах бельё, сыпали золу для чистоты, стирали не только исподнее мужиков да стрельцов, но и рясы – кто же больных-то монахов обиходит?

Подле Житничной башни чернецы выкопали яму, сложили в неё одежду, снятую с убитых и умерших, и принялись землёй закидывать. Маша Брёхова изумилась, осмелилась спросить: пошто одежду – да в землю?

– Эх, девонька, – ласково вздохнул сгорбленный старец, – мало ты ещё жила на свете, коли простого не знаешь. Дух-от чиждый, трупный только земля родимая отбивает, вытягивает. Ни солнце, ни вода тут не сподобятся. Полежит одежда в земле – и вновь её носить способно будет. Мёртвому одежда ни к чему, а нам ещё согдится: сколько нам тут бедовать – один Господь ведаёт.

19 мая 1609 года

Житничный старец Симеон долго не мог понять, что его встревожило, потянуло за душу. Застыл на деревянном гудьбище подле двери в келью, прислушиваясь, и, когда мелькнуло возле его глаз быстрое крыло, вдруг понял: ласточки вернулись! Всмотрелся: вот они, носятся, старое гнездо под стрехой поправляют. Махонькие, в клюв по крошечке глины умещается, а гнездо всё починено будет.

Так и дни проходят, как комочки глины в ласточкином клюве. Но когда бедствие окончится – не весть.

Однако ласточка – сиречь Воскресение Господне. Прояснилось лицо Симеона, слёзы на вернулись. И мы от страданий воскреснем!

И записал Симеон в этот день, что Иоасаф освятил в храме Пресвятой Богородицы придел в честь Николая Чудотворца. Сам же думал, что едва держался на ногах Иоасаф, да ещё надел на голову митру высокую с золотыми вставками, на коих иконы чернью травлены, – вклад Бориса Годунова. Тяжела митра, голова архимандрита клонилась – как выстоял?

Спустя же некое время келарь Авраамий Палицын в своём сказании написал так:

«На память святого и достохвального апостола и евангелиста Иоанна Богослова архимандрит Иоасаф и воеводы решили в храме Пресвятой Богородицы, во имя честного и славного Её Успения, в приделе освятить храм во имя святого отца нашего Николы чудотворца, в праздник его, что и совершили во славу в Трои-

це славимого Бога. И с того дня даровал Господь Бог наш православным христианам свою милость. И многие больные начали от недугов своих выздоравливать, благодаря пресвятую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа, так же и всенепорочной Владычице Богородице благодарственные песни воссылая и восхваляя святого и великого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, великого архиерея чудотворца Николу и великих российских светочей Сергия и Никона чудотворцев, так как по святым их молитвам произошло исцеление от злых болезней и облегчение. И смерть с того дня стала меньше людей уносить. Уцелевшие же от смертоносной болезни здоровые люди каждый день выходили из города на бой с литовскими людьми и бились с усердием, и милость Господня помогала им».

23 мая 1609 года

Из воеводина вестового превратиться в пастуха – ну и честь!

Хотя по военному времени пастух – в первую очередь воин. Коли враги набегут, кому коров защищать придётся?

Митрий качал головой, ухмылялся, обрывая по склону листья одуванчиков и засовывая их в лёгкую полотняную торбу. Они горчили, если сразу жевать. Но если вымочить в холодной солёной воде, то есть можно, и цинга отступает. Вот бы ещё пестиков – но ведь это надо идти на мокрый луг, а не дойдёшь – поймают.

Коровы внизу, в овраге, жадно подчищали едва появляющуюся зелень.

Митя вспоминал, как Маша Брёхова шептала заговор против змей, брызгая святой водичкой на коров:

– *Гад, Гад Агафий, жена твоя Фиеха,
вонзил ты своё жало
в денницу, в пенницу, в веретенницу,
в колоду и в сухую изгороду,
а не в коровушку-матушку,
а коровушке-матушке
на сон, на упокой, на доброе здоровье,
чтобы не кололо, не ломило, не болело, не
знобило
по сей день, по сей час,
мой приговор рабы Божей Марии
Во имя Отца и Сына. Аминь! Аминь! Аминь!*

Три раза прочла – и на Митю тоже побрызгала:

– Чтобы и тебя гады не трогали. А то, бают, много их развелось нонеча!

А что коровам змеи! Наступят – да раздавят. Пасутся себе спокойно.

Митрий засмотрелся на бурёнок – и вдруг заметил человека: он прятался за коровой. Новоявленный пастух прильнул к земле, будто спит, насторожился. Человек в нерусской одежде вылез из-под коровы и направился прямо к Митрию, показывая пустые руки:

– Не бей! Я свой!

– Какой такой свой!? – растерялся Митя. – Не знаю тебя!

– Зато я тебя знаю, – говорил человек, странно искажая слова. – Ты воеводин слуга, на посылах бегаешь. Сведи меня к воеводе.

Митрий быстро огляделся – вокруг никого, всё так же спокойно поют птицы. Их не обманешь – значит, и вправду никого.

– Иди к воротам.

У ворот человека, назвавшегося трубачом по имени Мартьяш, встретили Сухановы люди, отвели к князю Григорию Борисовичу.

Митрий, отдав Маше Брёховой одуванчики, вернулся к коровам. Лишь вечером он узнал, что Мартьяш – перелёт, перебежчик, что поклялся он на кресте: ежели до Николина дня монастырь не сдастся, значит, Господь ему помогает. Стало быть, правда – там. И перешёл Мартьяш на службу к Роще.

Этот трубач, венгр, и рассказал воеводам – идти пришлось в келью к Голохвастому, сам он не мог – обезножил цингой, – рассказал трубач, что силы великие польские и литовские стоят по всей земле Московской. В Тушине царь с войском. Под Вязьмой, дескать, запорожские казаки с полковником Чижом – караулят, как бы из Смоленска воевода Шеин на Москву не ударил. Роты Млоцкого и Бобовского на Коломну посланы. Лисовский на Ярославль и Кострому двинулся. И несколько тысяч дозорами разъезжает.

Не переломить этой силы. Но если святой Никола за монахов, то и он, Мартьяш, хочет быть на стороне монахов. Видение ему, знать, было...

Воевода Голохвастый мотал головой по подушке – но говорить ему было трудно, едва шептал. Однако постриг, как иные перед смертью, не принимал – верил, что встанет на ноги.

Мартьяш достал из своей котомки мятые липкие соты с давленными пчёлами и мёдом, завернутые в молодые листья лопуха, протянул Алексею Ивановичу – тот слабо кивнул.

Ушёл Мартыаш с Рощею.

Митрий, оставшись с больным воеводой, отделил ножом кусок сот, подал Алексею Ивановичу – жевать. Голохвастый приподнялся на постели, прошептал горько:

– Не верю ему!

Но соты в рот положил и попытался жевать шатающимися зубами. Больно! Пришлось просто рассасывать, вытягивая сладость.

Обессиленно засыпая, видел воевода огромную, невероятно сияющую Обь, бескрайнюю тайгу, Сургут на высоком берегу – кажется, ещё вчера был там воеводою, а сколько времени минуло – да какого времени! – и себя в струге: будто плывёт он против спорого течения, охотники гребут ладно, дружно, и хоть на пядь, но с каждым гребком продвигается он к цели.

**Виктор
КИРЮШИН**

ДОРОГА К НЕБУ

* * *

*По возрасту давно не призывной,
Но чувствую невольную вину:
Товарищ мой прощается со мной,
Товарищ мой уходит на войну.*

*Туда, где степь до края сожжена,
Где солнца окровавленный клинок...
А у него молодуха-жена,
А у него кровиночка-сын.*

*Вот он ступил на огненный причал,
Свою судьбу доверил небесам...
Никто ему повестку не вручал,
Но он мужик – он выбирает сам.*

*Какой придётся заплатить ценой
За всё, что ныне снова на кону?
Товарищ мой прощается со мной,
Товарищ мой уходит на войну.*

КОГДА ТЫ ВЕРНЁШЬСЯ...

*Однажды в родительском доме
проснёшься,
Покажутся странными мирные сны,
Когда ты вернёшься,
Когда ты вернёшься,
Ещё до конца не остыв от войны.*

УУ

*Черёмуха вновь расцветёт над обрывом,
Развесит над речкой туман пелену...
Солдату непросто привыкнуть к
разрывам,
А после непросто принять тишину.*

*Поздравят с приездом, а ты усмехнёшься –
Дорога оттуда, как память, длинна...
Когда ты вернёшься,
Когда ты вернёшься,
Сестрой-неразлучницей станет война.*

КИРЮШИН Виктор Фёдорович родился 17 октября 1953 года в Брянске. Поэт, переводчик, публицист, книгоиздатель. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Окончил факультет журналистики МГУ. Прошёл путь от корреспондента многотиражной газеты до главного редактора издательств «Молодая гвардия» и «Сельская новь». Удостоен высшей награды Союза журналистов России – знака «Честь. Достоинство. Профессионализм». Стихи публиковались в журналах: «Нева», «Юность», «Континент», «Смена». «Москва», «Наш современник», «Поэзия», «Сибирские огни», «Подъём», «Молодая гвардия», «Родная Ладога», «Новая Немига» (Белоруссия), «Простор» (Казахстан), альманахе «День поэзии», антологиях «Венок славы», «Русская поэзия: XX век» и других. Автор восьми поэтических книг, а также переводов с французского, болгарского, серболужицкого, грузинского, украинского языков. Лауреат премии Ленинского комсомола, Всероссийских премий имени Тютчева «Русский путь», «Прохоровское поле», имени Николая Гумилёва, Марины Цветаевой, Международной премии имени Андрея Платонова «Умное сердце», Независимой премии имени Бориса Корнилова и др. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Указом Президента РФ награждён медалью Пушкина. Живёт в Москве.

Укроют воронки цветы полевые,
Подсолнухи ветер устанет качать...
Когда за столом соберутся живые,
Им с мёртвыми будет о чём помолчать.

ПОД ЛУГАНСКОМ

Март. Ещё далеко до прополки,
Но старушка идёт по меже
И в ведро собирает осколки –
Вон их сколько набралось уже!

Здесь недавно бои грохотали,
Всюду чёрные меты войны.
На зазубренном ржавом металле
Иноземные знаки видны.

Всё ты стерпишь, земляца сырая,
Как и эта вот старая мать...
Дом разрушен,
Ютится в сарае
И готовится грядки копать.

ГОРОД

Среди обугленного хлама
Картины призрачного быта:
Разбит снарядом купол храма,
Дорога вдребезги разбита.

Дома сгоревшие, руины,
Подбитый танк в одной из арок –
От незалежной Украины
Никем не прошенный подарок.

Мрачны войны приметы эти,
Незабываемы, поверьте...
А во дворах играют дети,
И жизнь опять сильнее смерти.

БОЕЦ

Пусть тяжела в бою броня –
Куда деваться?
Всего-то двадцать разменял,
Всего-то двадцать.

В Донбасс был призван от своих
Тверских околиц.
Но он поправил в тот же миг:
– Я – доброволец!

Молчал на проводах отец,
В родне рыдали.

По виду
Позывной «Малец»
Парнишке дали.

Вот крестик, что надела мать
На тонкой шее...
Не сладко землю обнимать
В сырой траншее,

Когда разносит всё в труху?
Война не шутка...
И он сказал, как на духу:
«Бывает жутко».

Вдруг по лицу скользнула тень.
Шутить пытался...
И я уехал в тот же день,
А он остался.

РАЗГОВОР

Автоматы, «броники», подсумки
Да нехитрый скарб на стеллаже.
Детские наивные рисунки,
Как иконы, в каждом блиндаже.

Вот в цветах некошеное поле,
Женщина ступает по крыльцу,
Свет в окне
И это всё до боли
Дорого усталому бойцу.

Коротка на фронте передышка:
День-другой и снова надо в бой...
«Нарисуй мне Родину, сынишка,
С родниковой речкой голубой.

С той дорогой, что приводит к храму,
Где дождём размыта колея...
Нарисуй весёлой нашу маму,
Золотая доченька моя».

Автоматы, «броники», подсумки –
Для бойца давно привычный быт,
А когда посмотрит на рисунки,
Будто бы с детьми поговорит.

ПОЗЫВНЫЕ

В рост ещё не встала вся Россия
Свору бить, сошедшую с ума,
Но звучат в эфире позывные –
«Барнаул», «Калуга», «Кострома».

Мы не затевали эту драку,
А случилась – твёрже, чем кремень,
Встали рядом
И идут в атаку
«Кемерово», «Астрахань», «Тюмень».

Враг у нас коварный и серьёзный
Подлый враг.
Такие, брат, дела...
Боевому позывному «Грозный»
Поскорей ответь «Махачкала»!

Не сдадутся чёрной вражьей силе
Русские высокие слова:
Позывной незыблемый – Россия,
Позывной немеркнувший – Москва..

СТАРОЕ ДЕРЕВО

Красное зарево, логово зверево,
Вороны в чёрном на мёртвом суку...
Старое дерево, старое дерево,
Всё повидало на долгом веку.

Радость – негаданна, горе – непрошено.
В небе растаяли дни-журавли.
Как тебя гнули ветра заполюшные!
Гнули, да только сломать не смогли.

Варится варево, мелется мелево –
Вечности неистощимая снесь.
Старое дерево, старое дерево
Снова надеется зазеленеть.

Свежей корой затянуло отметину
Молнии, плоть опалившей твоею.
Слышишь, за речкой кукушка ответила
Юному, в неге любви, соловью?

Кроне густой благодарны, как терему,
Птицы, птенцов сберегая в дупле.
Старому дереву, старому дереву,
Господи, дай устоять на земле!

* * *

В небе осеннем свинец
И в реке.

Глянешь:
И сердце сожмётся от боли.
Чёрная птица
Летит вдалеке
Через остывшее
Чёрное поле.

Тёмной водою набрякла межа.
Дикого хмеля оборваны плети.
И замирает, как поле, душа,
Жить без тепла привыкая на свете.

МОГИЛА ПОЭТА

Памяти Н. И. Тряпкина

Люди не ходят,
А травы к поэту пришли,
Следуя зову приязни и простодушья.
Немудрено украшение могильной земли –
Мята, кипрей, одуванчик
да сумка пастушья.

Ты укрощал табуны полудиких словес
И приручал своевольную птицу гагару...
Что там теперь
с не улыбчивых видно небес?
Тяжко ль молчания вынести вечную кару?

Крест потемневший
доверчиво обнял вьюнок.
В гуще крапивы
дождя мимолётного блёстки.
Славный поэту природа
соткала венок –
Хвоц да осот,
Сон-трава да кукушкины слёзки.

Люди больны,
Времена безнадёжно глухи.
Я бы и сам не поверил в наивные сказки,
Если б не знал,
Как растут из забвенья стихи –
Чертополох, василёк и анютины глазки.

**Владимир
ИВАНОВ**

СТАЛИ ИСКАТЬ ВМЕСТЕ

Из рассказов у костра

Ко времени явки в ЗАГС за официальной бумагой мы с супругой охладели друг к другу, жизненные ценности у нас оказались разными. Разошлись спокойно. Понимали: отношения наши исчерпаны и с этим ничего не поделаешь. Вышли из ЗАГСа. Не сговариваясь, стали спускаться по ступеням в разные стороны – я по одному крылу лестницы, она по другому.

Спускаюсь я, значит, а мне навстречу взбегает женщина:

– Скажите, можно вас спросить?

Думаю: какая нахалка! Может, у человека горе, жизнь вдребезги. А ты настырно пристаешь! Мало вам привычного места! Дуй обратно на панель! Чтобы поджидали прямо у ЗАГСа – такого раньше не было. Как мир меняется! Говорят, уже и криптовалютные проститутки появились. Поскольку после развода я не пребываю в горе, решил с ней поиграть в кошки-мышки. Говорю:

– Мо-о-жно меня спросить. А что вы хотите?

– Вы сейчас в каком положении?

– Как видите, я в положении совсем не интересном.

– Скажете тоже! Вы разведены или нет?

Ага! А тебе какое дело! Тебе скажи – и ты будешь знать. Зубы мне не заговаривай! Занимайся своим промыслом без дурацких вопросов.

А самому любопытно, куда дальше вылезет разговор.

– Я в ЗАГСе был по-другому поводу, – говорю.

– Жениться пришли?

– Нет, я по-другому делу.

– До какое ещё может быть дело в ЗАГСе кроме развода и женитьбы?

– Да вы знаете хоть, что такое ЗАГС? Это учреждение по записи актов гражданского состояния. Может, гражданину перепало целое состояние! – Давай-ка я её разыграю, заодно вылезет наружу степень её жадности. – Мне моя заграничная тётка оставила в наследство богатое состояние.

– А разве наследством ведаёт ЗАГС, а не нотариус? – удивляется она.

Тут я вспомнил историю своего приятеля. От сводной сестры по матери ему достались в наследство кое-какие сбережения. Сумма не ахти какая, но при нашей жизни каждая копейка не лишняя. Но у приятеля в свидетельстве о рождении имя матери значится Полина, а у сестры в свидетельстве мать записана Пелагеей. И вот это расхождение мой приятель как раз улаживал через ЗАГС.

– Наследством, конечно, ведаёт нотариус, – отвечаю ей. – Но в документе вышла нестыков-

87

ИВАНОВ Владимир Васильевич – член СП России, лауреат Международного конкурса «Не жалея свое сердце, поэт», Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы». Окончил Уральский госуниверситет, учился в Литературном институте, служил в армии в Забайкалье. Автор 12 книг, изданных в Москве и Кемерове. Поэзия печаталась в 13 российских журналах, в Венгрии, Болгарии; проза – в 14 журналах, в Казахстане. Награждён шолоховской юбилейной медалью «За гуманизм и служение России». Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в г. Кемерово.

ка. Тётку мою звали Полина, но за границей она стала Паулиной. Вот из-за этого разночтения я никак не могу получить огромное состояние, прямо-таки сказочное наследство!

– Да разведены вы в конце концов или нет?!

От этого настойчивого и требовательного вопроса я в ступоре. Думал, она западёт на моё богатство и начнёт ко мне подъезжать на кривой козе. Но она и не клеится вовсе, будто ей золото, жемчуга и хоромы ни к чему. Будто у ней всего этого добра хоть отбавляй, хоть пруд пруди. Другая бы на её месте такого момента не упустила. Богатство косяком в руки само плывёт, а она и ухом не ведёт. Стал приглядываться к ней внимательнее. Молодая ещё, привлекательная, симпатичная даже. Да и на путану не похожа.

– А вы сами-то в каком семейном положении? – задаю ей встречный вопрос.

– Да в том-то дело, что разведена.

– Ну и что делает разведёнка у ЗАГСа?

– Принца жду, на белом «мерседесе»!

Вижу: женщина бойкая, за словом в карман не лезет.

– Но принцы-то, одиноко покидающие ЗАГС, – сортом пониже, товар вторичного рынка, – продолжаю ей в тон. – Они сами, как «мерседесы» с пробегом, редко кого встретишь без царапин, сколов, вмятин, без приличного износа от жизни. У иных, может, ещё и пробег скручен. Можно и на обман нарваться.

– Ну и что! Зато обкатку жизнью прошли! Что касается обмана – глаза у покупательницы на что? Это вы их хаёте, потому что сами в другом положении. В очень интересном положении! Вон какое вам неслыханное богатство привалило!

При этих её словах о неслыханном богатстве я невольно стал озиаться. Будто и в самом деле у меня за пазухой брусок золота, а она об этом громко вещает всему народу. Услыхав про неслыханное богатство, народ потянулся к нам.

– Вы не находите, – говорю, – что у нас не то место для разговора? Отойдёмте в сторонку, присядем где-нибудь.

Она удивлённо посмотрела на меня, но послушалась. Отошли, присели на скамейку.

– Почему вы такое странное место выбрали искать себе пару? – спрашиваю её.

– Я здесь получала развод, может, здесь же и найду кого по душе. А то коллектив у нас женский, с утра до вечера я на работе. Куда же мне ещё пойти?

– В клуб знакомств, например.

– Была там, больше не манит. Мне показалось, туда больше ходят время убить, а не серьёзно знакомиться.

Тут я вспомнил про другого своего приятеля. Он тоже ходил в такой же клуб, будучи в поиске. И тоже был о клубе такого же невысокого мнения и перестал туда ходить. Он стал читать объявления в газетах. Тогда ещё расцветала махровая демократия, был такой разгул демократии, что в газетных объявлениях даже печатали личные телефоны желающих знакомиться и даже адреса. Так вот. Звонит, значит, мой приятель по объявлению одной женщине. По ходу телефонной беседы выясняется, что у неё есть дочка. Приятель говорит, что это ничего, это нормально, это сейчас в порядке вещей. Но если у них всё сладится, хорошо бы иметь и своего общего. И вдруг в трубке он слышит другой женский голос, видимо, подруги, которая переспрашивает насчёт ребёнка. Собеседница поясняет подруге, что он хочет общего ребёнка. Затем следует её реплика: у меня же есть ребёнок, кого ещё ему надо! Приятель тут же повесил трубку. Не желает она иметь общих детей, не желает общего будущего. Хотя в жизни такое поведение характерно больше для мужчин, не для женщин. Если не эта её реплика, может, они бы и сошлись, а она всё бы тянула и тянула время, выдумывала всякие причины не иметь пока общих детей. Причины эти были бы для него, а для себя у ней уже есть чёткое решение.

Схожая ситуация, мне знакома. Прожили с супругой не один год, а наследников всё нет. Успеется, думал я поначалу. Причины погодить находятся всегда: то банку надо платить за ипотеку, то за авто, то мебелью обставляться, то копить на отдых на море. Меня как-то тёща приятеля спрашивает: у вас всё нормально в семье? Я удивился вопросу. Не моё это, конечно, дело, поясняет она, но меня настораживает отношение твоей жены к детям. К ним ноль эмоций. Думала, это она так только к нашим двоим. Стала приглядываться. Нет, собираемся общей большой компанией, она и к другим детям точно такая же. Когда вы у нас с ней вдвоём, она так и тянет тебя скорее домой, мол, голова разболелась от детского шума, глядит на детей с досадой, не женскими глазами. Всего и не передай, но чувствую материнским сердцем – что-то здесь не так. Я чуть было не возмутился. Да какое твоё бабское дело до нашей жизни! А потом призадумался. Сопоставил факты и вижу:

инициатором погудить с ребёнком всегда была жена. Во всех этих покупках и прочем комфорте особой надобности у нас и не было. Неужели это всё уловки супруги, неужели все препоны она ставила намеренно? А когда случайно узнал, что втайне от меня она открыла и пополняет личный сберегательный счёт, уже сомнений не осталось: моя супруга живёт по двойным стандартам...

Очнулся от мыслей про свое прошлое и вспомнил, что со мной рядом сидит моя новая знакомая. И знакомой-то назвать её нельзя, я даже имени не знаю.

– Дело, конечно, не моё, но всё-таки – почему вы расстались? – спрашиваю, чтобы как-то поддержать разговор.

– Пил он да и детей не хотел, а я хочу!

В благодарность за откровенность тоже решил ответить откровенностью:

– Извините, что ввёл вас в заблуждение. Никакой заграничной тётки у меня не было и нет, никакого наследства, никакого богатства тоже нет.

– Правда? – обрадовалась она. – Так что же вы делали в ЗАГСе?

– Что делал? Разводился!

– Правда?! – ещё больше обрадовалась она. – Так давайте искать вместе!

Я согласился. Стали искать вместе. И нашли друг друга.

**Александр
СИГИДА**

ХЛЕБ И КРОВЬ

МОНОЛОГ ЗАПАДЕНЦА

Хищный профиль и черные косы под
хусткой,
И до смерти не тронула их седина.
Мои корни в Волыни. Не очень я русский...
Я бы съездил туда, если бы не война.

Не поеду к древлянам за памятью предков,
Они схватят меня и привяжут к сосне,
Словно Рюрика сына. И, взяв сигаретку,
Всё припомнят они обязательно мне.

Прадед долгих три года за морем
батрачил,
И долАры копил, лес валя в Канада.
Эта скупость моя от него, не иначе,
Хоть и фамилия пишется Сигида.

Эта скупость, и чёрствость, тупое
упрямство,
Волыняки – упрямые словно волы.
Хуторская хитринка и прищур
крестьянства,
Что колхоз, что пань!, – не хотим кабалы.

Сила Нации крепнет в селе и в деревне.
Пехотинцы растут, как бурьян, в хуторах.
Эту старую мудрость, доступную
древним,
Их потомки наивные бросили в прах.

Сила Нации портится и увядает
В мегаполисах, в дыме больших городов.
Не воспроизводится. Всё заменяет
Урожай демографии южных садов.

Ничего не осталось. Зброшен очаг.
И стоит на кургане последний Кипчак.

ПРОКЛЯТИЕ ПАССИОНАРНОСТИ

Вы мните, пассионарность –
Лучший для Вас комплимент.
Как правило, это – вульгарность.
И Вы для них – инструмент.

Опять истории ветер
В наших степях подул.
Поверьте, для тех и этих
Вы – циркуль и мультитул.

Александр Александрович СИГИДА (позывной Захар) родился 26 мая 1986 года в г. Краснодоне. Окончил Луганский национальный педагогический институт им. Т. Г. Шевченко. Публикуется с 2001 года в альманахах и журналах, в том числе «Огнях Кузбасса», в антологиях «Поэзия русского лета», «Воскресшие на третьей мировой», «Великий Блокпост». Автор книг «Орфография ненависти» (2019) и «Уходящая Раса», (2024). Владеет французским, испанским, английским, немецким языками. С 2014 года служил в армии ДНР (ополченец, миномётчик, спецназ, танковый батальон). В 2022 году вновь вступил в армейские ряды. Осенью 2022 года был серьёзно ранен. Восстановился, вернулся в строй. Живёт в Луганске.

Шахид или Белый Арий,
Разбойник-головорез,
Расходник-пассионарий
Доставлен с Али-Экспресс.

Идей великих фрагменты
Или поднять деньжат...
Сломанные инструменты
На свалке давно лежат.

Ломаем копыта и сабли...
Кто же, исподтишка,
Нам подложили грабли
Из Южинского кружка

Мамлеев, профессор Дугин,
Проханов и Головин
Мечтали о Кали-Юге
Пассионарных лавин.

Последняя Аватара,
Или Джихада волна.
Видно, им слаще нектара
Ядерная война.

Похоть и жажда власти,
Первоисточник – пассьон.
Скалят гиены пасти,
Взывая к рэволюсьон.

Гнилым, оккультным экстазом
Пахнет идейный тлен...
Разум, холодный разум,
Лишь он поднимет с колен.

РИФЕЙСКИЙ ДЭСТРИЭ

Он на снабженья острие,
В пустыни и пампасы
Рифейский, верный дэстрие
Везёт боеприпасы.

Везёт и в грязевой прилив,
И в бурю, и в морозы,
Он в путь идёт, неприхотлив,
По Via Dolorosa.

Высокий болевой порог,
И не комфортный просто.
Он торит путь, как носорог,
Ревущий и трёхосный.

И этот шестиногий зверь,
Могучий и солярный,
Спасал и раньше, и теперь
От гибели коварной.

Поводья конь в галопе рвёт,
И так же, трёхмостовый,
Он клич свой боевой ревёт,
В Поход идя Крестовый.

Пленяет юных дев алмаз,
И блеск их ослепляет.
Пленяет юношей «КамАЗ»,
Комфортом соблазняет.

Но я их точно не пойму,
Не подниму забрала.
И не предаю я потому
Любимого «Урала».

ЗВЕРОБОИ ПРЕРИЙ ПРИАЗОВЬЯ

Елене Заславской

Отбросим пафосные штампы
Про НАТО, БРИКС и Русский Мир.
Мы все – Натаниэли Бампо.
Мы защищаем свой фронтир.

Мы – трапперы, мы – зверобои.
Здесь, в ДНР и ЛНР,
Мы – белой голытьбы ковбои,
А каждый третий – браконьер.

Недаром красные мундиры
Нас унтерменшами зовут.
Убиты наши командиры,
И службы мы несём хомут.

Потомки молодогвардейцев,
Однажды сброшенных в забой,
Нужны в войне против индейцев...
Не так ли, Джонни, мой ковбой?

И мы быкам хвосты крутили,
И в прериях пасли коров.
Отпор укропу-чикатице
Бывал жесток, бывал суров.

Да, с нас порой снимали скальпы,
С врагов снимали скальпы мы...
О том слагали висы скальды,
Те, что ушли в край вечной тьмы.

Мы не нужны в салонах светских
И в спальнях дорогих квартир;
Для зверобоев постсоветских –
Ночь, техника, БК, фронтир.

ХЛЕБ И КРОВЬ

Кто хочет хлеба, пусть готовится к войне,
Пушай построит ров, сторожевые башни.
И бдительность врага в любезной

болтовне

Он должен усыпить, свои удоблив пашни.

Знай, плоть твоих врагов – полезней,
чем навоз.

Их падаль для полей послужит удобреньем.
Хлеб, кровь, вода и плоть – лишь цепь
метаморфоз,

Что связывает вновь Творца
с его твореньем.

Мы каждый год сей груз на сапогах несём,
В сезон дождей, когда, скользя по жиже
липкой,

Ныряем в грязеснег, в тот самый чернозём,
Тропою проходя опасною и хлипкой.

Приют в сырой земле здесь обретал
тевтон, 92

Когда разинул рот на свежий сдобный
бублик;

Поляк или румын получают свой батон,
Они – лишь перегнутой непризнанных
республик...

Соратник! Наводись, проверь и заряжай.
Сегодня и сейчас ты – жнец. Твой саван –
чёрен.

Скорее собери богатый урожай,
Солому отделив от крупных, спелых зёрен!

ТРОЯ С МИКЕНАМИ

Орды восточные Трою с Микенами,
Всё, что построено нами, возьмут.

Барби цветные с их сладкими Кенами
Сменят расистов и белых зануд.

Мобилизацией классовой, массовой
Юнгер урюмый нас в книге пугал;
Мир одноразовый – домик пластмассовый,
Где во главе – ассирийский Нергал.

Семьи распались и стали, как атомы,
Словно фрагменты мозаик в руке:
Люди – рабы для жрецов с зиккуратами,
Дети их – топливо в медном быке.

Бросили библиотеки домашние,
Всё на помойку. Бессмысленный хлам!
Люди воздвигли капище с башнями,
Чтоб поклониться козлам и ослам.

Трою с Микенами ближневосточные
Орды займут, приумножив стада.
Мысли холодные, злые и точные:
Счастливы те, кто не знают стыда!

ДОШИРАК ИНВИКТУС

Среди бури, натиска и мрака,
Посреди баталий, ретирад,
Только три пакета доширака
Выручали нас, о мой камрад!

Мы, назло предателям и тварям,
Чей злой дрон пасёт нас вдалеке,
Доширак торжественно заварим
В маленьком и старом котелке.

Потекут беседы о домашнем,
Про солянки, суп харчо, борщи...
Это всё осталось в дне вчерашнем,
Тут еду попробуй поищи.

От де Голля и до Жак Ширака
Всё мельчают гордые пайки...
Завари пакетик доширака!
Выживи убудкам вопреки!

Наталья ШИЦКАЯ

ЛЮТЫЙ

Клетка ходила ходуном. Железо натужно скрежетало под тяжестью мощных лап. Казалось, ещё мгновение, металл поддастся, и двухметровый бурый монстр вырвется наружу.

– Осторожнее там. Смотри, чтобы не зацепил.

– Справимся. Не в первый раз! – крикнул смотритель Коробейников и подтолкнул на себя тележку со стоящей на ней клеткой. Косолапый прибыл в зоопарк пару часов назад. Везли его сонного, под транквилизаторами. С помощью погрузчика установили клетку на огромную передвижную платформу, а дальше дело встало. Его бы в вольер, но не давался мишка, хоть тресни. Очнулся. Пришел в себя и начал буянить. Раскачивал клетку, просовывал лапы с когтями-бритвами сквозь решетку. Ждали смотрителя Андрея Градова, он обычно с хозяевами тайги ладил лучше других.

У Градова сегодня был первый рабочий день после больничного. Утром он, как и положено, появился в зоопарке, обошел животных, а потом исчез. Позвонил, сказал, что срочно вызвали в школу к дочке, ЧП там, да и застрял. К счастью, директор был в отъезде и ничего не знал об отлучке смотрителя. А то влетело бы Градову по первое число. Руководство, конечно, закрывало порой глаза на отлучки сотрудников. Но тут приемка... А на приемке животного должны быть все без исключения: и смотрители, и ветврачи, и даже дворник. На подхвате.

Администрация же только подписывала бумаги, и была такова. А у рядовых сотрудников начиналось самое жаркое время.

– Что у вас? – Андрей Градов в несколько шагов оказался возле клетки, спешно застегивая молнию на робе.

– Андрюха, появился наконец. Мы уж тут совсем упурхались с этим чудом. Норовистый попался.

– Откуда?

– Красноярец, – отозвался Коробейников, напарник Градова.

– Красивый черт! – поддержал водитель погрузчика и чиркнул спичкой. Пыхнула сигарета. Серый дымок тонкой струйкой полетел по двору зоопарка, разнося удушливый запах табака.

Медведь недовольно повел ноздрями. Снова рванул на прутья, вгрызся в них клыками да так и замер. Казалось бы, успокоился, только глаза по-прежнему были бешеными. Светившаяся в них дикая ненависть прожигала человека насквозь.

Смотритель Градов поежился. Медведи были его работой и страстью последние лет десять. Бурые, белые, гималайские... Кого он только не перевидал за эти годы. И у всех было одно – страх и инстинкт самосохранения. Страх перед человеком, страх перед неволей. Боль, злость и страх. Он гнал медведей, заставлял кидаться на клетки, с остервенением рвать ремни и поводья,

ШИЦКАЯ Наталья Александровна. Писатель, сценарист, журналист. Автор 12 книг для детей и подростков. Лауреат и финалист премии им. В. П. Крапивина (2019 г. и 2021 г.), финалист Национальной премии «Книга года-2023», финалист Национальной премии в области детской и подростковой литературы, призер конкурса «Хрустальный родник». Живёт в Новокузнецке.

огрызаться, когда человек подходил ближе положенного. Но постепенно они привыкали, смирялись, не переставая при этом быть зверьми. Терпеливо ждали пайку, играли в вольере, иногда даже заводили любимчиков из персонала зоопарка. Тем разрешалось не просто потрепать косялапого по лапе, некоторые устаивались медвежьего поцелуя и собачьей преданности.

Со всеми было так. Но этот – темный, почти черный гигант, способный одной левой послать в нокаут с десятков человек, – отличался от остальных. Это Градов почувствовал сразу. Кожей.

Хозяин тайги смотрел на людей с превосходством. Понимал, он сильнее всех собравшихся. Он страшнее. Щемащая безысходность затягивала черные зрачки косялапого мутной пленкой ненависти. В них не было страха! Медведь лютовал...

– Лютый! Так тебя и будут звать, – вслух подумал Градов и крикнул остальным: – Обходи его, Серега. Пашка, тоже туда. Толкать будете. Я рву на себя. Коробейников, что с вольером? Готов?

– Да ну тебя, Андрюха, – отмахнулся высокий и тонкий, как жердь, мужичок с жиденькой бородкой. – Какой там готов: Бассейн сухой, качели не покрашены, дерево не зафиксировано. Пусть пока здесь посидит, пообвыкнется. Пару дней всего. Потом переведем. Что ему будет-то?

Градов неодобрительно взглянул на напарника, но все ж кивнул.

– Поднатужились. Руки берегите, мужики, – сказал Градов.

– И головы, – добавил кто-то.

Платформа с косялапым заскрипела, потихоньку подалась и поехала в сторону вольеров. Зверь нервно расхаживал взад-вперед, временами огрызался, но большой активности не проявлял. Градов мысленно выдохнул.

– Папа! Папа, ты телефон забыл! – звонкий девчачий крик оглушил зрителей и вывел из оцепенения зверя. Медведь оскалился и встал на задние лапы. По дорожке, ведущей от административного блока, к вольерам бежала светловолосая девчушка в школьной форме. Маленькие каблучки громко цокали по асфальту. В протянутой руке она сжимала черный прямоугольный телефона. Мобильный настойчиво верещал.

– Папа!.. Ой...

Крик оборвался, заглушенный рыком животного. Лютый заметался по клетке, раскачивал ее из стороны в сторону.

– Варя, назад! – это уже был Градов. – Только не беги. Отходи... Медленно, медленно, доча.

Девочка не побежала. Она будто выросла в дорожку вместе с каблучками. Сначала замерла, потом всем телом задрожала, побелела, схватила ртом воздух, еще, еще... Но воздуха было мало. Варя задышала часто, слишком часто. Приступ астмы сдавил горло ребенка, не давая возможности вдохнуть. Этот признак Градов знал хорошо. Если вовремя не дать лекарство, дальше прямая дорога в реанимацию. А там... Страшно даже подумать, что могло быть там...

Градов, не задумываясь, кинулся к дочери. Но запнулся о брошенную им же цепь и упал, в кровь разбив колено. Руки саднило, перед глазами плыло. Реальность представлялась ему кадрами замедленной съемки.

А Лютый бесновался... Он навалился на клетку, ошалело бросился к другой ее стороне. Ревел, просовывал гигантские лапы через прутья, норовя зацепить кого-нибудь из своих мучителей. Клетка качалась. Еще бы немного и железная конструкция со зверем внутри слетела бы с платформы. А там...кто знает?! Выдержала бы транспортировочная клетка напора?

– Тащи! – приказал ветеринар Алексей Петрович. Градов заметался. Там Варя... без ингалятора... приступ...

– Тащи! – снова рявкнул ветеринар. И Градов решился... Он бросил взгляд на задышающегося ребенка и схватился за цепь. Варя... Варенька... Дочка... Лютый! Если вырвется, положит всех. Градов сглотнул подступивший ком и принялся за работу. Косылапый был тяжелым, платформа двигалась медленно. Так они и тянули... Бесконечно долго, как казалось Градову. Медведь постепенно затих, больше не кидался и только продолжал расхаживать по клетке. Как только платформа подъехала к вольеру, смотритель Градов повернул обратно к дорожке. Ноги были ватными, по спине тек холодный пот. Варя! Варя! Варя! Ва-ря! Стучало у него в висках имя дочери.

На дорожке Вари не оказалось. Валялся мобильник Градова и блестящая пуговица от Вариной школьной блузки.

Градов схватил телефон и растерянно огляделся. Сердце колотилось бешено, Градов его не просто слышал, а чувствовал. Оно больно билось о грудную клетку. Резко. И неровно. И ему почему вдруг вспомнился взгляд Лютого – обжигающий, яростный, полный ненависти. Так смотрел сейчас сам Градов на все, что его окружа-

ло. Асфальт под ногами, железные прутья вольера с хищниками, гладко скошенным дворником Игнатиным газон. Он ненавидел это место, этих людей, эту работу, самого себя. Вдруг что-то хрустнуло. Градов очнулся. Из рук высыпались осколки раздавленного телефона.

– Папа! – услышал он сдавленный голос дочери. – Папа, я здесь.

– Андрей Иванович! Мы в подсобке.

Из окна административного блока выглядывала кучерявая голова дворника Вовки Игнаткина, рядом – макушка Варя.

Градов оказался в здании через секунду. Он сгреб дочь в охапку и подставил к свету. Бледная, но губы не синие. Варя слабо улыбалась, еще немного покашливала, но была жива. Жива!

– Ты? – кивнул он Игнаткину.

Вовка расплылся в улыбке.

– Ага. Смотрю, вы все убежали, а Варька белая стоит, трясется, хрипит. Ингалятор надо искать, не иначе. Я ее сюда принес, ранец вытряхнул, аэрозолька выпала. Подышали. Все прошло.

– Как догадался, что астма? Ведь не знал никто.

– Я ж в меде учился, Андрей Иванович. Два года. Пока не выгнали. Потом к вам пришел дворничать.

– А что так?

– Прогуливал. Свободу люблю, – ухмыльнулся Игнаткин.

Варя подняла голову с плеча отца.

– Он мне газонокосилку обещал показать, папа.

– Газонокосилку, конечно. Газонокосилку... – эхом повторил Градов.

Она так и лежала у него на руках, тугие белокурые косички торчали в стороны, одна все щекотала Градову нос, так, что он не выдержал и чихнул.

Варя рассмеялась и спустилась на пол.

– Со мной все хорошо. Зря ты меня с уроков забрал. Я там только немного кашляла.

– Потому и забрал, что кашляла. Варька, сама знаешь, с этим не шутят! – Градов погрозил дочери пальцем, а потом вдруг нахмурился, враз посерел лицом, будто вспомнил о чем-то. Даже тон изменился.

– Тебе было велено меня ждать в кабинете завхоза. Я же сказал, отработаю – приду, отвезу тебя домой. Ты почему к вольерам побежала? Почему?

– Так телефон же... Звонили тебе.

– И что? А если бы Игнаткина рядом не было? А если бы он в меде не учился? А если бы медведь?!

Градов перешел на крик. Его трясло.

Варя всхлипнула и прижалась к отцу:

– Папа... Все же хорошо. Папа! Я не буду больше. Папа, правда. Папа!

В подсобке стало тихо. Было слышно, как Варя изредка шмыгает носом, да Игнаткин от волнения перебирает прутья метлы.

– Не делай так больше, пожалуйста, – тихо сказал Градов. Он строго посмотрел на Варю, не удержался и поцеловал в макушку, в место, откуда разбегались в стороны забавные косички.

– А мишка почему злится? – вдруг робко спросила Варя. Она все еще боялась смотреть в глаза отцу.

Градов улыбнулся.

– А он, как Игнаткин, свободу любит. Не хочется ему в клетке.

– Так вы его выпустите, – предложила девочка.

– Нельзя, дочка. Не переживай. Немного полюбует и успокоится. Хотя, конечно, с характером парень попался. Надо еще постараться, чтобы к такому подход найти.

– А ты ему читал? – спросила Варя.

– Кому? – опешил Градов.

– Мишке, конечно.

Поняв, что опасность миновала и ее больше не ругают, девочка деловито прищурилась, дождалась, пока изумленный отец качнет головой, и полезла в школьный ранец.

Через пару секунд на стол подсобки легла толстая красная книга. На обложке золотыми буквами было выведено название.

– «Мифы Древней Греции», – прочел вслух Игнаткин.

– Ага, – кивнула Варя, – забирайте, но ненадолго. Мне через две недели книжку в библиотеку надо сдать.

– Для чего это, Варюша? – ласково спросил Градов, но книгу взял и даже пробежал глазами по первой открывшейся странице.

Девочка вспыхнула.

– Ну как ты, папа, не понимаешь? Видел, какой у вас мишка злой? Рычит так страшно... Ты ему почитай, он подобоет. Ты же мне всегда читаешь, когда я болею, и кашель сразу проходит. Только читать надо что-то доброе. Мифы... Или вот еще...

Варя вновь наклонилась к сумке и вытащила сборник сказок.

– Я это сама люблю, но вам сейчас нужнее, – сказала она и протянула книгу Градову.

– Хорошо, – улыбнулся смотритель, – спасибо, дочка. Давай-ка я тебя домой отвезу, маме в руки передам. Нечего тебе тут делать.

Через час, справившись с уборкой у обезьян, Градов стоял около медвежьего вольера. Клетка Лютого находилась от него в десяти метрах. Зверь не спал. Монотонно расхаживал из стороны в сторону.

– Пейсинг!

Ветеринар Алексей Петрович подошел к Градову и встал рядом.

– Чего? – переспросил смотритель.

– Это называется пейсинг. Расхаживание по клетке.

– Ого! – присвистнул Градов. – Всю жизнь навязчивым поведением звали да неврозами. А – тут пейсинг. Где слов таких нахватался?

Ветеринар довольно улыбнулся:

– На конференцию съездил!

А потом кивнул в сторону Лютого:

– Андрюха, плохо ему здесь. В вольер бы его, да отсиделся бы там, в гроте, подальше от чужих глаз.

– В вольер нельзя. Его Коробейников еще не доделал.

– Да... Коробейников у нас товарищ необязательный. Увы.

– Это да. Ничего поручить нельзя. А что за зверь-то? – спросил Градов. – Я ж на больничном с дочкой был. Ничего не знаю. С какого боку к нему подступиться?

– Мишка – бедолага прям. Нашли его на трассе около заброшенного кафе. Косолапый там жил на довольствии, работал ходячей рекламой – клиентов привлекал. Его медвежонком местные браконьеры из тайги притащили. Так и рос там. Заведение уже с месяц как закрыли. Хозяева мишку бросили и укатили куда-то. Доброхоты его подкармливали. Они же и в администрацию города позвонили, а те медведя нам сосватали. Куда его еще везти в нашей глуши? До больших зоопарков далеко, а вдруг не дотянет. Так-то он здоров, и прививки все. Честь по чести, его поселковый ветеринар осматривал. Но нервный он, агрессивный. Всю жизнь в клетке просидел, а людей не подпускает.

– Да будешь тут подпускать, когда тебя так обидели. Сначала с рук кормили, потом предали да на смерть оставили.

– Э-хе-хе... Это да! – вздохнул ветеринар. – Ну, ладно, Андрюха, бывай. Моя смена закончилась. Кормить мишку будешь, яблок ему побольше положи. Он яблоки любит. Может, через них тебя признавать больше станет.

Градов кивнул и задумался:

– Яблоки... Яблоки – это хорошо. Яблоки Варя моя любит.

Он зашел на кухню, сложил в тележку пару буханок хлеба, немного моркови, сверху накидал яблок. Потом заглянул в подсобку. На столе, на том же месте, где их оставила Варя, лежали две детские книги. Градов сунул в карман робы сборник сказок и покатил к клетке.

Лютый дремал, положив голову на лапы. Смотритель Градов наколот хлеб на шип, осторожно протянул медведю. Тот огрызнулся, сдернул буханку и стремительно сжевал. Яблоки тоже одно за другим исчезли в пасти зверя. При этом медведь внимательно следил за Градовым, не доверял. А когда смотритель попытался подойти ближе, едва не задел когтем.

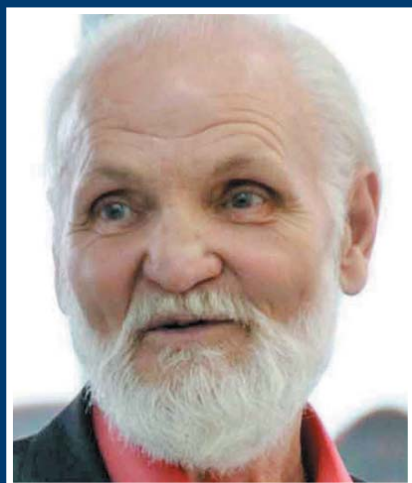
– Ну-ну, полегче, друг. Я тебе угощение, а ты брыкаться. Давай уж мирно жить.

Градов вытащил из тележки привезенный с собой складной стул, поставил его в нескольких метрах от клетки и достал книгу.

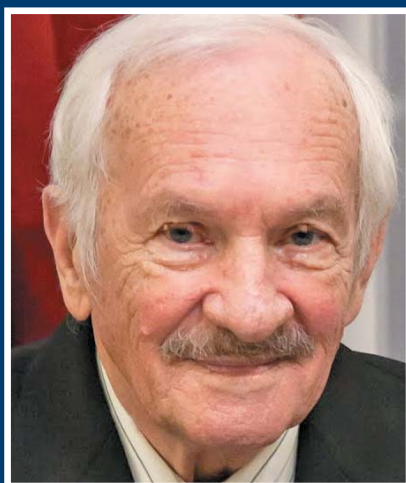
– Добрым, значит, от чтения будешь? Посмотрим! Послушаемся Варю. Давай-ка просвещаться. Что там у нас? Сказка Родари «Джельсомино в стране лгунов». Так.... «Дорогие ребята! Я очень рад передать вам привет и предложить вашему вниманию моего Джельсомино...»

Лютый прожил в провинциальном зоопарке недолго. Еще лет пять или шесть. Все это время он никого к себе не подпускал, так и не смог снова поверить людям. По-прежнему горел в глазах животного тот же яростный огонек, а взгляд туманился от обиды. Покой приходил к нему только в те часы, когда смотритель зоопарка Андрей Градов, закончив повседневные дела, усаживался рядом с вольером и начинал читать вслух. Порой это были стихи, иногда детективы и приключенческие романы. Но больше всего на свете медведь любил слушать сказки. Их специально для Лютого брала в школьной библиотеке дочка смотрителя Варя.

Авторы журнала «Огни Кузбасса»

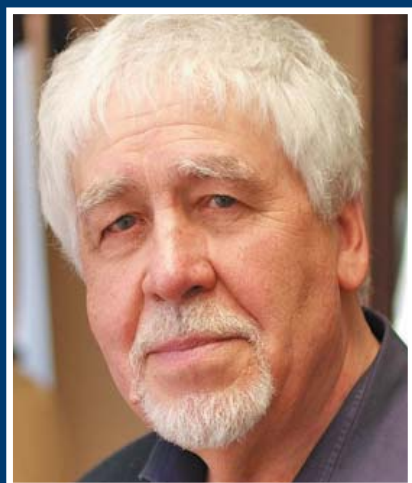
Владимир Крупин

Виктор Лихоносов

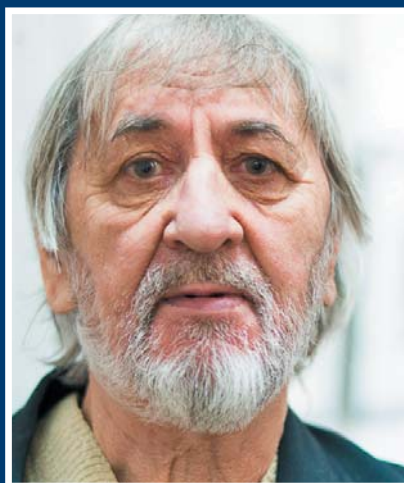
Людмила Щипахина

Владимир Скиф

Надежда Мирошниченко

Александр Денисенко

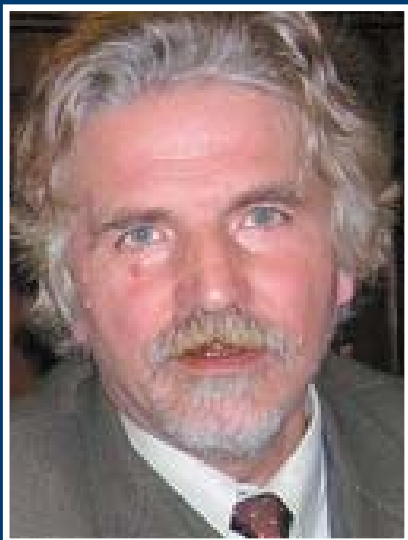
Олеся Николаева

Александр Кердан

Светлана Кекова

Николай Дорошенко

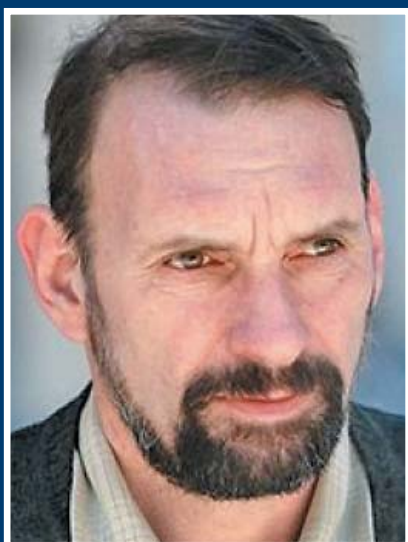
Анатолий Аврутин

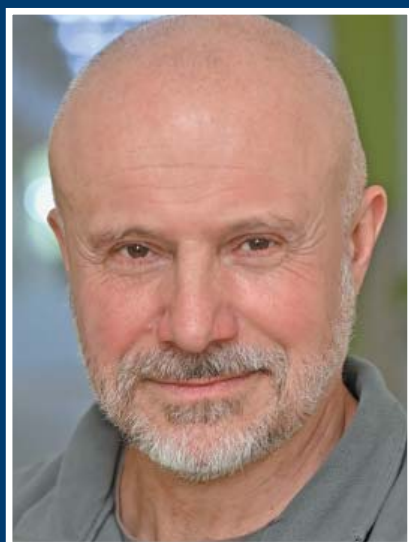
Анатолий Кирилин

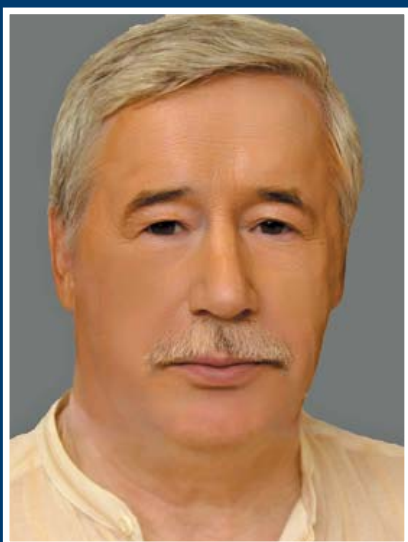
Наталья Ахпашева

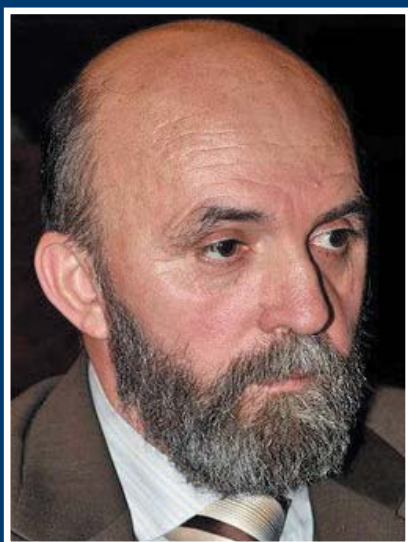
Михаил Тарковский

Андрей Убогий

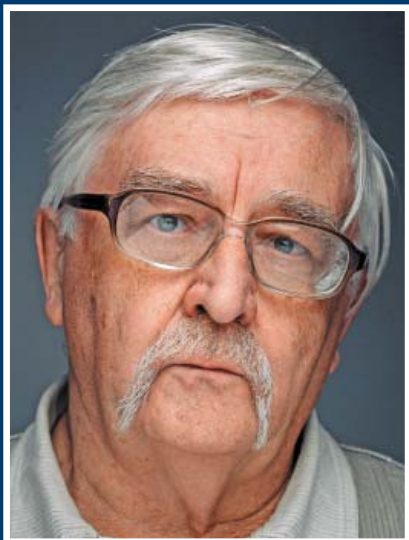
Павел Кренёв

Николай Зиновьев

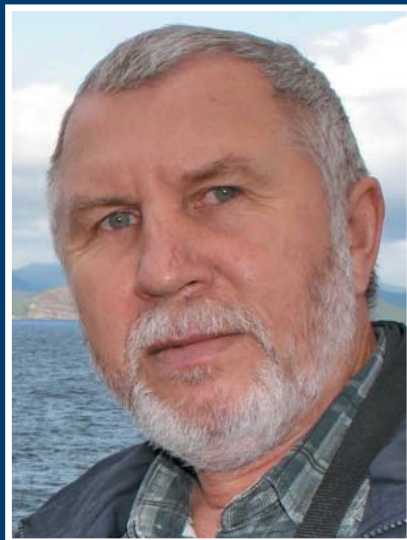
Юрий Перминов

Владимир Крюков

Владислав Русанов

Александр Смышляев

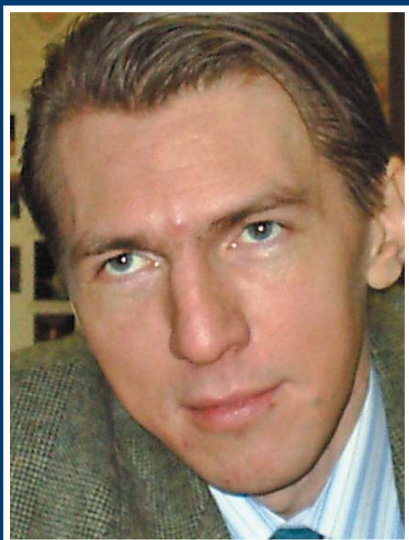
Роман Сенчин

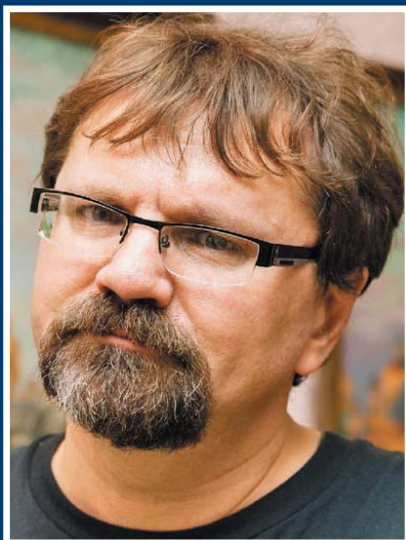
Анна Ревякина

Даниэль Орлов

Дмитрий Коржов

Игорь Малышев

Инна Кабыш

Дмитрий Филиппов

Наталья Джурович

Елена Заславская

Андрей Тимофеев

Анна Долгарева

Роман Рубанов

Илья Виноградов

Елена Жамбалова

Дарья Вересова

**Дмитрий
ФИЛИППЕНКО**
ЧЕРНЫЙ ЛЕД

* * *

*Подземный ветер. Новый горизонт.
Седая пыль ложиться по забою.
И загремел по лаве чёрный фронт.
И мужики всегда готовы к бою.*

*Подземный холод. Жаркие сердца.
Уходит уголь в точку невозврата.
Шахтёр всегда воюет до конца
За Родину, за маму и за брата.*

МОЙ ГОРОД

В этих местах есть Рыба-шахтёр –
В других местах её нет.

Дмитрий Мурзин

*Мой город охраняет чёрный снег,
Так и стоят на страже друг у друга.
Скрипит ночами пепельная вьюга,
Разбрасывая уголь по стране.*

*Мой город – переполненный забой.
Откашливает пыль и месит сажу.*

*Но жители про боль свою не скажут.
Привычно всё, и всё само собой.*

*Мой город словно магистральный штрек,
Где вдоль домов лежат сугробы-штыба.
И по течению плывёт шахтёр как рыба,
Плывёт в воде, где тает чёрный снег.*

* * *

*Уходит автобус в детство,
В великую нашу страну,
Где бьётся советское сердце
И мы удобряем Луну.*

*Где кушаем курник на полдник,
И любим физру и изо,
Где тень исчезает в полдень
И слышится вечный зов.*

*Умеем пломбиром согреться
И с мамою ходим в балет...
Автобус уходит в детство.
Где мой проездной билет?*

97

ФИЛИППЕНКО Дмитрий Александрович родился 7 декабря 1983 года в г. Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Окончил Сибирский государственный индустриальный университет. Работает горным мастером на шахте. Публиковался в журналах: «Огни Кузбасса», «Наш современник» (Москва), «Юность» (Москва), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Плавучий мост», «Нева» (Санкт-Петербург), «Алтай» (Барнаул), «Енисей» (Красноярск), «Бельские просторы» (Уфа), «Сура» (Пенза), в Литературной газете и других изданиях. Главный редактор литературных альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Организатор Всероссийского литературного фестиваля им. Алексея Бельмасова. Автор семи книг стихотворений. Лауреат межрегиональной премии им. В.А. Макарова (Омск), ежегодной премии «Слово» (Москва), премии В. Баянова (Кемерово). Член Союза писателей России. Секретарь Правления Союза писателей России. Проживает в Ленинске-Кузнецком.

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

С батеи убираю снег –
Липкий и колючий.
Я – советский человек.
Значит – самый лучший!

У отца болит спина,
У меня – ручки.
Мимо ходят дотемна
Яркие девчонки.

Покажу им, что силач,
Укротитель снега.
И помянут на дискач
Танцевать и бегать.

Но пока копаю снег –
Липкий и колючий.
Я – советский человек.
Значит – самый лучший!

СНЕБАПАД

За окном снебапад.
То ли снег, то ли дождь.
Я опять виноват,
Что меня ты не ждёшь.

Говорил невпапад
И не слушал тебя.
За окном снебапад
На листву октября.

Воеет вьюга тоски,
Плачет ливень утрат.
Я пройду вопреки
Сквозь густой снебапад.

В дверь твою постучу,
И простишь у огня.
Снебапад по плечу,
Если любишь меня.

• • •

Футбольный матч «Заря» – «Динамо».
Шахтёрский ветер в тополях.
На голове моей панамы,
И мне четырнадцать. В полях

Уже бушует посевная,
Но на трибунах мужики.
«Заря» футбольная, родная
Порвёт «Динамо» на куски.

Визжат Наташи, Оли, Тани,
И Смертин бьёт, кипит трава.
Но стряхивает мяч Сметанин,
Соринку словно, с рукава.

Соперник наш козырной масти.
Стоят защитники стеной.
И Кобелев, как злобный мастер,
Второй уже кладёт штрафной.

Футбольный матч «Заря» – «Динамо».
Не в нашу пользу счёт – 0-2.
И улетела вдалеку панамы.
И детства кончилась глава.

* * *

Дмитрию Коржову

Мы расстались с тобой в Белово.
Мы расстались с тобой навсегда.
Но осталось креплённое слово.
И осталась во фляжке вода.

Спят в Териберке полюшко-поле,
Разноцветное море небес.
Без тебя одиноко до боли.
Нужен Мурманску ты позарез.

Между нами креплённое слово.
Не остыла во фляжке вода.
Если звёзды погаснут в Белово –
Над Свердловском не гаснет звезда.

МАЛИНОВЫЕ ДЕТИ

Я возвращаюсь в точку невозврата –
В малиновое детство и во двор,
Где до луны футболили ребята,
А после шли гулять в сосновый бор.

На лавочках с девчонками дружили,
Болтали до малиновой росы.
Мы в самом настоящем детстве жили
В посёлке, что у лесополосы.

Запутали нас городские сети.
Но снится детство, катится слеза.
Разъехались малиновые дети.
И вырублена лесополоса.

ПОЛЯ

На шахтных полях не бывает заметок,
Но очень заметные эти поля.
И запах грибов из бревенчатых клеток.
И зреет вокруг ежевика угля.

В воздушном пространстве седом и колючем
Гремит под землею кольчугинский век.
И в этой вселенной крутой и могучей
Умеет работать и жить человек.

ЧЕРЁМУХА

Я перестал тебе писать стихи,
Но думать о тебе не перестал я.
И прихожу, как прежде, на вокзал я,
И отпускаю поездам грехи.

Черёмуха проснулась во дворе,
И ты вернешься рано или поздно.
И зашумят ромашковые звёзды,
И свадьбу нагадают в октябре.

Все наши ссоры – это пустяки.
С черёмухой и яблоня проснётся.
И скорый поезд вырастет из солнца.
И напишу я новые стихи.

ОКТАБРЯТА

Из октябрят меня не исключали,
И потому я добрый человек.
Не знал я горя и не знал печали.
Значок в серванте – словно оберег.

Со мной всегда застенчивая муза,
И потому я с книгами дружу.
Я гражданин Советского Союза.
И если нужно – паспорт покажу.

Друзья с теплом всегда меня встречали.
И провожали только на заре...
Из октябрят меня не исключали.
А значит я – навечно в октябре.

ЯНВАРЬ

Январь ворвался тьмою ледяной
В шахтёрский город. Замолчали птицы.
Со смены топал старый и больной
Шахтёр домой – забыться и напиться.

Жена ушла, и дети далеко.
И не звонят, не приезжают в гости.
И по столу ударить кулаком
Так хочется, но не хватает злости.

Звонок раздался в тишине родной.
Звонила дочь, и папа улыбнулся.
И стал счастливым. Старый и больной
Шахтёр уснул – и больше не проснулся.

ЧЁРНЫЙ ЛЕД

Трещит подземный чёрный лёд
Под натиском железной силы.
Конвейеров река ревет.
И лишь бы времени хватило
Попить воды, поесть прогресс,
Ведь впереди звенят рекорды.
Всем уголь нужен позарез.
И секций вдумчивые морды
Глядят на ледяной забой,
И позвонками держат звёзды.
А людям хочется домой
И на-гора, на свежий воздух.

Павел
КОНЦЕВОЙ

ДВА РАССКАЗА

ВЕНЯ

Осенним вечером пенсионер Семен Петрович Перетяжкин как обычно смотрел телевизор, с головой погрузившись в захватывающий сериал из жизни то ли докторов, то ли полицейских. И вдруг его отвлек какой-то странный шорох на балконе. Семен Петрович посмотрел в зашторенное окно, но ничего подозрительного за ним не увидел. Жил он на последнем этаже пятиэтажной хрущевки, и вряд ли к нему на балкон смогли бы залезть непрошенные гости. Поэтому пенсионер решил, что шорох ему послышался, и вновь уставился на экран. Но через минуту на балконе опять кто-то зашуршал, уже гораздо громче и настойчивее. А Перетяжкину показалось, будто за окном мелькнула чья-то тень.

Пенсионер нащупал под диваном тапки, сунул в них ноги, крихтя встал и подошел к окну. Он осторожно отодвинул задернутую шторку и посмотрел в открывшуюся щель. А из нее на Перетяжкина уставился огромный немигающий глаз.

Семен Петрович взвизгнул от страха и отскочил назад. А тень за окном зашуршала еще сильнее. Тогда пенсионер осторожно подошел к шторке и вновь заглянул за нее. И обомлел. На его балконе сидел страшный зверь, больше все-

го напоминающий динозавра из доисторического фильма, ростом метра два с половиной, покрытый коричневой чешуей. Монстр своим огромным желтым глазом внимательно посмотрел на прячущегося за шторкой пенсионера, наклоняя в разные стороны голову. Перетяжкин едва сдержался, чтобы не убежать куда глаза глядят. Он уставился на неожиданного гостя, недоумевая, откуда на его балконе взялась ужасная тварь и кто она вообще такая. А динозавру, похоже, надоело играть в гляделки, он открыл свою огромную пасть, усеянную множеством зубов, и плотоядно облизнулся.

«Жрать хочет», – мгновенно сообразил пенсионер, подумав, что оконное стекло вряд ли сможет послужить надежной защитой от его балконного монстра. Чем питаются динозавры, Семен Петрович не знал, но подозревал, что вряд ли они щиплют травку. Скорее всего человечина им нравится гораздо больше. И тут в голову пенсионеру пришла спасительная идея.

– Подожди здесь, – велел он динозавру, – я сейчас.

Перетяжкин рысцой подбежал к дивану, минутно оглядываясь назад, убавил звук на телевизоре, схватил сотовый и набрал 112.

– Служба спасения города Шахтинска, слу-

КОНЦЕВОЙ Павел Николаевич родился 2 октября 1972 года в г. Ленинске-Кузнецком. Окончил горно-электромеханический факультет Кузбасского государственного технического университета. Работает в ПАО «Россети». Начал писать в 2021 году. Автор двух романов: «Антиваксеры», и «Шесть пудов золота» и цикла рассказов, действие которых обычно происходит либо в городке Шахтинске, либо в соседнем с ним городе Новосибирске. Лауреат в номинации «Проза» премии «Антоновка 40+». Увлекается краеведением. Работает над двумя публицистическими циклами: «Заметки об истории Кузбасса» и «Заметки об истории Хакасии». Живет в г. Ленинске-Кузнецком.

шаю Вас, – раздался через мгновение приятный женский голос.

– Добрый вечер, – прошептал Семен Петрович, словно динозавр мог его услышать, и нерешительно замолчал, не зная, что сказать дальше.

– Здравствуйте, говорите, пожалуйста, – несколько нетерпеливо сказал голос.

– Понимаете, – промямлил наконец пенсионер, – видите ли, у меня на балконе сидит динозавр.

– Он не может оттуда выбраться, он застрял? – бесстрастно осведомился голос.

– Да вроде нет, – сказал Перетяжкин.

– Он воет, мяукает, рычит, зовет на помощь? – спросил голос, – или он сидит не на балконе, а рядом на дереве? Залез туда и не может слезть обратно? Его нужно снимать?

– На помощь он не зовет и не мяукает, – растерялся от такого напора пенсионер, – и снимать его не нужно. Мне кажется, он просто хочет меня съесть.

– Почему Вы так решили? – сказал голос. – Может быть, Вы его напугали, спровоцировали, ткнули в него лыжной палкой или шваброй? А у динозавра всего лишь возникла непроизвольная ответная реакция на вашу немотивированную агрессию?

– Господи, да чем я могу эту тварь напугать? – взвизгнул Перетяжкин, – я сам его боюсь! Да и швабры у меня нет! А если он сейчас в квартиру вломится и голову мне откусит? Что мне делать?

– Сохранять спокойствие, – все так же бесстрастно сказал голос, не обращая внимания на взволнованный тон пенсионера, – нарушение неприкосновенности жилища – это не к нам. Переключаю Ваш вызов на полицию. Всего доброго, благодарим Вас за обращение в службу спасения. Для нас очень важен Ваш звонок, берегите себя и будьте здоровы.

В трубке щелкнуло, а Семен Петрович в растерянности уставился на умолкнувший сотовый. Но не прошло и минуты, как в телефоне прозвучал усталый и равнодушный мужской голос.

– Дежурный по ОВД Шахтинска капитан Антонов. Слушаю Вас.

– У меня на балконе сидит динозавр, – осторожно сказал Перетяжкин.

– Ваша фамилия, имя, отчество, адрес, – велела трубка.

Семен Петрович торопливо назвал свои данные.

– Чем занимается динозавр? – спросил Антонов. – Он Вам угрожает, нарушает общественный порядок, нецензурно выражается? Он вооружен?

– Да с его зубищами никакого оружия не надо, – затараторил пенсионер, – ничего он не нарушает, просто сидит на балконе и смотрит в комнату. Но, я думаю, он хочет меня съесть! Мне страшно! Сделайте что-нибудь!

– Он пытается проникнуть в вашу квартиру? – уточнил капитан.

– Пока нет, – ответил Семен Петрович.

– А с чего тогда Вы решили, что он хочет Вас съесть? – спросил полицейский, – мирно сидеть на балконе законом никому не воспрещается. Даже динозаврам. А вот Вас, Семен Петрович, можно и к ответственности привлечь за ложный вызов!

– А если он меня съест? – испуганно сказал пенсионер.

– Вот как съест, так и звоните, – равнодушно ответил Антонов.

– А сейчас-то что мне делать? – чуть не плача, крикнул Перетяжкин.

– Продолжайте вести наблюдение, – приказал капитан, – если объект предпримет попытку проникнуть в помещение, звоните мне. Я вышлю опергруппу. А пока накормите его, может, он просто голодный. Поест да и уберется восвояси.

– А чем питаются динозавры? – спросил Семен Петрович, чувствуя, что сходит с ума.

– Не знаю, – сказал Антонов, – обратитесь в зоопарк, там Вас проконсультируют.

И дежурный отключился.

Пенсионер без сил опустился на диван, совершенно не представляя, что ему делать дальше. Зоопарк в Шахтинске никогда не было, а ближайший находился в Новосибирске за две сотни километров отсюда. Семен Петрович вздохнул и снова подошел к окну в надежде, что страшное балконное видение растает как дым. Но не тут-то было – динозавр не только никуда не делся, а наоборот, увидев через стекло Перетяжкина, с новой силой забил хвостом и опять плотоядно облизнулся, продемонстрировав ужасную пасть.

Пенсионер подошел к столу, где стоял включенный ноутбук и набрал в поисковике запрос. А через минуту уже звонил по найденному в сети номеру.

– Новосибирский зоопарк, слушаю Вас, – раздался в трубке эротический женский голос.

– Здравствуйте, – сразу взял быка за рога Перетяжкин, – скажите, что едят динозавры?

– Динозавры? – несколько сбился голос, от неожиданности на миг утратив свою эротичность. – Вообще-то они бывают травоядные и плотоядные. Вас какие интересуют?

– С большой пастью и острыми зубами, – ответил Семен Петрович, с опаской покосившись на окно.

– Значит плотоядные, – голос оправился от неожиданности и прежним тоном с легкой хрипотцой продолжил: – А какова высота динозавра в холке?

– Метра два, – ответил Перетяжкин.

– Мелочь, – томно протянул голос, – такие едят небольших млекопитающих, грызунов, собак, кошек...

– А людей? – поинтересовался пенсионер.

– Это вряд ли, – ответили ему, – такой маленький зверек человека не съест, разве только что-нибудь откусит...

И голос завлекательно задышал в трубку.

– Спасибо, – вздохнул Семен Петрович, на которого по причине преклонного возраста подобные звуки давно уже не имели никакого воздействия, – а Вам, случайно, динозавры не нужны?

– Извините, но от частных лиц мы животных не принимаем, – сказал голос, – только от организаций и при наличии всех ветеринарных и таможенных документов. Ничем не могу Вам помочь. До свидания. Спасибо за обращение в наш зоопарк!

– На здоровье, – пробурчал расстроенный Перетяжкин. Он совершенно не представлял, что делать дальше. И вдруг пенсионера осенило. Газета! Конечно же! Вот кто поможет ему, а вдобавок напечатает сенсационный материал и прославит его на весь город. Семен Петрович подскочил к тумбочке, на которой лежала местная желтая газетенка, схватил ее, нашел на последней полосе нужный номер и через несколько секунд уже звонил по нему.

– Слушаю Вас, – отозвался после десятого гудка сонный голос.

– Здравствуйте, я хочу поделиться с Вами настоящей сенсацией, – зататорил пенсионер, – у меня на балконе сидит живой динозавр. Приезжайте скорее, пока он не убежал!

– Динозавр? – зевнул голос. – Это который из Парка юрского периода?

– Да, только страшнее, – заверил невидимого собеседника Семен Петрович.

– А что он делает?

– Как что? – растерялся Перетяжкин. – Смотрит на меня через окно и хочет съесть.

– Ну не знаю... – с сомнением протянул голос. – Обычный динозавр? Как-то банально. На сенсацию не тянет. Читателям такое не зайдет.

– Банально? – заорал пенсионер. – Вам мало того, что у человека на балконе сидит динозавр? Или Вы их каждый день на улице встречаете? А если он меня сейчас сожрет?

– Подумаешь, невидаль, – парировал голос, – всех нас когда-то сожрут. Вот если бы он выкрикивал какие-нибудь лозунги или в зубах держал радужный флаг...

Семен Петрович изо всей силы ткнул пальцем в кнопку отбоя, рухнул на диван и бессильно заплакал. И тут к нему кто-то позвонил. Перетяжкин кинулся в коридор, утирая слезы, и распахнул дверь, в надежде встретить за ней опергруппу полиции или бригаду МЧС, но вместо представителей власти увидел маленькую старушку, его соседку с первого этажа.

– А, это Вы, – разочарованно произнес поникший пенсионер, – здравствуйте, Евдокия Ивановна, какими судьбами? Заходите.

Но старушка, продолжая стоять на площадке, замялась и вдруг спросила:

– А у Вас все нормально, Семен Петрович, ничего необычного не случилось?

– У меня все замечательно, если не считать динозавра на балконе, – с некоторой истеричностью в голосе сказал Перетяжкин. И с изумлением увидел, как нерешительность на лице соседки сменилась радостью.

– Ну, наконец-то, – отодвигая хозяина квартиры в сторону и проходя внутрь, с облегчением сказала старушка, – вот куда он, паршивец, убежал. А я уже с ног сбилась.

Евдокия Ивановна подошла к окну в зале и распахнула шторы. Увидев ее, страшный зверь вдруг съёжился, прикрыл морду хвостом и сделал вид, что на балконе никого нет.

– А я ищу его по всему дому, – всплеснула руками старушка, обернувшись к ошарашенному Семену Петровичу, – бегаю по квартирам! И напрямик-то ведь у соседей не спросишь, приходится окольными путями узнавать... Но по Вашему лицу я сразу догадалась: у Вас мой Веня!

– Кто? – не понял пенсионер.

– Веня! Зовут его так!

Соседка решительно распахнула балконную дверь и грозно сказала:

– Я тебе, паршивцу, зачем окно в комнате открыла? Чтобы ты воздухом подышал, а ты сбегал от меня! А ну, марш домой, тварь бессовестная!

Динозавр с невероятной для такого огромного зверя скоростью и грацией выпрямился, перемахнул через перила и исчез внизу, вильнув на прощание хвостом.

– Не знаю даже, что с ним делать, – вздохнула Евдокия Ивановна, закрывая балконную дверь, – нашла его совсем маленьким в лесу, когда за грибами ходила. Он только-только из яйца вылупился. Вот и взяла к себе. А он вон какой вымахал за год! Ума не приложу, куда его девать. Вся пенсия уходит на морковку...

Перетяжкин с глупым видом посмотрел на старушку, а потом кинулся на балкон, где он только вчера сложил до зимы выкопанные на огороде овощи. Так и есть – от двух полных мешков морковки остались лишь холщовые обрывки.

– Я Вам верну, куплю все, Вы не переживайте, – испуганно затараторила старушка.

– Не надо, – сказал Семен Петрович, – пусть ест, Веня ваш. Лишь бы не людей.

– Ну что Вы, какие люди, – махнула рукой Евдокия Ивановна, – так-то он у меня смирный. Спит целыми днями, не балует... Но как учует морковку, хоть святых выноси. Вы уж, пожалуйста, не говорите никому, а то власти узнают и отберут моего Венечку, посадят за решетку в зоопарк.

– Не бойтесь, не посадят, – отрезал Перетяжкин, – у него документов нету. Да и вообще, кому он нужен, этот Ваш динозавр? Никому...

Старушка покосилась на соседа, не вполне понимая смысл его слов, но, на всякий случай, еще раз предложила компенсировать стоимость съеденной морковки. Получив решительный отказ, она исчезла за дверью. А Семен Петрович добрался до зала, в изнеможении рухнул на диван, скинул тапки, прибавил звук телевизора и вновь углубился в просмотр захватывающего сериала из жизни то ли докторов, то ли полицейских.

ОРДЕН СВЯТОЙ ЧУКАПАБРЫ

1.

Олег залетел в туалет, громко хлопнув дверью, невидящим взглядом уставился на зеркало, где в свете ламп отражалась его красная от злости физиономия, и попытался хоть немного

успокоиться. Но сделать этого ему пока не удалось.

«Сволочь, скотина, дебил, – выругался он про себя, вспоминая выволочку, которую только что получил от коммерческого директора, – все ему плохо, видите ли план по продажам мой отдел не выполняет, новые клиенты не приходят, старые отваливаются, дебиторка растет... Ну и придурок! Да ты хоть понимаешь вообще, какая сейчас в стране обстановка? Тут сохранить бы имеющееся, не до жиру теперь».

Олег немного перевел дух, но перед его глазами вновь всплыла лощеная физиономия этого самодовольного хлыща, сочувственно интересующегося у своего подчиненного, начальника отдела продаж, не занимает ли он ненароком чужое место и не поработать ли ему обычным менеджером, если он не желает выполнять свои ключевые показатели эффективности. И внутри Олега снова все закипело. Он посмотрел на часы и вздохнул, ведь через пять минут перерыв закончится, и ему нужно будет возвращаться на стратегическую сессию, где коммерческий продолжит смешивать его с грязью своим мерзким вездливый голосом.

«Эх, свалить бы из этого дерьма, да куда-нибудь подальше», – мечтательно подумал Олег, направился к выходу из туалета, открыл дверь и удивленно замер на пороге, увидев вместо привычного светлого коридора их офиса какое-то странное маленькое, темное, освещенное лишь парой тусклых свечей, помещение. Тем не менее Олег машинально шагнул вперед, закрыл за собой туалетную дверь, и тут в глазах у него потемнело, и он потерял сознание.

2.

Олег очнулся и почувствовал мерное покачивание, словно его куда-то везли на машине. Он открыл глаза и сразу зажмурился, ослепленный ярким солнцем непривычно оранжевого цвета в обрамлении каких-то черных полос. Олег помотал головой, сфокусировал взгляд, и полосы тут же превратились в вертикальные прутья деревянной клетки, стоящей на телеге, в которой его, начальника отдела продаж крупной компании, везли сейчас в неизвестном направлении. Осознавши все это, пленник мгновенно вскочил на ноги, затравленно огляделся по сторонам и увидел, что телегу неторопливо тащит по дороге из примятой травы крупный бык необычного розового окраса. А позади трусит небольшая процес-

сия, состоящая из трех всадников с копьями, мерно покачивающихся на розовых лошадках. Передний всадник, увидев пришедшего в сознание Олега, оживился, ускорил свою лошадь, поравнялся с телегой и звучным голосом произнес:

– Приветствую тебя, о Спаситель! Я вождь племени Чуков, имя мое Первый Чук!

Новоявленный Спаситель почесал в затылке и недоуменно спросил, немного успокоившись:

– Что все это значит, куда вы меня везете, и где вообще я?

– Ты, о Чужеземец, едешь спасать нас от пробудившегося зла! От исчадия ада, от худшего кошмара, который только можно себе представить – от ужасной Чукапабры, чье имя на языке Древних означает «Злой дух Чуков»!

Олег недоверчиво покосился на вождя.

– А вы всегда своих спасителей возите в запертых клетках? – спросил он.

– Не обращай внимания на недостойные тебя мелочи, это лишь небольшая предосторожность, чтобы ты не сбежал раньше времени, – скромно заметил Первый Чук.

– А почему вдруг я должен куда-то бежать? – удивленно спросил Олег.

– Я верю тебе, как самому себе, – звучным голосом сказал вождь, – ты очень смелый и храбрый воин, и я ни на мгновение не допускаю мысли, что ты испугаешься какой-то там Чукапабры!

Он помолчал и добавил немного потише:

– Но лучше подстраховаться.

– А кто вообще такая эта ваша Чукапабра? – спросил ничего не понимающий пленник.

– О, Чужеземец, это пробудившиеся от спячки древнее зло, – выпучив глаза, возбужденно заговорил Первый Чук. – Она демон, она вселенская смерть! И единственный шанс на спасение нашего племени – Ты!!!

Олег задумался. Все происходящее походило на какой-то нелепый розыгрыш. Неужели коллеги решили таким образом подшутить над ним? Усыпили его на выходе из туалета, привезли в какую-то тьму-таракань, покрасили лошадей и устроили шоу? Но зачем? День рождения у Олега давно прошел, первое апреля будет еще не скоро. Хотя, наверное, есть какая-то веская причина для такого поведения коллег. Может, его решили повысить? Но, судя по последним результатам стратегической сессии, это маловероятно. Правда, другие варианты были еще фантастичнее, чтобы рассматривать их всерьез. По-

этому Олег решил пока подыграть актеру, нанятому на роль вождя, и с интересом спросил:

– А чем так ужасна эта Чукапабра? Почему вы ее боитесь?

– Она хочет всех нас съесть, – грустно ответил вождь.

– У вас тут голод? – удивленно спросил Олег. – Ей жрать нечего?

– О нет, Чужеземец! – воскликнул Первый Чук. – Наши луга полны тучных коров, наши реки кишат косяками рыб, ветви наших деревьев сгибаются под тяжестью сочных плодов... Короче, со жратвой у нас тут полный порядок. Но проклятая тварь хочет извести под корень весь род Чуков.

– Вот собака, – поддакнул пленник, хихикая про себя. – Ну а я-то чем вам могу помочь?

– Мы отправили на борьбу с ней уже двадцать три лучших сына нашего племени, – с печалью в голосе сказал вождь, – а эта сволочь их всех съела.

– Так значит я уже не первый? – догадался Олег, попутно сообразив, почему его везут на бой с врагом в запертой клетке.

– Ты двадцать четвертый, о Чужеземец! – воскликнул вождь. – И ты наша последняя надежда и наш Спаситель.

Первый Чук поник головой, а Олег быстро спросил:

– И с чего вы вдруг решили, что я ваш Спаситель? Может быть, Чукапабра и меня сожрет за милую душу?

Олег ликовал про себя. Ну молодцы коллеги, придумали такой классный розыгрыш, решили поднять начальнику отдела настроение после выволочки на стратегической сессии. А если еще и морда у этой тварюги, как ее там, Чукапабры, будет срисована с физиономии его коммерческого директора, то он на следующий же день купит в офис коробку самого (ну ладно, почти самого) дорогого коньяка.

– Мы обратились с мольбой к Священному Розовому Ящику, – почтительно, с придыханием произнес вождь, – и Ящик явил нам тебя! Значит ты и есть Спаситель, пришедший сюда из далекого чужого мира! Но если и тебя тоже съест проклятая Чукапабра, то завтра она нападет на наше селение и племя Чуков уйдет в небытие...

– Да фигня вопрос, – сказал пренебрежительно Олег, – где эта ваша собака Баскервилей, тащите ее сюда! Сражусь я с ней, так и быть. Спасу хороших людей от истребления.

– Ура! – громко закричал вождь, и его восторженный вопль дружно подхватили едущие сзади соплеменники. А Первый Чук снял с пояса костяной рог и со всей силы затрубил в него, да так, что у Олега заложило уши.

– Можно чуть потише, – попросил он, невольно поморщившись.

– Я призываю Чукапабру, – пояснил вождь, – пусть готовится к смерти, несчастная тварь! Ведь минуты её сочтены!

– Так, ладно, а где мое оружие? – деловито спросил Спаситель Чуков.

Первый Чук молча показал рукой на телегу, и Олег только сейчас заметил валяющийся рядом с клеткой меч красного цвета, на вид будто сделанный из меди.

«Ну, хоть не картонный, и то ладно, – подумал про себя будущий герой, – а теперь передо мной должен появиться мальчик для битья в медвежьей шкуре. Господи, прошу тебя, пусть у него окажется морда нашего коммерческого! А с меня коньяк!».

Тем временем процессия добралась до подножья высокого холма, где розовый бык сам по себе остановился. Видимо, таскать сюда телегу с клеткой было для него делом привычным. На вершину холма уходила узкая, но хорошо натоптанная тропинка. Один из всадников спешил к возле телеги и отпер ключом увесистый медный замок на клетке. Освобожденный Олег легко выпрыгнул на траву и огляделся по сторонам. Он был холоден и готов к борьбе.

– Чукапабра затаилась наверху, – melancholically сказал вождь, – иди по тропинке, Спаситель, и встретишь ее. А мы будем молиться за тебя, о Чужеземец! Ведь ты наша последняя и единственная надежда!

– Да не волнуйся ты так, – усмехнулся Спаситель Чуков, – сейчас я быстренько кишки из этой твари выпущу и спасу ваше племя от истребления.

– Да, да, конечно! – поспешно закивал Первый Чук, вот только глаза у него были какие-то грустные, а голос печальный. Но Олег, как ребенок, радующийся неожиданно нарисовавшемуся приключению, с воодушевлением схватил подозрительно легкий меч, на самом деле оказавшийся кустарно выкованным из меди, и чуть ли не вприпрыжку поскакал вверх по тропинке, а процессия вместе с невозмутимым быком, телегой и пустой клеткой поспешно направилась в обратный путь.

Незаметно пролетев метров пятьдесят, Олег остановился. Ему вдруг стало очень интересно, куда его привезли и где он сейчас находится. Природа вокруг резко отличалась от родных новосибирских пейзажей, больше напоминала южные субтропики. Да и влажный теплый ветерок совершенно ничего общего с сибирскими пронизывающими ветрами не имел. В руках и ногах Олег чувствовал необычную легкость, он готов был сейчас свернуть и холмы, и горы, и шею мерзкой Чукапабры впридачу. Но какая-то странность ощущалась в окружающем мире, в розовых животных, в непривычных деревьях, в необычном оттенке травы, вот только Олег пока не мог понять, какая именно. Спаситель Чуков машинально хлопал себя по руке и карманам, но ни телефона, ни часов при нем не оказалось. Он очутился здесь лишь в своей белоснежной рубашке, черных брюках и лакированных туфлях.

«Ну, ребята, какие вы хитрые, все предусмотрели, чтобы я свое местоположение не определил. Но где я сейчас? Не в Сочи же они меня спящего увезли или, не дай Бог, в Таиланд какой-нибудь», – подумал Олег. Хотя почему бы и нет? Коллеги его способны на любые пакости. Однако, судя по всему, розыгрыш происходил где-то в России, недаром они с вождем говорили на одном языке. Решивший раньше времени не заморачиваться пока лишними подробностями, новоявленный охотник на Чукапабру сжал покрепче бутафорский меч и направился вперед, радуясь про себя такому неожиданному и приятному окончанию стратегической сессии.

Герой добрался до вершины холма и пристально огляделся по сторонам. Трава вокруг была вытоптана до земли и щедро полита запекшейся бутафорской кровью. Но Чукапабра пока на сцене не появлялась. Тогда Спаситель Чуков гордо подбоченился, поднял красивый, хоть и бесполезный меч и стал ждать задерживающегося актера. Рядом на земле лежал огромный темно-зеленый валун, и охотник решил проверить, а не спрятался ли монстр где-нибудь за ним. Олег подошел поближе к камню, обошел его вокруг, но противника так и не обнаружил. И тут валун неожиданно вздрогнул, затрясся и начал стремительно расти вверх. То, что Спаситель Чуков поначалу принял за камень, на самом деле и оказалось его страшным врагом. Чукапабра, как черт из табакерки, на глазах изумленного Олега резко выпрямилась в полный

рост и вперилась своими огромными желтыми глазами в нарушителя ее покоя. Больше всего ужасная тварь напоминала тиранозавра из Парка юрского периода, вот только ростом она оказалась явно выше киношного динозавра.

Незадачливый охотник на монстров невольно выронил на траву меч и ошарашенно уставился на Чукапабру. В голове его лихорадочно заметались мысли. Неужели перед ним кукла, такая реалистичная и пугающая? А если это не кукла, тогда кто? Господи, да что же здесь происходит?! Олег беспомощно оглянулся, и в его привыкшей автоматически все раскладывать по полочкам голове опытного продавца мгновенно сложилась нелепая, ужасная, но тем не менее все объясняющая картинка. И солнце непривычного цвета, и странная трава, и розовые лошади, и грустный голос вождя, и кровь, которая вряд ли была бутафорской, и непривычная легкость, явно свидетельствующая о пониженной гравитации, и, наконец, этот невозможный монстр – все кусочки паззла вдруг моментально собрались в единое целое. А Олег внезапно понял: его каким-то чудом действительно переместили в другой мир, где он и на самом деле должен сразиться со страшным, ужасающе реальным зверем. Вот только как ему победить трехэтажного бронированного динозавра медным бутафорским мечом, незадачливый Спаситель Чуков совершенно не представлял!

А тем временем Чукапабра, вдоволь насмотревшись на своего нового врага, вдруг вздохнула и произнесла:

– И опять вы, полоротые, в рукоятке меча не сделали отверстие. Ну вот как вам еще объяснять?

Голос монстра действительно оказался женским, довольно мелодичным и приятным, хотя и совершенно не гармонировал с его страшным обликом. А Олег тупо смотрел на динозавра и молчал.

– Ты что, немой? – подозрительно спросила Чукапабра.

– Да, то есть нет, – с трудом промямлил Олег.

– Дай-ка мне сюда меч, – приказала ужасная тварь.

Несостоявшийся Спаситель Чуков, трясаясь от страха, поднял оружие с земли, протянул его рукояткой вверх, а динозавриха нагнулась и неожиданно ловко подхватила меч правой передней лапой, которая оказалась гораздо длиннее, чем у киношного тиранозавра, затем ужасным,

почти метровым когтем левой лапы моментально проткнула рукоятку насквозь, словно бумажную, и нацепила трофей на толстую веревку, висящую у нее на шее. Только сейчас Олег заметил, что на груди у Чукапабры уже болтаются десятка два медных мечей. Присоединив новое оружие к своей коллекции, динозавриха кокетливо наклонила голову и сказала:

– Ну вот, наконец-то двадцать четыре штуки, полный комплект. Получилось монисто. Красиво же, скажи?

– Красиво, – только и смог выдавить из себя Олег, до которого теперь полностью дошел весь ужас сложившейся ситуации. Незадачливый охотник окончательно понял, что создать так правдоподобно двигающуюся и разговаривающую куклу, да еще такого огромного размера, на Земле было бы невозможно. Значит, ему и на самом деле пришел конец!

– Ну, иди сюда, я тебя съем, – ласково сказала Чукапабра, подтвердив опасения Спасителя Чуков, – чего тянуть-то.

– Вы понимаете, – дрожащим голосом заговорил Олег, – произошла какая-то страшная, нелепая ошибка. Я живу совсем в другом мире, я не местный и попал к вам совершенно случайно, представляете? Аборигены каким-то чудом перенесли меня с Земли на эту планету, насильно всучили меч и отправили сюда, на холм. Я пойду, наверное, домой, а вы тут сами с Чуками разбирайтесь, хорошо? Это ведь совершенно не моя война!

И он угодливо захихикал.

– Да мне-то какая разница, откуда ты появился, – равнодушно сказала Чукапабра, – пришел сюда с мечом, значит будешь съеден!

– А безоружного Вы бы меня не съели? – с надеждой спросил Олег.

– Съела бы, – успокоила его динозавриха, – но без удовольствия. Ведь тогда комплекта монисто у меня бы еще не было!

И она вновь кокетливо повела плечом, хвалясь перед единственным и пока живым зрителем своим украшением из двадцати четырех медных мечей на веревке.

– Подождите, объясните мне, но зачем Вы вообще едите людей? – торопливо закричал Олег, бешено вспоминая в голове все техники продаж, развода клиентов и прочие когда-то намертво вбитые в него хитрые штуки, в слабой надежде спастись от страшного монстра и попутно вспоминая слова вождя, – ведь ваши луга

полны тучных коров, ваши реки кишат стаями рыб, ветки ваших деревьев сгибаются под тяжестью сочных плодов, и Вам нет никакой необходимости убивать несчастных Чуков!

– Тебе этого не понять, низшее существо, – сказала Чукапабра, а незадачливому Спасителю Чуков вдруг послышался странный оттенок грусти в ее приятном мелодичном голосе, – судьба мне выпала такая.

Олег, внезапно сообразив, что нащупал пока что непонятную ему, еле уловимую, но все же зацепку, начал с удвоенной силой обрабатывать монстра.

– Мы ведь сами творцы собственной судьбы, – задушевым голосом бывалого члена секты свидетелей Иеговы заговорил он, – и не должны слепо брести в темноте. Управлять своей судьбой – вот истинное предназначение разумного существа! А сдаваться на милость провидения и покорно плыть по течению – разве в этом может заключаться смысл нашей жизни?!

– Нашелся тут тоже специалист по смыслу жизни, – неожиданно перебила собеседника Чукапабра, – а скажи-ка ты мне лучше отношение длины окружности к ее диаметру, если такой умный.

– Три целых четырнадцать сотых, – ответил Олег, растерявшись от неожиданного вопроса.

– И все? – динозавриха прищурилась.

Олег почесал в затылке, с трудом припоминая, какие цифры у числа Пи идут дальше. Но ни часов, ни телефона у него не осталось, и правильный ответ подсмотреть было негде.

– Пятнадцать, девятьсот двадцать шесть, – запинаясь, проговорил он наконец, с трудом вытаскивая из памяти нужное знание, – и так далее.

– Ну да, – кивнула Чукапабра, – ты действительно не из этого мира. Здесь пока еще не продвинулись дальше двадцати двух седьмых. И не продвинутся, наверное. Но как ты вообще сюда попал?

– Я был на стратегической сессии, – начал объяснять Олег, – открыл дверь, а за ней оказалась совсем другая комната, со свечами! Я потерял сознание и очнулся в клетке. А вождь Чуков сказал мне, что я их последняя надежда на спасение! Поэтому я взял меч и пришел сюда.

– Странно, – удивилась динозавриха, – я и не подозревала, что аборигены научились создавать порталы... Тогда тем более надо их побыстрее всех сожрать.

– Меня перенес сюда их священный розовый ящик, – торопливо добавил пришелец с Земли.

– Какой еще ящик? – Чукапабра внимательно посмотрела на Олега огромными желтыми глазами, и вдруг выражение ее морды изменилось: – Розовый, говоришь? Так вот значит где теперь мой Конфигуратор. А я всё вокруг перерыла, понять не могу, куда же он подевался? А он у них теперь вместо святыни!

И динозавриха от души рассмеялась. Но потом вдруг резко оборвала смех, нахмурилась и снова пристально уставилась на Олега.

– Слушай, – медленно и серьезно сказала она после протяженной паузы, – но если тебя перенес сюда мой собственный Конфигуратор, значит ты и в самом деле можешь решить мою проблему? Да нет, бред какой-то, это невозможно. Ее никому не решить...

– Давайте хотя бы попробуем, – скромно сказал Олег, – собственно, моя ежедневная работа ведь в том и заключается, чтобы постоянно разгребать чужие проблемы.

3.

Чукапабра вздохнула и медленно опустилась на землю, позвякивая мечами, а Олег осторожно присел на траву рядом с ней.

– Моей цивилизации исполнилось уже два миллиарда лет, – будничным голосом сказала динозавриха, – и за это время мы постигли все тайны бытия, полностью познали устройство и движущие силы вселенной и научились творить предметы и объекты любой сложности и размеров, вплоть до галактик.

– Так вы боги? – восхитился Спаситель Чуков.

– Да нет, конечно, никакие мы не боги, – отмахнулась Чукапабра, – любой разумный вид может повторить наш путь, имея он в запасе столько лет. Но, как правило, все цивилизации самоуничтожаются гораздо раньше. Мы – исключение во Вселенной. Хотя с точки зрения таких низших существ, как ты, действительно, для вас мы ничем не отличаемся от богов.

Олег с завистью уставился на динозавриху, не обращая внимания на ее шпильку, а та продолжала:

– Но когда мы полностью познали мир, то столкнулись с тем, что нам стало некуда дальше развиваться. О чем еще можно мечтать существом, которые и так уже всемогущи? Вот смотри.

На вытоптанную траву вдруг упал из воздуха блестящий желтый кубик, около полуметра высотой.

– Это что, неужели золото? – изумленно спросил Олег.

– Да. Ровно одна тонна, – равнодушно ответила Чукапабра, а ее собеседник начал лихорадочно прикидывать в уме, сколько же стоит такой драгоценный кубик.

– Я могу хоть целую планету из золота сотворить, – скромно заметила динозавриха, – вот только зачем?

Желтый кубик растворился в воздухе, а Олег задумался.

– Так Вы, наверное, потеряли смысл жизни? – спросил он, – в этом Ваша проблема? У меня тоже такое иногда бывает, после завершения очень удачной сделки...

– Нет, полное познание мира лишь преамбула моей проблемы, – ответила Чукапабра, – в конце концов, лежать в теплой траве и наблюдать, как облака пролетают над головой, не самое худшее занятие, согласись! Ведь смысл жизни состоит в том, чтобы получать наслаждение от нее, а не в том, чтобы бежать целыми днями куда-то в поисках эфемерных благ, которыми разумные виды обычно заменяют себе счастье.

Олег вдруг вспомнил свою сегодняшнюю стратегическую сессию, мерзкую лошённую морду коммерческого директора и грустно кивнул. Однако заметил в рассуждениях динозаврихи одно слабое место.

– Но, с другой стороны, если все время не бежать вперед, то можно быстро протянуть ноги от голода, и тут уж будет не до наслаждений, – возразил он.

– Ну хорошо, если хочешь, давай подискутируем на эту тему, – предложила Чукапабра, – вот, например, ты много зарабатываешь?

– Прилично, – скромно сказал Олег.

– А если вдруг завтра начнешь получать в два раза меньше, ты умрешь с голоду?

– Да нет конечно, когда-то я и в десять раз меньше зарабатывал, и ничего, как-то выживал.

– Вот! – обрадовалась динозавриха, – в этом-то все и дело! А если наоборот, завтра тебе предложат работу с зарплатой в два раза выше, ты пойдешь на нее?

– Конечно, – не раздумывая ответил Олег, – тут и думать даже не о чем. Вот только не предложат мне такую работу, все теплые места уже заняты.

– А зачем тебе еще больше денег, если и сейчас зарплаты на жизнь хватает?

– Конечно хватает, но...

– Что «но»? Почему ты не можешь остановиться на достигнутом? Зачем бежать еще куда-то дальше? Или ты станешь в два раза счастливее, если завтра начнешь есть не из серебряных, а из золотых тарелок?

До Олега начали наконец доходить простые, но логичные слова его умудренной жизнью собеседницы. Он вдруг вспомнил те давние времена, когда служил простым менеджером по продажам с четким графиком работы, выходные проводил с женой и дочкой, гулял с ними в парке, ел мороженое. А что сейчас? Олег попытался вспомнить, когда последний раз выходил куда-то с семьей, но не смог. А если его вдруг сделают коммерческим директором вместо той лошечной сволочи, то ему вообще придется поставить диван на работе и жить в своем служебном кабинете. А о наличии жены он будет помнить только по приходящим СМС о списании средств с карточки.

– Понимаешь, – сказала Чукапабра, – есть определенный уровень материальных благ, которого отдельно взятому разумному существу вполне достаточно. И, достигнув этого уровня, надо остановиться и начать получать удовольствие от жизни. Но люди, как правило, все продолжают и продолжают бессмысленно гнаться за мнимым счастьем, не понимая одной простой вещи – потребности всегда растут быстрее доходов, и, выбрав своей целью гонку за деньгами, ты никогда не будешь счастлив.

– Да уж, – медленно сказал Олег, – Вы словно про мою жизнь рассказываете. Тут даже и не поспорить. Однако я так пока и не понял, в чем заключается Ваша проблема и зачем Вы уничтожаете племя несчастных Чуков.

– Вот я и подхожу плавно к существу вопроса, – вздохнула динозавриха. – Когда наша цивилизация достигла максимально возможного уровня развития, мы задумались, а чем теперь нам заниматься дальше? Одни решили, что искать себе занятий не нужно, и погрузились в бесконечное созерцание плывущих по небу облаков, ну а другие, в том числе и я, занялись волонтерством. И вот лет пятьсот назад я разыскала в космосе эту планетку. Условия здесь, конечно, были ужасные. Голод, эпидемии, постоянные войны. Ну я и решила улучшить немножко жизнь аборигенов, чтобы им не пришлось

заниматься борьбой за выживание. Я ликвидировала все болезнетворные бактерии и вирусы, подправила местным жителям генетику, сотворила тут постоянный теплый климат, удобрила землю, в которой даже палка теперь прорастает, специально создала мясные и молочные породы животных, рыб почти без косточек. Хищным зверям запретила убивать людей. Короче, аборигенам оставалось только жить и радоваться жизни!

– И что они стали делать? – с интересом спросил Олег, который и сам был бы не прочь пожить на подобной планете.

– Ну, а ты как думаешь?

– Так, так, так, чем же эти гады Вас отблагодарили? – задумался Спаситель Чуков, – наверное, с удвоенной силой начали воевать друг с другом?

– Нет. Им это абсолютно не нужно. Все войны ведь происходят от недостатка ресурсов. И от желания их перераспределить насильственным путем. А когда еды и тепла хватает на всех, то нет и причины для войн.

– Подождите, ну а как же вера? Одно племя молится Иисусу, а второе Магомету, вот тебе и законный повод истребить друг друга.

– Так ведь и религия от хорошей жизни никогда не возникает, это лишь инструмент для умиротворения людей. В чем суть любой веры? Давайте-ка потерпим при жизни, а вот когда умрем, тогда и поживем в свое удовольствие. А если у тебя и при жизни все прекрасно, ты разве побежишь в церковь или мечеть? Да никогда!

– Но Чуки ведь зачем-то начали поклоняться Вашему розовому Конфигуратору? – возразил Олег.

– Конечно начали, – парировала динозавриха, – когда над ними нависла полная угроза уничтожения, но ни днем раньше.

– Да уж, напугали Вы их крепко, как только вождь Вас не величал... И вселенским злом называл, и исчадьем ада. Кстати, – вдруг задумался несостоявшийся Спаситель Чуков, – а почему я понимаю и Вас, и аборигенов?

– Это одно из следствий моей модификации местного мира, здесь все разумные существа понимают друг друга, хотя и говорят каждый на своем языке.

– Ого! Круто! Но я так и не врубился пока, в чем состоит проблема. А, стойте, наверное, аборигены начали от хорошей жизни усиленно развиваться, двигать науку, избрали какую-нибудь

там атомную бомбу и решили взорвать всю планету! – предположил Олег, у которого уже закончились более правдоподобные версии.

– Я на всякий случай убрала месторождения всех твердых металлов, – подмигнула собеседнику Чукапабра, – есть ведь можно и с медных тарелок, а вот воевать медным мечом уже не получится. А радиоактивные металлы я сразу все уничтожила. У меня тоже сначала было опасение, что местные жители начнут вдруг усиленно развиваться, вот и ограничила немного их потенциал. Но, как оказалось, переживала я зря... При избытке ресурсов никакого стимула для развития не существует. Я же недаром тебя сразу про отношение длины окружности к диаметру спросила, а чтобы понять, местный ты или нет. Аборигены ведь до сих пор еще не знают, вращается ли их планета вокруг светила или наоборот! И самое страшное, что им всем здесь глубоко плевать на это! Тепло, светло, да и ладно!

– Ну хорошо, я сдаюсь, – развел руками Олег, – даже не знаю, кроме проблем, у Ваших обитателей рая есть все, и им остается лишь плодиться да размножаться!

– Так вот! – возбужденная Чукапабра резко подскочила, аж земля вокруг нее затряслась. – Они усиленно теперь этим и занимаются, сволочи! И я не знаю, что с ними делать дальше!

– Ну а как Вы хотели, – сказал Олег, – болезней и войн нет, голода нет, хищники не нападают... В таких условиях количество людей растет в геометрической прогрессии, да и продолжительность жизни увеличивается с каждым годом. Но в чем же здесь проблема?

– В грядущем перенаселении, – подытожила динозавриха и вновь тяжело опустилась на траву, – я недавно провела численное моделирование, и оно показало очень печальные результаты. При дальнейшем росте популяции людей такими темпами, как сейчас, и на фоне отсутствия дестабилизирующих факторов, вроде войн и болезней, аборигенов через двести пятьдесят–триста лет ждет перенаселение, глобальная война за тающие на глазах ресурсы и практически полное уничтожение местной цивилизации, хотя мои обитатели рая об этом пока даже и не подозревают.

– Так вот зачем Вы их едите, – догадался наконец Олег, – пытаетесь поддержать численность популяции, ну и заодно создаете аборигенам внешнюю угрозу, чтобы им жизнь медом не казалась!

– Да, – грустно подтвердила Чукапабра, – а что мне еще остается делать? Пришлось принять облик вот этой мерзкой твари и начать жрать людей в промышленных масштабах, а я ненавижу их есть, они такие невкусные! Одна радость, мечи для монисто здесь делают красивые...

– А чем Вам так не угодили несчастные Чуки? – спросил Олег. – Почему именно этот род Вы решили известить под корень?

– Да я живу тут рядом, в пещере, – мотнула мордой в сторону Чукапабра, – их селение ближе всего ко мне, вот с них и начала. Ты не думай, здесь нет ничего личного! Сначала съел Чуков, потом примусь за их соседей Геков, и дальше по списку...

– Да, тут мы наблюдаем очень сложный и запущенный случай, – признался озадаченный эксперт и скрестил руки на груди, – ну а что если попробовать насрать на людей какие-нибудь болезни?

– Тогда все аборигены погибнут, – печально сказала Чукапабра, – их иммунитет за пятьсот лет атрофировался, любой болезнетворный вирус выкосит все население планеты.

– Господи, – схватился за голову Олег, – так ведь они же теперь все помрут, я с собой столько вирусов с Земли притащил!

– Не переживай, – успокоила его динозавриха, – мой Конфигуратор автоматически стерилизует все объекты, через него проходящие. Поэтому ничего опасного в твоём организме уже не осталось.

– А кстати, что это за устройство, Ваш розовый ящик? – спросил Олег.

– Я сделала его примерно миллион веков назад, когда только училась преобразовывать мир и еще не умела создавать предметы силой мысли, – объяснила Чукапабра, – а потом взяла его с собой сюда, он мне очень дорог как память. Весь такой красивый, со стразами. Да и розовый – мой любимый цвет. А не так давно Конфигуратор пропал, я его где-то потеряла. А оказывается, Чуки его подобрали, и теперь ему молятся.

– Но разве Ваш ящик так послушно выполняет любое желание первого встречного аборигена? – удивленно спросил Олег. – И в нем даже нет никакой защиты от дурака?

– Конечно есть, я и сама пока ничего не понимаю, – развела лапами динозавриха, – могу лишь только предположить, что Конфигуратор

исполнил просьбу Чуков, так как это поможет решить мою проблему. Он ведь у меня очень умный, хоть и розовый...

Чукапабра весело рассмеялась, и Спаситель Чуков тоже присоединился к ее мелодичному смеху.

– Ну вот, – сказала она, успокоившись, – весь расклад ты теперь знаешь, так что давай, рассказывай мне, как решить проблему с перенаселением. Хотя я, конечно, прекрасно понимаю, ничего ты путного не скажешь, зря тебя притащил в этот мир мой Конфигуратор.

– Ну почему же, совсем даже не зря, – возразил Олег, хитро прищурившись, – с удовольствием скажу, но только с одним условием.

– Правда? – динозавриха еще сильнее выпучила свои и без того огромные круглые желтые глаза, – и с каким же?

– Я решу проблему с перенаселением, – небрежно сказал Олег, – а ты взамен вернешь меня домой, вместе с золотым кубиком впридачу.

– Да я тебе хоть миллион таких кубиков сотворю, не то что один, – с надеждой в голосе воскликнула Чукапабра, – ты, главное, помоги мне!

– Миллион тонн золота мне ни к чему, – рассудительно сказал Олег, – я даже не представляю, где его хранить. А вот одна тонна всегда в хозяйстве пригодится! Ты только сначала мне карту местности накидай, покажи, где тут поселение Чуков и какие племена поблизости живут, да прикажи Конфигуратору, пусть он для меня кое-что сделает...

4.

Спустя час Олег, стоя на большой бочке посреди главной площади селения Чуков, самозабвенно занимался тем, что умел делать лучше всего в жизни – вешал доверчивым аборигенам лапшу на уши.

– Друзья! – проникновенным голосом вещал он. – Братья и Сестры! Я вижу в Ваших бездонных глазах ручейки надежды и море вопросов! Вы спрашиваете меня: о Чужеземце, как мог ты выжить после того, как в неравном бою с монстром погибло двадцать три наших лучших Сына?! А если ты жив, Чужеземец, то где же хладный поверженный труп ужасной Чукапабры?! И что произошло при вашей встрече на вершине того страшного холма, обгащенного невинной кровью наших братьев?

Чуки загудели, словно пчелы, ведь именно это они и хотели узнать.

– И сейчас я расскажу Вам всю правду о встрече с Чукапаброй! – торжественно объявил новоявленный Спаситель, а толпа затаила дыхание. Увидев чужеземца, как ни в чем не бывало вернувшегося в их поселение живым и здоровым, хоть и без меча, вождь первым подбежал к неожиданному гостю, которого он уже успел мысленно похоронить, и потребовал объяснений. Но Олег заявил, что будет выступать только перед лицом всего племени. Ему тут же организовали импровизированную трибуну, и, хотя Спаситель Чуков и выглядел несколько нелепо в своей белой рубашке и черных брюках перед толпой аборигенов, но ни оратора, ни его благодарных слушателей эти мелочи совершенно не волновали.

– Итак, друзья мои, час назад с мечом в руке я упорно поднимался по узкой тропе, ведущей меня, как мне тогда казалось, к неминуемой гибели! Чем ближе становилась вершина, тем тяжелее и глуше звучали мои шаги! Трава вокруг была щедро обогрета алой кровью ваших лучших Сынов! Но я упрямо шел вперед, ведь за моей спиной находились Вы! Огромное племя беззащитных женщин, детей и стариков, внезапно оказавшихся перед лицом ужасной пасти Чукапабры!

«Могли бы на этом месте и поаплодировать, собаки, хотя с лицом пасти я, наверное, немного перегнул», – подумал про себя Олег, и продолжил:

– Но что же открылось моему взору на вершине? Что?! – патетически воскликнул он, выдержал эффектную паузу и самым нежным голосом, на который только был способен, произнес:

– А на вершине холма сидела в зеленой траве Чукапабра, плела венки из голубых полевых цветов и тихо напевала себе под нос какую-то очень ласковую и мелодичную песенку!

Чуки недоверчиво зашумели, подумав, наверное, что после визита к монстру их Спаситель несколько повредился в уме, но Олег решительно простер руки, заставив толпу затихнуть, и невозмутимо продолжал.

– Увидев меня, Чукапабра вскочила на лапы и смущенно спрятала незаконченный венок за спину, – самозабвенно дул в уши зрителям Олег, – а потом опомнилась и грозно прорычала: готовься к смерти, о проклятый Чук!

Аборигены дружно вскрикнули от страха.

– О, не ешь меня, взмолился я, – завыл Олег, выпучив глаза, – ведь у тебя такое доброе и ласковое сердце! А душа твоя так нежна и ранима!

Я сразу понял это, когда увидел венок в твоей изящной зеленой лапке! Но почему ты хочешь причинить столько зла и бед несчастным жителям племени Чуков? Скажи мне, о Чукапабра! И знаете, что она мне ответила?

На площади воцарилась мертвая тишина.

– А ничего она мне не ответила, – отрезал оратор, – а лишь молча упала в траву и пронзительно зарыдала! Я откинул в сторону меч, подбежал к несчастной Чукапабре, простер к ней руки, а она подняла ко мне свое заплаканное лицо и простонала: «Вы сами сделали меня такой! Вы – подлое и ужасное племя Чуков!»

Толпа разразилась недоуменными криками, но Первый Чук коротко свистнул, и все тут же притихли. А оратора несло...

– Но почему ты считаешь нас врагами, о Чукапабра? – в ужасе спросил я! Разве мы желаем зла тебе? Разве мы мешаем тебе плести голубые венки из полевых цветов на вершине этого чудесного холма? А она сквозь слезы отвечает: Вы говорили, что я жирная и толстая корова и обзывали меня желтым земляным червяком! А пока я спала, привязали к моему хвосту табличку с надписью: «Чукапабра – дура!» Но я совсем даже не толстая, просто у меня кость широкая! А вас я всех съем, чтоб не дразнились больше! И тут она зарыдала еще сильнее, а огромные слезы ее скатывались по зеленым щекам и превращались в кипящие озера страданий!

Зрители изумленно посмотрели сначала друг на друга, а потом на вождя, ведь им и в голову никогда не приходило специально нарываться на неприятности и дразнить ужасную трехэтажную динозавриху. А Олег с запозданием подумал, что не узнал у Чуков, известна ли им письменность или еще нет. Но, судя по адекватной реакции аборигенов, похоже, уже известна.

– Я простер к ней руки и воскликнул: о нет! – вскричал Спаситель, в экстазе чуть не свалившийся с бочки, но чудом сумевший удержаться на ней. – Я хоть и совсем недолго живу в этом чудесном добром племени, но я абсолютно уверен в невинной чистоте их помыслов и нравственной девственности Чуков!

«Ни фиги я загнул насчет девственности», – сам себе поразился Олег и вдруг некстати вспомнил, как сразу же после появления чужеземца нравственные Чуки без колебаний засунули его в запертую клетку.

– Мои братья и сестры не могли такого сказать! – воскликнул я: О, Чукапабра, ты лишь ука-

жи мне зеленым перстом своим на того, кто посмел осквернить уста этим ужасным богохульством, и я в тот же миг проткну его мечом! Ведь ты самая прекрасная Чукапабра на свете! Твой стан строен и нежен, а голос так завораживающе чарующ!

Оратор с блеском продрался сквозь частокол шипящих согласных, а Вождь тем временем нахмурился, многозначительно поднял копье и грозно посмотрел на притихших соплеменников.

– Ну и кто из вас всё это сделал, гады? – спросил он обманчиво спокойным голосом.

– О нет, не тревожься Первый Чук, твои братья и сестры совсем ни в чем не виноваты, – увидев, что нужный градус накала достигнут, поспешно вскричал Олег, а зашуганная вождем толпа облегченно выдохнула после слов Спасителя.

– И знаете, о друзья мои, что ответила мне плачущая Чукапабра, знаете?! – оратор нахмурился, обвел замершую толпу грозным взглядом, а потом крикнул что есть мочи, срываясь на визг:

– ЭТУ ГНУСНУЮ ЛОЖЬ ЕЙ РАССКАЗАЛИ ВАШИ СОСЕДИ, ЖИТЕЛИ ПЛЕМЕНИ ГЕКОВ!!!

5.

На следующее утро карательная экспедиция на розовых лошадях, по предложению Олега названная Орденом Святой Чукапабры, во главе с вождем выдвинулась в сторону селения подлых Гексов. Суровые охотники, которым скоро предстояло стать непобедимыми воинами, держали в руках блестящие мечи, выкованные вчера из сотворенной Конфигуратором полосовой углеродистой стали. Рядом с Первым Чуком ехал знаменосец, гордо держащий в руках копье с привязанным к нему флагом. На белоснежном полотнище, для которого Олег не пожалел свою единственную рубашку, местный живописец нарисовал улыбающуюся всеми тридцатью двумя зубами Чукапабру, а над головой ее вместо нимба светился голубой венчик из полевых цветов. И, кстати, так же по предложению Спасителя, слово «Чукапабра» означало теперь на языке

Древних не Злой дух, а Доброе Божество Чуков.

Сам же Олег с комфортом ехал в устланной сеном телеге, в самом хвосте экспедиции, внимательно рассматривал карту местности, вчера сотворенную для него динозаврихой, и прикидывал, какое племя следующим позволит себе издеваться над несчастной любительницей полевых цветов, прикрываясь славным именем девственных Чуков. По карте выходило так, что работы членам Ордена Святой Чукапабры и их потомкам хватит надолго. А эксперт по перенаселению после блестяще выполненного задания совсем скоро отправится домой вместе с приятным бонусом в виде одной тонны драгоценного металла. Вот только куда ему столько? Может быть заказать себе золотой унитаз? Как-то пошло... Или лучше сделать из части премии шикарный сервис на девяносто шесть персон?

И тут Олег вдруг неожиданно вспомнил уже забытые в суматохе последних событий вчерашние слова Чукапабры насчет еды из золотых тарелок, и ему внезапно ударила в голову мысль: господи, какой же он идиот – случайно оказавшись в Раю, он снова мечтает о презренном металле. Да ведь золото и так уже вокруг него, оглянься по сторонам, дурак, такой чудесной планеты не сыскать во всей Вселенной! Тем более, что Конфигуратор наверняка избавил прошедшего сквозь него чужеземца от всех существующих и будущих болезней! А он, Олег, совершенно не оценив выпавшего ему одного на триллион шанса, вместо благодарности хочет сбежать из этого волшебного рая обратно в свой офисный ад, где его ждет очередная стратегическая сессия и лощеная мерзкая морда коммерческого директора! Господи, какой же он идиот! Ну уж нет! Никуда он отсюда теперь не убежит!!! А наоборот, лучше попросит динозавриху перенести к нему жену и дочку.

Олег поднял голову, посмотрел на развевающийся впереди белоснежный флаг, и ему вдруг показалось, что нарисованная на знамени Чукапабра одобрительно подмигнула своему спасителю и сообщнику.

Ганна
ШЕВЧЕНКО

СТИХИ О МАЛОЙ РОДИНЕ

* * *

Мне в детстве было многое дано:
тетрадь, фломастер, твердая подушка,
большая спальня, низкое окно,
донецкий воздух, угольная стружка.

Когда на подоконнике сидишь,
то терриконы сказочней и ближе.
Мне нравилась базальтовая тишь
и мертвый флюгер на соседней крыше.

А за полночь, сквозь шорох ковыля,
сквозь марево компрессорного воя,
подслушивать, как вертится Земля,
вращая шестеренками забоя.

* * *

Из фляги выпивши за здоровье,
в своих шахтерках неизменных,
устало шаркая по гравию,
идут рабочие со смены.

Они идут, черны и дюжинны,
бросая касками зарницы –
их дома ждут, готовя ужины,
бухгалтерши и продащицы.

Простерлось справа поле пыльное,
а слева – балка слюдная,
и небо грубое, двужильное,
светлеет, звезды пеленая.

Шахтер – основа мироздания.
И террикон, как черепаха,
застыл в режиме ожидания
за остановкой Красный Пахарь.

* * *

Мы шатаемся возле села,
воздух зол от собачьей брехни,
наша мама на смену пошла,
до рассвета мы будем одни.

Тёмен неба магический круг,
ковылей непрогляден атлас,
пламенеет от маминых рук
террикона единственный глаз.

Эта ночь холодна и свежа –
за калитками сонных дворов
над колодцами звёзды жужжат
и сосут родниковую кровь.

Мы шатаемся по пустырю,
но, пока мы слились с бузиной,
зажигает над шахтой зарю
наша мама – электрик ночной.

* * *

Там, где на склонах цветет резеда,
где под травой луговая руда
скрыта в корнях зверобоя,
там, на вершине ночного бугра,
крутится-вертится обод копра,
кашляет горло забоя.

Я там жила. Я могла, как раба,
на калькуляторе фуги лабать
днями на радость главбуху.
А по ночам на балконе своём
я упивалась протяжным вытьём
сладкоголосого Ктулху.

Что это было, поди разбери,
я не ложилась до самой зари,
слух обостряя до боли.
Если идти по полночной траве,
если огни говорят в синеве,
значит, не кончится поле.

Там, где на склонах не счесть спорыша,
в тёмных утробах заброшенных шахт
чудище это ночует.
Я и сейчас его чую.

* * *

Таилось в низине Донбасса
одно небольшое село,
река из двойного атласа
его огибала. Стекло

ее вод неглубоких
на дне отражало плотву,
лениво подводные боги
вращали в воронках листву.

Соцветия львиного зева
вода торфяная несла,
текла она справа налево
и слева направо текла.

Стрижи над рекою высоко
копили свой утренний гам,
и шарм придавала осока
высоким её берегам.

О радуге пели лягушки,
за окнами было свежо,
проснувшись у края подушки,
я думала: как хорошо.

Заря хороводилась ало,
закат розовел высоко,
и было так много, так мало
и так нестерпимо легко.

* * *

Пыли дорожной нечистые танцы,
слева подсолнухи, справа картофель,
я позабыла название станций –
помнится шахты египетский профиль.
Помню, что воздух полынный был горек,
простыни в крошечке угольной пыли,
крышу сарая и маленький дворик,
где мы бельё по субботам сушили.
Помню подвал и на полках – бутылки,
мусорник, старую каменоломню,
место роддома, который закрыли,
а вот причину рожденья – не помню.
Помню в окне своего кабинета
обруч копра, исполняющий сальто,
щёлкали счёты, вращалась планета,
и не сходилось конечное сальдо.
Дальнее время, начало начала,
стёртые знаки забытого мига,
необратимость того, что умчалось,
но отразилось в бухгалтерской книге.
Так и живу по привычке, иначе
мир не докажет свое постоянство.
Все мы наполнены космосом, значит,
я говорю не в пустое пространство.

* * *

Похож на земли феодала
в царапинах неровных пашен
мирок, в котором я рождалась,
из грязи, пыли и ромашек.

Недолгий дождь, остатки лета,
вода, ползущая с отката,
сквозняк и проволока света
в холодном брюхе комбината.

Проулок, солнечный до дрожи,
бугор, покрытый ковылями,
и белый папин «запорожец»
по-над пшеничными полями.

*Тот мир далёк и многоцветен,
осыпан росами тумана –
всё это я – и степь, и ветер,
и шахта с запахом тимьяна.*

** * **

*У меня внутри поют сверчки,
и блуждает леший с бороною,
белёная хата у реки,
вербы над прохладною водою.*

*Через реку переброшен мост,
за рекою – ивовая чаща,
где волшебный одинокий дрозд
исполняет гимн животворящий.*

*Что ещё об этом рассказать?
Кукуруза зреет в огороде,
голосит соседская коза,
да перины сохнут на природе.*

*В переулке солнце пролилось,
и детишки в лужицах играют,
дед Иван вколачивает гвоздь
в лестницу, приросшую к сараю.*

*Золотая внутренность моя,
космос, оплетённый виноградом, –
без тебя я фантик, чешуя,
бабочка, разорванная «Градом».*

** * **

*Грелись у флигеля серые кошки,
дыни в беседке казались шарами,
радио пело, и шёл над дворами
запах костра и печёной картошки.*

*А по ночам из садового царства
звероподобна, легка и крылата,
к самому дому являлась прохлада,
капли росы оставляя на астрах.*

*Ветер накачивал мускулатуру,
с треском сбивая плоды водосбора,
груша роняла плоды у забора,
громко кудахтали белые куры.*

*Там и сейчас за высоким забором
ветер гоняет цветные вертушки;
и о дожде молодые лягушки
предупреждают отчаянным ором.*

Марина
СЫЧЕВА

КАМЕНЬ/МОРЕ

Ступеньки бьются в подошвы: взмываю легко, словно на ногах таларии Гермеса. Навстречу мне мячиком от пинг-понга прыгает смех.

– Здравсти, Марин-Николаевна! Прическа топчик!

– Спасибо, Анфиса, – ерошу ежик над левым ухом.

– Маман разрешит – тоже висок выбрею, – на бегу обещает она. Хитро сверкают по-монгольски узкие глаза. Смеюсь. Такой и разрешение не нужно.

Школа гудит, взбудораженная криками и встречами, не опомнилась еще после летней спячки.

На третьем особенно шумно: гогот, задиристые окрики. Непривычные, басовитые. Вон они, мои бэшники. Удивляюсь вместе со стенами: недавно были щуплые и писклявые, а теперь выше меня на голову, девчонки расцвели, у парней плечи широкие. Короче, девятиклассники.

Рассмотреть бы их всех, расспросить. Но на полпути к нашему триста седьмому меня ловит тревожный треньк телефона: «Спуститесь. Срочно». Это от завуча, Владиславы Петровны.

Вниз спешу суетливо, куда исчезли невидимые крылышки с балеток?

– Полюбуйтесь, какой красавец! Первый же день учебы, а у него зеленый чуб! Решил податься в клоуны? Сначала нужно школу окончить!

Каждое слово – выстрел из четко очерченных сливовых губ. Для Владиславы Петровны (строгий шоколадный жакет, блузка в цвет помады, волосы в тугом пучке) наряд Матвея за гранью понимания.

Кем-кем, а клоуном Мотьку не назвать. Стиляга. Короткие брюки в серо-зеленую клетку и кислотный взрыв на голове.

Он стоит напротив завуча, как перед расстрелом: умрет, но гордо. И молчать не станет, нашла коса на камень.

– Пф... Цвет волос что, влияет на аттестат? Или штаны?

– Это не школьная форма.

– И что? Я ж не голый пришел. Брюки, рубашка...

– Брюки? Вот это недоразумение? В нашей школе цвет формы темно-синий.

– Так вы, Владислава Петровна, тоже устав нарушаете, – ухмыляется, стервец. Сжимаю губы, удерживая смехок.

Завуч тоже сжимает губы. Только ей не смешно. Тяжелый подбородок становится еще более квадратным.

– Нет, вы посмотрите, как он заговорил! Я учитель и завуч, а не школьница! Свое уже отучилась. И форму носила прилежно, – она придавливает взглядом сначала Матвея, потом меня. – Марина Николаевна, свяжитесь с мамой

СЫЧЕВА Марина Максимовна родилась в 1991 году. Окончила факультет филологии и журналистики КемГУ, работает учителем русского языка и литературы. Публиковалась в журналах: «Огни Кузбасса», «Абакан», «Российский колокол», «Москва», «Дружба народов», в альманахах «Кольчугинская осень», «Пашня» в рамках литературного проекта «Teens write». Автор этнического фэнтези на основе якутского эпоса «Солнце в силах» (2022). Живет в г. Кемерово.

этого попугая. Надеюсь, завтра его внешний вид будет соответствовать требованиям.

Киваю, что мне остается? Но Мотья и тут не успокаивается:

– Напугали! Свяжитесь! Кто мой лук спонсирует, по-вашему?

Мотья выходит. Я иду следом, но в спину бьет железобетонное:

– Останьтесь, Марина Николаевна.

Оборачиваюсь. Владислава Петровна уже стоит за столом, массивным и почти пустым: ничего лишнего.

– Вы как классный руководитель должны были меня поддержать, а не отмалчиваться. Вдвоем мы бы повлияли на мальчика.

– Владислава Петровна, – делаю шаг вперед, – я знаю Матвея четыре года. Для него важно «быть на стиле», и мать его поддержит.

– Он превратит школу в филиал цирка. Сегодня один с зеленым чубом, завтра – полшколы. Этого нельзя так оставить. Дети не должны задавать нам свои правила. И родители тоже.

Вздыхаю.

– Поставьте себя на место матери: брюки модные, они денег стоили. Станет ли она из-за ваших претензий срочно убирать их в шкаф?

– Вот пусть он на дискотеки в них ходит.

– Боюсь, на дискотеки они не в таком ходят.

Владислава Петровна молчит, смотрит выжидательно: и что вы предлагаете, Марина Николаевна?

Сквозь приоткрытую дверь за моей спиной доносится гул школы. Там – живое. Кипит, движется. Здесь – тишина как манифест порядка. И я не хотела бы работать в месте, где тишина станет для детей нормой.

– Матвей – парень сложный. Лучшая защита – нападение. Так он думает. И потому говорить с ним нужно иначе. Позвольте, я...

– Не смейте его оправдывать! – хлопает открытой ладонью по столу. Ободок перстня-печатки ударяется о столешницу. Невольно отступаю. – Вы мягкая, Марина Николаевна, и слишком много им позволяете. Вот они и выходят за рамки всякого контроля. Это ваше влияние!

– Мое влияние?

– Безусловно. Это понятно, стоит только взглянуть на вашу прическу. Дурной пример, знаете ли, заразителен.

Иду к кабинету. Злая, как черт. А в голове эхом из прошлого совсем другой разговор.

– Ма-ам? Я пришла! – скидываю кеды. Шаг, поворот на носочках, ещё шаг. Вот и зеркало! Подмигиваю своему отражению и запускаю пальцы в растрепанные пряди мятного цвета.

– Марина! Это ещё что? – мама замирает в дверном проёме.

– Хватит с меня костюмов, блузок и прочего! Свобода!

Кружусь, взмахивая многослойным подолом юбки цвета морской волны.

– Господи, о чем ты только думала? В шестнадцать мы пережили чёрный с ног до головы, пирсинг и ботинки весом в килограмм каждый, но теперь? Ты же учитель!

– Ну и что? Я в отпуске, мам, – радость разбивается о её тон, сползает с меня, как старая краска.

– Но ты не в вакууме живёшь! Встретишь учеников, их родителей, коллег... Какой скандал будет! Работу потерять захотела?

Как мы с ней тогда поругались!

Через год мамы не стало. Рак беспощаден, изгрыз её за несколько месяцев. А я... До сих пор чувствую обиду на мать. Даже теперь, когда её нет.

Железная Владислава Петровна с мамой бы согласилась. Учитель не должен выделяться. Об этом ещё Чехов писал: как бы чего не вышло!

В триста седьмом тишина. Вязкая, неестественная. Мотья успел ребятам рассказать о стычке с завучем. Сидит на последней парте, смотрит инопланетным волчонком.

Вздыхаю. Никакого желания начинать урок с изюминкой нет.

– Открываем тетради, мои хорошие. Записываем число.

Строгая зелёная доска задумчиво наблюдает за завозившимся классом.

Перемена – маленькая жизнь. В коридоре не столько тесно, сколько громко. Стайки детей кочуют от кабинета к кабинету, тараторят так, словно это последний шанс наговориться. Мелькают усыпанные значками рюкзаки да голые лодыжки.

А за высокими окнами – ноябрьская метель. Тоже куда-то спешит, не уgomонится.

Взгляд цепляется за подвижную девочку в толпе семиклассников. Анфиска! Она не то что висок выбрила – треть головы. Интересно, в этом тоже меня обвинят?

Развить эту мысль мне дает ураган по имени Никита: он прорывается сквозь группу семиклашек и едва не налетает на меня.

– Коротков! А ну вернись! – успеваю крикнуть вдогонку. Ник тормозит.

– А я-то чё, Марин-Николавна? – разводит руками, дурачок. Мне смешно, но важно сдерживать улыбку.

– Убиться хочешь? Или меня зашибить? Удобная позиция: нет учителя – нет контрольной.

– А че? Я ж не задел даже: лавирую, как гонщик.

– Давай сбавим скорость, не... – ирония застревает в горле: толстовка, с ярким принтом. Этого достаточно, чтобы обратить меня в Горгону. – Почему не в форме?

– Да я-то че, я сниму... А вы лучше на носки Мотьки гляньте, закачаетесь!

– Носки? И что с ними не так? – над бровью включается боль, словно кто-то упорно давит на неработающую кнопку.

– Не-не, сами смотрите! Я ничё не говорил.

Вот поросята! Стулья подняты не все, на доске дурацкие сердечки. Хватаю тряпку. Черт! Насколько кусочков мела падает на пол... Не растоптать бы. Зло смахиваю белые линии, нагибаюсь.

– Здравствуй, Мариночка, – с перепугу больно ударяюсь локтем о железный желобок. Оставшиеся мелки рассыпаются по полу.

Черт! Черт! Черт!

На приветствие отвечаю невнятным бурчанием.

Инга Геннадьевна, устроившаяся на последней парте с тетрадями, конечно, не виновата. Это мне пора нервы лечить.

– Тебя Владислава Петровна просила зайти, – добавляет она.

– Видимо, чтобы лекцию мне прочитать. О носках.

– О носках? – от тетрадей Инга Геннадьевна взгляда не отрывает. Только подведенные черным брови вопросительно изгибаются.

– О не соответствующих форме носках, – успокоиться не получается. Набрасываюсь на стол. Давно пора разгрести эту гору макулатуры: раздаточный материал, документы, какие-то записочки... – У Матвея новая форма протеста: вчера носки с Гомером (Симпсоном, конечно), сегодня с логотипом виски. Увидит Владислава

Петровна – опять скандал выйдет. Ой, легче выкинуть все эти бумажки, чем разобрать!

Инга Геннадьевна усмехается и перечеркивает что-то в лежащей перед ней тетради. Вот кого вряд ли дергают из-за подобных вопросов: спокойная, всегда в платьях да при мэйкапе, и дети с ней не спорят никогда.

– Самой от себя мерзко! – сажусь. Ладонь прижимаю ко лбу: боль над бровью все не утихает. Потом привычно ерошу ежик над левым ухом: тут я позиций не сдала, прическа та же. – Меня не носки учеников должны волновать, а знания!

– Послушай, – Инга Геннадьевна закрывает последнюю тетрадь и выпрямляется. – Школьная форма – это всего лишь требование. Не мы придумали – не нам менять.

– Да, но я-то почему должна цербером за детьми из-за этой формы бегать? Владислава Петровна как помешалась на этом вопросе... Нашла причину! Дети требования не исполняют, а виновата моя прическа!

– Владислава Петровна, конечно, перегнула палку. Но в целом она права: форма дисциплинирует. Что до индивидуальности... Самовыражаться нужно не во внешности, а в поступках.

Вздыхаю. За окном все еще выюжит. Строгий мономор: черные ветви рябиновой аллеи, безыгодной в этом году, и снег.

Неужели я ошибаюсь? Коллеги опытнее меня, на уроках у них всегда тишина, все делом заняты, а у меня... То и дело приходится кого-то успокаивать да усаживать, и болтают бывает...

Стать строже? Принципиальнее? Чаше звонить родителям, следить за соблюдением правил... Так нужно.

Но почему-то от этой мысли горько.

Тетради проверены, уроки подготовлены, можно и отдохнуть.

Монитор приветливо мигает. Устроившись в кресле, я ставлю ноут на коленки и открываю браузер.

Скользжу вниз по ленте новостей ВКонтакте. Подруга на пляже в Турции, котики, стихи... Кто тут у нас? Бродский призывает не выходить из комнаты. Я с ним солидарна. Хочется тишины, даже музыку не включаю.

А это что? Заголовок кричит: учительницу из Барнаула уволили за фото в купальнике. Кликаю по ссылке.

Что, серьёзно? На фотографии девушка в закрытом купальнике на фоне ещё покрытого льдом озера, с грамотой. Соревнования моржей, значит.

Листаю дальше. А вот ещё похожая история, почти год назад. И тоже соседка – историк из Омска. Фотосессия в стиле пин-ап. Как на старых открытках. Вполне приличная.

Только подобное фото, с точки зрения руководства и родительской общественности, нарушает профессиональную этику педагогов.

Что же, теперь и на пляж ходить в костюме? И шорты летом ни-ни? А я из-за причёски переживала!

Учитель, помни: большой брат смотрит на тебя! Родительская общественность бдит! Вино покупай, предварительно оглядевшись по сторонам. Лучше вообще не покупай. Костюм пусть вырастет, станет второй кожей. О тату и пирсинге даже думать не смей.

Короче, следи за собой, будь осторожен!

Пальцы уже выбивают гневную дробь по клавиатуре. Строчки множатся. Останавливаюсь перевести дух. В голове тут же включается чеховский Беликов: как бы чего не вышло. Смотрит строго, ни дать ни взять Владислава Петровна.

Del. Del. Del.

Остынь. Понапишешь, потом пожалеешь.

– Здравствуйте, хорошие мои, – класс садится. Ни смешков, ни перешептываний. Даже Ник не выдаёт обычного «Здравия желаем, товарищ капитан!»

Оглядываю ребят. Мотья отвернулся. Хмурится, плавит взглядом окно. Ник нервно дёргает ногой. Милена сидит, опустив голову. Прячет лицо за светлыми прядями.

– Что случилось? – кладу мел на стол.

Молчат, партизаны. Часы тикают, отмеряют время, отведённое на знаки препинания в предложениях с несколькими придаточными. Но есть в жизни вещи куда важнее всех придаточных вместе взятых.

– Мотья урок сорвал! – не выдерживает Ник.

– Можно подумать, только Мотья! – оборачивается к нему Софа.

– А я чё? Мотя первый начал!

– Он начал, ты поддержал! Вам-то все равно, а мне химию сдавать!

– Не кипишуй, ты-то сдашь, отличница! – огрызается Ник.

– Матвей? – смотрю на него вопросительно: опять закусился с Владиславой Петровной? В ответ – молчание. Сжимает челюсти. Упрямо откидывает зелёную чёлку.

– Да отвяжитесь от него! – Милена поднимает голову. Под глазами красные пятна, тушь поплыла. – Мотья один ей ответил! Не сдрейфил!

Милена всхлипывает и частит нервно:

– Завуч она, вот пусть и заведует школой! Какое ей дело до нас! Я задачу решила? Решила! Неправильно – так и скажи. Двойк поставь! Объясни! А то, что я с мальчиком гуляю – её колышет вообще?

Класс выдыхает, поворачивается на меня. Ник присвистывает:

– Ну ты дала!

Морщусь, но делать сейчас замечание бесполезно. Милена судорожно хватается ртом за дух, вскакивает и выбегает из класса.

Эля, ее соседка по парте, встревоженно смотрит на меня. Иди, – киваю ей. Пусть успокоит подругу. Позовёт, если что.

– Она задачу не решила, – голос Матвея глухой, напряжённый. – А Влада ей: какая тебе химия, скорей детишек настрой да в декрет. А тот, долговязый, пусть обеспечивает...

– Матвей, задержись.

Он поворачивается всем телом, будто ожидает нападения. Инопланетный зелёный волчок: детеныш, но клыки острые.

Растрепанные полоски жалюзи трепещут, бьются о подоконник. Когда ветер выдыхается и останавливается перевести дух, кабинет оживает птичьими трелями. Пестрота звуков сбивает с настроения. Закрываю. Несколько шагов от стола до окна и обратно дают мне собраться с мыслями.

– То, что ты заступился за Милену, – достойный поступок. Но перед Владиславой Петровной нужно извиниться.

Ник, когда я с ним говорила, смотрел в стол. Кивал. Дергал ногой: ему не терпелось сбежать. Что с него взять? Он просто подхватил шумиху: чем больше ругани, тем меньше остается урока. Но извиниться согласился сразу. Мотья – другое дело. Руки напряжены, пальцы в тугом замке, глаз с меня не сводит.

– Милене вы тоже приказали извиниться? За то, что с мальчиком гуляет?

Окно закрыто. Никакого сквозняка. Но – зябко. Мурашки по рукам и спине. Снимаю со спинки стула пиджак.

– Нет, – застегиваю пуговицы, а кажется, что выстраиваю стену. – Милена подготовится к следующему уроку, закроет двойку. Вот и все. Никаких претензий у нее к Владиславе Петровне нет, если ты об этом.

– Ха! – Матвей усмехается, откидывает мешающуюся челку с глаз. – Конечно, Милена промолчит. Разборки – это значит мать в школу. И всплывут двойки, Игорь вот еще – Милу сразу же дома запрут до самого выпуска. А вы, Марина Николаевна?

– Матвей, сейчас речь не о Милене, – голос металлический. Прячусь за ним. Позорно. Но и вестись на провокацию не хочу. – Речь о тебе. До конца года месяц. Потом экзамены – и прощай, школа. Ты можешь месяц потерпеть и не устраивать из урока побоище?

– От вас не ожидал, – Мотыка встает. – Прогнулись. Будете такой же горгульей, как завучиха. Лет через -дцать. Только программа и правила. Ничего больше.

Больно. Жестоко. Как умеют только подростки. Он вряд ли понимает, а я держу лицо из последних сил.

– Да, не переживайте: извинюсь, – насмешка разъедает броню кислотой. Уходи же! – С меня не убудет. А те, кому надо, спокойно пусть готовятся. Экзамены ж.

– Ненавижу таких, как ваша Влада. Копия нашей англичанки. Я воевала с ней так, что школа тряслась. Пока вообще ходить не бросила. Английский я на «отлично» знала, но ей не доказать было. Испортила мне аттестат, гадина, – Дашка опускает фужер на стол с такой силой, что я пугаюсь: не подломилась бы тонкая ножка.

– Нет, в этом Владу не упрекнешь, – подхваченное у детей прозвище на язык ложится легко, – оценки она ставит по знаниям.

– Зато гнобит и ярлыки раздаёт, – Дашка сурово сжимает алые губы, достаёт из сумочки пачку сигарет.

– Я не чувствую в ней злобы. Думаю, она сама не понимает, что задевает их. Время изменилось, по высокой советской мерке нынешних детей не перекроишь, а она все пытается.

– Ну и на свалку её тогда, – меня передергивает. С одной стороны, важно уйти вовремя. С другой – каково быть человеком выброшенным?

Дашка щёлкает зажигалкой. Я возмущённо показываю ей: вали на балкон.

Тут в разговор включается до сих пор молчавшая Ксю:

– Школа – ад. Я бы даже сейчас порог не переступила. Я была фриком, странненькой. Меня тюкали одноклассники, старшаки. Учителя молчали. Как думаешь, могли они, и правда, не видеть?

Нет. Может, не сразу, но не заметить нельзя. Мне странно. Не могу представить Ксю, яркую, творческую, жертвой буллинга. Мы позже познакомились. Но постоять за себя она может, это я точно знаю. Неужели потому и может, что пришлось научиться?

– Вот и я думаю, что нет, – Ксю качает головой.

– Всё, достало! Я на перекур и никаких потом разговоров о работе! – Дашка выбирается из-за стола и топает на балкон.

Чувствую, как что-то сдвигается во мне.

Марина:

23 апр. в 23:15

В литературе есть произведения о борьбе человека с системой. Условно их можно поделить на два типа: система съедает человека, и человек разрушает систему. Как вариант – вырывается из неё. Но что делать, если ты в этой системе увяз? Разрушить её до основания – утопия, в одиночку тут ничего не решишь. Вырваться? Я-то вырвусь. Но дети останутся. А за ними придут другие дети. И потому от идеи побега несёт трусостью.

Система стремится контролировать все: одежду, поведение, образ мыслей. Но юность невозможно загнать в рамки. Она захлестывает щебетом птиц, прорастает из любых рамок, как одуванчики сквозь трещины в асфальте. Так почему мы без конца пытаемся утрамбовать новое поколение в придуманные взрослыми границы?

Желаем уберечь от ошибок? Но ошибки нужны, они нас формируют как личность.

Мои ошибки – вот они. В этой комнате. Сдранная побелка на потолке – отметины от скотча. Вырви глаз оранжевого. Им я намертво прилепила лет десять назад плакат группы Би-2 над кроватью. Прямо на свежeweбеленный потолок. Потом сдирала, размазывая по щекам слезы, под строгим маминым взглядом.

И во мне тоже есть эти отметины. Самая большая – обида на маму, которая не принимала моих увлечений. Стычки были из-за всего:

чёрная одежда и шипы, цветные пряди в волосах, ночные гуляния с такими же пиковыми парнями. Сейчас я понимаю: это обычный конфликт поколений, беспокойство, как бы дочь дров не наломала. Плохая компания, наркотики и ранний секс, детский суицид – об этом твердил телевизор, и болела мамина душа. Она же не верила, что баловались мы только пивом да мрачными стихами о смерти.

Понимаю. Но обида все ещё сидит внутри.

Так должен же быть некто, кто останется в системе человеком. Не сломается, не отгородится стеной сухих правил от юного поколения. Такие в каждой школе есть. Я знаю.

Хотела бы занять это место. Но порой... Порой камению под слоем правил и потому не уверена, что не превращусь в извояние во славу системы.

Весна разгулялась не на шутку. В нагретом кабинете жарко, несмотря на открытые окна. Рябиновая аллея красуется зелёными листочками. Свежими, как чуб Мотыки. Мои бэшки возятся, поглядывают во двор: там цветут яблони, и веет прохладный ветер. В такую погоду уроки в тягость.

Но почему бы не попробовать? Откладываю учебник.

– Вам должна откликнуться Цветаева. Юная, гордая и свободная, как вы, – собираю их внимание на себя, как линза собирает лучи. Открываюсь, могу себе это позволить, потому что строки, написанные ею век назад, откликаются во мне. Дети это считают сразу. Позволяю словам нести меня:

*Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!*

Милена забывает про телефон, который надо бы спрятать от меня под парту. Забывает про сообщение, которое набирала тайком, наверное, своему парню. Ник перестаёт дергать ногой. Класс слушает и выдыхает вместе со мной:

*Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной – воскресаю!
Да здравствует пена – веселая пена –
Высокая пена морская!*

— Красиво, — шепчет Соня. — Почитайте ещё.

И я читаю. Останавливаюсь только тогда, когда эмоции переполняют окончательно. Мне хорошо. Я дотянулась до них. Строчками, написанными в иное время. Но все еще живыми. И разве не для этого я здесь?

Звонок ставит точку в разговоре. Класс тянется к выходу, медленнее и задумчивее, чем обычно. Матвей оборачивается на пороге:

— Свобода — вот что в её стихах. Потому и завораживает. Спасибо.

Весна встречает меня яблонным духом, ветром и солнцем. С крыльца слетаю: на ногах у меня снова крылатые сандалии Гермеса.

Потому что честность — это тоже свобода. С детьми нужно быть честной. Так они увидят в вас человека и откроются в ответ. В такие моменты я чувствую: вот мое место. Я рада быть собой и быть здесь.

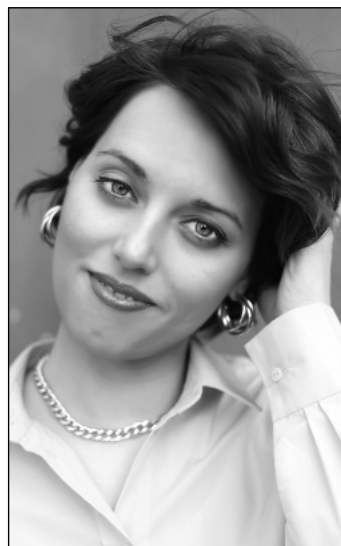
Главное, не забыть. Не превратиться в извояние, как в детской игре: морская фигура на месте замри.

Мне хочется вписать эту мысль в себя. Вписать буквально. Загадываю: сдадут мои бэшки экзамены успешно – сделаю тату. Волну на предплечье. И к черту стереотипы!

Оксана
РОКОВА

СЛУШАЯ СЕРДЦЕБИЕНИЕ ДОМА

* * *

Возможно, этот день последний
Из прошлой жизни, из вчера.
И этот день, приятно летний,
Мне говорит: «Ну, что ж, пора!»

Я тороплюсь, шагаю быстро,
Но иногда замедлю ход:
Меня мгновений жалят искры –
Они порой важней, чем год.

* * *

Я сегодня поливаю небо:
Поднимаю шланг садовый выше,
Чтобы огород засохшим не был,
Чтобы не пылились больше крыши.

Небу тоже хочется щекотки,
И оно дождя дождаться хочет.
Пусть плывут по морю неба лодки
Бледные, а дождь их мой намочит.

Рассыпаясь радугой красивой
Над скамейкой, грядкой с огурцами,
Мне как будто говорит спасибо
Небо – и пушится облаками!

* * *

Мимо пыльных домов, загрузивших
статуй,
Облаков, проплывающих белой ватой,
Я иду по проспекту среди футляров –
Человекоавосек, человекомарок.

Мне бы выйти в поле цветов и ягод,
Обнаружить себя не под чьим-то
взглядом...
Покормить тёплых птиц со своей
ладошки.

Почирикать самой немножко:

«Чик-чирик, чик-чирик, чик-чирик...»
Или это крик?

Замыкаюсь в себе, но гляжу сквозь щель:
Что случилось сейчас вообще?

Я стою по пояс в степной траве.
Мотылёк летит – видно, ищет свет.
Пролетает жук и жужжит в ночи.
Мир настроен жить. И меня лечить.

Будто слышу зов из природных недр:
Прорастает корнем древнейший кедр.

Опадает хрупким осенний лист...
Вот и заморозков дождались.

Перемотка месяцев непогод.
Перемотка кажущихся невзгод.

Я стою в траве. На крыльце утра.
Дили-дон! На работу уже пора.
Здравствуй, Ра!

* * *

Раздеваю комнату как луковицу:
Сверху шелуха бетонных стен.
Окон позолоченные пуговицы
Видели немало разных сцен.

Под бетоном старые проталины
Блёклых роз – обоев лоскуты.
Их сажали, может быть, при Сталине...
Оборвали прошлого цветы.

Дальше слой – обои аккуратные.
Гвоздь в стене, картина на гвозде.
Абажур и тумба прикроватная,
Здесь покой и тишина везде.

В мой эфир рябью кинохроникой,
Создавая образ прошлых лет,
Голоса и песни проникают...
Это правда? Точно или нет?

В колыбели слабое шуршание...
Прежних дней герои не страшат.
Наконец, проснулось счастье раннее –
Слышен нежный лепет малыша.

* * *

Природа замерла, и жаром пышет.
Вдруг – треск! И град, внезапный как
бомбёжка,
Июнь дырявит, проминая крыши.
Лишь смотрит из окна спокойно кошка.

Гром-бедолага кашляет надсадно.
Он приболел, ему бы чай с малиной, –
Но сердится и градом бьёт нещадно
Цветы у дома, лужи и машины.

Буян из холодильников небесных
Ледышки-крошки рассыпает всюду...

Ему бы тёплый приложить компресс – но
Сипит громыка: «Отойди, не буду!».

Меняют тучи цвет. И убаюкан
Уставший гром летящими ветрами.
Град на траве, земле. Но нет ни звука...
Горюют клумбы павшими цветами,

И облаков откинув одеяло,
Вернулось солнце в небо городское.
Как от улыбки мамы легче стало –
Всех гладит солнце ласковой рукою!

* * *

Сосны тёплые и пахучие,
Ветки тихо растут в ночи.
Звёзды в купол тайги прикручены.
Мы под небом лежим, молчим.

Водный гул обнимает шёпотом,
Разливаясь в груди теплом.
Просочились сквозь пальцы хлопоты –
Только гул, только мы. Потом

Позаботимся мы о прочем,
Запряжёмся в телегу дней,
Проверяя себя на прочность!
Ночь – Катунь, нас несёт по ней...

* * *

Город, слушай, давай о важном:
Вспомним тех, кто тебя открыл.
Здесь, в Сибири – далекой, страшной
Камень чёрный – озолотил!

Разыскал и поджёг лучиной
Сердце жаркое – на века!
Пусть и впредь оно не остынет,
Продолжает строку строка.

Уголь чёрный – и город юный.
Наш Берёзовский – это ты.
Милый, яркий, немного шумный.
Город угольной широты!

Антонида
СМОЛИНА

ДВА РАССКАЗА

ХЛЕБНЫЙ ЖАР МОЕЙ РОДИНЫ

Во времена, когда я еще ходила пешком под стол, в доме нашем нередко собиралось много гостей. Среди них всегда особо привечались жители Загарья, родной бабушкиной деревни в восьми километрах от нашей. Собираясь по вечерам вокруг пузатого самовара, вспоминали они былое, вновь и вновь перебирая «всяко ранешное». В их излюбленных былях передо мной, будто наяву, оживали картины, на которых взлетали колодезные журавли над плетеными изгородями, щеголяли узорными ставнями высокие дома-пятистенки, звенели юными голосами широкие улицы. Мне доводилось бывать в их деревне, но не было там ни высоких домов, ни глубоких колодцев – лишь пара осевших по самые окна изб да трава по пояс...

Сегодня, вглядываясь в родные просторы, я понимаю, что и мои внуки наверняка с недоверием будут слушать мои рассказы. Числится пока населенным пунктом наше Горбачево. Стоят как-то старые избы, живут еще в некоторых прежние соседи, но нет уже той деревни, в которой я выросла и бегала по проселку в ситцевом платьице.

Все чаще и чаще я пытаюсь воскресить в памяти счастливые мгновения детства.

Вот вижу себя совсем маленькой девочкой. На дворе весна, солнце щурится сквозь дымку майских облаков, а я бегу вприпрыжку по широкому деревянному мосткам на пекарню за свежим хлебом. Щемит в груди от радостного ожидания: распахнется низенькая дверь, обдаст меня внезапно хлебным жаром.

Кажется, сам ветер несет меня, как в замедленной съемке: полощется на ветру пестрая юбка, сшитая бабушкой, а красная кофта с такими рукавами, что шаг еще – и я взлечу, взмахнув красными крыльями... Но... Затянуло бурьяном то укромное место на берегу ручья Щапово, где когда-то дымила высокой трубой пекарня. Растаял за кронами осин дразнящий запах свежего хлеба...

Воспоминания нахлынули, и я хватаю ручку, бумагу в надежде поймать мимолетную картинку, запечатлеть в словах некогда испытанное счастье. А слова не идут.

Эх, хороша была моя деревня, людная, дружная, веселая! «Была», – затеняет всю строчку роковой глагол. И теряются за ним перебор раздольного сенокоса, шелканье кнута и надсадный скрип телег под ношей сена с дальнего покоса.

Мне хотелось бы написать о том, как вырастает новый дом на пригорке у колодца. День за

СМОЛИНА Антонида Валентиновна родилась в д. Горбачево Вологодской области, недалеко от Великого Устюга. По образованию – учитель русского языка и литературы. Работает редактором газеты «Устюжаночка». Публиковалась в альманахах и сборниках Вологодской области, журналах Союза писателей России. Автор книги «Хлебный жар моей Родины». Член Совета молодых литераторов СПР, организатор литературного конкурса «Морозные сказки». Живет в г. Великий Устюг Вологодской области.

днем под перестук топоров из запаха смолы и кучерявых стружек все выше и выше тянутся рубленые простенки, пока не поднимется он, стройный красавец, во весь рост, подставляя солнцу острые грани новенькой крыши.

Да, и ах! Рядом с тем колодцем затянуло жгучей крапивой свежее пожарище. Пьяный сосед на ночной пирушке подпалил избу и сам сгинул вместе с ней. В общем-то, и не его была та изба. Когда хозяин ее помер, с десятков лет тужила она, оставленная на произвол судьбы... Вот и приткнулся к ней случайный человек.

Уж покосилась банька, опаленная пожаром. Обомшела полегшая изгородь. Лишь опаленная огнем калитка не хочет сдаваться. Зацепилась за столб проржавевшей петлей и все скрипит на ветру, будто всхлипывая. Тлен и забвение... Воспоминания то уносят меня в прошлое, то, как в кино, смешиваются с реальностью...

Не представляю наш дом без хлопотуньи бабушки. Старушка моя, я все помню: твой добротный двор с хороводом рябин вдоль ограды, и беспокойных овец, от зноя забившихся в угол, и толстого петуха, охрипшего малость от собственной важности...

Гляжу, а колодец-то мой никак помолодел с последней нашей встречи? Скинув ветхий деревянный сруб, оделся в прочные бетонные кольца и будто подбоченился. А нахлобучив шиферную крышу, совсем заважничал. Топчет рядом с ним прежний приятель – журавель, тянет просительно длинную шею, да не под стать колодезному «франту» водиться с долговязым. Зачерпну студеной водицы, хлебну, как прежде, из немеющих ладошек и побреду дальше – мне ли судить заспоривших друзей!

Ноги несут меня той же дорогой, но глаза не признают прежние места. Уже совсем неразличимы тесовые мостки вдоль забора, выстланные когда-то заботливой рукой до самой околицы. Одичалый малинник тянется из запустелых огородов. И кажется, что каждая изба внимательно следит за мной из-под старых черемух, чуть грустнее оттого, что я прохожу мимо ее калитку. Чудится ли мне, но в их потемневших окнах я словно читаю немые укоры.

Так же глядела на мир однорогая корова Малька, когда хозяйка отправляла последнюю кормилицу на убой. Баба Валя, в распахнутой синей фуфайке и валенках на босу ногу, суетилась вокруг нее, то подкладывая ей сена, то пот-

чуя теплой пшеничной горбушкой, то просто охаживая широкой натруженной ладонью ее крутые бока.

Малька стояла посреди двора на вытоптанном, подмерзшем мурoge и покорно жевала предложенный ломоть, а в глазах ее затаилось нечто бездонное. Старая хозяйка снова и снова придумывала себе «работу», оттягивая час расставания, не в силах выдержать коровий взгляд...

Когда-нибудь, наверное, я расскажу своим внукам о волшебном месте, в котором выросла. Сидя на покато́м склоне среди травы, среди россыпи ромашек и земляники, не уверена, найду ли нужные слова...

Я проведу их вдоль говорливой речки Шарденьги, по узким тропинкам, пахнущим клевером и дикой мятой. Расскажу моим родимым, как ветер гонит золотую волну на ячменном поле. Покажу, как сосны на высоком Тайкином угоре щекочут вершинами облака. Пускай сегодня уже не представить, как беспечно цвели на забытых угорах деревни, не зарастут дороги, ведущие к ним. Ибо лежат они не на старых архивных картах, а в сердце каждого из нас.

ТАНЬКИНЫ СЛЁЗЫ

Танька была нагулянной. Об этом ей регулярно сообщала бабушка. Так и говорила: «Чего от тебя ждать-то, от нагулянной?».

После чего непременно уходила в размышления о Танькиных родителях: «Нет бы на кого стОящего запала (это про Катерину, мать Танькину), а то сама пустоголовая, он (отец то бишь) – ни кожи, ни рожи, вот и выродили детушку». Танька к бабушкиным речам привыкла, хотя иногда ей хотелось узнать что-нибудь еще про своих родителей.

Анна Егоровна (так звали Танькину бабушку) всю жизнь проработала телятницей в совхозе, за что имела удостоверение «Ветеран труда», поздравительную открытку ко Дню работника сельского хозяйства и мучительный артрит, скрючивший почти все суставы ее некогда могучего организма. Однако характер у этой старушки был тот еще: с надуманного ее не своротить, а вот за обиду можно было понаслушаться.

Катерина была ее единственной дочерью. Отца она никогда не знала, ибо молодой муж Анны Егоровны убит был упавшей сосной на делянке через три месяца после свадьбы. Мать, понятное дело, работала от зари до зари – все-таки одна девку воспитывала. Выросла Катери-

на как-то незаметно, после школы уехала в Северодвинск учиться на закройщицу, а уже к лету вернулась тяжелая. Поругалась Анна Егоровна, погромела крынками, да делать нечего.

Мать из Катерины получилась хорошая, только не суждено ей было воспитать Таньку до полного возраста, оставила сиротой, едва той исполнилось четыре годика. Скрутило Катерину быстро: Рождество встретила на больничной койке, а в Крещенский сочельник ей уже готовили другую постель – топорами да ломami ворошили промерзшую глину.

Так и остались Анна Егоровна с Танькой вдвоем. Матери Танька почти не помнила. Только смотрела порой на ее фотографии и думала, что лицо у этой женщины такое знакомое-знакомое. Хотя не оттого ли, что фотографии были изучены ею вплоть до самой маленькой черточки?

Танька росла тихой девочкой, со своими какими-то укромными делами и заботами, которые, правда, не всегда одобрялись ее бабушкой. Анна Егоровна считала, что растить Таньку надо в строгости, и за провинности наказывала. Ремня в руки не брала, зато на язык остра была, до слез Таньку в два счета доводила.

Особенно Егоровне удавались всякие обзывательства. Так, за любовь к кошкам она стала Таньку кошкодеркой дразнить. И вроде страшно ничего в этом не было, а все-таки при бабушке Танька на кошек уже не смотрела.

Исключением была только Муська – шустрая черно-белая кошечка, которую Егоровна держала, чтобы мышам спуску не давать. С Танькой они были не разлей вода: Муська, как хвост, всюду следовала за юной хозяйкой.

По весне кошка заметно округлилась. «Опять не меньше шести выродит!» – возмущалась, глядя на нее, Егоровна и пыталась высчитать срок, когда ждать пополнения. С котятami старушка расправлялась быстро: выносила новорожденных под тополь, увешанный вороньими гнездами, и оставляла на волю крылатых хищников.

Однако в этот раз все пошло не по плану. В июне живот у Муськи пропал. И сама она почти перестала бывать дома. Ясное дело, родила где-то. Вот только потомство кошка умело прятала. Сколько ни пыталась Егоровна ее выследить, все впустую: поводит ее Муська кругами возле дома да и сбежит незаметно.

Как-то раз, когда бабушка ушла к соседке посидеть, Танька увидела Муську на тропинке у бани. С кошкой явно было не все в порядке. По до-

рожке она не бежала, как обычно, держа хвост трубой, а медленно ползла, перебирая передними лапами. Танька рванула к своей любимице. Муська, Мусечка ее, буквально была разодрана. Видно, встретила ее на узкой дорожке чья-то собака. Как она вообще смогла от нее вырваться!

Танька боялась прикоснуться к истерзанному кошачьему тельцу.

– Милая моя! Хорошая моя! Ты поправишься! Ты обязательно поправишься! – причитала она, и на окровавленную шерсть крошились Танькины слезы.

– Муся, Мусечка! Кис-кис-кис! – Танька попыталась позвать кошку к бочке с водой, чтобы там, в тенечке, смочить ее раны. Муська же из последних сил карабкалась в сторону бани.

– Котятa! – вдруг озарило Таньку. – Там ее котятa!

– Покажи мне, где они, Мусечка! Я помогу тебе. Я обещаю тебе, я никогда вас не брошу. Только не умирай, прошу тебя, не надо умирать...

Кошка не смогла исполнить Танькину просьбу. Все ее тело вдруг выгнуло в дугу, дрожь пробежала по нему от ушей до кончика хвоста, и Муська замерла без движения.

С трудом Танька обнаружила небольшой лаз под свод бани. Исцарапавшись о поленницу, ломая ногти и обжигая колени крапивой, она все же пробралась в Муськино укрытие. Там, в тугом свите гнезде из старого сена и опилок, смешно уложившись горочкой, спали пятеро малышей. Танька ткнулась носом в эту пушистую горку, вдохнула запах молока и нагретого сена и горько, взхлеб заревела. Разбуженные котятa в недоумении цеплялись коготками за ее волосы, лезли мокрыми мордашками ей в лицо и все пытались ощупью обнаружить в ней мамку.

Котятa были совсем маленькие. Танька стянула из бабушкиной аптечки пипетку и кормила их сметаной – так они быстрее наедались и дольше спали. Притащила им старое детское одеялко и плюшевого медведя. Котятa присасывались к нему и громко чмокали. Девочка лежала рядом и шепотом рассказывала им про Муську: ей ли не знать, насколько важно помнить свою маму.

А через пару недель тайна была с блеском раскрыта Егоровной. Котятa извлекли на свет Божий, над Танькой же нависла небывалая гроза.

– Ах ты кошкодерка! Выкормила на свою голову! Куда мне столько кошек? Скажут, совсем

Егоровна с ума спятила. А я ни сном, ни духом. Говори, где научилась от бабушки таиться?

Долго Егоровна отчитывала плачущую Таньку. А после как отрезала:

- Чтобы сегодня же их тут не было!
- Бабушка, куда же я их дену?
- Знала, как прятать, знай, и куда девать!

В отчаянье Танька понесла котят под тот самый тополь. Из-за слез она не видела дороги, шла, будто пьяная, крепко прижимая к груди коробку с котятками. Положила свою ношу под деревом, а сама в беспамятстве повалилась в траву.

Долго ли там лежала Танька, она не поняла, но разбудили ее знакомые коготки и мокрые мордашки, которые привычно путались в ее волосах. Окрепшие на сметане, котятки смогли сами выбраться из коробки.

Танька сгрэбла своих подопечных в охапку и побежала к бабушке. Почему-то ей вдруг показалось, что бабушка сможет понять и простить ее. Танька неслась домой, не чувствуя дороги под ногами.

Однако гроза еще не миновала. Егоровна завелась не на шутку.

– Мне кошек не надо – и точка. Сейчас же убирай! Чтобы духу твоего не было, пока не уберишь!

– Бабушка, их вороны не едят, они уже больши́е, – попыталась оправдаться Танька.

– Мне какое дело! Сама вырастила. Бери лопату, иди закапывай.

– Они же живые! – захлебнулась в рыданиях Танька.

– Велико дело – живые. Это кошки. Они, как тараканы, плодятся. Куда их девать-то? Убирай, кому говорю!

И Танька закопала котят. У дороги она вырыла небольшую ямку, постелила в нее травы. По очереди брала котят и складывала горкой – так, как увидела их впервые. Они расползались, натываясь друг на дружку, переворачивались на спину и сучили лапками, пытаясь выбраться из ямы. Танька уговаривала их, целовала и складывала обратно. Потом зацепила лопатой земли и сыпнула на них сверху. Влажный песок не смог пробиться в густой подшерсток котят и скатывался с них, словно вода со смазанной сковороды. Малыши наперебой замяукали и стали еще

активней карабкаться из ямы. Танька снова сыпнула земли. Потом еще и еще. А после прижала ладошками бугорок, из-под которого все еще неслись сдавленные звуки.

Домой она вернулась затемно...

БАБУШКА

Бабушку с утра ругали за глупость. А как иначе назвать её фантазии о парходиках на заснеженном балконе? Бабушке шёл 87-й год, она плохо слышала и почти ничего не видела.

Когда-то давно она была дочкой капитана. Папа-капитан водил парход по широким северным рекам. У него была персональная каюта, белый китель и сильные руки, поднимавшие её высоко-высоко, до самых чаек. По ночам ей часто снились их крики. И тогда с утра она просыпалась в тревоге.

– Парходик-то ещё не ушёл? Я успею, Нина? – тормошила она спящую дочь и судорожно натягивала на плечи кофту. – Парходик-то, вот ведь он, у балкона стоит, ишь, волна-то сегодня какая высокая...

– Дура ты, старая дура! – недовольно отсылалась дочь. – Квартира на третьем этаже, до реки через весь город ползти – какой ещё парходик? Брось свои глупости, дай поспать!

Бабушка наощупь добиралась до окна и долго стояла там, прислушиваясь к несуществующим чайным крикам.

Вечером привели правнука.

– Баушка, баушка, – затараторил он с порога. – Я летающую корову хочу! Настоящую! У неё крылья белые, а сама она чёрненькая, с пятнышками. Я на неё сяду и буду летать вот так высоко, – и мальчуган задрал голову, показывая, как высоко может взмыть летающая корова.

Потом он ещё долго рассказывал, какие удивительные существа эти летающие коровы, как он ждёт – не дожждётся, когда наконец у него будет своя чудесная бурёнка. И взрослые смеялись, спрашивали, что ест его корова, где спит и поместится ли она на балкон.

Бабушка тоже слушала, смеялась и была, пожалуй, в тот вечер даже счастливее своего трёхлетнего правнука, потому что он по секрету рассказал ей: коровы летают очень быстро, его бурёнка с легкостью нагонит ушедший парходик. Теперь бабушка ждала предстоящий полёт.

ОЛЬГА ХАПИЛОВА,

п. Темиртау

ХЛЕБОЗОРЫ

Ночь. Цикады звенят в травяной кузне.
Облепили столбы фонарей совки.
Чёрной глыбой вдали, горизонт сузив,
Выпирают на юг из земли сопки.

В тёмных пихтах тревожно кричат
жёлны.
Разорвав в небесах полотно в клочья,
Загорится просвет молодым жёлтым,
Будто солнце оттуда встаёт ночью.

Остаётся мудрёным словам верить:
Хлебозоры парят облаков выше,
Будто кто-то на миг распахнул двери –
И алтайскую рожь наяву вижу.

До неё, до родимой – в пыли вёрсты;
Ястреб-птица и тот долетит редко.
И, каким ни казалось сухим, чёрствым,
Откликается сердце на зов предков.

Словно в Китеже, вечном святом граде,
Продолжается жизнь там своим ходом;
И хотя их покинул ещё прадед,
Снится, будто и я с этих мест родом.

ТАШТАГОЛ

Стирает всплеск безудержной волны
Из памяти слова «руда», «горняк»
В моём краю, где воздух заморожен,
Где сопки стонут, бременем полны –
И, может быть, последний товарняк
Уже при нас отправится порожним.

Как новый век в моих глазах нелеп!
Как мало надо, только и всего –
(Не покорять Юпитер, Марс, Плутоний) –

Ковать железо, сеять в поле хлеб,
И чтоб всегда в величии его
Лежал подземный камень на ладони.

ВЛАДИМИР КОНЬКОВ,

г. Кемерово

ИЮЛЬСКИЙ ЭТЮД

Славлю я в восторженном глаголе
Необъятный хлебный мой Кузбасс...
Любо мне, когда родное поле
Шелестит пшеницей в ранний час.

Пахнут сладким донником ладони,
Слышен птиц далёкий перелив.
Облака – серебряные кони
Скачут, синь по небу расстелив.

Величавой скрытностью незримой
Запасают злаки летний зной...
Как приятно мне идти с любимой
В этот час дорогой полевой.

Чуть колосья головы нагнули,
И под песню, что поют сердца,
Я хочу, чтоб в этот день июля
У дороги не было конца!

УЛИЦА ВЕСЕННЯЯ

Мне дарит любимая улица
Лужайки, что сердцу близки.
Где в полдень улыбчиво щурятся
От солнца мои земляки.

На ней Алексея Леонова
Двухзвёздный возвысился бюст,
И в грозы от молний озоново
Любой отзывается куст.

Наполнена свежими силами,
Над Томью играет гармонь,
И небо высотами синими
Взирает на Вечный огонь.

В часы, когда полдень уляжется,
Я с улицей снова моей.
И я, как частенько мне кажется,
Навечно прописан на ней.

ЕКАТЕРИНА КРАСНОВА,

г. Кемерово

* * *

Сегодня в Кемерове дождь,
Цветы грустят у постамента,
Темнеет бронза монумента,
На площади Советов - вождь.

Здесь тихо музыка звучит
Про зори, что плывут над Томью.
Часы-куранты – композит
Прошедших лет с грядущей новью.

Почтамта линия судьбы,
Года и дни календарями,
Пересекаются с вождями
Чредой салютов и мольбы.

В кругу мигающих авто,
Среди спешащих пешеходов
Творец единства всех народов –
Без кепки, в вымокнутом пальто.

Путь указал куда идти -
Вела невиданная сила.
Та событийность отступила
И замерла на полпути.

Сегодня в Кемерове дождь,
И плещет май зелёным светом.
Как прежде – с пламенным приветом
На площади Советов – вождь.

* * *

Так много «лун» в вечернем парке,
Небес достойна лишь одна,
И пусть отсвет её не яркий,
И пусть бледна и холодна.

А фонарям не дотянуться
Накалом лампы до высот,
Им видится, что безрассудство –
С ночного неба звёзд полёт.

Луной любят поэты,
Прозаики боготворят,
И в ряд становятся планеты,
Когда выходят на парад.

Искрится краткосрочный иней
Фонарный отражая свет,
Как репродукция картины –
Есть только блеск, а жизни нет.

ЛАРИСА ДЕМЕНКОВА,

г. Юрга

ПОКОРМИТЕ ПТИЦ ЗИМОЙ

Вот ещё один год...
Вот ещё одну жизни страницу
Дочитали с тобой,
Наша книга затёрта до дыр...
Я зерна насыпаю
Своим подопечным синицам.
Очень холодно утром,
Такая уж наша Сибирь!
Скоро солнце взойдёт,
И слетятся позавтракать птахи.
Помогу пережить холода,
Пусть кормушка висит на окне.
Я насыплю побольше
В извечном российском размахе...
Я надеюсь, что кто-то
Поможет согреться и мне.

ЕВГЕНИЙ ЩЕДРИН,

г. Мариинск

КАК ТРЕЛЕЙ СОЛОВЬИНЫХ

Далеко до вьюги и мороза,
Досыта в полях тепла и света.
И идёт стёрней колючей босо,
Улыбаясь звёздам, бабье лето.

Нивы сжаты, собраны припасы,
Ветерок поёт мотив забытый,
И, как будто в церкви старой гласы,
Одинокой птицы крик унылый.

То ли лето радуется солнцу,
Что подножье-землю освещает,
То ль грустит оно, взглянув в оконце,
Что Господь над миром растворяет!

Побежит бегом, и не заметишь,
Улетит на крыльях стрекозиных.
И едва в окне его заметишь –
Не вернешь, как трелей соловьиных!

ВКУС ЗЕМЛЯНИКИ СПЕЛОЙ

Закрыв глаза, я снова вижу день,
Когда ты вновь на цыпочках тихонько,
Как мотылёк, порхаешь, а сирень
Качает веткой в такт тебе легонько.

А впереди – чудесные дожди,
Вкус земляники спелой на ладони.
И в первый раз: «Нет, ты меня не жди»,
И мой вопрос в молчании потонет.

А ветер нежно дул тебе в лицо,
Он запах мёда вплёл в твои косички,
Ромашки кинул прямо на крыльцо,
И трепетали белые реснички.

Позолотило солнце облака,
Как я ушел, не требуя ответа.
Пусть будет день твой светел, а пока
Судьбе скажу спасибо я за лето.

ЛИДИЯ МУЗЫКА,

г. Мариинск

МАЖОРЫ – МИНОРЫ

На состоятельных детей
Смотрю: мажоры.
А на своих двух сыновей:
Мои – миноры.

У них, мажоров: джинс – не джинс,
Апаш-рубашки,
А у миноров, присмотрись:
Одни тельняшки.

Мажоры вышли – променад,
Набули шузы,
Мой сапогам сегодня рад,
Кроссам кургузым.

Мажор в Европу, в отпуске,
Гулять столицей,
Минор, мой прямо, вот на-днях, –
Ко мне, в провинцию.

Мажорные отец и мать
В властях – взлетели.
Минора мать – в учителях.
А что хотели?

Мажор – минор, а жизнь одна,
С одной печёнкой,

Достигшие у жизни дна
Уйдут тихонько.

И ничего не заберут –
Ни благ, ни денег.
Антагонистом был кто тут,
Там – не соперник.

НАБОЛЕЛО!

Синдром вины в характере у русских,
И это понимают заграницы,
Поэтому свалили все нагрузки
На нас за недра, ширь земли, столицы.

За право жить так, как хотим мы сами,
Молиться нашим храмам да иконам,
Желание, чтоб мир считался с нами,
Коль мы живём по Божеским законам.

Но снова оправдания за нападки,
Мол, мы хотим, чтоб хорошо всем стало,
В стране и на границах всё в порядке,
И НАТО б базами не обставляло.

Я тоже русская с вины синдромом
За то, что происходит на планете,
За дышлом управляемые законы,
За то, что внуки делают и дети.

Ну, встанем, наконец, расправим плечи
И для битья согнувшиеся спины,
Ведь позади века, и мир наш вечен
На нивах наших и под небом синим!

ПАВЕЛ СТАРОДУБОВ,

п. Ижморка

* * *

Когда обыденная серость
Укроет землю, точно плед,
Внутри себя откройте веру,
В своей душе включите свет.
Как солнце после ночи тёмной,
Она раскрасит мир сполна.
И станет вновь трава зелёной,
Взыграют краскою тона.
Включите свет души незримой –
Бесценный свет внутри себя.
Когда совсем невыносимо,
Душевный свет спасёт тебя.

* * *

*Бесконечные жизни лестницы:
То карьерная, то бульварная,
То кровавой казни предвестница,
То изысканная и шикарная.
Ненадёжная лестница, хлипкая,
Вниз ведущая, вверх летящая,*

*Или словно песок – зыбкая,
Или лёгкая, в небе парящая.
Эскалаторная, подъездная,
То эффектная, то гнетущая,
То широкая, а то – тесная...
Но хочу лишь к тебе ведущую.*

Ирина ПРИЩЕПОВА

ИСТОК АНГАРЫ – ВОРОТА БАЙКАЛА

Вся моя жизнь прошла на Байкале у истока Ангарты. Места наши суровы, но о других я никогда не мечтала, да и вряд ли смогла бы жить в чужой стороне и привыкнуть к новым, пусть даже райским уголкам.

Море и река моей жизни... Сказать, что они сказочно красивы – это сказать слишком мало. Не хватит слов, чтобы выразить ими байкало-ангарскую неповторимую красу и мощь. Можно часами сидеть на берегу или на крутой горе и не отрываясь смотреть, как, набирая скорость, Ангара уходит от Байкала, отправляясь в головокружительный по дальности путь.

Раньше была возможность подняться по гулкой винтовой лестнице на маяк, стоящий на крутой горе, и с большой высоты смотреть на море, на горы, на небо. Маяк этот больше ста лет назад был привезён сюда из Англии, откуда доставили и знаменитый паром-ледокол «Байкал». Маяк долгое время посылал свой свет ледоколу и другим судам, указывал им в черноте ночей и в туманах путь к родной гавани. Теперь же этот маяк, наше байкальское чудо, закрыт на замок, а на самом его верху установлена антенна.

Весной, когда оттаивает земля, в горах над истоком царствует переменчивое разноцветье: розовый багульник, синие медуницы, жёлтые подснежники, ярко-оранжевый огонь жарков. Не перестают цвести горы и летом. Небесными островками в зелени травы голубеют незабудки, покачиваются от ангарского ветра синеголовые колокольчики, смотрят на мир жёлтыми глазами яркие марьяны коренья, сияют белизной маки и ромашки, розовеет пахучий чабрец, желтеют солнцем заросли донника... Сентябрь дарует глазу праздник души. Осеннее многоцветное пламя охватывает леса и поляны и вызывает в душе восторг и желание смотреть и смотреть на нарядные деревья и травы...

Но вот наряды сорваны ветром, лес становится голым и ждёт снега. Обычно ждать его приходится недолго, и забелённые горы погружаются в сон, а наше озеро-море ещё долго борется за свободу и

свою бурную жизнь, но и оно в январе покрывается льдами, сверкающими под солнцем устремлёнными в небо торосами.

Исток зимой не замерзает. И, если нет испарений, которые здесь часты, с горы хорошо видно границу воды и льда. Кажется, что люди переходят исток по самому краю белеющей кромки и вот-вот окажутся в тёмной воде. Но на самом деле расстояние от пешеходов до воды не такое малое, как кажется издали.

Для многих путешественников путь к Байкалу начинается из Иркутска и протекает вдоль Ангарты. Сколько раз в автобусах и на теплоходах наблюдала я за тем, как люди, предвкушая момент первой встречи с сибирским морем, всматриваются в узкую полоску байкальской воды и в далёкие пики Хамар-Дабана, с волнением смотрят в окна: сейчас он откроется. Каким он будет? Как встретит? Совпадёт ли с представлениями о нём? И с нетерпением ждут, когда две горы у истока, закрывающие, как крепкие ворота, вид на море, наконец останутся позади и откроется Байкал. И вот он открывается. Если нет тумана – то во всю ширь. А вот во всю даль открыться не может, так как даль огромная – 636 километров! С нашего истока можно увидеть относительно небольшой водный участок, простирающийся между мысами Берёзовый и Бакланий.

Признаюсь, даже завидовала туристам, впервые попавшим в наши края, когда они вставали, прилипали к окнам и издавали возгласы восторга, увидев Святое море, окружённое Святыми горами...

Нашими удивительно красивыми местами издавна восхищались, их изучали, их рисовали, о них писали. Сколько интересных людей прошли, проехали, проплыли через исток Ангарты, направляясь к восточной части Байкала, или, наоборот, с восточной стороны переплывали к нам, а дальше направлялись в Иркутск! Жаль, что в очерке можно рассказать лишь о немногих...

Первым дал описание наших краёв замечательный художник слова протопоп Аввакум. Он побывал у нас дважды, проезжая-проходя в 1657 году в даурскую ссылку вместе с экспедицией в 420 казаков, возглавляемых воеводой Афанасием Пашковым, и на обратном пути, возвращаясь из ссылки в 1662 году. Путь Аввакума Петрова был тяжёл: он с женой и детьми преодолел тысячи вёрст, плыл на дощаниках, шёл пешком. Он замерзал, тонул, его до полу-смерти избивал воевода Пашков, но он выдержал все испытания.

В «Житии» протопоп не рассказал о том, как в мае 1657 года переправились они на другой берег. Не рассказал он, и какой была первая встреча с Байкалом. Но её попытался представить иркутский писатель Глеб Пакулов, живший у истока на даче в 70-е – 90-е годы XX века. Его дача большими окна-

ми, украшенными резьбой, смотрела на исток, на Лиственничный залив, на Шаман-камень. Он часто рыбачил с лодки на Ангаре и, наверное, не раз представлял проплывающий в этих местах в далёком XVII веке дощаник любимого героя своего исторического романа «Гарь» – Аввакума. Вот отрывок из романа «Гарь»: «Чем ближе, то бродом по водам, то под парусами подтягивались суда к истоку, тем напористее становилось супротивное течение. Из последних сил протаскились мимо огромной посереде реки скальной глыбы Шамана, стерегущего начальный изгиб из Байкала стремительной Ангары, и сразу, вдруг, пропало под днищами каменистое дно, как будто кто обрубил его, и суда, миновав тот отруб, зависли над бездной, исчерна-синей, непроглядной, с упрятанной в пугающей глуби, мерцающей, колдовски манящей к себе солнечной отсветью. И ширина неоглядная, тихая и вся в искрах гладь морская, и много синего неба над головами при-смирили, придавили к седушкам казаков. Изумлённые простором, они онемели, слышно было, как стекают с праздных, замерших над водой вёсел струйки воды. Чары с людей сорвал грохнувший пушечный выстрел: воевода Пашков приветствовал море. И люди ожили, враз вскрикнули, как встряхнутые от сна, заговорили, послышался отрадный смех. Дощаники плавно, как лебеди, выставив наполненные лёгким ветерком паруса-груды, заскользили вдоль берега, под нависшими диковинными скалами с кипящим в расщелинах цветущим багульником и совсем рядом лежащими на отполированных волнами каменных плитах нерпами: округло-тугие и пятнистые туши с чёрными, навывкате, дивными глазами. Особо осторожные соскальзывали с лежбищ и без всплеска уходили под воду, но скоро их любопытные головёнки выныривали по другую сторону дощаников, чихом отпрыскивали воду и, то уныривая, то вновь таращась на людей, долго сопровождали караван».

О второй встрече с Байкалом протопоп рассказывал в своём «Житии» – бессмертной книге, написанной в холодной яме заполярного города Пустозёрска. Аввакум поведал, как трудно проходила переправа через разбушевавшееся озеро. И несмотря на то, что путники чуть не утонули, что они «гребмя перегреблись» и что даже на берегу «востала буря ветреная» и не было спасения от огромных волн, Байкал произвёл на протопопов большое впечатление. Он, художник, не смог забыть байкальские картины и с любовью воспроизвёл их в тёмной пустозёрской яме. И счастье, что строки не пропали и знает их почти каждый. И всё-таки хочу их привести: «Около ево горы высокие, утесы каменные и зело-высоки, – двадцатьтысящ верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и по-валуши, врата и столпы, ограда каменная и дво-

ры, – все богоделанно. Лук на них растет и чеснок, – больширомановскаго луковицы, и сладок зело. Там же растут и конопли богорасленные, а во дворах травы красныя и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем – осетры и таймени, стер-леди, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем...».

Да, у нас на западной стороне озера вершины старых гор возносятся в небо скалы самых причудливых форм. Растительность, несмотря на крутизну гор и отсутствие благоприятной почвы, богатая. Правда, сейчас настало тяжёлое время, тысячи и тысячи людей бывают у нас каждый год, человек не бережёт природу, и многие растения занесены в Красную книгу. Птицы есть, в основном чайки и утки, а вот лебеди в наших местах «яко снег» не плавают. И рыбы «зело» поубавилось...

Аввакум и Байкал. Оба сильные, неистовые, непредсказуемые. Наверное, им, крепким духом, суждено было встретиться...

Много раз приходилось мне видеть, как тихий, ласковый Байкал в мгновение ока превращается в гиганта, с рёвом мчащего волны. Успевай уноси ноги, а то несдобровать! Даже современные крепкие суда в штормовую погоду не выходят, а если и попадают в шторм, то торопятся укрыться в спасительной гавани. А какими хрупкими игрушками были для рассвирепевшего Байкала дощаники! И не было возможности у протопопов и его спутников отсидеться в бухте. А значит, надо собрать всю волю в кулак, успокоить жену и детей и всем выстоять, переплыть бушующее море на утлых судах. И всю опасную дорогу, когда кругом (и даже наверху!) были волны, играющие дощаником, как щепочкой, надо думать не о себе. И всё получилось: они переплыли, они выстояли!..

В 1675 году по дороге в Китай побывал на истоке Ангары и проплыл по Байкалу учёный, дипломат, путешественник Николай Гаврилович Спафарий. Он исследовал новые для России земли, сделал первое подробное описание озера «от устья Ангары, которая течёт из Байкала, и опять до устья той же реки Ангары», перечислил реки, впадающие в озеро, сказал о его больших глубинах. Некоторые читатели могут быть удивлены словом «устье», когда речь идёт об истоке. Просто в давние времена исток реки тоже называли устьем.

Николай Гаврилович восхищался удивительным озером-морем, «великой пучиной» и считал несправедливым, что его не изучают, о нём не говорят и не пишут, а оно заслуживает пристального внимания и преклонения: «Байкал мошноназыватися и морем, для того, что от него течет большая река Ангара и

потом мешается со многими иными реками и с Енисеем, и вместе впадут в большое Окиянское море; и для того мошноназываться морем, что мешается и с большим морем, и обьежати его кругом нельзя; также для того мошноназываться морем, что величина его в длину и в ширину и в глубину велика есть. А озером мошноназываться для того, что в нем вода пресная, а не соленая, и земнописатели тех озеров, которые в них вода не соленая хотя великие, а не называют морем; однакоже Байкала мошноназывать и завидливуземнописателю морем потому, что длинна его парусом бежати большим судном дней по десяти и по двенадцати и больше, какое погудье, а ширина его где шире, а где уже, менши суток не перебегают; а глубина его великая, потому что многожды мерили, сажень по сту и больше, а дна не сыщут, и то чинится оттого, что кругом Байкала везде лежат горы превысокия, и на которых летнею порою снег не тает».

А вот описание истока Ангара: «И сентября в 11-й день приехали к Байкальскому морю на усть реки Ангара, где течет Ангара река из Байкала, и по обе стороны усть реки Ангара горы великие каменные, высокие и лесные, а устье Ангара будет ширина больше версты; а из Байкала течет великою быстротою река Ангара, а из тех высоких гор видят горы за Байкалом снежные и превысокие, и один край Байкала, который называют Култук, а другой край зело далеко, и не видеть; и нигде нет так узко в Байкале, как против устья Ангара; а при усть Ангара пристанищ нет, только все утес да камень, и одним словом рещи – зело страшно, наипаче тем, которые прежде сего на нем не бывали, потому что везде кругом обстоят горы превысокие, снежные и леса непроходимые, и утесы каменные. И у Байкальского моря стояли сентября до 12-го числа, для того что были ветры супротивные».

Итак, наше место в то далёкое время было необитаемым. Хотя в те годы уже была на истоке Усть-Морская пристань, которая спасала людей и корабли от байкальских штормов. Возле пристани был возведён монастырь святого Николая. На этом месте будет построен посёлок Никола.

В 1693 году в нашей Сибири побывал Избрант-Идес, иностранный купец, укоренившийся в России. Он был отправлен во главе посольства с дипломатической миссией в Пекин. 1 марта 1693 года он выехал из Иркутска и только 10 марта добрался до Байкала. Озеро было замёрзшим, и по толстому скользкому льду, с которого мощные ветры выдули весь снег, он переехал на восточный берег, в Кабанье. Такую езду он назвал опасной и для лошадей, и для людей: «Имеется также много незамерзших полыней, опасных для путешественников, если они попадают в сильную бурю, так как коней, если у них нет острых подков, несет ветром с такой силой, что они

не могут ни во что упереться и, скользя и падая на этом гладком льду, летят вперед с санями и иногда попадают в полыню. Так гибнут часто и лошади и люди. Во время бурь лед на озере трескается иногда с таким страшным шумом, как будто гремит сильный гром, причем нередко во льду образуются трещины в несколько саженой шириной, хотя через несколько часов лед может вновь стать сплошным.» Также Избрант-Идес говорит о том, что верблюдов, идущих в Китай, обувают в кожаные башмаки, которые подбивают чем-нибудь очень острым, а быкам к копытам прибавляют острые куски железа, чтобы они могли удержаться на скользком льду.

Когда Избрант-Идес, выехав из монастыря святого Николая, добрался до Байкала, люди дали ему напутствие не называть Байкал озером – стоячей водой, а называть далаем – морем. Они говорили, что путники, пересекавшие Байкал и называвшие его озером, становились жертвами жесточайших штормов. Но послу суеверия показались смешными, он их ослушался и тем не менее прибыл на восточный берег при солнечной погоде. Только зря он назвал Байкал «стоячей водой», так как вода здесь живая, удивительно чистая, и живёт Байкал в отличие от других озёр десятки миллионов лет...

Шотландский врач Джон Белл в первой половине XVIII века посетил Персию, Китай и Турцию. В 1763 году он издал двухтомник с описанием своих путешествий. Книга до сих пор остаётся ценным источником российской истории. А для нас, байкальчан, она интересна ещё и тем, что в ней есть строки о наших местах.

Джон Белл побывал на Байкале в 1720 году. Приехал он к истоку Ангара 16 апреля. «В половине дня приехали мы к небольшой церкви во имя святого Чудотворца Николая, в которую путешествующие приходят молиться, – пишет Джон Белл. – В сем месте находится несколько рыбацких хижин. При церкви находятся два монаха, которые поучают народ, и по временам получают от проезжающих небольшие подаяния. В сем месте нашли мы свои суда; оныя ожидали нас пониже водопадей Ангарских. Отсюда видно озеро, текущее между двумя каменными утесистыми горами и ударяющееся о большие камни, которые находятся по всей реке, имеющей ширину около Аглинския мили. Все дно сея реки, от устья озера до церкви святого Чудотворца Николая, наполнено камнем на целую милю. Нет здесь прохода и для малых судов, разве что по восточному берегу, да и сей путь очень узок и огражден с обеих сторон большими камнями. В самых глубоких здесь местах не будет больше воды, как на пять или шесть футов, и столько же ширины для проезда судового. Если случится по несчастию, что быстрина либо иной какой случай собьет с сего пути и кинет судно на камень, то разбивается оно в дребезги, и кладь

невозвратно погибает. Вода, упавая на камни, производит столь же сильный шум как и морская волна, так что не можно разслушать что говорят. Я не могу изъяснить ужаса, каким объемлется человек при виде представляемых Природою предметов вокруг сего места. Я не думаю, чтоб еще было подобное оному место во свете. Кормишки и другие плаватели по сему озеру говорят о нем со глубочайшим почтением и называют его Святым Морем. Название Святых придают они и окрестным онаго горам и очень досадуют, когда назовешь его просто озером. Рассказывают они при том повесть о некотором кормишке, который будто был наказан за то, что не называл его Святым: желая переехать оное осенью, был он и с грузом и с людьми бросаема из стороны в сторону через долгое время, так что увидел себя приведенна к тому, чтоб умереть голодною смертию или претерпеть кораблекрушение. Крайность принудила его на конец последовать обыкновению и взмолиться Святому морю и горам, чтоб они его помиловали. Молитвы его были услышаны, и он приехал благополучно к берегу: и после того времени всегда уже говорил о сем море с великим почтением».

В 1772 году побывал в Иркутске и на истоке Пётр Симон Паллас – один из самых замечательных людей своего времени. Он был палеонтологом, минералогом, топографом, географом, ботаником, зоологом, археологом, этнологом, филологом. Он обладал энциклопедическими знаниями во многих областях, и его открытия опередили время. Крупнейший российский зоолог академик Алексей Николаевич Северцов сказал о нём так: «Нет отрасли естественных наук, в которой Паллас не проложил бы новый путь, не оставил бы гениального образца для последователей... По своей многосторонности Паллас напоминает энциклопедических учёных древности и средних веков, по точности – это учёный современный, а не XVIII века».

Паллас родился в Германии, но 43 года жизни отдал России, и много лет путешествовал по русской земле, по самым дальним её уголкам, изучал её и знал её лучше, чем русские люди.

Приехал он по приглашению Екатерины II. В России тогда было много неизведанных мест, а императрица хотела знать свою землю. Для этого был нужен учёный-энциклопедист и путешественник. Ей предложили пригласить в Петербургскую академию наук талантливого немецкого 26-летнего профессора Петра Симона Палласа, успевшего прославиться в Германии. Он же в то время в Россию не рвался, у него были совсем другие планы. Но, подумав, согласился принять приглашение. И с 1768 по 1774 годы он возглавлял экспедиции по России.

Надобно сказать, что эти экспедиции в дальние пределы необъятной страны, конечно же, не были

лёгкой прогулкой. Суровый климат, отсутствие сносных дорог, скудная пища, путевые опасности сильно подорвали здоровье учёного. Приходилось znать температуры, при которых замерзает ртуть в термометре. Он приобрёл в дороге тяжёлые болезни, был обессилён и в 32 года начал сесть. Но работа, которую он проделал, грандиозна. Она дала Палласу богатейший материал, который он обрабатывал 20 лет и напечатал множество сочинений и статей, представляющих большой интерес и в наши дни. Академик Владимир Иванович Вернадский говорил, что работы Палласа до сих пор являются основой знаний о природе и людях России. К ним, как к живому источнику, обращаются географы и этнографы, зоологи и ботаники, геологи и минералоги, археологи и языковеды. «Паллас до сих пор ещё не занял в нашем сознании того исторического места, которое отвечает его реальному значению. Может быть, для истории русской культуры особенно важным представляется то, что Паллас делал свои крупные обобщения на основании изучения русской природы, быта и остатков племён, населяющих нашу страну», – писал Вернадский.

Дважды побывал Паллас на истоке Ангары и оставил такое описание: «Уже за осматцать верст от города река Ангара, по которой дорога лежит, великия полыньи имела; а повыше Пашковой или Хромовой станицы река почти вся ото льду очистилась и многие утки и гагары плавали, меж коими в первый раз мне попалась утка, называемая по Латине *Anas hyftrionica*. Нам тут надобно было ехать по каменному реки берегу, по которому, понеже на нем немного снегу было, езда была весьма отяготительна. Чем ближе к Байкале подъезжаешь, тем горы становятся выше и вид дичее; напротив того далее по Иркутской губернии оныя были довольно отлоги и слоисты. Жерло реки Ангары с обеих сторон стеснено каменными горами, промеж которых как будто сквозь ворота великое моря пространство и стоящие по берегу каменные хребты видны».

Россия стала для Палласа второй родиной. И наш Байкал с его эндемичными животными и растениями, девственная природа произвели на учёного огромное впечатление, сохранившееся до конца жизни...

В первой половине XIX века проехали через Байкал многие путешественники поневоле – декабристы и их жёны. Им запомнились опасности, с которыми было сопряжено путешествие через Байкал. Декабрист Александр Петрович Беляев рассказал, как на их пути через зимнее озеро образовалась большая трещина, конца которой было не видать, но ямщики поехали вдоль зияющей водой щели в надежде найти её конец, а их ямщик, разогнав тройку лошадей, перескочил через опасное место. Им повезло, хотя риск был большой.

Многим декабристам просто было не до байкальских красот, как, например, княгине Марии Николаевне Волконской. Она переехала Байкал по льду ночью, такой морозной, что слёзы в глазах застывали и леденело дыхание.

А вот декабрист Андрей Евгеньевич Розен, переплывая Байкал по возвращении из Сибири, в 1832 году познакомился с Байкалом поближе и дал его описание: «Я имел досуг разглядеть Байкал, или Святое море, во всех направлениях и во всех видоизменениях: берега его высокие и волнистые тянутся грядами, то скалисты, кремнисты, то покрыты зеленью, где лесом, где травой, где песком и глиною. Повсюду кругом видно вулканическое образование, и можно смело согласиться с естественными испытателями, утверждающими, что Селенга, Байкал, Ангара составляли прежде одну реку. В некоторых местах озера не могли измерить дна; там, где Ангара вытекает из Байкала, стоят два огромнейших камня по самой середине, которые служат как бы шлюзами; возле камней, к стороне Байкала, дно неизмеримо: тут явный след, вулканического действия, а к стороне речной, к Ангаре, дно не глубоко. Берега озера украшены одною только природою, нет нигде следов труда человеческого. Посольского монастыря башня, станция почтовая и несколько хижин напоминали обитаемость этой страны».

К сожалению, «досуг разглядеть Байкал» был для декабриста очень долгим: попутный ветер, погнавший было корабль к западному берегу, внезапно стих, и несколько дней пришлось ждать его среди моря. А Розену очень хотелось как можно быстрее добраться до Иркутска, где его ждала жена с маленьким ребёнком, которая уехала ранее. А ей-то, переплывая Байкал, пришлось натерпеться лиха. Вот как об этом рассказывает А. Е. Розен: «3 июля уехала жена моя; без остановок достигла она Байкала; там не было казенных перевозных судов, тогда еще не было пароходов Мясникова, и она наняла рыбацкое судно парусное, на коем поместила коляску и несколько попутчиков. Плавание было самое бедственное: посреди озера поднялся противный ветер и качал их несколько дней; сын мой захворал; можно себе представить положение матери. Запасное молоко, взятое с берега, прокисло; вареного младенец не принимал; с трудом поили его отваром из рисовых круп; наконец, он не принимал никакой пищи – мать была в отчаянии. На пятый день буря затихла, ветер подул попутный, и через несколько часов пристали к берегу. Жена моя донныне с восторгом выражает чувство блаженства, припоминая, когда она ступила на землю, когда сын ее, больной, измученный, голодный, освежившись свежим молоком, уснул сладко; а она, сидя возле него на полу, еще качалась всем телом, как на море, и благодарила бога за спасение сына»...

Нелёгкие испытания выпали на долю декабристов и их жён в Сибири, но они переносили их достойно, поддерживали друг друга, несли культуру местным жителям и помогали им, чем могли. Они оставили воспоминания о своей жизни, которые для нас очень важны: в них – история нашего края.

Байкал исстари называли морем ещё и потому, что переправа через него трудна и опасна. Писатель-краевед Николай Семёнович Щукин в очерке «Море или озеро Байкал», написанном в 1848 году, говорит, что местные жители называют Байкал морем и на вопрос «Куда едешь?» отвечают: «За море». Автор добавляет, что его называют Святым морем и прилагательное «святой» не присоединяют ни к одному морю, а только лишь к Байкалу. Николай Семёнович родился, учился и жил в Иркутске, а значит, имел возможность бывать на море и, конечно, на истоке, о котором он рассказал с любовью: «Исток Ангара из Байкала представляет картину, достойную кисти Айвазовского: напором воды вырвало слабое место из горы; открылся путь, и всё лёгкое увлечено стремлением воды: остались только гранитные валуны, то выглядывающие из реки, то покрытые лёгким слоем текущей воды. Эта гряда лежит поперёк Ангара с одного берега на другой, и Байкал переливается через неё, как через край полной чаши. Почти на середине реки грозно возвышается огромный камень: он называется Шаманским... В пороге двое ворот для прохода судов. Первый, в шести саженьях от правого берега Ангара, называется Береговым, и глубиной в полтора аршина. В десяти саженьях далее – другой проход, называемый Ангарским; тут глубина более двух аршин. В трех верстах ниже порога река образует как бы залив, и тут Никольская пристань... Деревянная церковь и несколько домов составляют селение. Здесь разгружают суда для прохода сквозь пороги; тяжести везут до Лиственичной станции, стоящей уже на берегу Байкала за порогами, и опять сносят на суда. Быстрота реки между порогом и Никольской пристанью превышает вероятие; однако ж суда тянутся вверх людьми при помощи двух или трех лошадей; крутой берег весь изрезан бичевой: в твердой глинистой почве долго сохраняются эти разрезы и приводят в недоумение ученого наблюдателя природы».

Нет сомнения, что наше Святое море достойно кисти лучших художников. И, к счастью, есть прекрасные картины истока, написанные талантливыми живописцами. Теперь эти произведения стали историческими.

Много раз переезжал Байкал во все времена года Дмитрий Иванович Стахеев. Он родился в Елабуге в семье купца, и сам числился купцом II гильдии с 18 лет, но любовь к литературе оказалась сильнее, и он оставил службу, чтобы заняться лите-

ратурой. Поездка по купеческим делам в Тобольск и в Кяхту в возрасте 14 лет оставила в душе будущего писателя незабываемые впечатления, которые выплеснулись в книгу «За Байкалом и на Амуре». Многие сибирские картины в книге нарисованы ярко, живо и остаются в памяти.

Вот партии рабочих прокладывают вешки от Посольска до Лиственичного, дует ветер, иногда валит с ног, а неопытного крестьянина ветер может кубарем катить по гладкому льду версты две, пока он не сообразит вбить топор в лёд...

Вот картина охоты тунгусов: «Верхом на лошадях они ездят легко и ловко; на промысле зверя и в погоне за ним неустойчивы, и быстро, не уставая, преследуют зверя через горы и пропасти. В это время они сами похожи на зверей: на головах их нет ни в какое время года шапок и их косматые волосы развеваются на ветру; на ногах часто нет обуви, платье едва прикрывает тело и во время погони за зверем с лица тунгуса исчезает всё напоминающее о человеке, – глаза горят злобой, на губах накапливается слюна, и только винтовка или нож в руке его напоминает о том, что он человек».

Рассказал автор, как спасают лошадей, провалившихся под лёд: «Одно средство спасения лошади в том, что её наскоро выпрягают из оглобей или перерезывают гужи, потом накидывают ей на шею петлю и давят; задавленная от спёршегося внутри её воздуха, лошадь всплывает на поверхность воды и ложится боком на неё как мёртвая; в это время её мгновенно выдёргивают за шею и за хвост на лёд, подальше от полыньи, снимают петлю и бьют лошадь кнутом, пробуждая в ней жизнь. После этого её начинают гонять по льду, чтобы она разогрелась и не продрогла».

А вот интересная история опасной переправы. Жители восточной стороны Байкала из селения Посольского с кладью переехали на западную и задержались в Иркутске. А тем временем солнце стало уж греть по-летнему, через Байкал ездить перестали. Но путникам не хотелось давать большой круг, и они рискнули. Начало дороги было сносным, но затем лошади стали проваливаться и брели по колено в воде. А ночью остановились перед большой трещиной. А Байкал гудит, стреляет, образуются новые трещины. Люди стали откалывать лёд, забили им трещину и сделали не совсем надёжный переход. Перетаскивали лошадей 15, и переправа испортилась. Остальных оставили на верную смерть. Но и этим пятнадцати жить оставалось недолго. Вскоре лёд стал совсем мягкий, и животные проваливались по брюхо. Тогда и этих лошадей путники бросили и пошли вперёд. А потом оторвало лёд, и они оказались на льдине, которую чудом пригнало к берегу возле Посольского, и мужики, приплывшие на лодках, спасли своих земляков. И все сразу пошли в церковь служить молебн.

Интересно повествует Стахеев о беглых каторжниках, которым тоже не хочется идти в обход моря несколько сотен вёрст, и они решаются на опасную переправу в лучшем случае на утлой лодчонке, которую воруется ночью. До противоположного берега удаётся добраться лишь немногим смельчакам... Вот какую картину увидел один крестьянин на корабле, направляющемся с омулями в Иркутск. Их корабль шёл бойко при попутном ветре. Море было очень беспокойно. И вдруг крестьянин увидел, что в волнах что-то чернеется. Подплыли ближе, и он увидел, что это люди: человек пять ухватились за бревно, а валом их то погружает в пучину, и они исчезают из вида, то опять выталкивает на поверхность. Кое-как корабль проскочил мимо, не задев отважных пловцов. Крестьянин предположил, что они все погибли, так как нужно много сил держаться за ускользающее бревно, а силы убывают быстро, да и в ледяной воде коченеют руки. Не повезло этим беглецам с лодкой, так они и на бревне отважились пуститься в опасное путешествие...

Бегут каторжники по льду и в жестокие морозы. 55 вёрст от Посольского до Голоустного бегут они без отдыха, останавливаться нельзя: замёрзнешь. Ведь одеты они по-летнему, в лёгкое и короткое полукафтаны и холщовые штанишки. Шея открыта всем ветрам. А обувь так изодрана, что пальцы, побелевшие от мороза, смотрят в дыры башмаков. Бегут они, презрев смертельные опасности: на каждом шагу они могут замёрзнуть, утонуть, умереть с голоду, попасть в лапы дикого зверя. А также могут встретиться люди, которые схватят их и передадут в руки начальства. Но каторжники всё равно бегут, некоторые по несколько раз. Бегут, потому что голодная свобода для них дороже всего на свете!

Конечно, очень интересно мне было узнать, каким увидел в далёком 1859 году Дмитрий Стахеев исток Ангары и Лиственичное. А приехал он в наши места в середине ноября в холодный ветреный день. Стоял 25-градусный мороз, но Ангара ещё не замёрзла. С остывающей реки поднимался густой пар. В селении Никольском с деревянной церковью слышался стук топоров, там байкальские поморы строили судно. Далее по пути тоже попадались строящиеся суда. У берега тоже стояли суда.

И вот наконец открылся бурный Байкал с паровой пристанью, называемой Лиственичной. Пристань эта, имевшая несколько зданий, находилась в то время недалеко от истока, за поворотом. Двухэтажная гостиница, где остановились писатель и другие путешественники, прилепилась к горе. Она была построена лет двадцать назад, но успела обветшать: местами были выбиты окна, переломаны ставни, они «повиснув на ржавых петлях, скрипели и выли на разные тона, аккомпанируя шуму волн Байкала». Внутри было не лучше. Стулья переломаны,

кресла без ручек, столы с тремя ножками, диваны с обивкой, висящей ключьями. В стенах были щели, через которые в гостиницу врвался резкий осенний ветер. Немытый пол состоял из кривых и дырявых досок, углубляющихся под ногами, «как фортепьянные клавиши».

Никто не заботился о проезжающих, так как гостиница была одна и деваться людям было некуда. И руководил ей отставной солдат. Он принёс нечищенный самовар. На пуговице жилета висел у него поднос. А чашку и чайник с изломанным носом он принёс в дырявых карманах.

На берегу пристани, кроме гостиницы, находились ещё три-четыре домика для служащих и флигель для управляющего пароходством. Наружность флигеля составляла контраст с другими ветхими постройками.

Солдат пожаловался на зимнюю тоску. Никого нет. Всё вокруг заваливает снегом. И работники лежат, как медведи в берлоге. Иногда воют волки, и людям от тоски хочется волком выть.

Автор говорит, что переправа через Байкал тогда была зачастую утомительной и небезопасной. Пароходы часто ломались. Портились машины, горели палубы. И виноваты были не байкальские шторма, а неумение управлять судами. Владельцы пароходов часто сменяли друг друга, а с ними приходили и новые служащие, само собой, без опыта вождения судов по бурному морю.

Утром Дмитрий Стахеев отправился посмотреть на Шаман-камень. Вот как рассказывает писатель о возвышающемся над Ангарой камне-скале:

«...По верованию бурят, на нём обитают онгоны – небесные духи, с которыми имеют непосредственные сношения шаманы, особого рода предсказатели-духовидцы. Каждый бурят убеждён в этом, и, проезжая по берегу реки мимо Шаманского камня, он набожно нащёптывает свои молитвы и по временам пугливо исподлобья поглядывает на страшный для него камень. Во время бури кругом камня клокочут и пенятся волны реки, разбиваясь в мелкие брызги и рассыпаясь высоко в воздухе.

Священное значение Шаманского камня в быту бурят до того велико, что они нередко приезжают из-за 300 – 400 вёрст к этому таинственному месту, чтоб заставить своего собрата, в чём-либо обвиняемого, торжественно произнести на этом месте своё отрицание от преступления. Перебравшись по реке в лодках к Шаманскому камню, буряты заставляют обвиняемого войти на самый верх камня и на нём присягнуть в присутствии невидимых духов в справедливости своих показаний. Шум волн, разбивающихся о камень, высота над водою, фантастичность самого места и полное убеждение в присутствии на камне невидимых духов, – всё это разом действует на нервную систему присягающего, и виновный

большую часть не может скрыть своего преступления: он со страхом и трепетом сознаётся во всех грехах, вольных и невольных. Случалось, что после такого испытания испытуемого снимали с камня без чувств и привозили на берег в глубоком обмороке. По возвращении сознания бурят ещё долго дрожит от страха и не может попасть зубом на зуб, – так его напугают страшные онгоны».

А вот как Стахеев сказал об Ангаре: «Вообще Ангара оригинальна и не похожа на другие реки. Вода её светла до того, что на дне в тихую погоду можно пересчитать хоть каждый камешек, и холодна даже в самую сильную жару до того, что в ней с трудом можно пробыть несколько минут; разливается она не весной, во время половодья, как другие реки, а осенью, когда реки замерзают. Начинает она замерзать снизу и, замерзая, поднимает вверх со дна камешки, маленьких рыбок, червей, пиявиц, amphipodes, бедное поселение своего подводного царства; в это время, в конце декабря, по набережным улицам Иркутска нет проезда; Ангара выступает из берегов и, разлившись по улицам, наворотив на себя лёд большими глыбами (торосья), замерзает. Через день или два замёрзший лёд опадает ниже и ниже, и Ангара, успокоившись, крепко сковывается сибирскими морозами».

Замечательно, что у нас есть книга Дмитрия Стахеева «За Байкалом и на Амуре». Путевые картины и события, изображённые в ней, погружают читателя в далёкий для нас XIX век и вызывают живой интерес. И чем дальше мы отдаляемся от них во времени, тем интересней читать книгу.

В конце XIX века из Иркутска до Лиственичного и далее, на другой берег Байкала, добраться было всё ещё сложно. В июне 1890 года проездом на остров Сахалин побывал в наших местах Антон Павлович Чехов. На одной из трёх станций, существовавших тогда на дороге, не оказалось лошадей, и писателю пришлось там ночевать. Лишь к полудню следующего дня приехал он на Байкал. И всё же путь от Иркутска до Байкала произвёл на писателя хорошее впечатление, и он сказал об этом в письме к своим родным: «Ехали мы к Байкалу по берегу Ангары, которая берет начало из Байкала и впадает в Енисей. Зрите карту. Берега живописные. Горы и горы, на горах сплошную леса. Погода была чудная, тихая, солнечная, теплая; я ехал и чувствовал почему-то, что я необыкновенно здоров; мне было так хорошо, что и описать нельзя. Это, вероятно, после сиденья в Иркутске и оттого, что берег Ангары на Швейцарию похож. Что-то новое и оригинальное. Ехали по берегу, доехали до устья и повернули влево; тут уже берег Байкала, который в Сибири называют морем. Зеркало. Другого берега, конечно, не видно: 90 верст. Берега высокие, крутые, каменистые, лесистые; направо и налево видны мысы, которые вдаются в

море, вроде Аю-Дага или феодосийского Тохтабеля. Похоже на Крым. Станция Лиственничная расположена у самой воды и поразительно похожа на Ялту; будь дома белые, совсем была бы Ялта. Только на горах нет построек, так как горы слишком отвесны и строиться на них нельзя...»

В Лиственничном Чехову пришлось задержаться: не было парохода. Он и попутчики кое-как разместились в сарайчике, который находился совсем близко от воды. Спать приходилось в брюках и в жилетке на полушубке, брошенном на пол, а подушкой служило свёрнутое пальто. Тараканов и клопов было много. А вот есть, можно сказать, было нечего. Антон Павлович сетовал, что в Лиственничном из съестного практически нечего было купить. «Население питается одной только черемшой», – написал он.

Да, май и июнь у нас – пора черемши, а это лесное растение очень популярно у сибиряков, ведь черемша – кладёз витаминов и микроэлементов.

Поездка через Байкал произвела на писателя очень приятное впечатление. И покормили на пароходе очень хорошо, и с погодой повезло: «Погода была тихая, солнечная. Вода на Байкале бирюзовая, прозрачнее, чем в Чёрном море. Говорят, что на глубоких местах дно за версту видно; да и сам я видел такие глубины со скалами и горами, утонувшими в бирюзе, что мороз драл по коже. Прогулка по Байкалу вышла чудная, во веки веков не забуду».

Затем Антон Павлович шёл по живописнейшему берегу и жалел, что с ним нет художника Левитана.

А своему другу писателю Николаю Александровичу Лейкину Чехов так написал о Байкале: «Байкал удивителен, и недаром сибиряки величают его не озером, а морем. Вода прозрачна необыкновенно, так что видно сквозь нее, как сквозь воздух; цвет у нее нежно-бирюзовый, приятный для глаза. Берега гористые, покрытые лесами; кругом дичь непроглядная, беспросветная».

Поэту Николаю Алексеевичу Плещееву сказал: «Вообще говоря, от Байкала начинается сибирская поэзия, до Байкала же была проза».

Через год после приезда Чехова на Байкал, в 1891 году, через озеро и исток Ангары держал путь в Иркутск наследник престола, будущий император Николай II.

Путешествие по Евразии на фрегате «Память Азова» в пятьдесят одну тысячу километров было проделано неспроста. У будущего императора и тех, кто с ним отправился в длительную поездку, была поистине великая цель: Россия должна стать мировой силой, сочетающей Запад с Востоком. Николай II был убеждён, что распространение русского влияния на Восток необходимо. «Россия должна прирастать Азией», – говорил он. Об этом же думал и его отец Александр III, подписавший 29 марта 1891 года указ о строительстве Великого Сибирского

пути. А 31 мая его сын, наследник престола, заложил первый камень в основание будущей дороги.

Не все современники понимали важность будущего Транссиба, и учёный Дмитрий Иванович Менделеев сказал замечательные слова по поводу строительства пути, который свяжет Европу и Азию: «Только неразумное резонёрство спрашивало: к чему эта дорога? А все вдумчивые люди видели в ней великое и чисто русское дело – путь к океану – Тихому и Великому, к равновесию центробежной нашей силы с центростремительной, к будущей истории, которая неизбежно станет свершаться на берегах и водах Великого океана».

Сын Дмитрия Ивановича, инженер, изобретатель, Василий Дмитриевич Менделеев, тоже принимал участие в двухгодичном путешествии и сделал его фотографическую летопись.

Два года заняло путешествие по Индии, Сингапуру, Китаю, Японии, Дальнему Востоку... Князь Эспер Эсперович Ухтомский, сопровождавший Николая II, описал увиденное в дороге в трёхтомнике «Путешествие на Восток наследника цесаревича». Иллюстрации к книге сделал замечательный художник-баталист и путешественник Николай Николаевич Каразин, хотя он и не принимал участие в поездке.

22 июня 1891 года наследник и его небольшая свита, состоящая из молодых и здоровых людей, способных перенести нелёгкое путешествие, пересекли Байкал и направились по Ангаре к Иркутску. Жаль, но этот момент в книге не отражён. Зато есть две иллюстрации Каразина, на которых изображены байкальские места, по-видимому, сделанные с фотографий Менделеева. На одной из них «Под флагом наследника цесаревича у прорыва Ангары» изображены суда, идущие вблизи Шаман-камня.

Есть ещё один рисунок Каразина, сделанный несколькими годами позже с наброска Гасабова. На нём – исток Ангары, гряда камней, выступающих из воды от одного берега до другого, крутые горы на левом берегу, два судна, одно из которых тянут лошади против течения в сторону Байкала, на правом берегу – лодка, тракт, два встречных экипажа, запряжённые лошадьми, один экипаж лошади еле тянут в гору.

Среди спутников Николая II был другой художник – Николай Николаевич Гриценко. Он сделал в дороге около трёхсот рисунков. Этот замечательный художник – маринист, пейзажист, график – был и путешественником. Он состоял в Русском географическом обществе, по заданию которого бывал в Сибири. Сохранились пейзажи Гриценко с изображением Байкала, сделанные в 1899 году. На одном из них изображены синевы Байкала и горы Хамар-Дабан на противоположном берегу. На рисунке шуточная надпись: «До чего ты дошёл, Николаич». Да, дошёл он до очень далёкой, по тем временам, байкальской земли,

до которой добраться тогда было ох как непросто. На другом рисунке пейзаж Лиственичного, сделанный с горы, у которой находилась таможенная застава. А на третьем – старая пристань Лиственичного и корабли, стоящие в ней. К рисунку сделаны несколько надписей: «Где наше не пропадало», «Посвящается лейтенанту А. С. Боткину», «Группа судов российского торгового флота на Байкале», «Что сделали? Ледокол сделали! И ещё один ледокол будем делать!».

Пейзажи на картине летние. А летом 1899 года на Байкале произошло великое событие: 17 июня на воду был спущен паром «Байкал», второй по мощности в мире ледокол. Сохранилась картина Гриценко «Накануне спуска», на ней стоящий на стапелях, увешанный праздничными флагами ледокол дожидается спуска в озеро-море, в честь которого он назван. И становится понятной последняя запись. «Ледокол сделали!» – это о ледоколе «Байкал». «И ещё один ледокол будем делать!» – это о ледоколе «Ангара», который будет спущен на воду уже в следующем 1900 году.

Картину байкальской пристани Гриценко посвящает Александру Сергеевичу Боткину, исследователю Байкала и Арктики, который в то время как раз и изучал сибирское море и тоже, как и все вокруг, радовался предстоящему спуску ледокола «Байкал».

Александр Боткин – исследователь, изобретатель, гидрограф и врач – родился в семье выдающегося врача Сергея Петровича Боткина. Он окончил Императорскую Военно-медицинскую академию и надолго связал свою жизнь с военно-морским флотом. В 1897–1899 годах он был помощником начальника Гидрографической экспедиции озера Байкал Фёдора Кирилловича Дриженко. Экспедиция прежде всего была связана со строительством Транссиба и готовящейся паромной переправы через озеро. Пока Транссиб будет разделён Байкалом, нужно обеспечить и летнюю, и зимнюю переправы. И Александр Боткин исследовал байкальский лёд: замерзание и таяние, образование трещин и ледяных гряд, подвижки льда. Открытия, которые он сделал, были очень важны для ледокольной переправы и стали большим вкладом в осуществление «Большой Азиатской программы».

В Сибирь Александр Сергеевич приехал вместе с женой – Марией Павловной, дочерью Павла Михайловича Третьякова, предпринимателя, мецената, коллекционера, основателя Третьяковской галереи. У неё был твёрдый характер, она с детства отличалась выносливостью, и это ей пригодилось в Сибири. Она была рядом с мужем и во время исследований, и на строительстве Транссибирской магистрали. Три месяца жили Боткины в холодное время в небольшом доме в Лиственичном на берегу озера среди льдов и снегов...

А теперь возвращусь к художнику Николаю Гриценко. Почему картина пристани в Лиственичном ху-

дожника Гриценко посвящена Боткину? Были ли они знакомы? – Не только были, но и приходились родственниками. Гриценко был женат на сестре Марии Боткиной – Любви.

Шесть картин Николая Гриценко находятся в Третьяковке. И совсем не потому, что его тесть Третьяков. Они появились там после смерти и Третьякова, и Гриценко. Появились по ходатайству Ильи Ефимовича Репина.

Радостно, что на Байкале были такие интересные, замечательные, сильные духом люди, что они его изучали, любовались им, писали картины.

В связи со строительством Транссибирской магистрали невозможно не сказать о министре путей сообщения Михаиле Ивановиче Хилкове, много сделавшем для наших мест и неоднократно бывавшем на нашем истоке. Этот человек княжеского рода, потомок Рюриковичей, прошёл большую рабочую школу. Под именем Джона Мэджилла работал Михаил Хилков кочегаром на паровозостроительном заводе в Филадельфии. Потом он работал там машинистом, затем начальником службы подвижного состава Трансатлантической железной дороги. Но Хилков вдруг бросает работу, уезжает в Англию и устраивается слесарем на паровозостроительный завод в Ливерпуле. В России он начинает карьеру с должности машиниста. Изучив рабочие специальности, набирается опыта в строительстве железных дорог: возглавляет Закаспийскую железную дорогу, проложенную через пустыню. И прежде чем стать министром путей сообщения, строит в России ещё несколько железных дорог.

Будучи министром, Михаил Иванович развернул на Транссибе грандиозные работы. Он неоднократно выезжает в Сибирь, чтобы на месте решать сложные проблемы строительства и выполнить полномочия по обеспечению скорейшего ввода в эксплуатацию железной дороги, возложенные на него Николаем II.

Он курирует строительство и нашей Кругобайкальской железной дороги. Ведь она оказалась сложнейшим и очень дорогостоящим участком Транссибирской магистрали. В 1904 году в мае–июне Хилков приехал на Кругобайкалку, где завершались работы по сооружению последнего участка дороги. Жил Хилков в Лиственичном и каждый день, пересекая исток Ангара, приезжал на станцию Байкал. Осмотр строительных работ производил он, добираясь до участков на винтовом пароходе «Второй». Он смотрел, как ведутся работы, думал, как обустроить магистраль, как улучшить условия жизни строителей. Сохранились фотографии пребывания министра на Кругобайкалке, и в том числе – в порту Байкал.

Самых трудных, самых смелых решений потребовала Русско-японская война. Зимой 1904 года количество перевозок увеличилось в несколько раз.

Поток грузов надо было переправлять на восточный берег, а ледоколы не могли пробить очень толстый байкальский лёд. И тогда прямо через лёд были проложены рельсы. Их начали укладывать в конце января. Своенравный Байкал подвижками льда осложнял ход работ. Вскоре после начала укладки рельсов прибыл Хилков. И первые вагоны были перевезены с помощью лошадей на другой берег под его руководством. И началось непрерывное движение вагонов, за сутки их перевозилось до двухсот и порой даже больше. Чтобы перевести паровоз, с него снимали котёл и перевозили отдельно. Но люди выстояли, фронт обеспечили. Выдержал все нелёгкие испытания и Михаил Иванович Хилков, а ему тогда было 70 лет.

13 сентября (26 сентября по новому стилю) 1904 года Михаил Иванович Хилков недалеко от станции Маритуй у тоннеля №18 вбил последний костыль, состыковав Великий Сибирский путь, соединив две огромных части России: азиатскую и европейскую!

Хилков не воспевал Байкал, до того ли ему было! Но он вместе с нашими мастерами и героическими простыми тружениками оставил нам Транссиб и его «золотую пряжку» – Кругобайкалку, которая открыла Байкал для многих. Теперь, чтобы добраться до сибирского моря, не нужно было тратить месяцы на дорогу. Путь стал намного легче, приятнее, ушли в прошлое испытания холодом, болезнями, голодом.

Одним из первых, кто добрался поездом до наших мест и оставил о них воспоминания, был ихтиолог из Петербурга Иннокентий Дмитриевич Кузнецов, который в 1903 году приехал для участия в экспедиции. Вот как он рассказал о дороге из Иркутска к Байкалу и о встрече с озером:

«Дорога (62 версты) идёт всё время по самому берегу Ангары, местами в глубоких выемках, а то под обрывами прибрежных возвышенностей. Боже, как интересно! Из окон вагона любуешься с одной стороны на быстрые, прозрачные, как хрусталь, воды реки, бегущей по дну, где видно в более мелких местах каждый камешек, каждую травку, местами даже рыбку, скользящую, как стрела; с другой стороны – то гора, то долина или «падь», по-сибирски, то откос, по которому местами ползут, как чёрно-бурые ленты, прослойки каменного угля...

Ещё причудливее идут ряды слоёв различных горных пород в обрывах – признак того, что мы приближаемся к Байкалу. Вдруг за поворотом пахнуло как бы холодом, а кругом всё тот же летний день, всё то же яркое солнце. Холод также признак близости озера. Дело в том, что в Байкале, мощном, обширном водоёме ... всегда плещутся прохладные воды, и холодом веет от этого моря, даже когда оно совершенно спокойно, как от какого-нибудь ледника. Наконец, сверкнула серебристая полоска озера, ещё немного – и мощная его ширь впервые развер-

нулась перед моими глазами. «Здравствуй, Байкал!» – невольно приветствовал я старого знакомого далёкого детства. Я почувствовал какое-то влечение к этому Святому морю...»

На винтовом пароходе «Яков» и на лодках с тунгусами проплыл Кузнецов по озеру от юга и до севера. Приходилось много ходить пешком, ночевать на берегу, пережидая шторма. Приходилось предпринимать меры предосторожности, чтобы не угодить в лапы диких зверей. Кузнецов знакомился с местными жителями, подружился с сопровождающими его тунгусами и с сожалением прощался с этими «милыми спутниками».

И вот учёный возвращается на нашу станцию Байкал. Ему жаль расставаться с озером: «Прежде чем окончательно расстаться с ним, я поднялся на гору, взглянул оттуда на чудное озеро, на широкую панораму обрамляющих его гор и, с невольной грустью в душе, как бы прощаясь с чем-то близким или родным, сел в вагон, который доставил меня в Иркутск».

В «Историческом вестнике» за 1912 год был опубликован очень интересный материал, на котором я не могу не остановиться. Сделал его путешественник А. Я. Таранец. Очень сожалею, но пока не нашла о нём никаких сведений. Из его работы следует, что на Байкале он бывал не однажды и что он прекрасный наблюдатель, обладающий даром писателя.

177

Летним погожим июльским днём отправляется Таранец на пароходе «Сибиряк» из Иркутска к Байкалу. Свой путь он описывает подробно. Наблюдать за дорогой путешественнику приятно: дует свежий ветерок, ярко светит нежаркое солнце, пахнет то свежескошенным сеном, то рыбой, то ароматом полевых цветов. «Сибиряк» ползёт с трудом. Ему приходится бороться с сильным течением и лавировать, проходя мимо множества островов с живописными рощами и лугами. На некоторых островах пасётся скот. И лошади, и коровы, завидев пароход, убегают подальше от «пытящего чудовища, нарушившего безмолвие островка». Крестьяне из прибрежных деревень ловят рыбу сетями, дети ищут грибы или ягоды. Идёт пора сенокоса, и в местах косябы толпы народу, разбиты палатки, звучит гармоника. Встречаются охотники, они салютуют из ружей пароходу. Вот осталась позади деревенька, раскинувшаяся на островках. Вот два велосипедиста состязаются в скорости с пароходом. Почти у самого борта проходит лодка под парусом. Ангара то течёт вольно, то распадается на протоки у островов, то, сжатая горами, «бурлит, клокочет, точно злится на скалы, не дающие ей развернуться...»

По левому берегу вьётся по извивам реки железная дорога. Временами по ней бегут поезда. Идёт работа по расчистке полотна для второго пути.

Наконец, миновали Шаман-камень и вышли в Байкал. После посещения Лиственичного Таранец с лихим рыбаком на лодке, несмотря на волну, пересекает исток, чтобы побывать в порту Байкал. Он подробно описывает то, что увидел в своём родном посёлке в то далёкое время:

«Если подняться у станции Байкал по тропе, ведущей к деревне Баранчик, на горы, то всё озеро видно, как на ладони. Вправо красивый залив, в водах которого отражаются лесистые вершины прибрежных гор. По самому берегу вьётся лентою Кругобайкальская железная дорога, то пропадая в тоннелях, то снова показываясь у самой воды, как будто ползёт по скату горы по узенькой, едва доступной тропинке... Вода совершенно тихая. Не шелохнёт... Вот от берега отделилась лодочка и быстро стала удаляться, оставляя на воде дорожку, расширяющуюся у берега и постепенно суживающуюся возле лодки, едва заметной с горы. Влево отчётливо видны станционные пути, маневрирующие поезда, целый ряд товарных вагонов; у берега несколько барж, ждущих разгрузки; у мола, где устроена пристань, стоит ледокол «Ангара», недалеко доки... всё это красиво отражается в зеркальной воде... Подымаюсь выше... Над небольшим обрывом стоит скамейка... Здесь местные жители и дачники, проводящие лето в деревне Баранчик, проживают целыми днями, любуясь величественным Байкалом, особенно красивым в лунные ночи, полные таинственности и необъяснимой прелести... Смотрел бы и не оторвался... Редко бывает Байкал спокоен, и даже в спокойные минуты чувствуется, что богатырь уснул, отдыхает, но стоит налететь ветру, как сон станет прерывистым, неровным, пока от волнения не проснётся великан, не встанет во весь рост, и вода закипит, заклокочет, бросится на берег, ища выхода, вздымая целые валы, образуя бездны, с каждой минутой свирепея, точно ища дерзкого, осмелившегося нарушить покой... И горе тем, кого буря застанет в открытом море...

В июне и июле Байкал бывает почти спокоен... В это затишье со дна всплывает на поверхность воды масса водорослей... Байкал «цветёт»... И сейчас он совершенно спокоен. Только высоко на горах чувствуется лёгкое дуновение ветерка, прохладного, освежающего. Из раскинувшейся по склонам гор и в ложине деревни Баранчик пахнет жильём... Деревня небольшая... Видны огороды... Попадают красивые домики и веранды. Это уже приспособление специально для дачников... Мимо деревни проходит тропа среди кустарника и срубленных деревьев и ведёт ещё выше – к маяку. Отсюда открывается роскошный вид на Байкал. Вдали, на том берегу, тянется цепь гор, на которых местами, несмотря на расстояние около сорока вёрст, отчётливо вырисовываются ниже вершины белые ленты снега, не успевшего растаять за лето благодаря

громадной высоте. Почти напротив станции Байкал, в одной из падей, раскинулась станция Танхой с таможенной заставой. Сюда ежедневно совершает рейсы ледокол «Байкал»...

Воздух в тот день был прозрачен настолько, что легко было видно, как с восточного берега, со станции Танхой, отошёл ледокол. Сначала он был небольшой точкой, над которой виднелась длинная полоска дыма. По мере приближения он принимал всё более ясные, живые очертания, пока не показался во всей своей мощи и красе и не огласил пространство могучим, продолжительным гудком... Очень хочется перенестись хоть на несколько мгновений в то время и увидеть своими глазами паром-ледокол, идущий в родную гавань.

Сейчас туристы, прибывающие в порт Байкал, стараются попасть на белый камень, который находится недалеко от маяка в сторону истока. С него, выдвинувшегося над обрывом, открываются изумительные картины. Побывал на камне и А. Таранец. Он говорит, что с камня, как на ладони, видна вся станция и пристань. Люди с высоты кажутся мухами, ползающими по перрону. На большое расстояние видны светло-зелёные прозрачные воды Ангары. В них отражаются прибрежные скалы. Река с шумом вздымает пенистые волны и быстро уносит их вдаль. Стремительная Ангара долго борется даже с самыми жестокими морозами и замерзает только к концу декабря.

И ещё одну цитату из очерка А. Таранца хочется дать. В ней чудесная картина лунной ночи, увиденная автором в 1904 году: «А как хорош Байкал в лунную ночь, когда уже начинаются заморозки! Вечерет... Полный штиль... Поразительное сочетание красок: вода совершенно чёрная, кругом снежные горы, вдали на небе ярко-красная заря от скрывшегося солнца, вверху над нами бледно-зелёная луна, оставляющая на воде светлую дорожку... Ледокол «Ангара» быстро мчит вперёд, рассекая могучей грудью водную гладь... Волнение, произведённое пароходом, не может ещё улечься; оно ширится, захватывая всё больше и больше пространство, и вот достигло лунной дорожки, разбило лёгкий налёт льда, отдельные льдинки в хаотическом беспорядке то поднимаются, то опускаются, на них играет луна, и получается впечатление множества электрических лампочек, разбросанных по волнам... Феерическая картина, которой долго не забудешь...»

В 1913 году побывал в наших краях норвежский полярный исследователь, учёный, политический и общественный деятель, основатель новой науки физической океанографии, лауреат Нобелевской премии мира Фритьоф Велдье-Ярлсберг Хансен. Он отправился в путешествие по приглашению генерального консула Норвегии по Сибири, международного коммерсанта, писателя Ионаса Лида на пароходе «Коррект» по трассе Северного морского пути. В Си-

бири производилось много нужных Европе товаров, но доставлять их по железной дороге было дорого, а морским путём и по рекам было значительно дешевле. Лид задумал открыть торговый путь из Западной Европы через Карское море, а далее по рекам.

Добравшись до устья Енисея, приняв груз, «Коррект» возвращался в Норвегию. А Нансен в Дудинке пересел на русское экспедиционное судно «Омуть» и доплыл до Енисейска, потом добрался до Красноярска. От Красноярска поехал по Транссибирской магистрали до Байкала и далее на Восток до Владивостока. По итогам этой большой поездки Нансен написал книгу «В страну будущего», где говорил о том, что нашу Сибирь ждёт большое будущее. После путешествия Нансен интересовался жизнью России, проблемы нашей страны волновали его.

Фритьоф Нансен побывал в порту Байкал, познакомился с его историей, с историей строительства Кругобайкалки. Вот как он рассказал об этом: «Близ первой остановки у станции Байкал находилась гавань, где стоял большой ледокол-паром «Байкал», перевозивший раньше через озеро поезда к продолжению рельсового пути; ледокол может пробивать лёд до 1.2 метра толщиной и является одним из величайших ледоколов в мире... Толстого зимнего льда он, однако, не в силах пробить. Для ремонта этого ледокола и других судов, плавающих по Байкалу, был построен большой плавучий док, который мы тоже видели в гавани. Переправа через озеро чрезвычайно тормозила перевозку на восток войск и провианта во время японской войны, хотя зимой рельсовый путь прокладывался прямо по льду. Прежний министр путей сообщения князь Хилков сам руководил работами. Железнодорожные вагоны перевозились поштучно лошаадьми, а локомотивы разбирались и перевозились по частям, так как были слишком тяжелы для перевозки по льду».

Нансен проехал по Кругобайкальской железной дороге. Его восхитила грандиозная работа строительства дороги: «С тех пор успели проложить рельсовый путь, огибающий озеро с юга; работы были сопряжены с колоссальными трудностями: приходилось пробивать путь в отвесных скалах. От станции Байкал на западном берегу до станции Мысовой на восточном – расстояние в 200 вёрст приблизительно. На протяжении первого перегона до станции Култук в юго-западном углу озера берег особенно крут: из 73 вёрст пути 6 вёрст приходится на туннели... Затраты на эту линию были сделаны огромные. Каждая верста обошлась около 244130 рублей. Но дорога была однопутная, а война показала необходимость двухпутной, и вот понадобилась перестройка пути, которая скоро будет окончена».

Он ехал на поезде, любовался могучим озером в рамке скал и восхищался поистине героическим трудом строителей дороги: «Здесь мы воочию убеди-

лись, с какими трудностями сопряжена перешивка однопутного пути на двухпутный. Приходится расширять все туннели и самое полотно дороги, ставить новые устои из железобетона, строить вторые мосты рядом с первыми, а в местах слишком крутых поворотов приходится пробивать и новые туннели».

Но люди преодолели все трудности, прошли через непреодолимые преграды, и строительство Кругобайкальской железной дороги было завершено. Кругобайкалке обязан своим появлением мой посёлок-порт Байкал (раньше его называли станцией Байкал) Стала расти и соседняя Листвянка, на верфи которой собирали ледоколы «Байкал» и «Ангара». Люди обжили землю, строили дороги, ледоколы, дома, отправлялись в рейс на судах, которых становилось всё больше, растили детей. И любовались озером-морем, возле которого им выпало счастье жить...

В 1902-м году в Листвянском в семье управляющего судоверфи родилась поэтесса Елена Викторовна Жилкина. В посёлке у истока прошло её детство, здесь она полюбила на всю жизнь байкальскую природу. Затем семья переехала в Иркутск, который она тоже полюбила всем сердцем.

И всё же в своих стихах она называет лучшим из мест свой байкальский край, где «леса стоят у отлого порога» и каменистая дорога весной уводит в заросли цветущего багульника, а летом – в разноцветье трав.

173

*Ошеломит, закружит, уведёт
в мерцающие тайны листопада,
у ног лисицей рыжей проползёт,
прогонит туч оранжевое стадо.
Деревьям разматает жёлтый шарф,
плеснёт на горы чем-то ярко-красным...
Меня не отпускают ни на шаг
байкальской осени немыслимые краски.
Всё гуще синева, всё жёстче ветер в море,
и дальний берег дальше с каждым днём,
но всё равно над деревянным молом
горит маяк спасительным огнём...*

И весь этот байкальский незамутнённый мир у истока Ангары, которому Елена Викторовна многим обязана, зовёт она истоком своей жизни. Здесь живут не воспоминания, а гораздо большее: её детство, её отчий кров. И не дано ей разомкнуть кольцо памяти. «Здесь на закате розовые скалы хранят, как люди, для меня тепло», – говорит Елена.

А тепло родных мест было ей очень нужно. Нелёгкие испытания выпали на долгую, 95-летнюю жизнь Елены Викторовны. И часто спасали её теплые воспоминания о своей малой родине и поэзия, любовь к родному слову.

Нередко приходилось Елене быть вдали от Байкала, и она с тоской провожала поезда, мчащиеся в

сторону малой родины, туда, где в тайге рассыпаны жарки, где плещется Байкал, где вытекает из него стремительная Ангара. А ночами снилась ей «Байкала синяя вода».

Елена Викторовна больше десяти лет работала в газете «Советская молодёжь», в последние годы она была литературным консультантом. При ней пришли в газету молодые журналисты, которые станут известными писателями: Валентин Распутин, Александр Вампилов, Альберт Гурулёв, Марк Сергеев, Анатолий Кобенков. Они делали в журналистике первые шаги и считали себя учениками Елены Жилкиной. Александр Вампилов был очень благодарен ей за уроки и как-то назвал её «своей литературной мамой». Большим потрясением стало для Елены Викторовны сообщение о гибели Вампилова, который утонул в Байкале возле её родного листовянского берега, у истока Ангары. Она посвятила Александру стихотворение «Принимаю шторм». Появилось оно потому, что телефон Елены Жилкиной был похож на телефон диспетчерской порта, а тогда метеослужба передавала по телефону прогнозы для судов, ведь они могли попасть в шторм. Особенно опасались за теплоходы, которые вели плоты. Случалось, плоты разбивала стихия. И брёвна долго плавали по озеру, потом тонули. Сначала один конец бревна уходил глубоко под воду, а другой какое-то время ещё оставался у самой поверхности. На такое бревно-топляк натолкнулась лодка, в которой плыл Вампилов. От удара она перевернулась...

– Примите шторм, –
мне в телефон кричат.
Я слушаю и радуюсь, и веря.
А ветер вдруг
без стука,
сгоряча,
в мой тихий дом
распахивает двери...
Какая свежесть
разлита вокруг!
Я к грозным тучам
выхожу с доверьем,
ловлю
летающих капель drobный звук
и слышу,
как сражаются деревья...
...Врываюсь, вихрь,
я не задёрну шторм,
не спрячусь в страхе,
не забьюсь под крышу...
Ты слышишь, жизнь,
Я принимаю шторм,
любовь,
ты слышишь?

Последнее отпущенное ей время Елена Жилкина провела в Москве, где и умерла. Но свою малую родину она никогда не забывала.

С середины 40-х до середины 50-х годов в Иркутске жил поэт Юрий Левитанский. «Каждый выбирает по себе женщину, религию, дорогу...», – сказал он в своих стихах. Он выбрал для себя тяжёлую дорогу: ушёл добровольцем на Великую Отечественную войну в самом её начале, окончив два курса Московского института философии, литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского. Начинать он военный путь рядовым, затем стал командиром отделения, а заканчивал литературным сотрудником фронтовых газет. И с окончанием Великой Отечественной его военная служба продолжилась: он оказался на войне с Японией. А несколько месяцев спустя его перевели в Иркутск, в состав Восточно-Сибирского округа, и в городе на Ангаре он служил ещё два года. Военный стаж Левитанского составляет 14 лет. В Иркутске, наконец, он демобилизовался. С Иркутском связана судьба Левитанского поэта. Здесь в 1948 году вышла первая книга поэта – «Солдатская дорога». В Иркутске он заведовал литературной частью музыкального театра, долгое время был литературным консультантом по работе с молодёжью в отделении Союза писателей. Писатели проводили «литературные понедельники» при редакции газеты «Советская молодёжь». Поэт Сергей Иоффе, будучи девятиклассником, ходивший на эти понедельники, так сказал о Левитанском: «Те понедельники, когда заседаниями литературного объединения руководил Юрий Левитанский, были для нас (да и для всех) особенными. Словно бы отступало куда-то всё мелкое, ненастоящее, суетное, и сама Поэзия владела нами в эти часы...»

Юрий Левитанский любил Иркутск. Городу на Ангаре он посвятил стихи, которые стали песней – «Песней о нашем городе», долгие годы звучавшей на Иркутском радио. В ней есть такие строки:

Когда мы шли военными дорогами
В сраженьях и походах боевых,
За падами таёжными далёкими
Ты снился мне в землянках фронтовых.
Студёный ветер дует от Байкала,
Деревья белые в пушистом серебре.
Родные улицы, знакомые кварталы...
Город мой, город на Ангаре.

А дальше он объясняется в любви Ангаре, на берегах которой привольно раскинулся город Иркутск:

Тебе волной звенеть и песней славиться,
Огни зальют таёжные края.
Река моя, любовь моя, красавица,
Суровая таёжница моя!

Юрий Левитанский, живя вблизи Байкала, конечно же, хотел увидеть сибирское море. И вот он отправился на машине к истоку Ангары. Ехал он ещё по старому тракту. Автодорогой с современным дорожным покрытием тракт станет только в начале 1960-х годов. О первой встрече с Байкалом поэт рассказал в стихотворении «Путь к Байкалу»:

Вы помните песню про славное море?

О парус,
 летящий под гул баргузина!
 ...Осенние звёзды стояли над логом,
 осенним туманом клубилась низина.
 Потом начинало светать понемногу.
 Пронзительно пахли цветы полевые...
 Я с песнею тою
 пускался в дорогу,
 Байкал для себя открывая впервые.
 Вернее, он сам открывал себя.
 Медленно
 машина взбиралась на грань перевала.
 За петлями тракта,
 за листьями медными
 тянуло прохладой и синь проступала.
 И вдруг он открылся.
 Открылась граница
 Земли и лазури, зарёй освещённой:
 Как будто он вышел, желая сравниться
 С прекрасною песней, ему посвящённой.
 И враз побежали мурашки по коже,
 сжимало дыхание всё туже и туже.
 Он знал себе цену.
 И спрашивал:
 – Что же,
 Похоже на песню, а может, похуже?
 Наполнен до края дыханьем солёным
 Горячей смолы, чешуи омулиной.
 Он был голубым,
 Синеватым, зелёным, горел ежевикой
 и дикой малиной.
 Вскипала на гальке волна ветровая,
 Крикливые чайки к воде припадали,
 И как ни старался я, рот открывая,
 Но в море, но в море слова пропадали.
 И думалось мне под прямым его взглядом,
 Что, как ни была бы ты, песня, красива,
 Ты меркнешь,
 Когда открывается рядом
 Живая,
 Земная,
 Всесильная сила.

Повидал Юрий Левитанский и Кругобайкалку, он проехал по ней на поезде. Диковинные мысы, уходящие в бесконечные глубины, отвесные скалы, поросшие деревьями, цветами и травами, длинные

туннели, прорубленные в скалистых горах, высокие мосты над живописными речками, акведуки из каменных плит – всё это поразило поэта, и он не мог не написать стихи об этой удивительно красивой дороге:

*И вот расступаются горы,
 Уходят гряда за грядой,
 Зелёный глазок семафора –
 Над синей байкальской водой.
 Дежурный, давай отправленье!
 Пусть ветер свистит и поёт –
 Нам по сердцу скорость движения,
 сквозного движения вперёд.*

Участником войны с Японией 1945 года был иркутянин Марк Давидович Сергеев (настоящая фамилия Гантваргер). Марк Сергеев был поэтом, прозаиком, общественным деятелем, был главным редактором журнала «Ангара», 15 лет руководил Иркутской писательской организацией. Он автор 60 книг. Среди них книги для детей, поэтические сборники, исторические повести, исследовательские книги о Пушкине, декабристах и о Байкале.

Марк Сергеев очень любил Иркутск и посвятил ему стихи, которые стали песней. Она звучала по всей стране и долгие годы была неофициальным гимном городу, а с 2016 стала – официальным. В этих стихах он называет любимый Иркутск столицей таёжной Сибири, серединой Земли и говорит, что иркутяне за тысячи вёрст сердцем увидят огни своего города и отличат свой город от множества других городов: «Хоть есть города и красивей, и выше, / Но где бы пути иркутян ни легли, / Они тебя видят, они тебя слышат, / Любимый Иркутск, середина Земли!»

Марк Давидович очень любил природу, особенно Байкал. Он говорил, что природа везде прекрасна: и в джунглях, и в Арктике, и в тайге, и даже в пустыне. «И все же есть в мире места, – писал он, – в которых природа выстроила самые заветные свои палаты, куда собрала поистине музейные чудеса, где в полную силу проявились и её титаническая мощь, и её материнская нежность, её любовь ко всему живому и её мистическое чувство гармонии. Немного найдётся уголков на земле, где можно узреть одновременно детство, юность, молодость, старость и даже глубокую древность мира и в то же время его предсказуемую будущность, сосредоточенные на едином, неповторимо созданном пространстве. Одно из таких заветных мест – загадочный Байкал. Мы приходим к нему, и нас поражают его одухотворённость, его живая суть, необозримые пространства и неожиданные метаморфозы. На глазах, с каждой минутой, меняется цвет байкальской воды – от нежно-голубого, как ранняя не-

забудка, до пронзительно-синего; и, словно брызги его вод, выплеснутые в пространство дерзким ветром, синеют в скальных берегах чистейшие, небесные прожилки лазурита, редчайшего камня-самоцвета. А вскоре вода может стать сверкающе-серой, как серебряная руда в горах Забайкалья, потом свинцовой или чёрной, как уголь в ближайших каменных копиях... Конечно, впечатления от краткого пребывания у заветных берегов и даже плавание по дышащей, меняющей цвета шири – разительны. Но когда ты проводишь на Байкале день, месяц, год, всю жизнь, впечатления эти нисколько не ослабевают. Ибо за каждым мысом, входящим остро или плавно в ослепительную синеву, сокрыты новые и новые тайны... На Байкале всё загадочно – и скала, и дерево, и птица, и сама байкальская вода... И мы верим, что священное сибирское море, его приворотная вода, его несравненные берега вечно будут облагораживать душу человека, служить ему примером чистоты, естественности и благородства...

Согласна я с Марком Сергеевым: впечатления от нашего моря не ослабевают независимо от длительности общения с ним. Прожила у Байкала всю жизнь и каждый день стараюсь бывать на побережье, увидеть переменчивость чудесных пейзажей, которые не могут наскучить. Фотографируя море, убедилась, насколько разным и всегда прекрасным может быть одно и то же место в разное время года, в разное время суток. А порой значительные перемены могут произойти даже в течение минуты...

Марк Давидович часто бывал у истока Ангары, в Листвянке и порту Байкал. Любил смотреть на синеву озера с высоты: «Чем выше в гору, тем Байкал видней...» Поэт подолгу смотрел на Байкал, который «...весь – до донышка – просвечен, / И весь – до капельки – родной». Смотрел на убегающую от Байкала Ангару. Для него эти два чуда природы очень много значили. Он удивлялся людям, не видевшим ни Байкала, ни Ангары: «И если, друг, ты накопил года, / и даже повидал чудес немало, / но Ангары не видел и Байкала / – то, что, скажи мне, видел ты тогда?».

Байкалу и Ангаре Марк Сергеев посвятил немало строк. Вот часть его стихотворения об истоке:

*Когда висит июльская жара,
до самой кости землю пригревая,
рукой прохладной горы разрывая,
из моря вылетает Ангара.*

*Вода свита в тугий упругий жгут,
река летит крылато и картинно,
пока её не приструнят плотины
и радугу над лесом не зажгут.*

*Пойдёт огонь – как бы река сама:
быть городом среди берёз и сосен...
Но лето тает, и приходит осень,
а вслед за ней – сибирская зима*

*Сугробы – словно слитки серебра,
у берега байкальского – торосы,
но, посрамив всеисильные морозы,
открытой грудью дышит Ангара.*

*И что с того, что холод так жесток,
что белый пар над волнами витает,
О, как она отважно вылетает,
как дерзок и стремителен поток!..*

Бывал Марк Сергеев на истоке Ангары не только в тёплое время года, но и зимой. Смотрел на густые испарения не замерзающего зимой истока, наблюдал за зимующими здесь во множестве птицами: «Но не всё вокруг замерзает. Парят горячие источники, в крутой мороз в них можно искупаться: над тёплой водой держится слой прогретого воздуха. Не замерзает и дымится, дымится морозным паром исток Ангары – дочери Байкала. Здесь, на открытой воде, зимуют гоголи, крохали, утки, морянки и другие птицы, которые из Прибайкалья обычно улетают на юг. Они добывают пищу в воде, ныряют, вылавливая разнообразных рачков и червей. А вечером отправляются в глубь байкальского простора, где спят, спрятавшись от ветра в торосах. Жизнь их полна опасностей, но они не знают другой земли, и это открытое пространство – исток Ангары – притягивает их навеки».

«Времена года на Байкале» Марка Сергеева содержат замечательные описания байкальской природы, согревающие душу. Их хочется читать и перечитывать. И приятно, что автор, мастер байкальских зарисовок, видит и ценит этот дар в других. Во «Временах года» он приводит цитату с описанием зимнего Байкала учёного Михаила Михайловича Кожова: «В ясные солнечные дни, которые так обычны в зимнее время в Восточной Сибири, Байкал, закованный в лёд, особенно красив. Когда солнце скрывается за горизонтом, розово-фиолетовое сияние заливают безбрежную ледяную гладь, вдали на гольцах (так называются непокрытые лесом горные вершины. – М.С.) ярко блестят снега и розовеют покрытые тайгой подножья и склоны хребтов. Сквозь прозрачный лёд, лишённый снежного покрова, вдоль берегов отчётливо видно дно, выстланное песками или глыбами слабо окатанного камня, ярко-зелеными колониями губок и другими обитателями дна.

Но обычная тишина зимних вечеров время от времени сменяется целой гаммой звуков: то слышится грозный гул от далёких разрывов льда или

протяжный стон от небольших близких разрывов и надвигов льда, то совсем рядом раздаются громовые удары и на глазах во льду внезапно появляется широкая щель, из которой проступает вода. Всё это производит на непривычного человека сильное и нередко жуткое впечатление. Особенно усиливается эта «симфония» закованного в лёд озера в начале зимы».

Михаил Михайлович Кожов – один из выдающихся учёных Байкала. Замечательным исследователем Байкала была и его дочь Ольга Михайловна. Они много раз проезжали через исток, добираясь от Иркутска к Байкалу, путешествовали по озеру, кропотливо его изучали и оставили большое научное наследие.

К сожалению, время, в которое они работали на Байкале, оказалось тревожным: был построен первый каскад Иркутской ГЭС на Ангаре, а на славном море задумали построить целлюлозно-бумажный комбинат.

Когда началось строительство Иркутской ГЭС, Михаил Михайлович в своей работе «О биологических последствиях колебаний уровня Байкала» сказал, что Байкал начал играть роль водохранилища. Он был против сооружения прорези в истоке Ангары, чтобы большой поток воды хлынул на турбины, для чего предполагалось взорвать Шаман-камень. Этот горе-проект, к счастью, не был осуществлён.

Строительство Байкальского комбината вызвало протесты многих учёных. Вся страна переживала за Байкал. Пришли времена, когда Байкал, сильный и могучий, стал нуждаться в защите человека от человека. Михаил Кожов и другие учёные провели исследования, доказавшие пагубное влияние сбросов БЦБК на экосистему уникального озера. Михаил Михайлович утверждал, что работа комбината даёт значительные загрязнения, и они распространяются по озеру из-за циркуляции вод. И это приведёт к смене фауны и флоры, эндемики будут вытесняться неприхотливыми обитателями обычных водоёмов. В результате исчезнут особенности Байкала, выделяющие его из множества озёр, и он станет обычным водоёмом. А этого допустить нельзя. «Байкал должен быть сохранён во всей его первобытной величественной красоте и целостности, с его кристально-чистыми водами, великолепной горной тайгой, украшающей берега Великого озера, с его уникальной древнейшей фауной и флорой», – говорил Михаил Кожов.

В 1969 году вышел на экраны фильм «У озера» режиссёра Сергея Герасимова. Прототипом профессора, защитника Байкала, Александра Александровича Бармина стал Михаил Михайлович Кожов, так как он был храбрым защитником Байкала, протестовавшим против строительства на берегу священного озера промышленного комбината.

Любовь к Байкалу Михаила Михайловича Кожова прошла через всю его жизнь, и остался он лежать навечно на берегу озера-моря, в посёлке Большие Коты.

А в Листвянке похоронен другой защитник Байкала – учёный-биолог, академик РАН Григорий Иванович Галазий. Григорий Иванович был директором Лимнологического института, что находится у истока Ангары. Окна его кабинета выходили на Байкал. По инициативе Галазия на первом этаже института был создан Музей байкаловедения, который стал визитной карточкой Байкала, его посещают туристы со всего мира, бывающие в Листвянке.

Григорий Иванович читал лекции о Байкале, проводил экскурсии. Он написал книгу «Байкал в вопросах и ответах», где ответил на 979 интересующих многих людей вопросов. Книга эта издавалась шесть раз.

Всю жизнь Галазий занимался исследованием Байкала, который очень любил. Когда над озером нависла опасность, Галазий встал на его защиту и этому делу был верен до конца жизни. Он утверждал, что к Байкалу нужно относиться бережно, доказывал, что целлюлозно-бумажный комбинат наносит большой вред озеру. Чтобы отстаивать Байкал, он стал депутатом Государственной Думы. И приложил немало усилий, чтобы был принят «Закон об охране озера Байкал». Валентин Распутин сказал о Галазии, что «...люди, знавшие его, не могли представить, как он может пойти на какой-то компромисс, если речь идёт о Байкале... Это действительно был «рыцарь без страха и упрека», который не раз подставлял под удар и свою судьбу, и свою карьеру во имя достижения благородной цели». И ещё хочу привести одну цитату Валентина Григорьевича: «...Уж чего-чего, а твёрдости и прочности у Григория Ивановича хватало, в этом он был «элементом» редким, не имущим в людях широкого распространения. Но Байкалу в самый тяжёлый период его существования во второй половине XX века потребовался такой человек, и он из недр народа явился...»

Писатель Валентин Григорьевич Распутин родился на Ангаре, и она для него много значила. С ней были связаны его первые в жизни воспоминания. Валентин Григорьевич писал о своих детских впечатлениях: «Ангара ... поразила меня волшебной красотой и силой, я не понимал, что это природа, существующая самостоятельно от человека миллионы лет, мне представлялось, что это она принесла нас сюда, расставила в определённом порядке избы и заселила их семьями». Время было трудное, деревня жила бедно, и выручали огороды, тайга и, конечно же, Ангара. «А какие острова были на Ангаре, какие острова!» – восклицает он и говорит, что думал, будто Ангара принесла и расставила их для радости людей и для их подкорма в голодные годы.

В детстве Валентин Распутин любил всматриваться в ангарскую воду и видел «что-то такое, не соединяющееся в образ, но зримое, взрослым глазам неподвластное». «И не может же быть, чтобы я ничего там не высмотрел и не занёс в свою душу, что-то такое, что сделало её чувствительной и подвижной», – сказал он.

От Ангары «есть-пошли» его книги. Река и родная деревня давали писателю сюжеты, давали героев. Ведь в основном прообразами героев его книг стали односельчане. И судеб односельчан хватило бы ещё на многие книги.

Писатель говорил, что его деревня Аталанка стояла на двух сокровищах – на Ангаре и тайге. К сожалению, сейчас не осталось ни того и ни другого. «Не стало Ангары, молодой, быстрой и завораживающей, в которую я беспрестанно заглядывался в детстве. Теперь она, обузданная плотинами, изъезженная, распухшая, гнилая, лежит в беспамятстве, теряя своё имя».

Валентин Григорьевич боролся за Ангару, и в основном благодаря ему не были построены две плотины, которые планировалось построить после Богучанской ГЭС.

Писатель с горечью говорил, что понятие цивилизации исчезло, а «появилось новое обозначение жизни: устойчивое развитие». И бездуховный и безнравственный мир не остановится перед дальнейшим уничтожением природы...

Много сил и таланта отдал Валентин Григорьевич и в борьбе за Байкал. Сразу после Великой Отечественной войны море-озеро стало вызывать беспокойство в правящих кругах. Да, Байкал уникален, всего в нём сполна, он благотворно действует на душу, но естественной отдачи мало: надо работать! И первое дело, которое ему нашли, было сооружение прорези в истоке, о которой говорилось выше. Всерьёз обсуждался «проект поразительной смелости и новаторства – подложить под Шаман-камень в истоке Ангары тридцать тонн аммонита и рвануть, чтобы байкальская вода беспрепятственно хлынула на турбины ангарских гидроэлектростанций... Ведь этот можно завалить алюминием весь мир! Шаман-камень не взорвали только потому, что нашлись, слава Богу, учёные, которые припугнули вероятностью непредвиденного геологического смещения».

К счастью, Шаман-камень не взорвали. Осталась целая визитная карточка нашего истока, но всё же перемены с камнем-скалой произошли. После затопления в 1956 году на поверхности осталась торчать его макушка. На старых фото, сделанных до затопления, он поднимается из воды намного выше...

С 1974 года шесть лет «летами, а не годами» жил Валентин Распутин в нашем посёлке, в домике, стоящем у самого берега Байкала, недалеко от истока Ангары. Он часто гулял вдоль берега, в задумчиво-

сти смотрел на плещущие волны. В одном из очерков он сказал, что последним пропел сыновью песню Ангаре со словами, которые она в него наплескала. Немало дали ему и наплески Байкала. Уже одно то, что он написал в нашем посёлке две своих великих повести – «Прощание с Матёрой» и «Живи и помни», говорит о многом. Наши края можно увидеть и в других произведениях автора.

Байкал и Ангара у истока нераздельны. Ангара несёт в северные земли байкальскую чистейшую воду, в которой, как сказал Виктор Петрович Астафьев, «создатель омывал новорождённых ангелов, прежде чем пустить их в небо, и оттого у них такие белые, нежные, лебединые крылья». Вода в реке и в море-озере бесконечно долгое время оставалась хрустальной, и сквозь неё было видно даже самые мелкие камешки.

Рождённый этой землёй, Распутин любил море и Кругобайкалку, протянувшуюся по берегу почти на 90 километров. Он уходил по железной дороге подальше от посёлка, где не ходит ни один человек, забирался на крутые горы и, присев на какой-нибудь камень, смотрел на Байкал, забывая себя, теряя ощущение времени. Однажды он смотрел на Святое море, на исток с вершины горы из Листвянки, размышлял о судьбе Ангары и наслаждался удивительными, пленительными пейзажами. И оставил лирические строки нам, читателям: «Было чему удивляться: понизу, по льду, полог света шёл справа налево, там поднимался в горы, разворачивался и плыл в обратную сторону, к Толстому мысу. Да, всю свою золотистую ткань, всю свою горячую, а затем и тёплую щедрость снизало солнце в эту огромную волшебную чашу, в это неиссякаемое лоно, рождающее Ангару, и теперь, опустошённое, меднистое, отгоревшее, садилось на краю горизонта на невесть откуда взявшееся небольшое облако, похожее на белого оленя в прыжке с подогнутыми ногами и разлохмаченным хвостом. С того места, где я стоял, солнце уже опустилось за тёмную горбушку мыса, а облако, только что напоминавшее оленя в стремительном прыжке, точно скинув с себя оседлавшее его солнце и изуродовавшись от ожога, ничего поэтического из себя, кроме скомканной белой шкуры, больше не представляло. А на противоположной, на утренней стороне небосклона, над горами в розовом снегу, вдруг выплыли белой стайкой кружевные облачные фигурки, одна занятней и диковинней другой, красивые и веселые в своей маскарадной неузнаваемости, и поспешили вдоль горизонта вправо, как оказалось, под прямоток западающего солнца. Лёгкая и широкая, во всю правую боковину Байкала, заскользила по льду тень, медленно разматываясь и пригашая его золотистое свечение. Перед горами тень испарилась, горы по-прежнему лежали в солнечном свете, густом, настоянном,

влипшем в могучие каменные изваяния. Стайка облаков, не рассыпаясь, заняла своё место чуть поперёд гор и в минуту запылала таким пурпурным восторгом, такой гранатовой сочностью, что и лёд под этим фантастическим новым светилом опять зазелел, и кругобайкальский берег выступил всеми своими складчатыми ярусами. И чем глубже закатывалось солнце, чем плотнее ложились сумерки на Ангару, тем ярче и волшебней окрылялось огненными волшебными жар-птицами небо над Байкалом, и тем смелей и вдохновенней продолжал накладывать краски невидимый художник. Я ещё долго стоял на каменистом выступе скалы, приближённый, казалось, к тайным и могучим силам неба. И долго-долго теплились, не затухая, горы, овал самой дальней из них, высаяющейся за поворотом, мерцал негасимой оплывшей свечой; облака самородными зорьками висели над Байкалом; на льду трепетали всполохи. И всё так же было тепло, бархатный воздух ласкал лицо, и с души не сходил восторг».

Сохранить великолепие, неповторимость и мощь Байкала и Ангары, рассказать о них талантливо и проникновенно – в этом, по-видимому, был смысл жизни Валентина Распутина.

После того, как Валентин Григорьевич уехал из нашего посёлка, его любимый домик на Байкале не пустовал, в нём поселился и уже более сорока лет живут поэт Владимир Петрович Скиф и его семья. Наши места давно стали ему родными, никто столько о них не написал, сколько Владимир Петрович. Стихи, посвящённые Байкалу, вошли в его книгу «Он место в космосе искал».

Скиф приезжает в свой дом обычно весной, когда «Ещё от ветра стынут пальцы, / Но солнце негу с неба льёт. / И начинает рассыпаться / Игольчатый байкальский лёд». Приехав, соскучившись по Байкалу, сидит у дома и подолгу слушает говор моря. А в лазурном небе плывут лёгкие облачка, «как будто весенние льдины небесная движет река».

Воду поэт и его семья пьют байкальскую. До недавнего времени они носили её ведрами: «К Байкалу с ведрами спускаясь, / Мы раздвигали облака...»

Согревает солнце байкальскую землю, пробивается трава, зелёным листочным пушком покрывается лес, распускаются первые цветы. С большой нежностью поэт говорит о наших маленьких, но стойких и смелых первоцветах, похожих на цыплят: «Байкал-медведь во льдах-валежниках / Ещё не чёсан и свинцов, / А по горе бегут подснежники, / Как будто выводки птенцов».

Перед наступлением летней поры поэт обращается к лету с просьбой: «Расцвети, моё лето, раскинься / Прибайкальским зыбучим ковром, / Райским деревом к сердцу придвинься, / Воспылай земляничным костром». И просит наполнить его карманы стихами.

И долгожданное лето приходит. Оно вдруг «взорвётся крапивою, лопухами, как мамонт, ушастыми, лебедью, как дева, красивою и махровыми маками красными». И всё цветёт наперебой. Над Байкалом «отражением чистых небес» цветут незабудки. В лесу, «высвечивая рощи изнутри, горят жарки». Цветут кукушкины башмачки, саранки, ромашки... А потом буйно цветут травы, в которых красуются скромные сложенные природой букеты гвоздики. Лето дарит тёплые грибные дожди и радуги во всё небо... И вся эта быстро проходящая краса наполняет сердце поэта, и оно отзывается стихами...

Даже тех, кто видит Байкал постоянно, порой удивляет его переменчивость. Удивляет она и Владимира Скифа. Тишина... И вдруг налетает «бесноватый ураган», такой мощный, что поэт ещё не видел, «...Чтобы шли ордою волны / И скакали между скал, / Чтобы так верёвки молний / Обвязали весь Байкал. //Чтоб рябина верещала, /Словно птица за окном, / Чтоб земля по швам трещала / И ходила ходуном»... Вот так образно и живо, в нескольких строчках, Владимир Петрович изобразил разгулявшуюся стихию. О силе и коварстве байкальских ветров сказано немало, ведь они приводят людей, находящихся в море, в трепет. Порой штормовая погода длится долго. Но на этот раз ураган промчался быстро: внезапно налетел, побушевал короткое время в полную силушку и мгновенно стих.

Сибирское море вместе с горами, с небом – это для поэта великий Космос. Он и о своём дворе говорит, что тот «открытый, словно космос», и тишина в нём, как будто на Луне. Особенно связь с космосом чувствуется в звёздную ночь:

*Спелых звёзд на гору набросала
Ночь, как будто сказочная печь.
О кремь горы звезда-кресало
Возжигает утреннюю течь:
Раз за разом вспыхивают звёзды,
Ударясь о вершушки гор –
И дымится разряжённый воздух,
И кометы катятся во двор.*

А за Кругобайкальской железной дорогой, что лежит у самого дома-дачи, не спит Байкал, он «забив про сны, / всю ночь процеживает звёзды / ковшом безмерной глубины».

На просьбу поэта, обращённую к лету, наполнить стихами карманы отзывается не только лето, но и осень. Сентябрь даёт ему яркие краски, сладостные звуки, тихий свет: «Ах, бабье короткое лето! / Пронизанный солнцем зенит, / Где в тонких мелодиях света / Душа паутинкой звенит».

Владимиру Петровичу всегда хорошо пишется на даче, а с наступлением холодов ему остаётся с благодарностью «отвесить низкий свой поклон» угаसाю-

щему лету, воспоминания о котором согревают его долгой зимой в Иркутске.

Конечно, приходилось Владимиру Скифу бывать на истоке и в зимнее время и видеть незабываемые пейзажи, поистине фантастические: «Уже зима. Байкал дымится. /Пылают Ангара истоки,/ И солнце красное садится/ В крутой байкальский кипятком...» Зимой в морозные дни остывающий исток восходит к небу таким густым паром, что сквозь него не видно ничего, да и сама байкальская чаша исходит «кипятком», устремляющимся в небо. А когда восходит или заходит Солнце, картина становится космической.

Владимир Петрович преклоняется перед мощью и величием Святого моря и считает его живым, утверждает, что с ним можно разговаривать, но не надо шутить. Самоуверенности перед ним не должно быть, иначе шутки плохи, и таким примерам нет числа. Поэт относится к Байкалу с благодарностью и почтением, говорит, что перед ним, как перед Богом, все равны. И посвящает Байкалу оду:

*Живое зеркало Байкала
В оправе скал.
Скала к скале.
Здесь совершенство отыскало
Себя в байкальском хрустале.
Здесь небо в море уместилось,
Рисунок гор – неотразим!
В распадах ветры угнездились:
Култук, сарма и баргузин.
Здесь быть и жить необходимо –
У этих вод, у этих скал.
От зла да будет оградимо
Твоё вместилище, Байкал!
Порою ты клопочешь гневно,
То пустишь рябь, то гонишь вал.
И мне охота каждодневно
Читать, как «Библию», Байкал.
Оно почти невыразимо,
То чувство древнее во мне,
Когда на крыльях баргузина
Душа несётся по волне.
Но, чу! Глухая ночь упала...
Деревья спят, и люди спят.
Лишь где-то рядом запоздало
Во тьме уключины скрипят.
Я, ощутив Байкала трепет,
В нём звёздную увидел взвесь.
Скажите, звёзды, а на небе
Подобное Байкалу есть?
Он вечный! Вещий! Драгоценный!
Он место в космосе искал...
И если есть душа Вселенной,
То это,
всё-таки,
Байкал!*

Конечно же, Владимир Петрович с болью воспринимает беды, которые несёт Байкалу человек, его нерадивое хозяйствование:

*Мы, словно гончие собаки,
Его зажали здесь и там:
На юге – трубы, яды, шлаки,
На севере – жестокий БАМ.*

*Байкал взывает, негодует,
Пощады просит у земли,
Стеклянным смерчем протестует
И топит наши корабли.
Потом, расслабленный, в печали,
В упор разглядывает нас,
Моей тайги – глазной хрусталик,
Планеты совестливый глаз.*

«Человек – это звучит гордо», – сказал устами своего героя Максим Горький. Сейчас же слово «человек» всё чаще звучит горько. А надо, чтобы звучало гордо. Всегда. А для этого нужно, прежде всего, обуздать свою тягу к наживе, бережно относиться к природе и любить её всем сердцем. Потому что она прекрасна. Потому что мы её дети. Она бережёт нас. А мы должны беречь её. Должны беречь Байкал, ведь он самое большое сокровище, дарованное нам Природой. Эту «душу Вселенной», этот «планеты совестливый глаз» надо сохранить для потомков. Байкал собирает для нас огромные запасы чистой воды с ледников, чтобы мы могли жить и быть здоровыми, он радует нас богатством привольных картин, чтобы не зачерствели и были открыты миру наши сердца...

Сколько людей побывало на истоке за четыре века – не счесть! Сейчас наши места доступны, и здесь бывает весь мир. И писатели, и художники, и кинематографисты, и учёные...

Байкал переменчив, и открывается всем по-разному. Кого-то он встречает тучами, ветром в лицо и волной, глухо бьющей в берег. Кого-то – ясным небом и солнечными звёздами, играющими в кипящей пучине. Кто-то увидит его совершенно тихим, отражающим горы и небо, открывающим взору каждый камешек. Кому-то он дарит ледяные бескрайние просторы, испещрённые бесконечным множеством трещин, от самых маленьких до гигантских. А кому-то повезёт увидеть ледоход на истоке Ангара. И все будут счастливы, ведь Байкал прекрасен в любое время года.

Суровая земля наша – настоящий рай для взора: смотри, восхищайся, рисуй, воспевай! И береги. Другого Байкала не будет.

Николай КОНОВСКОЙ,
Светлана ВЬЮГИНА

ВСЕЛЕННАЯ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Эссе

...крепость такой духовной кладки
В. Распутин «На Афоне»

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

1. НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

Трезво сознавая, что осмысление жизни и творчества Валентина Распутина намного превосходит мои слабые силы, я всё же, в том числе и поддавшись на уговоры, взялся за эту рискованную работу. Почему? – ответ отчасти может содержаться в четверостишии известного поэта-фронтовика:

*И хочется, как чару к чаре,
К его плечу подать плечо –
И от родства, и от печали,
Бог знает, от чего ещё...*

В моём случае, наверное, от духовного родства, от нашего несметного русского богатства, но и от обездоленности тоже. И ничего, что Валентина Григорьевича нет с нами уже восемь земных лет, духовное общение и беседы – глаза в глаза – продолжают, ведь, как известно, «у Бога нет мёртвых, у Бога все живы»...

Моему поколению, благоговееющему перед «живыми» писателями и роняющему пот со лба при встрече с ними, как когда-то Есенин перед Блоком, свойственно было видеть в них едва ли не богов во плоти; сейчас такого нет, может, потому нет и, как многие считают, большой литературы, к тому же всё идёт так, как почти двести лет тому назад предвидел Евгений Боратынский в стихотворении «Последний поэт»:

*Век шествует путём своим железным;
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчётливей, бесстыдней занята.*

У меня было две почти встречи с Валентином Распутиным, расскажу о первой.

В то время я литературу прочно забросил, считая, что есть занятия более важные, но происходящим в литературном мире интересовался. Конечно, ни о какой встрече с Распутиным тогда я не помышлял.

И вот однажды, ближе к зиме (помню снег густой, почти метель), где-то, наверное, в начале девяtyх, вздумалось мне отлучиться со службы, может, за водкой, а это было чревато. И вот я в своём старом бушлате (донашиваю до дыр и лохмотьев старые вещи), огибая стены Даниловского монастыря, направился к ближайшей «точке». Не успел перейти трамвайные линии, как у начала монастырских стен увидел... Распутину. Я так понял, что он спрашивал у случайных прохожих, как ему найти гостиницу Даниловского монастыря. «Вот он, шанс, – подумал я, – сейчас его в гостиницу отведу, а по дороге и побеседую».

Но не тут-то было! Живого классика у меня из-под носа похитили какие-то узнавшие его расторопные богомолки. Конечно, я был огорчён, но утешил себя тем, что Бог знает, кому, когда, что и сколько давать.

Была у меня с ним и вторая встреча в марте 2015 года, но эта встреча была уже совсем печальная.

2. ПЕЧАЛЬНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ

*...И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт...
А. Пушкин*

В Библии рассказывается о том, как Господь явился пророку Илии – не в землетрясении, не в громе и молнии, не в урагане, а в веянии тихого ветра. К чему это я? – к тому, что человек создан по образу и подобию Божию и несёт в себе, если их сам не отторгает, все светлые божественные свойства Творца. Так и тишайший Валентин Распутин, сидящий в самом дальнем уголке на писательских секретариатах, уступающий дорогу в коридорах всем, идущим ему навстречу, заботливо опекающий своих младших литературных собратьев (здесь уместно вспомнить человека непростой судьбы, бывшего детдомовца Эдуарда Анашкина, его пронзительно достоверную книгу «В.Г. Распутин. Документальная повесть о нашей дружбе»), мог явить и противоположное мягкости и тихости качество – бескомпромиссную твёрдость. В 1990 году он подписал «Письмо писателей России», в июле 1991-го «Слово к народу», в 2001-м – «Остановить реформы смерти». А мы ведь хорошо помним эти времена, помним, с какой ужасающей частотой, непонятно как из окон правительственных зданий один за другим «вылетали» ответственные работники ЦК. Думаю, Распутин вполне осознавал свою такую воз-

можную перспективу, но это его не останавливало, и, наверное, всё же хранил Господь избранных своих. Более того, писатель смело заявил с трибуны съезда: «Сегодня мы живём в оккупированной стране, в этом не может быть никакого сомнения. То, чего врагам нашего Отечества не удалось добиться на полях сражений, предательски совершилось под видом демократических реформ... Чужие голоса в средствах массовой информации, чужая любовь и чужая архитектура городов и посёлков – всё почти чужое, и если что позволяется своё, то в скудных нормах оккупационного режима...»

Вдумчивый и серьёзный исследователь феномена уже советской крестьянской России, а значит, и её виднейшего представителя – писателя Валентина Распутина, Николай Дорошенко в своей статье «Распутин: русская душа и русский характер» пишет: «В своём инстинкте возрождения порушенная революцией и двумя мировыми войнами Россия открыла миру свои уже самые последние, свои самые потаённые, тысячу лет невидимые и неслышные человеческие хранилища – крестьянские». Действительно так, но существует и настоятельно требует ответа вопрос по Есенину: «Куда несёт нас рок событий»? Одну, предельно печальную, а может, и безвыходную перспективу рисует нам невинно убиенный талантливый поэт Николай Мельников в переворачивающем душу стихотворении «Поставьте памятник деревне»:

*Поставьте памятник деревне,
Чтоб показать хотя бы раз
То, как покорно, как безгневно
Деревня ждёт свой смертный час.*

*Ломали кости, рвали жилы,
Но ни протестов, ни борьбы,
Одно лишь «Господи помилуй!»
И вера в праведность судьбы.*

Сложно, очень сложно писать о творчестве Валентина Распутина, глаза разбегаются, глядя на всё это литературное великолепие, и трудно остановить свой взгляд на чём-то одном. Но, пожалуй, можно начать с этапов его творческого пути. Первая книга Валентина Распутина «Край возле самого неба» (уже чувствуется, может, ещё не вполне явленная, духовная направленность писательского взгляда, не правда ли?) вышла в Иркутске в 1966 году.

В 1967 году в Красноярске была издана книга «Человек с этого света». В том же году повесть «Деньги для Марии» была опубликована в иркутском альманахе «Ангара», а в следующем году вышла отдельной книгой в московском издательстве «Молодая гвардия». Далее у Распутина пошли вещи, которые можно смело назвать литературной классикой:

«Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матёрой» (1976), «Пожар» (1985), «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003). В этот список я бы безоговорочно внёс и напечатанный в «Роман-журнале 21 век» (№2 за 2005 год) очерк Валентина Распутина «На Афоне»; думаю, что эта монашеская христианская святыня, таившаяся в его груди, и есть явленная миру вершина его творчества...

Валентин Распутин с первых своих вещей зарекомендовал себя не только как безукоризненный стилист, но и как тончайший психолог, от взгляда которого не может укрыться ни малейшее душевное движение его героев. Так, в своём коротком рассказе «Что передать вороне?» он с толстовской достоверностью описывает тонкий и хрупкий внутренний мир своей пятилетней дочки: «Я забежал на исходе дня в детский сад за дочерью. Дочь мне очень обрадовалась. Она опустилась по лестнице и, увидев меня, вся встрепенулась, обмерла, вцепившись ручонкой в поручень, но то была моя дочь: она не рванулась ко мне, не заторопилась, а быстро овладев собой, с нарочитой сдержанностью и неторопливостью подошла и нехотя дала себя обнять. В ней выказывался характер, но я-то видел сквозь этот врождённый, но не затвердевший ещё характер, каких усилий ей стоит сдерживаться и не кинуться мне на шею»... Известный критик Владимир Бондаренко так сказал об этом рассказе: «Я вспоминаю изумительный, гениальный рассказ Валентина Распутина «Что передать вороне?» 1981 года. Об их взаимоотношениях с дочкой. Это рассказ о самых нежных, откровенных и чрезвычайно хрупких человеческих связях между любимыми людьми. О безграничном доверии пятилетней дочурки к отцу, доверии, которое ни за что нельзя нарушать. Иначе нечего будет передать вороне»...

*Всё живое особой метой
Отмечается с ранних пор, –*

писал наш великий национальный лирик Сергей Есенин.

Отмечается, зачастую оставляя после себя на сердце глубокие шрамы и рубцы, добавлю я уже от себя. О чём и о ком это я? Я – об «Уроках французского». Также и о блестящей работе режиссёра Евгения Ташкова, о поразительной, пронзительной игре актёра-детдомовца Михаила Егорова, игравшего одиннадцатилетнего Володю, в котором угадывается сам юный многострадальный Валентин Распутин. Свойство писательского таланта Распутина таково, что ему лучше всего удаются герои, стоящие на противоположных возрастных полюсах: дети и старики, скажем так: юная дочка писателя и старуха Дарья. Мы уже говорили о прямом и непросто характере его пятилетней героини (ох, и на-

бьёт такая себе шишек в жизни!), теперь поговорим о главном герое «Уроков французского». Да, Россия, по слову Н. Дорошенко, открыла свои самые потаённые хранилища – крестьянские, но откуда в мире простонародья оказалось столько зла, столько братоненавидения! Мальчика-то, по-хорошему, надо было всячески опекать и поддерживать, как это делают со своими наши старшие «братья», а его одноклассники чуть ли не сжигают со света. Хорошо, рядом добрая учительница оказалась. Кстати, они встретились, когда Распутин стал уже известным писателем, и их дружба продолжалась до самой кончины его учительницы Лидии Михайловны. Однажды Валентина Распутина в интервью спросили:

– В «Уроках французского» есть фраза, которую нельзя не запомнить: «Откуда мне было знать, что никогда и никому не прощалось, если он в своём деле вырывается вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всего ненавидит его тот, кто идёт за ним следом». Вы и сейчас так считаете?

Распутин ответил:

– Конечно, это зависть. Она всегда была и есть...

Завистников и недоброжелателей у Распутина хватало с избытком, но поделаться с великим писателем они ничего не могли: солнце ладошкой не закроешь.

На вопрос, есть ли у него среди его произведений любимые, писатель ответил, что есть: это «Уроки французского» и «Прощание с Матёрой»...

3. НА АФОНЕ

Великий наш пророк и духовидец Фёдор Михайлович Достоевский как-то сказал, что русский человек без православия – дрянь, а не человек. Православие, конечно, ноша тяжёлая и, по земному рассуждению, неприбыльная: надо отдавать и жертвовать, ничего не требуя взамен. Но и это не всё: надо духовно совершенствоваться, нельзя стоять на месте, необходимо грести против течения, ибо встречный поток далеко отбросит тебя назад. Эту истину как никто другой понимал наш человеколюбивый поэт-философ Николай Заболоцкий:

*Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь.*

Глубокие воды небурливы, течение их спокойно, но глубина их обманчивой глади такова, что и опытному ныряльщику с трудом достать дна.

Такой тихой русской рекой, погружённой в саму себя, а может даже, тайным монахом в миру мне всегда представлялся Валентин Распутин, когда я видел его на экране телевизора.

Верно ведь сказано его многолетним другом Эдуардом Анашкиным, что внешне Распутин был

замкнут и немногословен, а становился самым собой лишь за письменным столом, в уединении.

И, думаю, его влекло зреющее и требующее исполнения подспудное духовное желание, некогда владевшее Пушкиным:

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ

*Высоко над семьёю гор,
Казбек, твой царственный шатёр
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реюший ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.*

*Далёкий, возделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..*

В отличие от «невыездного» Пушкина, выездному Распутину удалось побывать в своём «монастыре на Казбеке» – на святом Афоне. Валентин Распутин пишет, что многие из русских писателей – Гоголь, Тургенев, Лесков, Достоевский – в своём творчестве обращались к этому вселенскому православному святилищу, а Борис Зайцев, приехавший туда из Франции в 1927 году, написал об Афоне блестящий очерк; писатель-эмигрант как бы заново здесь обрёл свою потерянную Родину. Почему я считаю «На Афоне» Распутина выдающимся художественным явлением? – потому что в нём в дивной глубине и простоте из самого сердца, истосковавшегося по настоящей, суровой и спасительной благодати, вырвались в классической сдержанности и строгости слова благодарения Творцу за то, что «сподобил увидеть отблеск рая», как сказал в своём стихотворении преподобный Варсонофий Оптинский.

«Только Бог и исчезновение в Боге – так издавна обозначено здешнее служение; на жизнь смотреть сквозь смерть – такова заповедь аскетизма. Полное самоотречение, неусыпная молитва, особый «замок» в себе, недоступный для искушений...» – так видит писатель смысл и содержание жизни афонских подвижников... «На жизнь смотреть сквозь смерть», сквозь земную, я бы сказал, бренность, – разве не об этом главная потаённая суть его творчества. Вспоминает Распутин среди других подвижающихся и год прожившего среди афонской братии, но так и не постриженного в монахи знаменитого философа Константина Леонтьева.

Валентин Распутин – не оттого ли, что всё это родное, – мягкими красками, словно бы вполголоса передаёт атмосферу храма, где идёт служба:

«Храм в полутьме курится свечами, тускло блещит золото икон, едва слышно пробираются к ста-

сидиям припозднившиеся, шелест общего движения, когда соскальзывают со стасидий и снова занимают свои места. Случаются дремлющие монахи, измождённые недосыпанием. Грех невелик, тяжело монашеское тягло, да ещё в Великий пост».

Писатель видит и слышит всё происходящее в храме, видит, как монахи соскальзывали со стасидий и распластывались на полу. И себя видит он словно со стороны: «Я повторял их движения слепо и неловко, опаздывая, громко стуча коленками. Но это продолжалось недолго, служба как бы отыскала меня, подхватила, помогая узнавать и понимать все её движения, стало легко и радостно, нахлынул восторг, что наконец-то я здесь, куда нельзя было не приехать».

Главная святыня Афона – Иверская икона Божьей Матери, и Валентин Распутин о встрече с ней обязательно расскажет, а пока послушаем его рассказ об «угольном» образе Спаса: «В соборе Покрова Богородицы показали нам совершенно потемневший «угольный» образ Спаса. Он почернел в неделю в июле 1918 года, когда в Екатеринбурге была зверски уничтожена царская семья. Известие об этом злодеянии дошло до Афона позже, а тогда, ничего не понимая и пугаясь, пытались очистить, проявить нерукотворный образ Спасителя на иконе – нет, в безысходной скорби он так и остался навсегда тёмным».

Даже, казалось бы, бесчувственное дерево почернело, а что сердца человеческие, созданные со- 157
страдать? Валентин Распутин делится своими нынешними монастырскими впечатлениями и раздумьями: «В коридоре ни звука. Неужели там, откуда мы приехали, в больших городах огромной несчастной страны, в городах, превратившихся в скопище зла, продолжают сейчас визжать и кричать перед экранами, изощряться в пошлости и бесстыдстве, лезть грязными руками и словами в душу, зазывать в бесконечные игры и викторины с призами... Нет-нет, ничего больше нет и не будет. Так хорошо!» ... Так неспешно, хотя и было у них всего три дня, наши герои, – а кроме Валентина Распутина в группе ещё были искусствовед и реставратор Савва Ямщиков и оператор Анатолий Пантелеев, – предстали перед чудотворной иконой Иверской Божьей Матери, написанной, по преданию, евангелистом Лукой. Далее дадим слово Распутину, он необыкновенно красноречив:

«В храме тишина, сумрак, кроме нас никого. Монах, сопроводивший нас и показавший ранку на образе, след от удара копьем, вышел, чтобы не мешать нам отдаваться чувствам. Это даже и не чувства, а до жути сладкое и восторженное проникновение (попытка проникновения) в глубь тайны тех времён, когда мир чудесно освятился новыми знаменами и с радостью шёл во имя их на лю-

бые страдания. И как не полчаса ли не находили мы сил, чтобы оторваться от образа, одно ликозрение которого, одно прикосновение к нему можно считать за чудо. О, Мать Божия, игуменья Афонская, не остави нас, ступивших в Твой Предел, своею милостью».

Всем известна история обретения чудотворного образа; страх преступного, ударившего копьем икону воина Варвара, кровь, выступившая на иконе после удара, множество спасительных чудес, коим нет числа. Следует сказать, что при царе Алексее Михайловиче был сделан и доставлен на Русь «список» Иверской, помещённый в Новоспасский монастырь и тоже прославленный многими чудесами. Божья Мать во времена испытаний и турецких нашествий на святой Афон говорила падающим духом: «Пока моя икона будет находиться в Иверском монастыре, ничего не бойтесь... А когда изыду из Иверского монастыря, тогда каждый да берёт свою торбу и грядет куда знает».

Валентин Распутин приводит пример того, как Божья Мать устрасила турок, требовавших у оставшейся братии драгоценности с её иконы.

«Берите сами, – отвечали монахи, – берите сами, если не боитесь. Вон сколько на нашей Матушке-Игуменье богатства: и золота, и серебра, и драгоценных камней! Если вам угодно – снимайте». Но турки топтались в дверях церкви и не смели: «Мы не можем к ней подступить: вон как она на нас сердито смотрит!»

...Свой необыкновенной духовной глубины очерк, написанный в марте 2004 года (а это всегда время Великого поста) Валентин Распутин завершает словами: «...А на Афоне покой и мир; если даже занялась там тревога, она не видна. Подхватываясь из храма в храм, неземными голосами звучат песнопения, коим внимают небо; грубых слов и неправды нет и в помине, усердие не имеет иного назначения, кроме благого; святой дух расстилается по лесам и травам...» Таков он – наш «деревенский» писатель Валентин Распутин, писатель космически-вселенский, чьё творчество фимиамом восходит к подножию престола Божия.

4. МНОГИМИ СКОРБЯМИ... ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Святитель Игнатий Брянчанинов так объясняет причину скорбей и болезней, находящихся на человека: «Господь посылает верующим в Него многие испытания, чтобы сими испытаниями они более утверждались в вере и в том, как близок Господь ко всем призывающим его». «Легко тебе говорить, наслаждаясь здоровьем, – скажут мне критики, – а ты вот сам возьми и пострадай». «Не таким уж и здоровым, – отвечу я им, – а потом я говорю не от себя, а от апостольских «Деяний»: многими скорбями над-

лежит нам войти в Царство Божие (14, 22)». К тому же в нашем церковном народе существует твёрдая убежденность, что не наложит Господь на человека креста, превосходящего его силы. Какое отношение имеет вышесказанное к Валентину Распутину? – самое прямое, ибо последние годы его жизни были сущим мученичеством. Эдуард Анашкин в своей уже упоминавшейся книге о дружбе с Распутиным, подступая к описанию недалёких бедствий, грядущих на его великого друга, приводит такие слова Виктора Астафьева, сказанные ещё в 2001 году: «Ему как-то трудно всегда давалась и даётся жизнь, а вот старость накатывает с такими бедами». Беды, драмы, трагедии, житейская и человеческая неустроенность – неужели нет другого жизненного пути для русского писателя? Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, даже достигший возраста патриарха Лев Толстой – кто из них счастлив был вполне в земной жизни? Не ради же красного словца знающий цену слова Пушкин в состоянии, близком к отчаянию, написал:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана!
или другое:
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная.*

Железную руку судьбы или провидения в полной мере испытал и Валентин Распутин. Так, второй сын Распутиных – Роман в детстве умер от пневмонии, надо ли описывать всю глубину горя молодых родителей! Сам Валентин Григорьевич, только начавший выходить на большую литературную орбиту, был так зверски избит на улице какими-то подонками (пробита голова), что долго и болезненно потом восстанавливался. И, конечно, вершиной или глубиной отцовского горя была смерть в авиационной катастрофе в аэропорту Иркутска его любимой дочери Марии, которую поехали встречать жена и старший сын... В морге Марию её мать Светлана Ивановна опознала лишь по цепочке, когда-то подаренной отцом, и оплавленному крестику. Среди множества телеграмм и писем соболезнования было и письмо от Алексея Второго, Патриарха Московского и Всея Руси: «Дорогие Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна! С чувством глубокой скорби узнал о трагической гибели вашей дочери Марии Валентиновны! Примите искренние соболезнования. Православная Москва знала Марию как усердную прихожанку, певчую народного хора Сретенского монастыря и сотрудницу его издательства. Москва музыкальная помнит её как талантливого органиста, вдохновенного исследователя, внимательного педагога. Кроткий и светлый облик Марии останется в памяти всех, кому посчастливилось с ней об-

щаться. Благодарю Бога, что перед своим отъездом, в праздник иконы Владимирской Божьей Матери Мария исповедовалась и причащалась Святых Христовых Таин, а накануне пела на Божественной Литургии. Всё это вселяет в нас твёрдую надежду на милость Божью. Господь, Своим неизреченным Промыслом призвавший Марию в вечные обители, да успокоит её в селениях праведных. Вам – силы пережить горе, постигшее Вашу семью. С уважением, – Алексей, Патриарх Московский и Всея Руси»... 19 августа в органном зале Иркутской филармонии состоялся концерт, посвящённый памяти Марии, так как на этот день пришлись её сороковины. Об этом событии иркутский поэт Владимир Скиф, знавший многие годы Марию лично, написал полное любви и горечи пронзительное стихотворение, которое даю в сокращении (Н.К.):

*Сырой Иркутск. Костёл старинный.
Сороковины. Дождь идёт.
Органный зал. Он ждёт Марию.
Он каждый год Марию ждёт...
А в небо рано, слишком рано
Звезда Мариина взошла.
Болят, скорбит душа органа
О той, что рядом с ним была...
И вот полёт – к органу или
К иным – Господним берегам...
Чтоб мы Марию не забыли,
Звучит как Реквием орган...*

А старость всё накатывала и накатывала своими разрушительными набегами на слабеющего, но не сдающегося воина Христова. Уже и работать Валентин Григорьевич мог только дозированно: один час на всё про всё – или час чтения или час письма. Чудовищно болела голова, слабела память. Подолгу не выходил из больницы. Но в писательской и общественной жизни Распутин продолжал по мере сил участвовать, и авторитет его в патриотической среде был неоспорим. Вот уж, действительно, где величие Божье проявляется и в дуновении слабого ветерка... Потом, как гром с небес, пришло сообщение по всем телевизионным каналам, что 14 марта (не дожидаясь одного дня до дня рождения) любимого писателя, заступника и утешителя, не стало. В большой печали и с тяжёлым сердцем пошёл я на нашу вторую встречу, она же была и прощанием. Не скажу, что народу в храме Христа Спасителя были толпы, но точно могу сказать, что случайных и чужих там не было. У входа стояла группа писателей, о чём-то вели разговор; среди них узнал Владимира Крупина и Юрия Ложица. Купил свечу, поставил на канун, стал вглядываться в явственно проступившие сибирские черты дорогого страдальца. И вдруг ощутил какой-то жестокий комок в горле, который

никак не мог проглотить... Я вышел из храма... Вскоре, рассматривая в интернете фотографии Валентина Распутина, нашёл его фото с маленькой тогда ещё внучкой Антониной, что явилось неожиданным и для себя самого толчком к написанию «Сонета Валентину Распутину», впервые напечатанного на сайте «Русская Народная Линия».

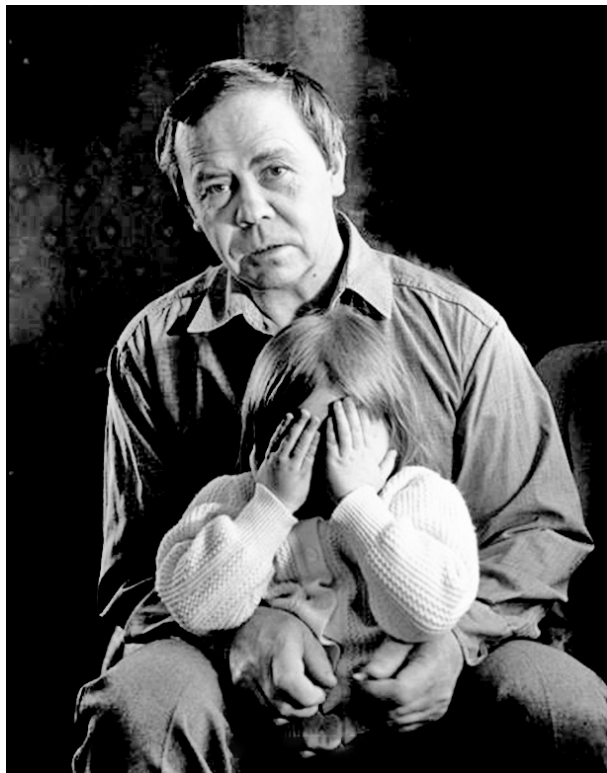
СОНЕТ ВАЛЕНТИНУ РАСПУТИНУ

*Корабль российский вновь разбит
В щепу – изменой и безвоьем.
Всё кончено... И он глядит
В грядущее с застывшей болью.*

*А может, неотступно зрит
За обнажившейся юдолью
Невысказанность, что хранит
В себе сибирское раздолье...*

*И кто он – русский человек –
И мир его, под страшный век
Попавший, – как под горный камень, –
Каких-то двадцать лет спустя
Увидит малое дитя,
Лицо закрывшее руками.*

2015, март

«Дитя, лицо закрывшее руками» – речь идёт об известной фотографии, на которой Валентин Рас-

путин на коленях держит внучку, закрывшую руками лицо...

Местом упокоения писателя стал Знаменский монастырь в Иркутске. Проводить в последний путь Распутина пришли пятнадцать тысяч его земляков. Отпевание покойного совершил сам Кирилл, Патриарх Московский и Всея Руси.

СВЕТЛАНА ВЬЮГИНА

Собственно, моё знакомство, как и встречи с Валентином Распутиным объединяла одна площадка – правление Союза писателей России. Некоторые советы этого незаурядного человека и изумительного писателя во многом определили мою судьбу.

Несколько благодарных историй о В.Г. Распутине.

ЛЁГКАЯ РУКА

С Валентином Распутиным я познакомилась на третий день работы в Союзе. Я зашла в приемную к Плужниковой Людмиле Трофимовне, многолетнему секретарю Сергея Михалкова и Юрия Бондарева, надо было оставить на подпись какие-то бумаги. Там за круглым столом, обитым зелёным сукном, толпились писатели. Рассматривали новые журналы, пили чай. Меня, новенькую сотрудницу, пригласили к столу, и я не отказалась. Ведь Плужникова с первого дня взяла шефство надо мной, узнав про мои непростые семейные обстоятельства и болезнь сынишки. Я ей призналась, что пришла временно, пока ищу работу по специальности, в газете либо журнале, и что писателей лично никого не знаю, разве что по книжкам, только на трибунах их и видела. И даже немного их побаиваюсь. Вот она, познакомив меня с Валентином Григорьевичем, с улыбкой рассказала про эти мои страхи. Распутин рассмеялся:

– Разве я страшный? Я не злой и рука у меня лёгкая.

– А вы, правда, писатель? – пошутила я.

Все присутствовавшие на чаепитии рассмеялись, и я поняла, что шутка понравилась.

– Писатель, только не раскрученный. А вы кто?

– А я журналист, выпускница МГУ, только без работы. Сын болел, надо было спасать его, а перерыв в 10 месяцев притормозил мое поступательное карьерное движение. Но у меня тоже рука лёгкая. Вот если я про вас, – улыбнулась я Распутину, – напишу, то сразу станете известным.

Деликатно переглянувшись, писатели улыбнулись моей самонадеянности. Гораздо позже я поняла, что молодости и искренности многое прощается...

– Я тоже журналист. Мы коллеги. Так что вы попали куда надо. Виват! Со временем из журнали-

стов некоторые в писатели приходят. Вот как я, например. А вы сразу, молодая, – и в Союзе писателей работаете... Это – судьба. Доверьтесь ей, не бойтесь.

Я не знала, что ответить и жутко покраснела.

– Один-один, ничья! Это писательские дискуссии. Привыкай, не смущайся, – подвела итог Плужникова и отправила меня мыть чашки.

Вернувшись с чистой посудой к столу, я увидела огромный пакет с конфетами для сына. Мои «сочаёвники», будущие лауреаты Государственных премий – писатели Шуртаков Семён Иванович, Потанин Виктор Фёдорович, Валентин Григорьевич Распутин подвели шуточный итог:

– Девушка вы некапризная, скромная, образованная. Не понравится с нами работать, поможем в газету устроиться...

Спустя несколько месяцев после той знаковой встречи, услышав в новостях по ТВ, что за роман «Прощание с Матёрой» Валентин Распутин удостоен Государственной премии СССР, я обрадовалась, как будто с моей лёгкой руки лауреатство Распутину «досталось».

Вся страна в те дни искала и читала книги Валентина Распутина. Талант победил! И без моей лёгкой руки обошлось...

«ЛИШЬ БЫ НЕ ЗАБРОНЗОВЕЛ...»

– Лишь бы не «забронзовел», такой талантливый, но скромный, с достоинством... – задумчиво прокомментировала Людмила Трофимовна известие о лауреатстве Валентина Распутина. Тот, бывая в правлении, всегда уважительно заглядывал к Людмиле Трофимовне, рассказывал новости и дарил книги. Плужникова гордилась этой дружбой. Да и мне было лестно, когда на заседаниях секретариата, пленумах и просто в правленческих коридорах Валентин Распутин, увидев меня, здороваясь, всегда очень серьёзно спрашивал:

– Ну, что, Лёгкая рука, присматриваешься к писателям или, быть может, сама пробуешь писать?!

Как в воду глядел... Я начала работать в приёмной комиссии и, продолжая сотрудничать с журналами, потихоньку взялась и за детские рассказы. Держала какое-то время это в тайне, ведь быстро поняла, как непросто издать книгу, вступить в СП. Иногда Распутин заходил в приёмную на чай. Но не ко мне, а к Семёну Шуртакову и Виктору Потанину, когда те приезжали-приходили на заседания приёмной комиссии. Они дружили! Попадала иногда под эти лучи дружбы и я. Но больше в этих беседах помалкивала. К тому же в приёмной все знали, что я начала печататься в «Мурзилке», но, по моей просьбе, этот факт со «взрослыми» писателями временно не обсуждался. В один из таких визитов Валентин Григорьевич пришёл с двумя внушительными ко-

робками. В одной – виртуозно упакованные эклеры, в другой – «Птичье молоко», очень модный на тот момент торт.

– Это – моя благодарность «Лёгкой руке». Узнал, что консультант приёмной комиссии вступающих иркутских литераторов чаем и пирожными щедро угощала...

При этих словах Валентин Григорьевич сдержанно, одной головой изобразил шуточный полупоклон в мою сторону.

– Как? Что?! – наши ахи и охи под аккомпанемент бокалов... К тому же выяснилось, что некоторое время назад был принят в Союз писателей родственник Распутина – поэт Скиф Владимир Петрович.

Распутин и Скиф женаты на родных сёстрах, Светлане Ивановне и Евгении Ивановне! Вот уж, воистину, мир тесен... Ну, хоть бы полсловечка сказали, намекнули. Ни один, ни второй....

И хотя бытует мнение, что скромность в творческой среде не в моде, но я свидетельствую, что по крайней мере двух абсолютно скромных литераторов я в своей жизни встретила.

ДРУЖБА НЕ ЗНАЕТ СЧЕТА

«Дружба не знает счёта, как и любовь» – эта сентенция хорошо известна философам и мудрецам. А вот в жизни бывает по-разному. Хотя мне жаловаться грешно. Моя школьная подруга Любовь Антоновна Хованская, архитектор и просто талантливый человек во всём и всегда, протянула мне руку помощи, когда в борьбе за жизнь сына мы победили и пришла пора возвращаться в социум. Дело в том, что его величество Случай помог: фронтовик, прозаик, литературный консультант правления СП Дугинец Андрей Максимович гостил в семье моей подруги и, узнав о моей истории, решил вмешаться, помочь мне, дочери фронтовика. Притом что, порекомендовал он меня заочно: увидел первый раз уже в правлении. Задумывалась работа для меня, как временная. А вышло так, что почти всю жизнь я проработала в приёмной комиссии. Но это другая история. А в нашей речь пойдёт о дружбе Эдуарда Анашкина и Валентина Распутина. Длина их дружбы – тоже вся жизнь.

Они первый раз встретились на известном Читинском семинаре молодых писателей. Валентин Распутин был официальным участником, Анашкин – гостем. Но так же, как и все, Эдуард Константинович сидел на семинарах, знакомился, участвовал в обсуждениях, потом переписывался долгие годы с некоторыми семинаристами. Публикации серьёзные только намечались. На этом семинаре Распутин пообещал Эдуарду Анашкину подарить свою первую книгу. Переезд Анашкина из Читы в Самару, в глубинку, жизненные обстоятельства развели се-

минаристов на долгие годы... И вот Случай. Эдуард Анашкин вступает в Союз писателей, начинает бывать в правлении. Меня и его «сдруживают» поездки к иконе Божией Матери «Всецарица» в Старо-Алексеевский монастырь, совместные кофейные церемонии. К тому же мой покойный муж был в ту пору редактором журнала «Россия молодая» и частенько печатал одарённого Анашкина. Так вот, узнав, что я время от времени по приёмным делам общаюсь с уже ставшим очень известным, а потому и малодоступным Распутиным, Эдуард Константинович попросил телефон своего давнишнего товарища. По моему мобильному телефону они сразу и договорились встретиться у метро «Кропоткинская». Анашкин, правда, по-дружески мне признался, что боится, вдруг изменились оба (он и Распутин) и не узнают друг друга. Я пообещала проводить его на встречу. Самое трогательное, что Валентин Распутин с такой же просьбой обратился ко мне. Просто я не стала Анашкину об этом рассказывать. У меня по сей день стоит эта картина перед глазами – прислонившийся к какой-то афише задумчивый Валентин Распутин... Я подтолкнула Анашкина к Валентину Григорьевичу и увидела, что два семинариста мгновенно узнали друг друга. Обнялись. Начали что-то записывать, меняясь адресами. А я стала спускаться в метро и последнее, что увидела, как они озираются, ищут меня, а потом идут к храму.

ЗАЩИТА НА СЕКРЕТАРИАТЕ

Теперь уже за чайным столиком в 14-й комнате (тогдашнее расположение приёмной комиссии) Валентин Распутин частенько вёл беседы с Эдуардом Анашкиным. Он опекал своего товарища поначалу, написал Эдуарду Константиновичу предисловие к книге «Запрягу судьбу я в санки». Стал приглашать на Иркутский праздник Русской духовности и культуры «Сияние России». Не только опекал, но и гордился тем, что в гору пошёл литературоведческий талант его друга из семинарской юности. Всем рассказывал о библиотеке, которую Эдуард Анашкин создал на общественных началах в селе Майское для односельчан. Дарил в неё лучшие свои книги. Распутин ввёл Эдуарда Константиновича в свой круг единомышленников – познакомил-подружил с Владимиром Крупным, Станиславом Куняевым, Николаем Ивановым, Семёном Шуртаковым, Валерием и Мариной Ганичевыми, Игорем Яниным, Геннадием Ивановым, Николаем Дорошенко, Сергеем Котьяло...

Распутин с Анашкиным почти каждый день перебивались, навёрстывая упущенное для общения время. Когда Валентина Григорьевича бестактно хвалили за помощь земляку-сибиряку, тот спокойно и с достоинством отвечал:

– Один мой знакомый детский писатель любит декламировать: «Дружба не знает счёта...»

Мне было лестно, что меня цитировал большой писатель, но я ни в каком страшном сне не могла себе представить, что и мне уготовано испытание, став свидетелем которого, Распутин не промолчит, заступится. А дело было так...

На одном из секретариатов мне поручили вести протокол, так как заведующая протокольным отделом отпросилась к врачу. Секретариат был расширенным, много известных писателей на нём присутствовало, в том числе и из других городов. Планировали, в частности, и некоторые спорные приёмные дела рассмотреть. Но вдруг сразу после открытия слово взяла тогдашний пресс-секретарь Л., человек сколь одарённый, столь и, скажу мягко, напористый. Про таких говорят: «по головам идёт» к цели. Она и политикой активно занималась (и успешно занимается!) Л. торжественно изрекла, что создается то ли комитет, то ли отдел патриотической направленности и нужен толковый технический исполнитель – на месяц, в крайнем случае, на два под её руководство. Я эти сентенции добросовестно записывала до тех пор, пока не прозвучала моя фамилия. Л. предложила Валерию Ганичеву командировать меня на месяц под её руководство! Это тем более удивительно, что с женской частью коллектива Л. в основном не здоровалась, а если и общалась, то использовала исключительно крепкие выражения!

158

– А что, приёмная комиссия закрывается? – собрав всё мужество, спросила я.

Не буду повторять ушат воплей, вылитых на мою уже не девичью голову в ответ на вполне резонный вопрос. Но это только укрепило меня в решении отстаивать своё право на выбор.

– Давайте рассудим! Союзу это надо? – осторожно изрёк дипломат Ганичев.

Валерий Рогов, секретарь правления, замечательный прозаик и член приёмной комиссии, встал и голосом опытного журналиста-международника заметил:

– А почему в таком тоне предлагается передавать сотрудника в другое учреждение, даже не поговорив с ним предварительно?! У нас что, крепостное право?

Свою долю ярости от разъярённой дамы Л. получил и Рогов. Стало тихо, мне показалось, что всем было неловко. О своих эмоциях умолчу. Не о них сейчас речь. И вот тут встал Валентин Распутин. А он уже был не тем молодым журналистом-писателем, с которым я познакомилась на заре своей «карьеры». Он и в Общественном Совете при президенте поработал и, обладая несомненным авторитетом у писателей, стал инициатором внеочередного съезда, на котором и был избран председателем Ганичев, а

сам он – сопредседателем. Валентин Григорьевич и меня, когда-то начинающую писательницу, со временем вступившую в Союз, на совещаниях стал величать по имени-отчеству, да собственно, я и видела в те годы Распутина очень редко, так как его уровень стал недостижимым для многих, а уж тем более для меня.

– А почему такой сыр-бор на ровном месте? Приёмная комиссия работает слаженно. А что за новый подкомитет, так это сначала надо разобраться, прежде чем дрова ломать, а тем более кадровыми сотрудниками раскидываться, – спокойно, медленно выговаривая каждое слово, Валентин Распутин потушил так и не начавшуюся дискуссию.

Возмущённая (и, наверное, расстроенная) Л. выскочила из кабинета, вытирая злые слёзы. Я не могла выскочить и успокоиться за дверью, так как писала протокол, но помню комок в горле до сих пор... В этой суете я даже не сообразила, как подойти к Распутину и выразить свою благодарность за защиту, ведь после секретариата он был окружён друзьями, коллегами, секретарями. А потом вспомнила, как он цитировал: «дружба не знает счёта...», и успокоилась. Ну, думаю, будет ещё время.

... Если о чём я сегодня и жалею, так это о том добром, благодарном, невысказанном – друзьям и современникам, по воле Спасителя оказавшимся со мною рядом в трудные минуты.

МАМИН ОБРАЗОК

Мама умерла вслед за папой, но перед смертью была некоторое время прикована к постели. Почти перед самой смертью она разделила библиотеку, которую собирала всю жизнь, между нами, своими детьми, а мне вручила образок Иверской иконы Божией Матери с напутствием никогда с ним не расставаться. Долгие месяцы я этот образок с помо-

щью друзей и мастеров реставрировала. Чинился серебряный оклад, заменялся бархат, всё это тянулось довольно долго, а потом, вспомнив наказ покойной мамы, я стала носить образок с собой в сумочке. Иногда в трудные минуты доставала образок, прикладывалась к нему и просила о помощи, потом, бережно поместив его в бархатный крохотный футляр и зажав в руку, брала на ответственные мероприятия. Это была моя тайна-тайна. В один из дней мы в правленческом коридоре пересеклись с Валентином Распутиным. Он выглядел огорчённым: после нападения нелюдей и серьёзной травмы у него случались сильные головные боли. Я не знала, как помочь, и довольно глупо пошутила:

– Надо с кастетом по тёмным улицам ходить.

– Да уж... – вздохнул Распутин, – вот еду сегодня на консультацию к светилу. Как всё пройдёт?! – и из вежливости добавил: – Лёгкая рука, а у тебя не кастет ли сейчас зажат в ладошке?

Я раскрыла ладонь и показала мамин образок. И в порыве сострадания предложила Валентину Григорьевичу взять его с собой на консультацию, для поддержки. Распутин вынул образок иконы Иверской Божией Матери из мягкого бархатного футляра, благоговейно приложился к нему и попросил разрешения подержать его в руках до отъезда. Я разрешила и заверила, что всё теперь точно устроится. Через минут пятнадцать, уезжая к «светилу», Распутин подтвердил, что голова стала болеть меньше, и наказал мне мамино сокровище из рук не выпускать и обязательно об Иверской иконе Божией Матери, о мамином образке, написать, а также обо всех чудесных случаях, с ним связанных. Я пообещала да так и не написала...

Пользуясь случаем «памятных рассказов» о Валентине Григорьевиче, я начала это делать сегодня...

**Татьяна
МАРКИНОВА**

БЛИНЫ

Рассказ

На улице стоял погожий зимний день. Я старалась не отставать от ребят, которые, как только выбежали на школьный двор, взялись кидаться снежками. Поглядывая на чирикающих воробьев, а временами на свои фиолетовые с вышивкой валенки, я думала о том, что мне очень повезло с новой школой и одноклассниками.

– Потише вы, – вдруг остановился Саша. После он подошёл ко мне поближе и, указав рукой в сторону низенькой избёнки, что пряталась под высоким тополем возле деревенского магазина, сказал: – Вон там живёт старуха, которая крадёт детей, а потом их ест или в погребе держит.

– Она на Бабу-Ягу похожа, – продолжила Вера, смахивая с ресниц неожиданно посыпавший с неба мелкий колючий снег. – Я всего один раз её видела. Летом. Мы с сестрой тогда за ягодой пошли. Идём, а бабка в своём палисаднике копается. Если бы вы только видели, как она на нас зыркнула. Мы с сестрой от страха аж забыли, куда и зачем шли.

Солнце тем временем скрылось за серыми тучами. Раскачивая макушки деревьев, подул резкий холодный ветер.

– Все зовут её Спиридонихой, – полушёпотом сообщила Света, кутаясь в шарф. По её перепуганному виду было понятно, что она, как и другие ребята, тоже эту бабку боится до чёртиков.

Прислушиваясь к словам одноклассников, я почувствовала, как внутри меня что-то ёкнуло. Это, наверное, сердце брякнулось в пятки. Мне совсем не хотелось оказаться в лапах злобной старухи.

Представьте только: ходит Спиридониха зимой и летом в большущих калошах, грязном платке и дырявой фуфайке. Ни детей, ни внуков у неё нет, – заговорила Марина, которая была самой старшей в нашем классе. – Живёт одна.

Слова всегда серьёзной Марины сделали своё дело. Я испугалась не на шутку. Вот уже несколько дней я хожу этой дорогой в школу. Ни разу мне ещё не доводилось ни встречаться с той, о ком сейчас говорили, ни слышать о ней.

«Пусть и дальше Спиридониха мне не попадается...» – не успела я додумать мысль, как заметила старуху, которая в этот самый миг вышла на середину дороги.

Из-за высоких сугробов обогнуть её было невозможно. Ребята, размахивая портфелями и пу-

МАРКИНОВА Татьяна Николаевна родилась 23 декабря 1978 г. в г. Белово. Окончила филфак КемГУ и литературные курсы ЧГИК под руководством Н.А. Ягодинцевой. Член Совета молодых литераторов Кузбасса, Лауреат Всероссийских конкурсов. Имеет награды Кемеровской области. Автор книг «Сказки для и про особенных детей», «Нужно верить», «Волшебный мир» и т.д. Публиковалась в сборниках: «Однажды в Новый год..» (Киров), «Секретики» (Кемерово), «Лунный свет» (Санкт-Петербург); «Лишь Слово жизнь дана...» (Оренбург), «ЛИТКОН» (Королёв), журналах: «День и ночь» (Красноярск), «Южный маяк» (Краснодар), «Вверх тормашками» (Киров), альманахах: «Звёзды и Уголь» (Санкт-Петербург), «Кольчугинская осень» (Ленинск-Кузнецкий). Живёт в Белове.

гая бабушку своим визгом, проскочили мимо. Я же, оцепенев от ужаса, не могла сдвинуться с места.

Старушечка, напомнившая мне в этот момент чёрную хищную птицу, тоже замерла на белоснежной дороге. В скрюченных руках она держала небольшую тарелочку, на которой горкой лежали блины.

— Возьмите, дети, по блинчику. Помяните моего старика, — вдруг тихим скорбным голосом заговорила Спиридониха, обращаясь к моим одноклассникам, которые стояли чуть поодаль и испуганно наблюдали за происходящим.

Мне было страшно и гадко находиться рядом с неприятной старухой. Захотелось крикнуть ей что-нибудь обидное, чтобы она ушла с дороги, а лучше совсем исчезла. Пока я подыскивала ругательство, кто-то выкрикнул из толпы:

— Бабка-жабка.

Старуха вздрогнула и зябко повела плечами. Я вздрогнула вместе с ней, заметив её растерянность и даже робость. Только что мне хотелось вот так же обозвать её, а сейчас наоборот, мне отчего-то стало неловко за себя и одноклассников.

Отвернувшись от ребят, которые продолжали над ней насмехаться, Спиридониха посмотрела на меня и предложила взять угощение.

«Подманивает, — громко сглотнув слюну, подумала я. — Блины, небось, у неё отравленные».

Та же продолжала топтаться на месте, протягивая мне тарелку. Стараясь унять дрожь в коленках, я шагнула ей навстречу. Бабка на пару секунд будто застыла.

Я взяла блинок в руки. Поднесла ко рту. Блин был ещё тёплым, от него ароматно пахло топлёным маслом. Откусила кусочек. Блин оказался чуть сладковатым. «Таких румяных и вкусных блинов никогда в жизни не пробовала. Объединение», — снова подумала я и принялась лакомиться мягким, с хрустящими краешками блином. Пока жевала, рассматривала старуху, которая стояла совсем рядом.

Несколько минут назад, когда я впервые увидела бабушку на дороге, мне показалось, что она высокая и крепкая. Сейчас же я разглядела в ней ссутулившуюся, чуть горбатую старушонку с усталым морщинистым лицом.

Чуть осмелев, я заглянула в глаза Спиридонихи. Встретилась с ней взглядом и удивилась, заметив в серо-голубых глазах глубокую печаль и доброту.

В тот же миг дрожь в коленках утихла. Сердце моё защемило от нахлынувшей жалости.

Другие ребята, увидев, что со мной ничего ужасного не произошло, тоже подошли и взяли по блину. Бабка приветливо заулыбалась.

Опустошив тарелку, мы отправились по домам. Я неторопливо брела по дороге, временами оглядываясь на сухонькую фигурку старушки, которая глядела нам вслед. Видимо, она тоже не могла поверить в то, что ребята приняли её угощение и даже сказали спасибо.

Я шагала по дороге с ощущением, что эта встреча какая-то особенная. Столько печали в глазах человека я до этого ещё ни разу в жизни не видела.

Придя домой, первым делом спросила маму:

— Почему Спиридониху зовут Спиридонихой?

— Потому что мужа её звали Спиридон. Настоящее имя старушки Антонида, — ответила она.

— Откуда ты это знаешь? — ахнула я.

— Знаю. Всё своё детство и юность я провела здесь — у бабушки и дедушки, — улыбнулась мама. После минутного молчания, глубоко вздохнув, добавила: — Местные говорят, во время войны, ещё девчонкой, она партизанила. Вроде в плену была. Пытали её немцы — калёным железом на спине метки ставили...

Не дослушав маму, я скрылась в своей комнате. Горькое чувство вины и стыда за свой страх и поведение одноклассников захлестнуло меня настолько, что я не смогла удержать выступившие на глазах слёзы.

Вечером, лёжа в постели, я вспоминала грустные глаза Антониды и думала о том, что для неё сделать. Уснула только после того, как пообещала себе в воскресенье сбежать к одинокой старушке и помочь по хозяйству. С собой решила позвать одноклассников.

На следующий день, услышав моё предложение помочь старушке, Марина не без волнения в голосе сказала:

— А чего ждать выходных? Утром, когда я шла в школу, видела, что после вчерашнего ветра у неё дорожки совсем замело. Давайте их сегодня расчистим.

Ребята эту идею поддержали.

После уроков мы уже смело направились к домику Антонида. Оказалось, что хозяйки не было дома. Видимо, она ушла в магазин или на почту.

Ждать её возвращения мы не стали. Нашли в сарае пару лопат и по очереди быстренько расчистили все дорожки, даже натаскали в сени дровишек.

– Вот бабуля удивится, когда придёт домой, – радостно засмеялся Саша.

– Завтра после школы снова зайдём. Может,

хозяйку застанем, – сказала Марина. – А сейчас пора расходиться. Темнеет уже.

Одноклассники, весёлые и довольные, заспешили по домам.

Я тоже бодро зашагала в сторону своего дома. Глядя на окна, в которых то тут, то там начал зажигаться свет, я прислушивалась к мягкому хрусту снега под ногами и думала об Антониде, о папе и маме, о ребятах. Настроение было как будто праздничное.

Анатолий САЗЫКИН

НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ

Куда ведёт отчуждение от русской литературы?

Среди реформ, обрушившихся на страну во время контрреволюции начала 90-х годов прошлого века, была одна, официально никак не объявленная и не обсуждавшаяся, а просто реализованная. Это – изъятие литературы из общественной жизни путём отказа от государственного финансирования деятельности Союза писателей и передачи книгоиздания в частные руки «всемогущего рынка».

Вследствие перевода книгоиздания на «рыночные рельсы» цены на книги взлетели во много раз, да и сам отбор литературы для издания стал определяться не художественными достоинствами и общественно значимым содержанием книги, а возможностью продать побольше и с прибылью. В итоге «самая читающая в мире страна» таковой быть перестала.

Поскольку приобщение человека к чтению происходит в детские и ранние юношеские годы, в школе, то литература как учебный предмет была выведена из числа предметов для обязательного изучения и введена в число предметов по выбору. Количество часов на её изучение, особенно в старших классах, было урезано вдвое, чтение литературных произведений стало необязательным. Даже в вузовских программах гуманитарных факультетов часы на изучение литературы сокращены до последней возможности. В ход пошла идея, что специалисту нужны не знания, а «компетенции».

У школы испокон веков была одна двуединая задача – дать ученику образование и воспитание. Воспитание в соответствии с тем социально-экономическим строем и нравственным укладом, который в настоящее историческое время в стране существует. Советская школа с этой задачей после интенсивных, хотя и не очень длительных поисков, справилась блестяще. Об этом свидетельствует и великая Победа, одержанная с невероятным напряжением всех сил народных в Великой Отечественной войне, и довоенная индустриализация страны в

исторически кратчайшие сроки, и послевоенное восстановление опять-таки за короткое время, и успехи советской науки и техники в обороне страны и в мирных достижениях рабочих будней... Все советские люди были подготовлены к труду и обороне нашей школой, а в её арсенале – самой влиятельной на область ума и сердца литературой – и русской классикой, и советской.

Вся мировая литературная классика антибуржуазна. Мольеровский «Скупой», Бальзаковский «Гобсек» – образы-символы власти денег над человеком. Что делают деньги и жадность над человеческой душой, как извращают её, гениально исследовали и Бальзак в романах «Евгения Гранде» и «Отец Горио», и Гоголь в «Мёртвых душах» в образах Плюшкина и Чичикова, и Диккенс в романе «Домби и сын», и Томас Манн в эпопее «Будденброки», и Бертольт Брехт в драме «Мамаша Кураж и её дети», и особенно американские авторы в заповедной стране «жёлтого дьявола»: Теодор Драйзер в «Трилогии желания» («Финансист», «Титан», «Стоик»), Уильям Фолкнер в трилогии о Сноунсах («Деревушка», «Город», «Особняк»), и в Англии Джон Голсуорси в «Саге о Форсайтах».

Нет в мировой литературе произведения, прославляющего власть денег... В русской, которую Томас Манн определял как «святая русская литература», и быть никогда не могло!

Русская литература, начиная от «Домостроя», сложившегося при Иване Грозном, от «Слова о Законе и Благодати» и от «Слова о полку Игореве» никогда не проповедовала жадность, стяжательство, личное обогащение как главную цель бытия. В стране, принявшей христианство, Православную веру, жизнь по заповедям Евангелия, т.е. по заповедям Христовым, иной литературы и сложиться не могло. Начиная от Пушкина, Лермонтова и Гоголя, через творчество Тургенева, Гончарова, Некрасова, Достоевского, Толстого и Чехова она углублялась в проблемы бытия – нравственные, национальные, духовные, и в этом смысле, как и в своём художественном величии, стала признанным лидером мировой литературы.

Именно поэтому она и была поднята на щит Советской властью как важнейшее средство идейного, духовного, нравственного и художественного воспитания людей. Да, она оказалась под строгим контролем государства, но и при небывалой поддержке. Да, цензура была жёсткой, и репрессии были, но это не помешало появиться мощному пласту советской прозы и советской поэзии, ставшими первоосновой всей советской культуры.

Нельзя сказать, что государству и нынешней высшей власти чужда эта проблема. Ещё в 2015 году, объявленном у нас Годом литературы, прези-

дент Владимир Путин, в частности, сказал: «Даже если снижение интереса к чтению, к книгам является общемировой тенденцией, мы не вправе с этим смириться».

Толстой и Достоевский – большее наше богатство, нежели нефть и газ, поскольку те лежат у нас под ногами без нашего труда, а писательский гений вынашивается в недрах народного сознания.

В рамках этого года были выдвинуты следующие задачи:

- привлечь особое внимание общества к отечественной литературе;
- сделать русскую литературу, русский язык мощным фактором влияния России в мире;
- внутри страны формировать среду, в которой образованность, эрудиция, знание литературной классики и современной литературы станут правилом хорошего тона;
- возродить престиж педагогов-словесников.

Повторяю, это было намечено в 2015 году. Сейчас идёт 2024-й...

Может быть, мы, провинциалы, не заметили этих благих перемен? Да нет, не то нынче время, чтобы такие дела не замечать.

Беда в том, что не утратила свою актуальность старая русская поговорка: «Жалует царь, да не жалует псать».

В постперестроечные годы окрепла либеральная оппозиция, переходящая в «пятую колонну», в появление большого числа «иноагентов», и не только в рядах «творческой интеллигенции», но и среди близких к верхам чиновников, да и просто в обывательской среде. Особенно очевидно это стало, как только началась Специальная военная операция и сразу выявилось «кто есть кто». И даже неожиданно много оказалось тех, кто кинулись спасать свои шкуры и свои счета в зарубежных банках на волне поднявшейся русофобии.

Но опять же, по народной поговорке, «нет худа без добра»: совершенно очевидно стало, что без внятной воспитательной работы в школах и в обществе не обойтись. Но какой, в какой форме?

Вот из интервью «Комсомольской правде» нынешнего министра просвещения С.С. Кравцова: «В школах мы усиливаем воспитательную составляющую. Все школы начнут неделю с церемонии поднятия государственного флага России».

Корреспондент задаёт ему дополнительный вопрос: «Теперь классные руководители должны будут вести «Разговоры о важном». В чём их задача?»

Министр отвечает: «Это тот случай, когда мы вводим новый внеурочный цикл по просьбе самих педагогов. Он связан с тем, что школьники адресуют учителям множество вопросов не по их предме-

там, а вообще про жизнь, простые человеческие ценности, про происходящее в мире. Мы решили упростить работу педагогов, дать им методические материалы, которые помогут доступно и интересно отвечать на вопросы детей, рассказывать про историю страны и родного края, традиции и богатое культурное наследие... Будет углубление тем в рамках таких предметов, как «Русский язык», «Окружающий мир», «История», «Обществоведение», «География», другие дисциплины...».

И опять ни слова о «литературе» как учебном предмете, о литературе как искусстве слова – о том, что...

*Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести...
о том, наконец, что:
«В начале было Слово, и Слово было у Бога,
и Слово было Бог!».*

Учителям, видите ли, методички будут спущены, о чём им с детьми поговорить...

До какой же степени внутренней бюрократической развращённости нужно дойти, чтобы быть уверенным, что учитель без этих руководящих подпорок не найдёт, о чём с детьми говорить? Само собой разумеется, что за методичками последует и проверка, как они исполняются. Предъявлено же требование вузовским профессорам представлять на проверку содержание их лекций... Потребовать это мог только тот, кто сам никаких лекций не читал или бубнил их по заготовленной бумажке.

Этот же министр как-то заявлял, что воспитательную работу в школах нужно строить на базе современных телевизионных фильмов, которые предназначены, как стало ясно, для достижения коммерческих целей, а вовсе не воспитательных...

Никто не спорит, что подъём государственного флага и исполнение гимна играют воспитательную роль. Но воспитание любви к родной земле, к Родине, воспитание патриотизма – дело тонкое, длительное, требующее работы напряжённой и ненавязчивой.

И именно литература может и должна занимать в воспитании человека определяющее место.

С самых первых школьных лет помню неизгладимое впечатление, произведённое стихотворением Аполлона Майкова «Емшан» о запахе сухого пучка травы из родных степей... Помню впечатление от сказок Пушкина и вообще от русских сказок, от «Конька Горбунка» Петра Ершова. Помню о том, как мы, мальчишки, в 4-м классе в 1943 году (тогда ещё было раздельное обучение) под аккомпанемент баяна нашего нового учителя, демобилизованного по ранению моряка, пели: «Вставай, страна огромная,

вставай на смертный бой...». Как мы реагировали на такие фильмы, как «Чапаев» (1934), «Мы из Кронштадта» (1936), «Она защищает Родину» (1943), «Повесть о настоящем человеке» (1948) и другие.

Потом один из нас, ставший писателем, Владимир Мазаев напишет совершенно поразительную по психологической точности и жестокой правде повесть «Пережить эту зиму», в которой два мальчишки-пятиклассника спасают свои семьи от заморзания лютой сибирской зимой 1942-го года...

И вообще литература станет самым верным и дорогим спутником людей моего поколения на всю оставшуюся жизнь.

Как можно говорить о воспитании подлинного, глубинного патриотизма (а не «бюджетного», как выразился недавно Юрий Поляков), минуя литературу? На каком другом материале могут складываться сознательные и подсознательные ассоциации, связанные с любовью к родной земле?

Любовь может идти только из глубины души, вот как у Лермонтова:

*...люблю – за что, не знаю сам –
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям...*

*.....
...Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи кочующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз...*

А через сто лет, в разгаре войны жестокой, у Константина Симонова:

*...Крестами измеренный чаще, чем вёрстами,
Шёл тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась.*

*Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих...*

*И приходит осознание, что:
Ты знаешь, наверное, все-таки Родина
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.*

И спустя ещё чуть более восьмидесяти лет отзовется у Николая Рубцова:

*Взбегу на холм
и упаду
в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!..*

*...Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...*

Какие министерские методички, прости, Господи?..

И вот последняя новость. Осенью 2023 года российские образовательные ведомства решили радикально пересмотреть требования для единого государственного экзамена по литературе. В демонстрационной версии экзамена они убрали из списка произведений, обязательных для подготовки к экзамену, классиков XVIII – первой половины XIX веков: Фонвизина, Державина, Жуковского, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя.

Как говорил кто-то из европейских известных людей: «Это хуже, чем преступление, это – ошибка». Это недопустимое кощунство!

Если говорить о становлении человеческой личности, о подготовке того, что раньше называлось «Аттестатом зрелости», то как можно и здесь обойтись без литературы? Сама личность гения русской и мировой литературы Александра Пушкина («умнейшего человека России», по мнению царя Николая I), его творчество, потрясающее своим разнообразием, гармонией изображённого мира и непревзойдённым гуманизмом, – это же послание Бога России во искупление её исторической судьбы, её страданий и неурядиц...

Контраст ему – постижение человеческого одиночества в творчестве мистического гения Михаила Лермонтова, конечно же, трудно 14–15-летним школьникам, но обучение и должно идти впереди развития, оно и должно заложить основу будущего понимания жизни и чувствования художественного Слова.

Творчество Гоголя даёт возможность приблизиться к пониманию основ русского национального характера и языка, если в центр внимания поставить величие языка и изумительную точность видения человеческих типов. Они и сегодня в основе своей те же.

Гончаров и Тургенев продолжают в своём творчестве постижение характеров в русских исторических и культурных обстоятельствах, а «Записки охотника» – ещё один кладёз выражения русского менталитета, включая и замечательное детское сознание («Бежин луг»). Россия – исконно крестьянская, христианская страна во многом и по сей день. Никто лучше Некрасова не передал на языке поэзии

характер, внутреннюю культуру и глубину противоречий, силу языка русского крестьянства. Воспетая им сила женского характера просто не имеет аналога в мировой литературе.

Наконец, ещё два гения русской литературы – Толстой и Достоевский – так углубили и обогатили мировую художественную и философскую мысль, что интерес к их творчеству, скорее всего, никогда не иссякнет. Конечно, вся их глубина школьникам и не может раскрыться, но одно прикосновение к их романам – это сама по себе ничем не заменимая школа.

При нормальном преподавании основные проблемы и темы эпопеи «Война и мир» вполне постижимы. Это «зло и добро» в самых многообразных проявлениях – в военном, межгосударственном, бытийном, семейственном, нравственном, личностном и т.д. И такие образы, как Пьер и Элен, князь Василий, семья Курагиных и семья Ростовых, князь Андрей и старый князь Болконский, Анатолий Курагин и Николай Ростов, Петя, княжна Марья, особенно Наташа как символ женственности, полной противоречий, Борис Друбецкой, Платон Каратаев и Тихон Щербатый, духовные искания Пьера, охота и война и т.д. и т.д. – всё в этой парадигме «войны» и «мира» невероятно интересно и действенно, и никакого ученика в состоянии безразличия оставить не может.

Конфликт романа «Анна Каренина» – это, конечно, не прозрачная тема для 17-летних девочек. Но это жгучая проблема их ближайшего будущего. Почему Толстой, начиная работу над романом, писал в письме к Н.Н.Страхову: «Пишу роман о женщине жалкой, но не виноватой». Почему цветущая красавица – «жалкая женщина»? Зачем в романе Долли, Кити, Варенька, Бетси Тверская и прочие? Почему, по Толстому, неизбежна её гибель, хотя она «не виноватая»? Скажите мне кто-нибудь, что это всё не интересно людям, вступающим в жизнь...

Творчество Достоевского вызывает в мире даже больший интерес, чем творчество Толстого, хотя красота, гармония и мощь стиля Толстого выше. Скорее всего, это потому, что Достоевский ближе к Богу, чем отступник Толстой, и поэтому подход Достоевского к человеку гораздо острее, конфликтнее и требовательнее. Своего рода «библией понимания» и изображения человека стал, конечно, роман «Братья Карамазовы». Если допустимо название романа перевести с русского на русский, то Карамазовы – это чёрным или чёртом мазаные. Общий отец Фёдор Павлович – гнусный сладострастник. Иван – рассудок человеческий, Митя – противоречивейшее единство телесного и духовного в человеке, Алёша – страждущее духовное начало, а незаконнорожденный брат Смердяков (!) – человеческое подсознание.

То есть все составные элементы человеческого существа и существования. Как говорил сам Фёдор Михайлович: «Широкий человек! Я бы сузил».

Всё творчество Достоевского устремлено к познанию человека, и изучение его – это первые шаги, и помочь их сделать – обязанность и священное право учителя, а не «образовательная услуга».

Все перипетии романа – невероятно жизненны, правдивы, остры и полны глубокого внутреннего смысла. Самое, на мой взгляд, актуальное сегодня и на века вперёд – это, например, «Легенда о великом инквизиторе» – о мире, погрязшем в потребительстве.

Запад в этой пучине уже веками барахтается, они привыкли. А мы-то, русские?! С нашей мучительно беспокойной и трудной историей!

Все эти очевидные вещи я пытаюсь сказать только потому, чтобы напомнить о той великой миссии, которая отведена литературе в системе школьного образования, во всей системе культуры общества. Нельзя же русским (и вообще российским) юношам и девушкам не дать представления о такой трагической и животворной странице русской истории, как революция и Гражданская война, только изложением фактов на уроках истории. Живая жизнь с её трагизмом, героикой и любовью предстаёт в «Тихом Доне» Шолохова, в «Как закалялась сталь» Николая Островского, в рассказах Бабеля, в других произведениях, отразивших жизнь.

А какая пропасть вдруг возникает в сознании молодёжи, когда она о Великой Отечественной войне узнаёт из более чем скупых строк учебника истории. Да ещё либералы ухитрились протолкнуть учебники, изданные на деньги Сороса...

Как можно не прочесть «Василия Тёркина» Твардовского, романы Симонова «Живые и мёртвые» и «Солдатами не рождаются», ранние повести и романы Бондарева, «Пастух и пастушка» Астафьева, «Живи и помни» Распутина?!

Это как же надо захотеть обокрасть память, совесть и сознание целого поколения: закрыв от них литературу, подсовывать идеологию потребительства, выгоды, прибыли, комфорта и «удобства»?.. Эту подковёрную, официально не провозглашаемую, но чрезвычайно эффективную пропаганду наслаждения, удачи и везения вместо труда и работы, то, чем так упорно занимается телевидение, необходимо скорректировать, потому что цель всего этого – переформатирование общественного сознания.

Представляется совершенно необходимым радикальное снижение цен на книжную продукцию, возрождение книгоснабжения, пропаганда литературы, установление единой системы книгоиздания по всей стране, а не только в Москве, пересмотр

журнальной политики. Совершенно необходимо, пока ещё совсем не поздно, вернуть в руки государства книгоиздание и книготорговлю, сделав её книгоснабжением.

Литература, книги должны перестать быть «товаром», а стать средством воспитания – нравственного, художественного, идейного – не надо делать пугало из этого слова, потому что без идеологии мир не живёт. Другое дело, какова она. Русофобия, всяческие извращения типа ЛГБТ, однополых браков, наркотическая вседозволенность и прочие западные «свободы» – это тоже идеология.

А что касается запрета единой государственной идеологии, то без объединяющей деятельности большинства людей цели общество жить не может по той же причине, по которой природа не терпит пустоты. Не случайно же у нас до сих пор ломаются копья по поводу ведущей идеи развития страны. А идея (лучше – идеология) просто переродилась под видом жизненной потребности. Никто её не провозглашал, т.к. она в этом и не нуждается, она просто правит бал. Это идеология потребительства, её двигатель – реклама. Что реклама – двигатель торговли, – известно. Но во что реклама у нас превращена? Круглосуточно, на повышенной громкости, с использованием самых «продвинутых» (т.е. совершенных) телевизионных технологий, с участием известных медийных лиц – с неотменимостью, как дождь, снег, ветер, солнышко... Это ещё куда бы ни шло. Но она ведь бесцеремонно и нагло прерывает любое сообщение, любую передачу: научную, общественно-политическую, развлекательную, художественную, будь они как угодно умными, важными, нужными, волнующими... Нет! Ничего важнее рекламы не существует. Покупайте! Хватайте! Успейте! Несите деньги! Что в жизни может быть важнее денег и потребительства?

Вы только вдумайтесь в психологию восприятия этой идеологии, подаваемой с таким напором. Человек сложившийся, с жизненным опытом и образованием, ещё может разобраться и отодвинуться. А как вся эта вакханалия влияет на молодую неокрепшую душу? Да и просто на обывательское сознание, как говорят философы, «людей наличного бытия»? Это же «гвозди», забиваемые в подсозна-

ние, как выразился кузбасский поэт Иосиф Куралов, «многоканальной теледубиной»...

После долгих дискуссий, наконец-то, по просьбе Союза писателей России, группа специалистов разработала список художественной литературы, рекомендуемой для восстановления отечественного школьного образования. Список очень обстоятельный, квалифицированный, педагогически и художественно обоснованный, отвечающий задачам полноценного образования и духовно-нравственного воспитания. Естественно, он открыт для дополнений и уточнений, но он вполне достоин быть принятым за основу.

И непременно (без этого дело не пойдёт) необходимо улучшение педагогического образования в стране, восстановление хотя бы до прежнего уровня системы педагогических институтов (долгой «оптимизацией»!); необходимо сделать учителя наставником, а не «услужившим», вообще перестать «экономить» на образовании и воспитании. Это тоже армия и война, да ещё какая!..

Особо следует сказать о статусе учителя-словесника. Неначитанный учитель литературы – это ведь не просто нонсенс, это... жалкое зрелище... Владение языком, свободное, незашоренное и аргументированное мышление, способность убеждать и переубеждать – это вообще необходимые свойства учителя, а словесника – в особенности. Он не «строгач», он – «душевник». Без постоянного чтения, без работы над собой это немыслимо. И нужно это учитывать и поддерживать, в том числе и материально, и организационно.

Сознание русского, российского человека – коллективистское, соборное, порождённое нашей историей, климатом, просторами, нашей верой, – не надо переформатировать в индивидуалистическое, буржуазное. Всё равно не получится.

Но недооценивать такой фактор воспитания (самый мощный из всех аспектов понятия «культура»!), как художественная литература, а то и вовсе от него отказываться – нельзя! Наша историческая память – в ней, наши морально-нравственные устои – тоже в ней.

В ней же и наша национальная гордость!

22 февраля подведены итоги Международного орфоэпического конкурса «Ударные стихи». Поэт И. Тюнина заняла 1-е место в категории «Россияне». Литературный конкурс проводился Ассоциацией гуманистов планеты и Русским домом в Хельсинки.

Книги прозаиков Т. Ильдимировой «За горизонтом» и Н. Шицкой «Цветок с голубой серединкой» внесены специалистами Российской государственной детской библиотеки в сотрудничестве с Экспертным советом по детской литературе при Российской библиотечной ассоциации (РБА) в обновленный рекомендательно-библиографический список, в который включено 1360 произведений, представляющих собой ядро фонда детской библиотеки. Список подготовлен для совершенствования процесса комплектования книжных фондов общедоступных библиотек лучшими изданиями для детей и подростков.

14 апреля в Кемеровском драмтеатре с успехом прошла премьера спектакля для детей «Пим-найденыш» по одноименной сказке В. Лавриной, члена Союза писателей России. Режиссер Д. Чубарова.

27 апреля в школа № 100 г. Кемерово прошло вручение сертификатов участников сетевого творческого проекта «Живое слово». Это цикл лекций-встреч школьников с писателями, реализованный Союзом писателей Кузбасса и Губернаторским культурным центром «Юные дарования Кузбасса». Авторы проекта – Т. Г. Голавская, учитель русского языка и литературы, Почётный работник общего образования РФ, и К. Стафиевский – поэт, методист Центра «Юные дарования Кузбасса». За время проекта прошли занятия с поэтами И. Надировой (Ленинск-Кузнецкий), К. Стафиевским (Кемерово), О. Шмакович (Ленинск-Кузнецкий), М. Фёдоровой (Кемерово), А. Назаровым (Кемерово). И. Надирова стала участницей литературной гостиной, прошедшей в школе № 100. Встречу со школьниками в рамках проекта провел и Андрей Назаров.

27 апреля в Кузбасском центре искусств на Советском, 40, прошёл вечер памяти поэта Александра Ибрагимова.

12 мая поэты Д. Филиппенко и В. Попов приняли участие в первом вебинаре Совета молодых литераторов Союза писателей России.

14 мая в г. Мариуполе на VI фестивале «Звёзды над Донбассом» автор журнала «Огни Кузбасса» О. Ерёмину представила выпуск № 5 за 2023 год с публикацией поэтов-участников фестиваля.

16–18 мая в Ленинске-Кузнецком, Ленинск-Кузнецком районе и Полысаево прошёл XI Всероссийский литературный фестиваль им. А. Бельмасова. В этом году фестиваль собрал гостей и участников из 29 регионов страны. В числе гостей фестиваля: Н. Дорошенко и В. Куприянов (Москва), И. Виноградов (Мурманск), Е. Черников (Каменск-Уральский), Е. Скабардина (Новосибирск), Е. Клименко (Томск), О. Дидух (Лесосибирск), Е. Оводнева и Е. Басалаева (Красноярск), А. Белоусова (Омск), Г. Золотаина (Ленинск-Кузнецкий), С. Донбай, Ю. Сычева, А. Королев (Кемерово).

В первый день прошло открытие фестиваля в музыкальной школе №12, восемнадцать творческих встреч, круглый стол на тему «Писатель и читатель в маленьком городе», книжный клуб «Читая Алексея Бельмасова» и вечер молодёжной поэзии.

Второй день – день семинаров: поэзии под руководством В. Куприянова и И. Виноградова; прозы под руководством Н. Дорошенко и А. Королева; драматургии под руководством Ю. Татаренко и Я. Ореховой. Гости фестиваля, не занятые на семинарах, выступили на творческих встречах в пгт. Никитинском и г. Полысаево. В Центральном дворце культуры показали Литературно-театральную композицию по стихам А. Бельмасова «Я живу на окраине солнца» в постановке Я. Ореховой.

Третий день в Центральном дворце культуры был отдан поэтическим и прозаическим турнирам. Победили: в поэзии – Е. Спиридонова (Санкт-Петербург), второе место – А. Звездкина (Нижний Новгород), третье – Е. Крутихина (Новосибирск); в прозе – А. Звездкина (Нижний Новгород), второе место – А. Наумова (Тюменская область), третье – Е. Гончарова (Новокузнецк). В Битве семинаров победу одержал семинар поэзии.

Лауреатами фестиваля стали: в номинации «Поэзия» Е. Спиридонова (Санкт-Петербург), в номинации «Проза» А. Хорунжий (Кемерово); в номинации «Драматургия» О. Рокова (Березовский).

Сертификаты на участие получили: во Всероссийском совещании молодых литераторов в г. Химки – А. Зорина (Новосибирск) и А. Хорунжий (Кемерово); во Всероссийском фестивале молодых поэтов «Мцыри» (Москва) – Н. Абляй-

кин (Кемерово) и С. Князева (Барнаул); в Международном литературном молодёжном фестивале «КоРифеи» (Уфа) – А. Вихарек (Кемерово) и Я. Слюсарь (Новосибирск); во Всероссийском форуме молодых писателей (г. Челябинск) – Ю. Стешенко (Бачатский) и А. Наумова (Тюменская область); во Всероссийском литературном фестивале им. М. Анищенко (г. Самара) – А. Вишневская (Ленинск-Кузнецкий) и А. Темникова (Новосибирск); в фестивале «Капитан Грэй» в Мурманске – Е. Гончарова (Новокузнецк) и А. Ледащев (Томск); в литературном фестивале им. А. Ахматовой (Санкт-Петербург) – Е. Крутихина (Новосибирск); в литературном фестивале «Берега дружбы» (Ростов-на-Дону) – А. Звездкина (Нижний Новгород). Гости и победители фестиваля получили книгу А. Бельмасова «Я живу на окраине солнца».

В городской библиотеке им. Н.К. Крупской проект «Поэту по портрету» представил 59 портретов гостей и участников фестивалей им. А. Бельмасова.

16–19 мая в Санкт-Петербурге на Дворцовой площади проходил Петербургский книжный салон, в который был приглашён кемеровский поэт Д. Мурзин. Он принял участие в презентации антологии военной поэзии «Воскресшие на третьей мировой» и круглом столе, посвященном толстым литературным журналам, где рассказал об опыте журнала «Огни Кузбасса».

17 мая в Кемеровском драмтеатре прошла премьера спектакля «Позывной «Кузбасс», или Боги переднего края». Авторы пьесы – члены Союза писателей России В. Дорофеев (ветеран СВО) и А. Поселенов. Режиссер – засл. артист РФ Ю. Темирбаев.

20 мая в библиотеке имени В. Фёдорова прошёл творческий вечер С. Донбая. Поэт представил свою новую книгу «Предчувствия».

21 мая в библиотеке им. В.М. Мазаева прошли Вторые Мазаевские чтения, в которых приняли участие родственники писателя: М. Войцеховская (дочь), И. Мазаев, М. Гачко. О семейной теме в прозе В. Мазаева и писателей его круга рассказали кандидат филологических наук И. Ащеулова, учитель-краевед С. Старовойтова, М. Шеховцов (пгт Ижморский). В семинаре современного рассказа на семейную тему приняли участие И. Куралов, С. Подгорнов, А. Поселенов, С. Чернопатов, Т. Катрич, Е. Тюшина, А. Колтаков и Т. Потеряева. Мнения о прозе семинара высказали члены

Союза писателей России И. Фролова, С. Подгорнов, литературные критики Т. Горохова, Т. Арышева, Г. Карпова. На выставке были представлены книги двадцати кузбасских прозаиков, изданные за последнее десятилетие.

23 мая в рамках Международного фестиваля русского языка и литературы «Матрица речи» поэты И. Фролова и Б. Бурмистров приняли участие в театрализованном концерте «Духовное наследие русского языка», посвященном Дню славянской письменности и культуры.

22–24 мая прошёл Форум писателей Югры в Ханты-Мансийске. Среди руководителей семинара поэзии – поэт из Ленинска-Кузнецкого Д. Филиппенко.

30 мая в Кузбасском центре искусств на Советском, 40, состоялось представление журнала «Огни Кузбасса» № 1 с вручением премий журнала за 2023 год. На встрече выступили В. Тюмерова, Д. Филиппенко. Вечер вели поэты С. Донбай и Д. Мурзин.

В короткий список премии «Гипертекст» вошли поэты из Кузбасса Д. Мурзин, Д. Филиппенко (поэзия) и А. Назаров (Слово молодым).

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Значение слова» вышли выпуски с Яной Ореховой (Кемерово) и Александрой Коржовой (Калтан).

5 июня в большом зале Центрального дома литераторов прошла церемония вручения литературной премии «Гипертекст». В номинации «Поэзия» главную премию получил поэт Д. Мурзин.

6 июня в кемеровском храме преподобного Сергия Радонежского состоялся урок «А. С. Пушкин: путь к Православию», посвященный 225-летию со дня рождения поэта. Встречу с учениками школы № 50, кадетами Губернаторского кадетского корпуса МЧС и ветеранами провели протоиерей Е. Сидорин, диакон Д. Скворцов, поэт Е. Краснова, руководитель клуба «Соотечественники» Ю. Малышев и библиотекарь детской библиотеки имени А.М. Береснева В. Тюмерова.

6 июня. в Пушкинский день России, в Театре для детей и молодёжи прошёл большой литературный праздник «Душа России».

8 июня в Москве на фестивале «Красная площадь» прошёл круглый стол «Союза 24 февраля», посвящённый состоянию отечественной литературы. В работе круглого стола принял участие поэт Д. Мурзин.

9 июня в Белове в Центральной городской библиотеке прошёл литературный концерт СМЛ Кузбасса.

9 июля в Кузбасском центре искусств на Советском, 40, прошло представление журнала «Огни Кузбасса» № 2. Поэт С. Донбай вручил писательский билет автору журнала А. Савченко. О своих публикациях рассказали авторы номера Д. Филиппенко, Н. Башев, В. Юдельсон, С. Черемнов, А. Савченко. Встречу вели С. Донбай и Д. Мурзин.

13 июня в Кемеровском доме-интернате для престарелых и инвалидов (пос. Южный) состоялась литературная встреча с сотрудниками и обитателями. Во встрече приняли участие писатели Т. Катрич и В. Устьяшина.

19 июня в библиотеке им. Н.К. Крупской г. Ленинска-Кузнецкого прошло представление журнала «Огни Кузбасса», посвящённое 75-летию юбилею издания. Выступили авторы журнала Г. Золотаина, В. Гуляев, С. Уланова, И. Сидельникова, Д. Филиппенко. Вечер вел Д. Филиппенко.

19 июня в Кузбасском центре искусств прошла презентация книги Оксаны Роковой «Слушая сердцебиение дома».

19 июня в библиотеке с. Красное прошла творческая встреча с поэтом Д. Филиппенко.

20 июня в Кузбасском центре искусств на Советском, 40, состоялось представление книги поэта М. Уколова «По душе стеклорезом».

22 июня, в День Памяти и скорби, библиотека им. В.Д. Фёдорова совместно с Кемеровской библиотечной системой и Союзом писателей Кузбасса провели II Эстафету Памяти по мемориальным местам г. Кемерово и окрестностей. Участники Эстафеты Памяти побывали у монумента воинам-односельчанам, павшим в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в посёлке Новостройка Кемеровского муниципального округа, у мемориала Воину-Освободителю, у мемориальной доски памяти писателя, участника Великой Отечественной войны

А. Н. Волошина. Посетили Аллею Героев, где посажено дерево Героем Советского Союза, поэтом М. Ф. Борисовым. Завершилась Эстафета Памяти в сквере Юности, у скульптуры «Школьный вальс». Сквер был заложен учениками кемеровских школ № 4 и № 18, ушедшими в 1941 году защищать Родину. В Эстафете памяти приняли участие поэты И. Тюнина, В. Киселёв, Е. Тюшина и В. Дорофеев.

24–29 июня в Иркутске и Ангарске прошли Большие литературно-поэтические чтения «Шаман-камень». Кузбасс представляли поэты Д. и Н. Мурзины, выступившие в доме-музее В. Распутина, гуманитарном центре-библиотеке им. семьи Полевых, городской библиотеке Ангарска и Иркутском драматическом театре.

25 июня в Кемеровской библиотеке имени Н. В. Гоголя прошло представление третьей книги прозы А. Поселенова «Последнее лето». Ю. Скворцов, зам. председателя Парламента Кузбасса, вручил автору памятный знак «За вклад в развитие культуры», а поэт И. Куралов – Почетный диплом Международной наградной коллегии ордена «Звезда Достоевского».

27–28 июня на Международной ярмарке «Книжный ветер», в г. Якутске экспертом профессиональной программы была прозаик М. Сычева (Кемерово), автор этнического фэнтези на основе якутской мифологии «Солнце в силках». Молодая писательница провела встречу с читателями, мастер-класс «От идеи до книги», приняла участие в работе дискуссионной площадки «Как заинтересовать самого взыскательного читателя?»

В июне на концерте «Играй, гармонь!» в Кремле и на Первом канале прозвучала песня кемеровских авторов – композитора М. Шампорова и поэта Н. Мурзиной «Тыловая» в исполнении Е. Мироновой.

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Значение слова» вышли выпуски с С. Адодиним (Кемерово) и Е. Красновой (Кемерово).

В короткий список претендентов на премию им. А.И. Левитова (Липецк) вошел поэт Д. Филиппенко.

Свои стихи и рассказы в проекте Специальной библиотеки КуЗбасса для незрячих по соз-

данию аудиосборника молодежной литературы Кузбасса озвучили **А. Коржова, О. Рокова, А. Назаров, Д. Филиппенко, М. Сычева, А. Хорунжий, Н. Шицкая, А. Ахметшин.**

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Литеаратура. Разговор за кружкой чая» вышел выпуск с **Н. Гержидович.**

3–8 июля **Я. Орехова, А. Назаров, А. Пронкевич, А. Лизунова, Ю. Рей, Ю. Малеванова** приняли участие в Межрегиональной мастерской АСПИР для писателей Сибирского федерального округа.

4 июля, накануне 406-летия Новокузнецка, в Литературно-мемориальном музее **Ф. М. Достоевского** прошло представление первого номера журнала «Огни Кузбасса» и открытие выставки «Собратья по перу» (**К. Г. Паустовский** и писатели-современники). В творческой встрече приняли участие члены Союза писателей России **Е. Трухан, О. Комарова, А. Савченко** и исполнительница песен **О. Горина.**

6 июля ко Дню семьи, любви и верности в Кузбасском центре искусств на Дзержинского, 6 прошёл поэтический перформанс «Семья – это мы» – встреча с семьёй писателей **В. Лавриной и А. Правды.**

12 июля поэты **Д. Филиппенко, О. Рокова** и драматург **Я. Орехова** приняли участие в шоу «Утро на троих» на радио «Кузбасс FM».

13 июля Совет молодых литераторов Кузбасса собрался на выездном совещании на базе отдыха «Рассвет».

15 июля поэт **И. Фролова** и культутрегер **Э. Вистерман** приняли участие в мероприятии «День памяти жертв политических репрессий» в Мариинске.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Альманах «Притяжение», №1/24 (Москва) опубликовал рассказ **А. Савченко** «Талисман из красного шкафа».

Альманах «Новгородский детинец» (Великий Новгород) за 2024 год напечатал подборку поэта **Д. Филиппенко.**

В сборнике «II Международная премия имени Александра Серафимовича (сезон 2023 года). Лучшие прозаические произведения» (Волгоград) опубликован рассказ **А. Савченко** «Нет, он первый!»

Газета «День литературы» (Москва) от 9 июня напечатала подборку стихов поэта **Е. Трухан** «И души святая простота».

Сайт «Российский писатель» опубликовал подборки стихов **А. Бельмасова, Д. Филиппенко** и рассказ **А. Хорунжего** «Согласитесь, это удобно».

Газета «День литературы» (Москва) от 14 июня опубликовала подборку стихов **А. Раевского** «К дальней той синеве».

«Литературная газета» (Москва) от 21 мая опубликовала репортаж **Ю. Татаренко** с литературного фестиваля им. А. Бельмасова.

«Литературная газета» (Москва) №26 от 3.07.2024 опубликовала рассказы **А. Шебаляной** (Междуреченск), **К. Дорышевой** (Кемерово) и подборку стихов **Д. Мурзина.**

Книжный проект «Мы наши» (ИД «Полынья», С-Петербург) в сборнике «Донбасс. Дорога домой» опубликовал рассказ **А. Савченко** «ЧП на дороге».

Журнал «ЛитОбоз» (Москва) №7 напечатал подборку стихов поэта **Д. Мурзина.**

Журнал «Абакан» №2 опубликовал подборки **Б. Бурмистрова, О. Роковой и Д. Филиппенко.**

Альманах «Ледокол «Ангара» (Иркутск) напечатал подборку стихотворений поэтов **Д. и Н. Мурзиных.**

ИЗДАНЫ КНИГИ

Алексей Поселенов. Последнее лето. Роман, рассказы. Москва.: ООО «Сам Полиграфист», 2024. – 300 с.

Сборник стихов и прозы участников любительского творческого объединения «Литературный салон» Гурьевского округа. – Кемерово, 2024. – 96 с.

Ирина Фролова. Годовые кольца. Стихотворения разных лет. – Кемерово: ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2024. – 128 с.

Оксана Рокова. Слушая сердцебиение дома. – Кемерово: ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2024. – 48 стр.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но, если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: <https://ognikuzbassakci.ru>.

Журнал «Огни Кузбасса»

И.О. главного редактора **Д. В. Мурзин**

№ 4. Дата выхода в свет: 30.09.2024

Индекс 12234

Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 166. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «Принта»: 650055, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Пролетарская, д. 9.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректор **Е. Л. Ясинская**

Верстка: **Ю. В. Гапонова**

Вечер поэта В. Дорофеева
в Кузбасском центре искусств

Главный редактор
«Литературной газеты» М. Замшев
и член Общественной палаты
Российской Федерации, поэт
А. Ревякина вручают поэту Д. Мурзину
премию им. А. Чаковского «Гипертекст»

Большие литературно-поэтические чтения «Шаман-Камень». Иркутск

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40